

CONNELLY

МАРК Л

КОННЕЛЛИ

Черное зло
даже не
воспринимает
— и убивает сразу!

ЧЕРНОЕ
ЗЛО

The International Bestseller

Annotation

Смерть от передозировки на темном пустыре в Лос-Анджелесе...

Рутинное дело для опытного полицейского. Вот только погибший – старый армейский друг Гарри Босха, а обстоятельствами его смерти почему-то очень интересуется ФБР.

Убийство? Вероятнее всего – да. Но каковы его мотивы? И кто его совершил?

Босх и его коллега из ФБР, агент Элинора Уиш, начинают расследование и вскоре понимают – из охотников они превратились в мишени неизвестного убийцы.

- [Майкл Коннелли](#)
  - [Благодарности](#)
  - [Часть I](#)
  - [Часть II](#)
  - [Часть III](#)
  - [Часть IV](#)
  - [Часть V](#)
  - [Часть VI](#)
  - [Часть VII](#)
  - [Часть VIII](#)
  - [Часть IX](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

Майкл Коннелли

Черное эхо

*Посвящается В. Майклу Коннелли и Мэри Мак-Эвой
Коннелли*

Благодарности

Хочу поблагодарить за помощь и поддержку многих людей.

Огромное спасибо моему литературному агенту Филиппу Спитцеру и моему редактору Патриции Малкахи за их упорную работу, энтузиазм и веру в эту книгу.

Также благодарю множество полицейских, которые на протяжении ряда лет давали мне возможность наблюдать изнутри их работу и жизнь.

Я хочу выразить признательность Тому Мэнголду и Джону Пеникэту, чья книга «Туннели Ку-Чи» излагает реальную историю «туннельных крыс» на вьетнамской войне.

Наконец, я бы хотел поблагодарить мою семью и друзей за их безоговорочную помощь и поддержку. А больше всего я обязан своей жене Линде, чья вдохновляющая вера в меня никогда не иссякала.

Часть I

Воскресенье, 20 мая

Мальчишка не мог видеть в темноте, но этого и не требовалось. Жизненный опыт и длительная практика в таких вещах подсказывали ему, что это и к лучшему. Ровно и гладко... Плавные взмахи с полным вынесением руки вперед и одновременным подворачиванием кисти... Главное – не останавливаться. Никакой суеты и спешки. Восхитительно...

Он слышал шипение выходящей из баллончика тугой струи и чувствовал приятную равномерность движения, покатость твердой поверхности. Все это были ощущения, для него успокаивающие. Запах напомнил ему о другой краске – той, что лежала у него в кармане, в носке, и он подумал, что неплохо бы приложиться, словить кайф. Не сейчас, пожалуй, решил он. Попозже. Ему не хотелось останавливаться до тех пор, пока в одно касание не завершит свою настенную роспись.

Внезапно он остановился: перекрывая шипение краскораспылителя, до него донесся звук мотора. Парень огляделся, но не увидел никаких огней, если не считать серебристо-белого лунного отблеска на резервуаре и тусклой лампочки над дверью насосной, на полпути через плотину.

Однако звук не стихал. Явно приближался какой-то транспорт. Малому подумалось, что звук похож на шум грузовика. А затем ему показалось, что он слышит хруст гравия под покрышками вдали, на подъездной дороге, окаймляющей резервуар. Все ближе и ближе. Было почти три часа ночи, но тем не менее кто-то сюда приехал. Зачем? Чего ради? Парень выпрямился и швырнул баллончик через ограду, в сторону воды. Он услышал, как металл звякнул в кустах, не долетев. Он вытащил из кармана носок и решил быстро нюхнуть разок, для храбрости. Уткнулся носом и жадно втянул в себя пары краски. Его качнуло назад, и ресницы непроизвольно вздрогнули. Потом, размахнувшись, мальчишка швырнул носок за ограду.

Он поднял свой мотоцикл и через дорогу стал отводить его назад, туда, где у подножия холма были заросли полевого хвоща. Это хорошее укрытие, подумал он, оттуда можно увидеть все, что происходит. Звук мотора был теперь совсем близко. Парень был уверен, что машина находится уже совсем близко: еще каких-нибудь несколько секунд – и она появится. Но почему-то не было видно света фар. Это его озадачило. Но бежать все равно было уже поздно. Положив мотоцикл на бок, он спрятал его в

высокой коричневатой траве и ладонью остановил вращение переднего колеса. Затем припал к земле и стал ждать приближения кого-то или чего-то.

* * *

Гарри Босх слышал шум вертолета где-то там, высоко, над темнотой. Вертолет стрекотал в вышине, делая круги. Почему он не приземляется? Гарри двигался сквозь темный, задымленный туннель, и батарейки его ручного фонаря издыхали. С каждым преодолеваемым ярдом луч делался все слабее. Гарри нужна была помощь. Ему нужно было двигаться быстрее. Ему нужно было достичь конца туннеля прежде, чем свет погаснет и он останется один в крошечной тьме. Он слышал, как вертолет сделал еще один заход. Почему он не приземляется? Где же возжеленная помощь? Когда стрекотание лопастей донеслось уже издали, он почувствовал, что в нем нарастает ужас, и стал ползти быстрее: на четвереньках, на ободранных и кровоточащих коленях, одной рукой направляя тусклый луч вверх, а другой неуклюже цепляясь за землю, чтобы удержать равновесие. Он не оглядывался, так как знал, что враг находится у него за спиной, в этой черной мгле. Пускай невидимый, но он был там. И неумолимо приближался.

* * *

На кухне зазвонил телефон, и Босх разом проснулся. Он считал звонки, пытаясь вспомнить, включил ли автоответчик.

Нет, не включил. Телефонный вызов не был принят, и звонки продолжались, пока он не насчитал их восемь. Босх рассеянно размышлял, откуда пошла эта традиция. Почему не шесть? Не десять? Он протер глаза и огляделся. Опять он уснул – скорее, провалился в сон – у себя в комнате, в мягком кресле, которое являлось главным предметом его скромной мебелировки. Про себя Гарри именовал это кресло своим сторожевым постом. Это было, однако, неправильное употребление термина, поскольку он частенько засыпал в нем, даже когда не был настороже – иначе говоря, не ждал вызова.

Утреннее солнце пробилось сквозь щель в занавесках и прочертило полосу на выбеленном сосновом полу. Гарри наблюдал, как возле

раздвижной застекленной двери лениво плавают в луче света частички пыли. Лампа на столике рядом с креслом горела, тихонько бормотал у стены телевизор – шла утренняя воскресная программа о любви к Иисусу. На столе лежал набор предметов, извечных друзей человека, страдающего бессонницей: игральные карты, журналы и детективные романы в мягких обложках (эти последние – едва пролистанные и отбракованные). Была тут также смятая пачка сигарет и три пустые разномастные бутылки из-под пива, некогда входившие в состав различных блоков, по шесть штук одного племени в каждом. Босх был полностью одет – вплоть до помятого галстука, прикрепленного к белой рубашке зажимом из серебра.

Он провел руками вниз вдоль туловища, нащупывая брючный ремень, потом завел руку на поясницу. Подождал. Когда зазвонил пейджер, он тут же отключил раздражающее чириканье. Потом снял устройство с пояса и взглянул на номер. Увидев, не удивился. Рывком встал с кресла, потянулся и похлопал себя по шее и спине, разминая затекшие суставы. Прошел в кухню, где на стойке стоял телефон. Прежде чем набрать номер, вынул из кармана пиджака записную книжку и написал «Воскресенье, 8.53». После двух звонков с другого конца города послышался голос:

– Управление полиции Лос-Анджелеса, Голливудское отделение. У телефона офицер Пелч, чем могу служить?

– Концы можно отдать, пока прослушаешь всю эту музыку, – буркнул Босх. – Соедините меня с дежурным сержантом.

Он нашел в кухонном шкафчике непечатую пачку сигарет и сделал свою первую за этот день затяжку. Ополоснул пыльный стакан и наполнил его водой из водопровода, потом вытащил две таблетки аспирина из пластикового пузырька, также хранившегося в шкафчике. Он как раз глотал вторую, когда сержант по фамилии Краули наконец взял трубку.

– В чем дело, ты что, в церкви? Я звонил тебе домой. Там никто не отвечает.

– Краули, что там для меня?

– Ну, я, конечно, в курсе, что прошлой ночью ты был на выезде по поводу того телевизионного дела. Но ты все еще на дежурстве. Ты и твой партнер. Весь уик-энд. А стало быть, на вашей шее труп у Голливудского накопительного водохранилища. Найден в тамошней дренажной трубе. У подъездной дороги к плотине Малхолланд-дэм. Ты ее знаешь?

– Я знаю это место. Что еще?

– Патрульный наряд уже там. Ведомство патологоанатома и криминалистическая лаборатория извещены. Мои люди пока не знают, что у них на руках, – просто безымянный труп. Дал дуба футах в тридцати в

глубине этой самой трубы. Они не хотят сами туда лезть, затаптывать следы и все такое, понимаешь? Я велел им сбросить на пейджер твоему напарнику, но тот так и не отзвонился. Сперва я подумал, может, вы с ним вместе. Потом решил: нет, он не в твоём вкусе. А ты не в его.

– Я с ним свяжусь. Если они не лазили в трубу, то как узнали, что это покойник, а не просто какой-нибудь бродяга, отсыпавшийся после дозы?

– Ну, они слегка углубились, понимаешь? Дотянулись палкой или еще чем и немножко потыкали в этого типа и вокруг. Задубелый, как член у новобрачного.

– Они не хотят затаптывать следы, но шуруют вокруг тела палкой. Чудеса! Эти парни что, азов не знают?

– Послушай, Босх, мы получаем сигнал – мы обязаны его проверить. Верно? По-твоему, мы должны переводить все звонки насчет найденных трупов в отдел убийств? Да вы бы там, ребята, через неделю свихнулись.

Босх смял окурок в кухонной раковине из нержавеющей стали и посмотрел в окно. Скользнувший вниз по склону холма взгляд ухватил туристский трамвайчик, который двигался между громадными бежевыми зданиями звукозаписи в Юниверсал-Сити. Одно из этих длинных, в целый квартал, зданий было выкрашено в небесно-голубой цвет, и на нем были нарисованы клочья белых облаков: на случай натуральных съемок, когда настоящее небо над Лос-Анджелесом делалось желто-бурым, как спелая пшеница.

– Как поступил этот сигнал?

– Анонимный звонок в службу экстренной помощи. Вскоре после четырех утра. Диспетчер сказал, звонок поступил из платного таксофона на бульваре. Некто шатавшийся без дела в тех краях обнаружил в трубе труп. Имени звонивший не назвал. Просто сказал, что нашел покойника, вот и все. В коммуникационном центре есть запись разговора.

Босх почувствовал, что начинает заводиться. Он вынул из шкафчика пузырек с аспирином и сунул в карман. Обмозговывая информацию о звонке, поступившем вскоре после четырех, он открыл холодильник и заглянул в него. Он не увидел ничего, что бы его заинтересовало. Посмотрел на свои часы.

– Краули, если звонок поступил в четыре утра, почему ты связался со мной только сейчас, почти пять часов спустя?

– Послушай, Босх, все, что у нас было, – это какой-то анонимный звонок. Понимаешь? Диспетчер сказала, что звонил какой-то мальчишка. Я что, должен посылать своих людей в эту трубу среди ночи после получения такой информации? Это могла быть просто ребячья шалость. Могла быть

ловушка. Боже мой, могло быть все, что угодно! Я дождался, пока рассвело и у нас тут стало малость поспокойнее. В конце ночной смены послал туда кое-кого из своих ребят. Кстати, к вопросу об окончании смены: я все еще торчу здесь. Ждал известий от них, потом от тебя. У тебя есть еще какие вопросы?

Босха подмывало спросить, не приходило ли Краули в голову, что в трубе одинаково темно шуровать палкой что в четыре часа утра, что в восемь, но он промолчал. Что толку?

– Что-нибудь еще? – снова спросил Краули.

Босх не мог ничего придумать, но сержант сам заполнил наступившую паузу.

– Гарри, это скорее всего просто какой-то наркоман, который сам по себе окочурился. Не похоже на убийство. Такое происходит сплошь да рядом. Черт, да помнишь, в прошлом году мы выудили одного из той же самой трубы? А, нет, это было еще до того, как ты перешел к нам, в Голливудский участок. Так вот: какой-то тип забрался в ту же самую трубу... ну, ты же знаешь, эти безработные, которые мигрируют с места на место в поисках работы, они постоянно там спят. Бродяга, тюрьма по нему плакала, вкатил себе хорошую дозу – и все, отдал концы. Разве что в тот раз мы не сразу его обнаружили, и под воздействием солнца, да еще за двое суток, он спекся в этой трубе. Прожарился не хуже праздничной индюшки. Только вот запах был похуже.

Краули засмеялся собственной остроте. Босх воздержался. Дежурный сержант продолжал:

– Когда мы того вытащили, у него в руке все еще торчал шприц. Ну и здесь то же самое. Дурная работа, и ничего больше, таким случаям нет числа. Быстро туда сгоняешь, а к полудню уже будешь дома, поспишь, может, сходишь поглядеть «Доджеров»^[1]. А в следующие выходные будет еще чья-нибудь очередь дежурить. Зато ты свободен, отдыхаешь. А это целых три дня. К следующим выходным примыкает День памяти павших^[2] – он в твоём распоряжении. Так что сделай одолжение. Сходи, посмотри, что у них там.

Босх несколько секунд раздумывал и уже собрался было положить трубку, но потом сказал:

– Краули, что ты имел в виду, когда сказал, что предыдущего не сразу обнаружили? Почему ты решил, что этого обнаружили вовремя?

– Мои ребята, которые выехали на место, говорят, что не чувствуют ни малейшего запаха от этого жмурика, разве что мочой пахнет. Он

должен быть свеженьким.

– Скажи своим парням, я буду там через пятнадцать минут. Скажи, пусть ничего больше не трогают, не портят мне улики.

– Они только...

Босх знал, что Краули сейчас опять примется защищать своих людей, и дал отбой прежде, чем успел это услышать. Он закурил еще одну сигарету, пошел к входной двери, чтобы подобрать со ступеньки экземпляр принесенной почтальоном «Лос-Анджелес таймс». Разложил двенадцать фунтов воскресной газеты на кухонной стойке, спрашивая себя, сколько же деревьев ради этого пошло под топор. Потом отыскал приложение, касающееся недвижимости, и начал пролистывать, пока не увидел большое рекламное объявление от риэлтерской фирмы «Вэллей-Прайд пропертиз» – о демонстрации продаваемого жилья. Пробежал пальцем вниз по списку домов, предназначенных для показа, пока не нашел один адрес и описание с пометкой «Спросить Джерри». Босх набрал указанный номер.

– «Вэллей-Прайд пропертиз», чем могу вам помочь?

– Джерри Эдгара, пожалуйста.

Прошло несколько секунд, Босх услышал пару щелчков коммутатора, а затем в трубке раздался голос его партнера:

– Джерри у телефона, чем могу быть полезен?

– Джед, мы только что получили еще один вызов. На Малхолланд-дэм. А пейджера при тебе нет.

– Черт! – сказал Эдгар.

Потом последовало молчание. Босх почти что слышал крутящиеся в его голове мысли: «У меня на сегодня запланировано три показа!» Молчание затянулось, и Босх нарисовал в воображении своего напарника на том конце провода – в девятисотдолларовом костюме и с нахмуренным лицом банкрота.

– Что за вызов?

Босх рассказал ему то небольшое, что знал.

– Если хочешь, чтобы я сделал это в одиночку, я сделаю, – сказал Босх. – Если возникнут какие-нибудь проблемы с «шеф-поваром», я прикрою. Скажу ему, что ты разбираешься с телевизионщиками, а я занимаюсь жмуриком в трубе.

– Да, я знаю, что ты смог бы меня прикрыть. Ничего, все в порядке, я приеду. Только сначала найду кого-нибудь, кто бы прикрыл меня с этого фланга.

Они договорились встретиться возле трупа, и Босх положил трубку. Он включил автоответчик, взял две пачки сигарет из шкафчика и положил их в

карман спортивной куртки. Потом потянулся к другому шкафчику и достал оттуда нейлоновую кобуру, в которой находился его 9-миллиметровый «смит-и-вессон» – отполированная нержавеющая сталь, – и зарядил его восемью патронами НТР. Босх вспомнил о рекламном объявлении, касающемся этих пуль, которое видел однажды в полицейском журнале. Речь шла о том, что пуля при ударе расширяется в полтора раза и при достижении конечной глубины проникновения в тело оставляет раневые каналы максимальной ширины. Кто бы это ни написал, он прав. Годом раньше Босх убил человека одним таким выстрелом с двадцати футов. Пуля вошла под правой подмышкой, вышла ниже левого соска, по пути разнеся в куски сердце и легкие. Вот такая же пуля НТР. Раневые каналы максимальной ширины. Гарри прикрепил кобуру на пояс с правой стороны с таким расчетом, чтобы можно было дотянуться левой рукой.

Он пошел в ванную и почистил зубы. Без пасты: он хоть и выходил из дома, но забыл заскочить в магазин. Мокрой расческой провел по волосам и уставился в свои покрасневшие глаза. Глаза сорокалетнего человека. Затем изучающе посмотрел на свои седые волосы, которые медленно, но верно вытесняли каштановые в кудрявой шевелюре. Даже усы начали сесть – теперь, бреясь, Босх стал замечать в раковине седые крапинки. Сейчас он провел рукой по подбородку, но решил не бриться. Затем вышел из дома, не сменив даже галстука. Он знал, что его клиент возражать не станет.

* * *

Босх отыскал место, свободное от голубиного помета, и с болтающейся на губах сигаретой облокотился на парапет, тянущийся по верху плотины Малхолланд-дэм. Сквозь просвет между горами он смотрел на раскинувшийся внизу город. Небо было цвета черного пороха, и над Голливудом ядовитым облаком нависал смог. Лишь несколько отдаленных, расположенных в центре города башен прорывались сквозь него, но остальная часть была укутана этим саваном. Лос-Анджелес напоминал город-призрак.

Теплый весенний бриз доносил легкий химический запах, и, приняв его, Босх распознал его. Это был малатион, инсектицид. Он уже успел услышать по радио, что ночью для борьбы с плодовой мушкой в небо поднимались сельскохозяйственные вертолеты и через перевал Кауэнгапэсс опрыскивали Северный Голливуд этим антипаразитным средством. Гарри вспомнил сон с боевым вертолетом, который так и не приземлился.

За его спиной простиралась широкая сине-зеленая гладь Голливудского водохранилища: 60 миллионов галлонов питьевой воды для нужд города, удерживаемых достаточно старой дамбой, перегораживающей каньон между двумя Голливудскими горами. По всей длине береговой линии водохранилище опоясывал шестифутовый обод из засохшей глины – как напоминание о том, что Лос-Анджелес переживает уже четвертый год засухи. А над ним, вокруг искусственного водоема, по всему периметру тянулся десятифутовый забор из проволоочной сетки. Босх по приезду уже обследовал все это сооружение, задаваясь вопросом, служит ли оно преградой для людей, которые находятся по одну его сторону, или же для воды – по другую.

Сейчас поверх помятого костюма на Босхе был надет синий комбинезон. Через двойной слой обмундирования проступали под мышками и на спине пятна пота. Волосы тоже взмокли, усы обвисли. Причина была в том, что он уже слазил в трубу. Теперь он чувствовал, как теплое, ласковое поглаживание ветерка с гор Санта-Ана высушивает эту влагу с его шеи и затылка. В этом году ветры оттуда пришли рано.

Гарри был некрупным мужчиной. До шести футов ему не хватало нескольких дюймов, и телосложения он был худощавого. Газеты, описывая его, употребляли словечко «жилистый». Под мешковатым комбинезоном скрывались мышцы, тугие, словно нейлоновые канаты, – немалая сила при экономности габаритов. Проблескивающая в волосах седина тяготела к левой стороне. Темно-карие глаза редко выдавали эмоции или намерения.

Труба, о которой шла речь, располагалась поверх земли и тянулась на протяжении пятидесяти ярдов вдоль подъездной дороги. Изнутри и снаружи она была покрыта ржавчиной и использовалась только как убежище, либо для живописных упражнений с краскораспылителем. Босх так и не смог догадаться о ее назначении, пока смотритель водохранилища добровольно не поделился с ним информацией. Труба являлась рассекателем для грязевых потоков. Ливни, сказал смотритель, могут размывать почву и вызвать сползание грязи по склонам прямо в резервуар. Труба шириной в три фута, оставшаяся от какого-то неведомого проекта развития района или еще какого бездумного замысла, была проложена в зоне прогнозируемого схода оползней, как первый и единственный рубеж обороны. Труба удерживалась на месте с помощью опоясывающего ее железного обода толщиной в полдюйма, а внизу крепилась в цементе.

Прежде чем лезть в трубу, Босх натянул комбинезон, на котором поперек спины были напечатаны белые буквы «УПЛА» – управление полиции Лос-Анджелеса. Босх вдруг осознал, что спецодежда, пожалуй,

почище, чем тот костюм, который он старается уберечь с ее помощью. Но он все равно надел комбинезон, потому что всегда имел обыкновение надевать. Он был методичным, консервативным, суеверным копом.

Когда он с фонариком в руке забрался в пропахший сыростью и плесенью, давящий и тесный, вызывающий клаустрофобию цилиндр, то почувствовал, как горло стянул спазм, а сердце забилось в ускоренном ритме. Страх. Однако уже в следующую секунду он щелкнул кнопкой фонарика, и темнота отступила, унося с собой неприятные ощущения, и Гарри принялся за работу.

И вот сейчас он стоял на плотине, курил и размышлял о разных разностях. Дежурный сержант Краули был прав: человек в трубе был, безусловно, мертв. Но он был также и не прав. Это нынешнее дело окажется отнюдь не простым. И Гарри не вернется домой рано, чтобы вздремнуть после полудня или посмотреть игру «Доджеров». Дела обстояли неладно. Гарри не успел проникнуть в глубь трубы и на десять футов, как убедился в этом.

В трубе не было следов. Или, точнее, не было следов, полезных для следствия. Днище было покрыто слоем засохшей рыжей грязи и завалено бумажными пакетами, пустыми винными бутылками, ватными тампонами, использованными шприцами, подстилками из газет – всем тем мусором, который остается после бездомных и наркоманов. Гарри тщательно осмотрел это все под лучом фонарика и стал медленно продвигаться к телу. И он не обнаружил ясного следа, оставленного покойником, который лежал головой вперед, ногами к выходу. Что-то здесь было не так. Если бы мертвец вполз внутрь по собственному почину, то были бы какие-то признаки, указывающие на это. Если его втащили, тоже остались бы какие-то следы. Но ничего такого не было, и это отсутствие было только первым из тех тревожных признаков, что не понравились Босху.

Когда он подобрался к телу, то обнаружил, что рубашка мертвого – черная, без пуговиц, с открытым воротом-лодочкой – задрана на голову, как если бы ее начали снимать, и там же, внутри ее, над головой, остались его сплетенные руки. Босх повидал достаточно покойников, чтобы знать: в предсмертный миг нет буквально ничего невозможного. Однажды он расследовал случай самоубийства, где человек, путивший себе пулю в лоб, после этого, перед тем как умереть, сменил штаны, очевидно, не желая, чтобы его тело было найдено плавающим в моче. Но в данном случае положение рубашки и рук лежащего в трубе покойника не понравилось Гарри. Сыщику представлялось, что тот, кто втащил тело в трубу, втаскивал его за шиворот.

Босх не стал шевелить тело и отодвигать с лица рубашку. Он не заметил непосредственных следов повреждений, повлекших смерть. Закончив обследование тела, Босх аккуратно перелез через труп – при этом его лицо находилось от него на расстоянии полуфута – и продолжил путь по оставшемуся сорокаярдовому отрезку трубы. Он не обнаружил ни следов, ни чего-либо другого, представляющего очевидную ценность. Через двадцать минут, выбравшись на свет божий, он отправил внутрь трубы эксперта-криминалиста, специалиста по обследованию мест преступления Донована, чтобы тот набросал схему расположения мусора и заснял на видео местоположение тела. На лице Донована отразилось удивление, когда он услышал, что ему надо лезть в трубу при расследовании случая, который он уже списал как смерть от передозировки. Очевидно, у него в кармане лежат билеты на «Доджеров», подумал Босх.

Оставив место преступления на попечение Донована, Босх зажег сигарету и подошел к парапету плотины, чтобы взглянуть вниз на загрязненный город и пораскинуть мозгами.

Отсюда ему был слышен доносящийся снизу шум уличного движения с Голливудской автострады. С такого расстояния он казался почти что нежным и ласковым. Как рокот океана в безветренную погоду. Сквозь расщелину каньона внизу виднелись голубые плавательные бассейны и испанские черепичные крыши.

Мимо него по дамбе пробежала женщина в белом топе и зеленых, оттенка лайма, спортивных шортах. Сбоку на поясе у нее висел аудиоплеер, и тонкий желтый провод тянулся к наушникам. Похоже, она пребывала в своем собственном мире и даже не замечала сосредоточения полицейских сил прямо у себя по курсу, пока не достигла желтой ленты, отгораживающей место преступления на дальнем конце плотины. Надпись на ленте призывала ее остановиться. Некоторое время женщина бежала на месте – светлые волосы прилипли к потным плечам, – с любопытством глядя на полицейских, которые тоже наблюдали за ней. Затем развернулась и мимо Босха побежала обратно. Он проводил ее взглядом и заметил, что, пробегая мимо здания насосной, она чуть отклонилась от курса, будто стараясь избежать столкновения с чем-то. Гарри прошел туда и обнаружил на замощенной поверхности стекло. Подняв голову, увидел над дверью насосной разбитую лампочку в патроне. Он мысленно дал себе поручение спросить смотрителя, давно ли заменяли лампочку.

Когда Босх вернулся на прежнее место у перил, его внимание привлекло неясное движение внизу. Приглядевшись, он увидел койота,

вынюхивающего что-то среди сосновой хвои и мусора, покрывавших землю под деревьями у дамбы. Животное было маленьким, и его шубка была грязной, местами шерсть полностью вылезла. Лишь совсем небольшое количество этих зверей оставалось сейчас в охраняемых зонах, под защитой города, где они добывали пропитание, копаясь в отбросах, остающихся после таких же промышляющих отбросами людей.

– Его сейчас вытаскивают, – услышал он за спиной. Босх обернулся и увидел одного из патрульных, высланных на место преступления. Он кивнул и последовал за ним, а затем, поднырнув под желтую ленту, снова приблизился к трубе.

* * *

Гулкая какофония из ворчания, кряхтения и пыхтения доносилась из входного отверстия трубы, изрисованной письменами граффити. Наконец оттуда, пятясь задом, выбрался человек без рубашки, с изрядно перепачканной и исцарапанной спиной, таща за собой толстое черное пластиковое полотнище, на котором лежало тело. Мертвец по-прежнему лежал лицом вверх, и его голова и руки были по-прежнему почти полностью скрыты завернутой наверх черной рубашкой. Босх огляделся в поисках Донована и увидел, что тот укладывает видеокамеру в заднюю часть голубого микроавтобуса с криминалистическим оборудованием. Гарри подошел к нему.

– Знаешь, мне понадобится, чтобы ты еще раз туда слазил. Весь этот тамошний хлам, газеты, жестянки, пакеты... я там заметил несколько шприцев и ватные тампоны. Мне надо, чтобы все это было разложено в пакеты для вещдоков.

– Все сделано, – сказал Донован. Он сделал краткую паузу и добавил: – Я вовсе не хочу спорить, но, знаешь, Гарри... послушай... ты правда думаешь, что все это имеет смысл? Стоит ли это дело того, чтобы нам ради него сбивать себе коленки?

– Полагаю, мы узнаем это после вскрытия.

Он зашагал было прочь, но потом остановился.

– Послушай, Донни, я понимаю: сегодня воскресенье и все такое... Спасибо, что слазил еще раз.

– Нет проблем. Для меня это просто, как «Отче наш», это моя работа.

Над телом сидели на корточках человек без рубашки и эксперт из службы коронеров^[3]. На обоих были белые резиновые перчатки.

Криминалистом был Ларри Сакаи, человек, которого Босх знал в течение долгих лет, но к которому никогда не испытывал симпатии. Рядом с ним на земле лежала открытая пластиковая сумка с профессиональными принадлежностями. Он вытащил из сумки скальпель и сделал на правом боку трупа надрез длиной в дюйм. Ни капли крови не вытекло из этой части тела. Затем он извлек из сумки термометр и приторочил его к концу искривленного зонда. Ввел зонд в надрез, искусным, но твердым движением поворачивая его и направляя вверх, в печень.

Стоящий рядом человек без рубашки недовольно скривился, и Босх заметил синюю слезу, вытатуированную у него с внешней стороны правого глаза. Каким-то образом это показалось Босху вполне соответствующим ситуации. Это было наибольшее проявление сочувствия, на какое мог здесь рассчитывать покойник.

– С определением времени смерти придется попариться, – сказал Сакаи, не поднимая головы от работы. – Сам понимаешь, эта труба, где происходит неконтролируемый рост температуры, грозит смазать всю температурную динамику в печени. Мой помощник, Осито, проводил замеры: сначала был восемьдесят один градус, а уже через восемь минут стало восемьдесят три. И в теле, и в трубе температура постоянно меняется.

– Ну и?.. – подтолкнул его Босх.

– Ну и, стало быть, здесь, на месте, я тебе ничего не скажу. Мне нужно забрать все это с собой и произвести некоторые вычисления.

– Ты хочешь сказать, что передашь это кому-то другому, кто умеет рассчитывать? – спросил Босх.

– Не волнуйся, дружище, ты получишь результат, когда придешь на вскрытие.

– Кстати, а кто сегодня режет?

Сакаи не ответил. Он был целиком поглощен возней с ногами покойника. Он снял с него туфли и принялся производить какие-то манипуляции с лодыжками. Потом провел руками вдоль ног снизу вверх; затем, подсунув руки под ляжки, приподнял каждую ногу, наблюдая, как она гнется в колене. Затем стал нажимать на живот, как если бы пытался отыскать контрабанду. Наконец очередь дошла до задранной наверх рубашки – он подлез под нее и постарался повернуть голову покойника. Она не поворачивалась. Босх знал, что трупное окоченение начинается с головы и постепенно, двигаясь через все тело, достигает конечностей.

– Шея этого парня уже застыла, но в хорошем состоянии, – сказал Сакаи. – Начинает схватывать живот. Но конечности все еще хорошо

двигаются.

Он достал из-за уха карандаш и обратным концом – там, где был ластик, – надавил на кожу на боку трупа. Та половина тела, что прилегала к земле, была лиловатой, словно тело было наполовину заполнено красным вином. Это были так называемые трупные пятна. Когда сердце перестает качать кровь, она скапливается в нижней части тела. Когда Сакаи ткнул карандашом в потемневшую кожу, а потом отпустил, то в этой точке не осталось белого пятна – признак того, что кровь полностью свернулась. Человек был мертв уже долгие часы.

– Трупные пятна устойчивы, – сказал Сакаи. – Это, а также степень трупного окоченения вынуждает меня заключить, что этот малый мертв, вероятно, часов шесть – восемь. Так что тебе придется подождать, Босх, пока мы не разберемся с температурой.

Говоря все это, Сакаи так и не поднял голову. Вместе с тем парнем, которого он представил как Осито, они начали выворачивать карманы зеленых солдатских брюк мертвеца. Те оказались пусты, как и большие мешкообразные карманы по бокам брючин. Потом они перевернули тело, чтобы проверить задние карманы. Пока они это делали, Босх наклонился, чтобы поближе рассмотреть открывшуюся взору спину покойника. Кожа была лиловатой и грязной. Но он не увидел царапин или отметин, которые позволили бы заключить, что тело тащили.

– В брюках ничего нет, Босх. Никакого удостоверения личности, – сказал Сакаи, все так же не достаивая его взглядом.

Потом они начали осторожно, через голову, натягивать черную рубашку обратно на туловище. У мертвеца оказалась всклокоченная шевелюра, в которой было больше седины, чем природных черных волос. У него была также неухоженная, неряшливая борода, и выглядел он лет на пятьдесят, что позволило Босху заключить, что ему было примерно сорок. В нагрудном кармане рубашки что-то было, и Сакаи, выудив это, изучал несколько мгновений, а затем положил в пластиковый мешок, который напарник держал открытым.

– Готово! – провозгласил Сакаи, протягивая мешок Босху. – Один комплект улик готов. Намного облегчает наши задачи.

Сакаи приоткрыл веки мертвеца. Глаза были голубыми, с молочно-белой оболочкой. Зрачки сужены примерно до размеров карандашного грифеля. Они безжизненно уставились на Босха – каждый зрачок словно крохотная черная пустота.

Сакаи сделал несколько пометок в блокноте. Он уже ранее вынес свое суждение по данному делу. Затем из стоящего рядом ящика с техническими

принадлежностями достал штемпельную подушечку и карточку для снятия отпечатков пальцев. Специальной краской намазал пальцы левой руки и начал поочередно прижимать их к карточке. Босх с восхищением смотрел, как быстро и умело он это проделывает. Но вдруг Сакаи остановился.

– Эй. Взгляни-ка.

Он осторожно пошевелил указательный палец трупа. Палец легко двигался во всех направлениях. Сустав был явно сломан, но не было никаких признаков опухоли или кровоизлияния.

– По-моему, это случилось уже после смерти, – сказал Сакаи.

Босх наклонился, чтобы рассмотреть получше. Не надевая перчаток, он взял у Сакаи руку мертвого и пощупал обеими руками. Подозрительно посмотрел на Сакаи, потом на Осито.

– Босх, давай не будем! – огрызнулся Сакаи. – Не смотри на него так. Он отлично знает свое дело. Я сам его натаскивал.

Босх не стал напоминать Сакаи, что это именно он вел микроавтобус службы судмедэксперта, из которого несколько месяцев назад прямо на автостраду Вентура вывалилось примотанное к больничной каталке тело. В самый час пик. Каталка покатила к съезду на бульвар Ланкершим и ударила в заднюю часть машины, стоявшей на автозаправочной станции. Из-за стекловолоконной перегородки в микроавтобусе Сакаи так и не заметил, что потерял покойника, – до тех самых пор, пока не приехали в морг.

Босх отдал руку мертвеца обратно криминалисту. Сакаи повернулся к Осито и что-то спросил по-испански. Маленькое смуглое лицо Осито стало очень серьезным, и он отрицательно покачал головой.

– Говорит, что даже не дотрагивался там в трубе до рук этого парня. Так что дождись вскрытия, прежде чем намекать на то, в чем не уверен.

Сакаи закончил снимать отпечатки и протянул карточку Босху.

– Оберни ему кисти пакетом, – бросил Босх, хотя в этом напоминании не было необходимости. – И ступни.

Он распрямился и помахал карточкой, чтобы дать краске высохнуть. Другой рукой он держал на отлете только что полученный от Сакаи пластиковый мешок для вещдоков. В нем резинкой были стянуты вместе игла для подкожных инъекций, маленький пузырек, наполовину наполненный чем-то напоминавшим грязную воду, пучок ваты и упаковка спичек. Это была так называемая аптечка наркомана, и выглядела она совершенно новой. Игла была чистой, без признаков коррозии. Вата, как прикинул Босх, использовалась в качестве фильтра только раз или два. В ее волокнах застряли крохотные беловато-коричневые кристаллики.

Поворачивая пакет, он разглядел со всех сторон упаковку спичек и увидел, что не хватает всего двух.

В этот момент из трубы выполз Донован. На нем была шахтерская каска с фонариком. В одной руке он держал несколько пластиковых мешков – в каждом была или пожелтевшая газета, или обертка от пиши, или смятая банка из-под пива. В другой руке он нес блокнот, на котором отмечал места обнаружения в трубе каждого предмета. По бокам его каски свисала паутина. По лицу стекал пот, капая на респиратор вроде малярного, прикрывавший рот и нос. Увидев Босха, держащего в вытянутой руке снаряжение наркомана, наполовину вылезший из трубы Донован остановился.

– Ты нашел там «плитку»? – спросил Босх.

– Черт, так он ширяльщик? – отозвался Донован. – Ну! Я же так и знал. Тогда на кой хрен мы всем этим занимаемся?

Босх не ответил. Он ждал, пока тот полностью выберется.

– Ответ будет «да». Я нашел банку из-под колы, – сказал Донован.

Криминалист посмотрел на пластиковые пакеты в своей руке и протянул один Босху. В нем лежали две половинки жестянки из-под напитка. Довольно новая с виду банка ножом была разрезана пополам. Нижняя половина была перевернута: ее вогнутое днище использовалось как площадка, чтобы готовить вареву из героина с водой. «Плитка»! Большинство ширяльщиков больше не пользовались ложками. Таскать с собой ложку – за это могли и арестовать. Банку же было легко достать, с ней было легко управляться и не жалко выбросить.

– Нам нужно как можно скорее снять отпечатки с «аптечки» и с «плитки», – сказал Босх.

Донован кивнул и понес свой улов в виде пластиковых мешков к полицейскому фургону. Босх снова переключил внимание на экспертов службы патологоанатома.

– Ножа ведь при нем нет? – сказал Босх.

– Нет, – согласился Сакаи. – А что?

– Мне нужен нож. Без ножа картина не полная.

– Ну так что? Парень же наркоман. А наркоманы крадут друг у друга. Наверное, дружки и забрали.

Затянутыми в перчатки руками Сакаи закатал рукава рубашки мертвеца. Взору открылась сеть шрамов на обеих руках. Старые следы от уколов, углубления от нарывов и инфекций. На изгибе левого локтя была свежая отметина от шприца, а под кожей – здоровенный желтовато-лиловый синяк.

– Вот оно! – сказал Сакаи. – Мое мнение таково: этот тип засадил себе хорошую порцию, и – привет семье! Как я уже сказал, Босх, мы имеем банальный случай передозировки. Ты сегодня рано встал. Пойди отдохни, посмотри «Доджеров».

Босх снова сложился в три погибели, чтобы рассмотреть находку.

– Я только это сегодня и слышу.

«Вероятно, Сакаи прав», – подумал он. Но ему все-таки не хотелось пока отступить от этого дела. Слишком много тут было всего, что ему не нравилось, что не укладывалось в схему. Отсутствие следов в трубе. Рубашка, натянутая на голову. Сломанный палец. Опять же отсутствие ножа.

– Почему все следы от уколов старые, кроме одного? – спросил он скорее самого себя, чем Сакаи.

– Кто знает? – ответил тот. – Может, он какое-то время был в завязке, а потом решил вернуться. Наркоман есть наркоман. Какие тут могут быть разумные причины?

Разглядывая отметины на руках покойника, Босх заметил на коже что-то похожее на синие чернила. Оно выглядывало из-под рукава, складками собранного на левом бицепсе. Взору открывалось недостаточно, чтобы разобрать, что это такое.

– Закатай повыше, – указал он на рукав.

Сакаи подтянул рукав к самому плечу, обнажая татуировку, выполненную в синем и красном цвете. То было шаржированное изображение стоящей на задних лапах крысы, которая грубо и зловеще скалилась. В одной лапе крыса держала пистолет, в другой – бутылку виски, на которой было написано «XXX». Синяя надпись выше и ниже картинки размазалась от времени и растяжения кожи. Сакаи постарался ее прочесть.

– Написано «Порт...», нет, «Первый». «Первый пехотный». Этот парень из армейских. Нижняя часть неразборчива... На другом языке... «Рог... гратум... анум... ро...» Ничего не разберу.

– Родентум, – сказал Босх.

Сакаи удивленно посмотрел на него.

– Вульгарная латынь, – пояснил Босх. – «Крысиного хвоста не стоит». Он был «туннельной крысой». Вьетнам.

– Да хоть кем, – отозвался Сакаи. Он оценивающе посмотрел на тело, потом на трубу. – Как бы там ни было, он и закончил свои дни в норе, верно? В каком-то смысле.

Рукой без перчатки Босх дотронулся до лица трупа и откинул со лба и

с безучастных глаз спутанные черно-седые волосы. Тот факт, что он проделал это, не надев перчаток, заставило остальных оторваться от своих занятий и наблюдать за этим необычным, если не антисанитарным действием. Босх не обратил на них внимания. Он долго всматривался в мертвое лицо, ничего не говоря, не слыша ничьих слов. В тот момент, когда он понял, что ему знакомы эти черты, так же как знакома и татуировка, перед его мысленным взором словно вспыхнуло другое лицо – лицо молодого человека. Тощего и загорелого, коротко, почти наголо, подстриженного. Живого, а не мертвого. Он выпрямился и поспешно отвернулся от трупа.

Производя это резкое движение, он воткнулся в прибывшего наконец Джерри Эдгара, который, приблизившись, тоже склонился над трупом. От неожиданности оба отпрянули. Босх схватился за лоб. Эдгар, который был много выше, – за подбородок.

– Черт, Гарри! – вырвалось у Эдгара. – Ты жив?

– Угу. А ты?

Эдгар посмотрел руку, проверяя, нет ли крови.

– Ага. Извини, что так получилось. Ты что так подскакиваешь?

– Не знаю.

Поверх плеча Босха Эдгар взглянул на мертвое тело и затем последовал за своим напарником в сторону от сгрудившейся группы людей.

– Извини, Гарри, – произнес Эдгар. – Я час просидел там, ожидая, пока кто-нибудь появится, чтобы прикрыть меня на посту. Так расскажи, что у нас там.

Произнося все это, Эдгар все еще потирал челюсть.

– Пока точно не знаю, – ответил Босх. – Я хочу, чтобы ты залез в одну из этих патрульных машин, где есть мобильный терминал. Такой, что работает. Посмотри, не сможешь ли ты раздобыть данные по уголовной биографии на Медоуза, Билли... м-м... пусть будет Уильям. Дата рождения примерно 1950-й. И еще в управлении автотранспорта надо получить его адрес.

– Это тот жмурик?

Босх кивнул.

– А что, в удостоверении личности нет адреса?

– При нем нет никакого удостоверения. Я проверил. Так что проверь по базе данных. Должно быть какое-то упоминание за последние несколько лет. Хотя бы из полицейского отделения в Ван-Нуйсе^[4], по поводу наркотиков.

Эдгар медленно двинулся прочь, в сторону припаркованных

полицейских машин, чтобы найти такую, где был бы мобильный компьютерный терминал, встроенный в приборную панель. Так как он был крупным мужчиной, его походка казалась медленной, но Босх по опыту знал, что за его напарником было трудно угнаться. На Эдгаре был безупречно сшитый коричневый костюм в тонкую белую полоску. Волосы коротко подстрижены, а кожа – темная и глянцевая, как у баклажана. Босх смотрел ему вслед и невольно задавался вопросом: не специально ли тот подгадал чуть-чуть опоздать, избегнув тем самым необходимости надевать комбинезон, лезть в трубу и мять свой элегантный прикид?

Босх подошел к багажнику своей машины и вытащил «ПолярOID». Потом вернулся к труп и, расставив ноги по обеим сторонам от него, начал фотографировать лицо. Трех штук должно хватить, решил он, поочередно выкладывая выплунутые камерой снимки на крышу трубы для проявки. Он не мог заставить себя перестать всматриваться в это лицо, изменившееся со временем. Он думал об этом лице и о некогда игравшей на нем пьяной ухмылке – это было в ту ночь, когда все «крысы» Первого пехотного высыпали из тату-салона в Сайгоне. Процедура заняла у изнуренных алкоголем и наркотиками американцев четыре часа, но теперь все они сделались кровными братьями, братьями по крови – благодаря тому, что выжгли у себя на теле одно и то же клеймо. Босху вспомнились шальная веселость Медоуза в этом братстве и тот страх, который все они делили между собой.

Гарри отошел от тела, а тем временем Сакаи и Осито стали разворачивать черный мешок из толстого пластика с молнией, доходящей до середины. Как только мешок для упаковки трупа был развернут и раскрыт, сотрудники службы коронеров подняли тело Медоуза и поместили его внутрь.

– Вылитый чертов Рип ван Винкль^[5], – заметил подошедший Эдгар.

Сакаи задвинул молнию, и Босх заметил, что несколько курчавых седых волос Медоуза застряли в ее зубьях. Но Медоуз не станет возражать, ему теперь все равно. Как-то раз он сказал Босху, что ему суждено закончить жизнь в мешке для трупов. А потом добавил, что это и всем суждено.

Эдгар держал в одной руке маленький блокнот, в другой – золотую ручку «Кросс».

– Уильям Джозеф Медоуз, 21.07.1950. Звучит похоже, Гарри?

– Да, это он.

– Что ж, ты был прав, на него у нас много чего есть. Но в основном не по части дури. Есть ограбление, попытка ограбления, хранение героина.

Примерно год назад его загребли здесь же, на плотине, за подозрительное бродяжничество. И верно, была пара обвинений в употреблении наркотиков. Тот арест в Ван-Нуйсе, о котором ты говорил. А почему он тебя так интересует? Твой агент?

– Нет. Достал адрес?

– Проживает в Долине^[6]. В Сепульведе^[7], рядом с пивоваренным заводом. Район, в котором трудно продать недвижимость. Так если он не был информатором, почему у тебя контакты с этим типом?

– Никаких контактов... во всяком случае, в последнее время. Я знал его в другой жизни.

– Что это значит? Когда ты знал этого парня?

– Последний раз я видел Билли Медоуза лет двадцать назад. Или около того. Он был... Это было в Сайгоне.

– Да, тогда действительно выходит двадцать лет. – Эдгар прошел к поляроидным снимкам и взгляделся в три сделанных Босхом портрета. – Ты его хорошо знал?

– Не особенно. Ровно настолько, насколько вообще кто-либо там мог знать кого-либо. Ты привыкаешь доверять людям свою жизнь, а затем, когда она на исходе, вдруг понимаешь, что даже толком не знал большинства из них. Я никогда не встречался с ним по возвращении. Один раз, в прошлом году, говорил с ним телефону – вот и все.

– Как ты его узнал?

– Я и не узнал сначала. Потом увидел татуировку на руке. Тогда и лицо всплыло в памяти. Наверное, такие парни, вроде него, не забываются. Со мной, по крайней мере, так.

– Наверное...

На некоторое время в разговоре образовалась пауза. Босх пытался решить, что делать дальше, но мог только вновь и вновь дивиться подобному совпадению: его вызвали на место преступления для того, чтобы он обнаружил там мертвого Билли Медоуза. Эдгар нарушил его мечтательность.

– Так ты не хочешь рассказать, что тебе кажется здесь подозрительным? А то Донован там сейчас от злости в штаны наложит оттого, что ты заставил его все это проделать.

Босх рассказал Эдгару о замеченных им странностях, об отсутствии четких следов в трубе, о рубашке мертвеца, наполовину стянутой через голову, о сломанном пальце и том, что не найден нож.

– Какой нож? – переспросил напарник.

– Должен же он был чем-то распилить банку, чтобы сделать из нее

«плитку»... если только это его «плитка».

– Он мог принести ее с собой. Могло также случиться, что кто-то забрался внутрь и унес нож уже после его смерти. Если, конечно, был нож.

– Да, все могло быть. Но нет никаких следов, чтобы определить это.

– Ну, мы же знаем из его списка судимостей, что он был закоренелый наркоман. Он был таким и в прежние времена, когда ты его знавал?

– В определенной степени. Сам употреблял и приторговывал.

– Ну, вот и ответ: наркоман с многолетним стажем. Невозможно предугадать, что они выкинут, когда душа горит забалдеть или когда уже балдеют. Они конченые люди, Гарри.

– Хотя вообще-то он завязал... по крайней мере, я так думал. И на руке у него свежий след только от одного укола.

– Гарри, ты сам сказал, что не видел парня со времен Сайгона. Как ты можешь знать, завязал он или нет?

– Я его не видел, но я говорил с ним. Как-то раз он позвонил мне, где-то с год назад. В июле или августе, кажется. У него был арест в Ван-Нуйсе. Его забрали как наркомана, основываясь на следах от иглы. Каким-то образом, из газет или еще как, он узнал, что я коп, – это было примерно в то время, когда проходило дело Кукольника. Тогда я еще работал в городской полиции Лос-Анджелеса. Он позвонил мне туда, в отдел убийств и ограблений, из тюрьмы Ван-Нуйса. Спросил, не могу ли я его выручить. Он провел в окружной тюрьме только дней тридцать, но сказал, что находится на пределе. И... да, он еще сказал, что просто не сможет на этот раз отмотать весь срок, не сможет вот так, в одиночку, завязать...

Босх умолк, не договорив. После долгой паузы Эдгар подстегнул его:

– И что же? Продолжай, Гарри, что ты сделал?

– И я ему поверил. Я поговорил с тамошним копом. Помню, что его звали Наклз. Я тогда еще подумал: хорошее имя для уличного полицейского. Я позвонил в Министерство по делам ветеранов^[8] в Сепульведе и добился, чтобы его включили в программу. Наклз тоже в этом участвовал. Он сам тоже ветеран. Он добился, чтобы прокурор города попросил судью о снисхождении. Ну и клиника Министерства по делам ветеранов приняла Медоуза на амбулаторное лечение. Через шесть недель я справился, как там у него дела, и мне сказали, что он прошел курс, завязал и у него все в порядке. То есть мне так сказали. Говорили, что он находится на втором уровне программы поддержки. Говорили о психотерапии, о занятиях в группе... Сам я после того звонка больше не общался с Медоузом. Он мне больше не звонил, а я тоже не пытался его разыскивать.

Эдгар с умным видом сверился со своим блокнотом. Босх увидел, что

страница, на которую тот якобы смотрит, пуста.

– Послушай, Гарри, – сказал Эдгар, – все равно это было почти год назад. Немалое время для наркомана, верно? Кто знает? Он мог с тех пор трижды сорваться и снова завязать. Это уже не наша забота. Вопрос в том, что ты думаешь делать с нынешним подарком. Как собираешься поступить с этим делом?

– Ты веришь в совпадения? – спросил Босх.

– Ну, не знаю, я...

– Совпадений не бывает.

– Гарри, я не понимаю, о чем ты толкуешь. Но знаешь, что я думаю? Я не вижу здесь ничего вопиющего. Мужик забирается в трубу – может, в темноте он плохо видит, что делает, вкатывает себе слишком большую дозу и отдает концы. Вот и все. Может, с ним был кто-то еще, и, уходя, тот человек уничтожил следы. И нож забрал. Могла быть сотня...

– Иногда и нет вопиющих улик, Джерри. Вот в чем проблема. Сегодня воскресенье. Всем хочется поскорее пойти домой. Играть в гольф. Продавать дома. Смотреть бейсбол. По разным причинам, но всем наплевать. Все делается спустя рукава, только для проформы. Разве ты не видишь, что именно на это они и рассчитывали?

– Кто «они», Гарри?

– Те, кто это сделал.

Он умолк. Никого эти доводы не убеждали – даже он сам был в сомнении. Было неправильно играть на чувстве лояльности Эдгара. Он уйдет с этой работы, как только отработает свои двадцать лет. Тогда он поместит в профсоюзном бюллетене рекламное объявление размером с визитную карточку: «Отставной офицер полиции Лос-Анджелеса срежет комиссионные для своих братьев-полицейских» – и будет зарабатывать по четверти миллиона в год, продавая дома копам или для копов в долине Сан-Фернандо, или в долине Санта-Кларита, или в долине Антилопа, или еще в какой-нибудь долине, куда в следующий раз нацелится бульдозер.

– Зачем ему было лезть в трубу? – наконец проговорил Босх. – Ты сказал, он жил в Долине. В Сепульведе. Зачем было тащиться сюда?

– Ну, кто его знает, Гарри?.. Парень ширялся. Может, его жена выгнала. Может, он отбросил коньки где-нибудь поблизости, а дружки оттащили его мертвую задницу сюда, потому что не хотели объясняться с полицией?

– Все равно это преступление.

– Да, это преступление, но ты мне свистни, когда найдешь такого окружного прокурора, который специально для тебя возбудит по нему

уголовное дело.

– Его «аптечка» выглядит чистой. Практически новой. Все следы от уколов на руках, кроме одного, старые. Я не думаю, что он опять стал колотиться. Что-то здесь не так.

– Ну, я не знаю... Наверное, сейчас, когда кругом СПИД и все такое, им приходится думать о чистоте «аптечки».

Босх смотрел на своего напарника так, будто не узнавал.

– Гарри, послушай, что я хочу сказать. Он вполне мог быть твоим окопным товарищем двадцать лет назад, но сейчас, в этой жизни, он был наркоманом. И ты никогда не сможешь логически объяснить каждый его шаг. Я не знаю насчет «аптечки» или следов от уколов, но я знаю: этот случай не из тех, когда нужно горбатиться. Это обычная рутина, «от» и «до», с выходными и праздниками.

Босх сдался – на данный момент по крайней мере.

– Я отправляюсь в Сепульведу, – сказал он. – Ты со мной или возвращаешься к своему дню открытых дверей?

– Я закончу свою работу, Гарри, – мягко ответил Эдгар. – Если мы с тобой в чем-то не сошлись, это вовсе не означает, что я не собираюсь делать то, за что мне платят. Такого никогда не было и никогда не будет. Но если тебе не нравится, как я делаю свое дело, завтра утром мы пойдем к «шеф-повару» и поговорим насчет смены напарников.

Босх тотчас пожалел о своем дешевом выпаде, но не стал извиняться. Вместо этого он сказал:

– О'кей. Ты поезжай туда, посмотри, есть ли кто-нибудь в квартире. А я подъеду после того, как закруглюсь здесь.

Не ответив, Эдгар пошел к трубе и взял один из поляроидных портретов Медоуза. Сунул его в карман пиджака, а затем зашагал по подъездной дороге к своей машине, так и не сказав Босху ни слова.

* * *

После того, как Босх снял комбинезон и, сложив, убрал в багажник, он посмотрел, как Сакаи и Осито грубо шмякнули тело на носилки и задвинули в заднюю часть синего фургона. Потом направился к ним, размышляя, как лучше добиться, чтобы вскрытие произвели в приоритетном порядке – хотя бы завтра, а не через четыре-пять дней. Он поравнялся с сотрудником службы коронеров, когда тот открывал дверь своего мини-вэна, собираясь садиться.

– Мы здесь все закончили, Босх.

Босх положил руку на дверь, не давая Сакаи открыть ее до конца, чтобы сесть в машину.

– Кто сегодня будет производить вскрытие?

– Вот этого? Никто.

– Эй, послушай, Сакаи. Кто сегодня дежурит?

– Салли. Но он к нему и близко не подойдет, Босх.

– Слушай, я только что имел этот разговор с моим напарником. Не начинай все сначала, о'кей?

– Босх, ты взгляни. Ты вникни. Я дежурю с шести вечера, и это уже седьмое место преступления с тех пор, как я заступил на вахту. У нас были ДТП, утопленники, преступление на сексуальной почве. Люди специально умирают, чтобы встретиться с нами, Босх. Нам воздуха нет, а это значит, что нет времени на этот, по твоему мнению, криминальный случай. Хотя раз в жизни послушай своего напарника. Это дело пойдет в рутинном режиме. Это значит, что мы займемся им не раньше среды, может, вторника. В крайнем случае, к пятнице – обещаю железно. А результаты токсикологического анализа все равно придется ждать, по крайней мере, дней десять. Ты это прекрасно знаешь. Так что к чему твоя проклятая спешка?

– Не результаты, а результатов. Результатов анализа придется ждать дней десять.

– Пошел ты!

– Просто передай Салли: мне нужно, чтобы предварительное исследование было проведено сегодня. Я зайду попозже.

– Господи, Босх, уясни, что тебе говорят. У нас в предбаннике штабелями сложены тела, о которых мы уже знаем, что они проходят по разряду «убийства» и действительно нуждаются во вскрытии. У Салазара не будет времени на какой-то паршивый случай, который любой, кроме тебя, назовет смертью от передозировки. В самом натуральном виде! Что мне прикажешь ему сказать, чтобы он побежал делать вскрытие сегодня?

– Покажи ему сломанный палец. Скажи, что в трубе нет следов. Придумай что-нибудь. Скажи, что покойник слишком хорошо разобрался в дозах, чтобы умереть от передозировки.

Сакаи прислонился головой к боковой стенке фургона и громко расхохотался. Потом покачал головой, как делают люди, слыша какой-нибудь детский лепет.

– И знаешь, что он мне ответит? Он скажет, что не имеет значения, сколько времени он колосся. Все они рано или поздно плохо кончают. Босх,

много ты видишь вокруг шестидесятипятилетних наркоманов? Никто из них не проходит эту дистанцию. Если уж сел на иглу, то тебе крышка. Как и этому парню в трубе.

Босх повернулся и огляделся, чтобы удостовериться, что никто из патрульных полицейских не смотрит и не слушает. Потом опять обернулся к Сакаи.

– Просто скажи ему, что я подойду попозже, – негромко сказал он. – Если он не найдет ничего на предварительном вскрытии, тогда ладно, можешь заткнуть труп в самый низ штабеля в предбаннике или даже выбросить его на автозаправке на бульваре Ланкершим. Я не буду возражать, Ларри. Но только сначала скажи ему все это. Пусть это будет его решение, а не твое.

Босх убрал руку с дверцы и сделал шаг назад. Сакаи забрался в фургон и захлопнул дверцу. Он завел мотор и в течение долгой минуты смотрел на Босха. Потом опустил стекло:

– Босх, ты настоящая заноза в заднице. До завтра. Это самое большее, что я могу обещать. Сегодня никак.

– Первым номером?

– Да, только сегодня оставь нас в покое, ага?

– Первым номером?

– Да, да. Первым.

– Конечно же, я отстану. Так увидимся завтра?

– Только не со мной. Я буду дрыхнуть.

Сакаи закрыл окно, и фургон тронулся. Босх отступил в сторону, давая ему проехать, и, когда он скрылся из виду, остался стоять, уставившись на трубу. Только сейчас он впервые обратил внимание на граффити. Не то чтобы он раньше не замечал, что внешняя поверхность трубы буквально испещрена письменами. Однако сейчас он стал вглядываться в отдельные каракули. Тут были старые, потускневшие, давно забытые, либо все еще сохраняющие актуальность – целая живописная картина из букв, складывающихся в угрожающие заклинания. Тут были лозунги, призывающие бросить Лос-Анджелес. Тут были имена: Озон, Бомбометатель, Косяк, множество других. Внимание Гарри привлек один из последних довесков. Он состоял всего из трех букв написанных на расстоянии примерно двенадцати футов от края трубы: «Sha» – «Ша». Эти три буквы были написаны одним свободным, плавным движением. Верхушка S была зазубрена и затем обведена по контуру так, что создавалось впечатление рта. Распахнутой, зияющей пасти. Зубов не было, но Босх их угадывал. Создавалось впечатление, что работа не завершена.

Тем не менее это была хорошая работа, аккуратная и самобытная. Он навел на нее «Поляроид» и сфотографировал.

Опустив снимок в карман, Босх прошел к полицейскому фургону. Донован рассовывал инструментарий по полкам, а пакеты с уликами – по деревянным ящичкам.

– Тебе не попадались там какие-нибудь обгорелые спички?

– Да, одна, причем свежая, – ответил Донован. – Обгорела до самого конца. Она лежала футов на десять в глубине. Я нанес ее местоположение на план.

Босх взял в руки планшет, к которому был прикреплен клочок бумаги с нанесенным планом внутреннего пространства трубы. На плане было отмечено местоположение тела и места, где были найдены вещественные доказательства – весь извлеченный из трубы хлам. Босх заметил, что спичка была обнаружена футах в пятнадцати от тела. Затем Донован, ткнув в свой пластиковый пакет с уликами, показал ему спичку.

– Я дам тебе знать, если спичка соответствует упаковке в «аптечке» умершего, – сказал он. – Если тебя именно это волнует.

– А как насчет патрульных? – сказал Босх. – Что они обнаружили?

– Все здесь, – сказал Донован, показывая на деревянный короб, в котором находилось еще много прозрачных пластиковых мешков с уликами. В этих пакетах содержался мусор, собранный полицейскими, которые обшарили территорию в радиусе пятидесяти ярдов вокруг трубы. Каждый мешок содержал указание на место обнаружения данного предмета. Босх стал вытаскивать пакеты и изучать их содержимое. По большей части то были всяческая рухлядь и отбросы, не имеющие никакого отношения к обнаруженному в трубе труп. Тут были газеты, тряпье, одна туфля на шпильке, белый носок, в котором засохла синяя краска. Снаряжение «нюхача».

Еще Босх заметил пакет, в котором лежал колпачок от жестяного аэрозольного краскораспылителя. В следующем мешке находился сам баллончик. На ярлыке значилось: «цвет морской волны». Босх приподнял пакет, прикидывая вес, и решил, что в баллончике осталось еще немало. Взяв пакет, он подошел к трубе, открыл его и, нажав на сопло карандашом, струей краски провел синюю линию рядом с буквами «Sha». Пожалуй, он перестарался. Краска потекла по выгнутой поверхности и закапала на гравий. Но главное, Босх сумел определить, что цвет тот же самый.

Некоторое время он размышлял над этим. Для чего было автору граффити выбрасывать наполовину полный баллончик? Босх прочел надпись на пакете для вещдоков. Данная улика была найдена у края

резервуара. Кто-то пытался забросить жестянку в водоем, но не добросил. И снова Босх подумал: «Зачем?» Он опустился на корточки рядом с трубой и с близкого расстояния внимательно оглядел буквы. Он решил, что надпись – будь то послание или имя – не была закончена. Произошло нечто, заставившее рисовальщика прекратить свое занятие и выбросить через забор баллончик, крышку от него, а также носок с краской. Не полиция ли его вспугнула? Босх вытащил блокнот и написал себе памятку позвонить после полуночи Краули, чтобы узнать, не совершал ли кто из его людей обход в окрестностях резервуара во время своего ночного дежурства.

А что, если это не копы побудили рисовальщика выбросить краску за ограду? Что, если он стал свидетелем того, как кто-то прячет в трубу мертвое тело? Босху припомнились слова Краули об анонимном звонке, в котором звонивший сообщал о трупе. «...Просто звонил какой-то мальчишка, только и всего». Не был ли этот звонивший тем самым рисовальщиком? Босх отнес баллончик обратно к фургону криминалистической лаборатории и отдал Доновану.

– После «аптечки» и «плитки» сними отпечатки и с этого, – попросил он. – Я думаю, он может принадлежать свидетелю.

– Сделаю, – сказал Донован.

* * *

Босх спустился с холмов и по съезду с бульвара Барэм выехал на Голливудскую автостраду, держа путь к северу. Проехав по перевалу Кауэнга-пэсс, он затем по автостраде Вентура проехал к западу, а затем снова свернул на север, на магистраль Сан-Диего. Чтобы проехать эти десять миль, ему потребовалось около двадцати минут. В воскресенье движение было слабым. Он съехал с шоссе на Роскоу и проехал пару кварталов к востоку, углубляясь по Лэнгдон-авеню в тот жилой район, где обретался Медоуз.

Сепульведа, как и большинство пригородов Лос-Анджелеса, имела в своем составе и хорошие, и плохие жилые районы. Босх не рассчитывал увидеть на улице, где жил Медоуз, подстриженные лужайки или тротуары, уставленные «вольво». И он не обманулся в своих ожиданиях. Прошло не менее десятка лет с тех пор, как здешние апартаменты утратили свою привлекательность. Окна нижних этажей были забраны решетками, а двери гаражей – исписаны граффити. Отчетливый запах пивзавода на Роскоу проникал и в жилой массив. Здесь пахло точь-в-точь как в баре в четьре

часа утра.

Медоуз жил в U-образном многоквартирном доме, построенном в 50-х годах, когда в воздухе еще не стоял пивной запах, на каждом углу не тусовалась банда хулиганов, а в жителях округа не умерла надежда на лучшее будущее. Во внутреннем дворике дома имелся бассейн, но он уже давно был наполнен только песком и грязью. Сейчас внутренний дворик представлял собой овальной формы клочок бурой травы, окруженный полоской грязного цемента. Медоуз обретался в угловой квартире на верхнем этаже. Пока Босх поднимался по лестнице, а потом шагал по коридору мимо квартир, до него доносился неумолчный гул автострады. Дверь в квартиру 7В была не заперта, и за ней открывалась небольшая комната – гостиная, столовая и кухня в одном лице. Здесь, привалившись к кухонной стойке, стоял Эдгар и что-то писал в записной книжке.

– Приятное местечко, верно? – бросил он.

– Угу, – отозвался Босх и огляделся. – Дома никого?

– Нет. Я справился у соседки, и она сказала, что никого не видела с позавчерашнего дня. Говорит, что человек, который здесь проживал, назвался не Медоузом, а Филдзом^[9]. Остроумно, да? Говорит, что он жил совсем один. Провел здесь примерно с год, вел в основном одинокий образ жизни. Это все, что ей известно.

– Ты показал ей фотографию?

– Да, она его опознала. Хотя ей было неприятно смотреть на фото покойника.

Босх шагнул в коротенький коридорчик, ведущий в ванную и спальню.

– Это ты взломал дверь? – спросил он.

– Нет, она была не заперта. Seriously: я стукнул пару раз и только было собрался к своей машине за инструментами, чтобы аккуратно вскрыть замок, как тут вдруг случайно, без всякой причины толкаю дверь...

– И она открывается.

– И она открывается.

– Ты говорил с управляющим?

– Управляющей на месте не оказалось. Теоретически она где-то здесь, но, видно, вышла перекусить или перехватить героинчику. У меня впечатление, что все, кого я здесь видел, ширяются.

Босх вернулся в гостиную и огляделся. Увидел он тут не слишком много. Возле одной стены располагалась кушетка, обтянутая зеленым винилом, к противоположной был приткнут стул с мягкой обивкой, а рядом с ним на ковре стоял маленький цветной телевизор. В столовом отсеке находился стол со столешницей из огнеупорного пластика в окружении

трех стульев. Четвертый стул стоял отдельно, у стены. Босх посмотрел на кофейный столик перед кушеткой, весь в подпалинах от сигарет. На нем стояла гигантских размеров пепельница и валялась книжка с кроссвордами. Здесь же был разложен незаконченный пасьянс, лежал журнал с программой телевидения. Босх понятия не имел, курил ли Медоуз, но он знал, что при нем не было найдено никаких сигарет. Он взял себе на заметку выяснить это позднее.

– Гарри, квартира была обыскана, – сказал Эдгар. – Дело не только в том, что дверь была отперта и все такое. Я имею в виду и разные другие вещи. Все это жилище было обшарено. Работа проведена в целом чисто, но все равно можно догадаться. Она была проведена в спешке. Пойди взгляни на кровать и платяной шкаф – и поймешь, что я имею в виду. А я хочу еще раз попытать счастья у управляющей.

Эдгар вышел, и Босх снова прошел из жилой комнаты в спальню. По дороге он отметил присутствие запаха мочи. В спальне стояла широкая кровать без спинки, просто придвинутая к стене изголовьем. На белой стене, вероятно, на том уровне, где Медоуз, сидя в кровати, прислонялся головой, темнело жирное пятно. Напротив кровати, у другой стены, располагался комод с шестью ящиками. Рядом с кроватью стоял дешевый ночной столик из ротанга, а на нем – лампа. Больше в комнате не было ничего, даже зеркала.

Босх сначала обследовал кровать. Она была не заправлена, подушки и простыни сбиты в кучу посередине. Босх заметил, что угол одной из простыней зажат с левой стороны между матрасом и пружинной сеткой. Совершенно очевидно, что кровать не была изначально застелена вот таким образом. Босх выдернул угол простыни из-под матраса, тот остался свободно свисать сбоку. Приподнял матрас, как если бы искал под ним что-то, потом опустил на место. Угол простыни опять оказался зажат между матрасом и пружинами. Эдгар был прав.

Затем он выдвинул все шесть ящиков комода. Вещи, лежавшие там – белье, белые и темные носки, а также несколько футболок, – были аккуратно сложены и казались совершенно не потревоженными. Когда он открыл левый нижний ящик, то заметил, что он движется неровно и задвигается не до конца. Босх вытащил его совсем. Потом так же вынул еще один ящик. Затем – все остальные. Когда все они оказались снаружи, Босх проверил нижнюю часть каждого, чтобы выяснить, не крепится ли что-нибудь к днищу. Потом вернул ящики обратно, но несколько раз менял их местами, пока каждый не стал задвигаться легко и до конца. Когда закончил, ящики оказались поставлены совершенно в другом порядке. В

правильном порядке. Босх был удовлетворен тем, что установил: кто-то выдвигал ящики, искал что-то под ними и за ними, а затем ставил их назад как попало.

Босх подошел к стенному платяному шкафу. Он обнаружил, что лишь четверть имеющегося там пространства использована. На дне шкафа стояли две пары туфель, пара черных кроссовок «Рибок», перепачканных песком и серой пылью, и пара рабочих ботинок на шнурках, выглядевших так, словно их только что почистили и смазали. На ковре тоже была серая пыль от кроссовок. Гарри сел на корточки и подцепил щепотку. Пыль была похожа на цементную. Он вытащил из кармана маленький пакетик для улик и опустил в него несколько крупинок. Потом спрятал пакет и выпрямился. В шкафу было пять рубашек на плечиках; из них одна-единственная белая, на пуговицах, а остальные четыре – черные, надевающиеся через голову, с длинными рукавами, вроде той, в которой нашли Медоуза. Рядом с рубашками висели две пары выцветших джинсов и две пары штанов – то ли пижамных, то ли для карате. Карманы всех четырех пар были вывернуты. В стоявшей на полу пластиковой корзине для грязного белья находились грязные черные плавки, майки, носки и пара широких трусов наподобие шорт.

Босх закрыл стенной шкаф и вышел из спальни. Он задержался в ванной, открыл дверцу аптечного шкафчика. Здесь были наполовину опустошенный тюбик зубной пасты, пузырек аспирина и пустая коробка из-под инсулиновых шприцев. Закрыв шкафчик, Гарри посмотрел на себя в зеркало и заметил в глазах усталость. Пригладил волосы.

Вернувшись в жилую комнату, он уселся на кушетку, перед незаконченным пасьянсом. В квартиру вошел Эдгар.

– Медоуз снял эту квартиру первого июля, – объявил он. – Вообще-то арендная плата должна была вноситься ежемесячно, но он заплатил вперед, за одиннадцать месяцев. Это почти пять кусков наличными, которые он выложил. Управляющая вернулась. Она сказала, что не спрашивала у него рекомендаций. Просто взяла деньги. Он жил...

– Она сказала, что он заплатил за одиннадцать месяцев? – перебил Босх. – Это входило в условия сделки – заплатить за одиннадцать месяцев, чтобы двенадцатый шел бесплатно?

– Нет, я тоже спросил ее об этом, и она сказала: нет, он сделал это по собственному почину. Просто выразил желание заплатить именно так. Говорит, что он должен был съехать первого июня этого года. Это будет... постой-ка... через десять дней. Она говорит, якобы он приехал сюда на работу, вроде бы из Феникса. Сказала, что он работал как будто

начальником смены на прокладке метро. У нее сложилось впечатление, что одиннадцать месяцев – это был тот срок, на который он пообещал, а потом он должен был вернуться обратно в Феникс.

Эдгар смотрел в записную книжку, восстанавливая в памяти содержание своего разговора с хозяйкой.

– Вот и все насчет квартиры. Больше хозяйка мне ничего существенного не сказала. Она тоже опознала его на снимке. И ей он тоже представился как Филдз – Билл Филдз. Сказала, что он работал в необычное время, ходил в ночную смену или что-то в этом роде. Сказала, что видела, как однажды, на прошлой неделе, когда он вернулся домой, то высаживался из бежевого или светло-коричневого джипа. Номера машины она не знает, потому что не смотрела. Но сказала, что жилец был весь покрыт грязью, почему она и поняла, что он вернулся с работы.

Несколько секунд оба молчали, погруженные в раздумье.

Наконец Босх сказал:

– Эдгар, я хочу заключить с тобой сделку.

– Ты – со мной? О'кей, выкладывай.

– Поезжай сейчас домой или обратно к своим клиентам. Дальше дело поведу я. Схожу на коммутатор, послушаю пленку, потом вернусь в офис, займусь бумажками. Проверю, произвел ли Сакаи уведомление ближайших родственников. Мне кажется – если я ничего не путаю, – Медоуз был из Луизианы. Так или иначе, я на завтра договорился о вскрытии, на восемь часов. Прослежу одновременно и за этим. А твоя задача – довести до ума вчерашний инцидент на телевидении и передать его окружному прокурору. Не надо там оставлять никаких хвостов.

– То есть ты берешь на себя всю грязную работу и позволяешь мне легко отделаться. Дело, где один трансвестит замочил другого, банальное, как дважды два. Никаких заморочек там не предвидится.

– Да, кстати. Мне бы хотелось получить от тебя еще одну вещь. Завтра, когда будешь возвращаться из Долины, заскочи по пути в Министерство по делам ветеранов в Сепульведе и посмотри, нельзя ли уговорить их показать тебе досье Медоуза. Там может оказаться несколько полезных имен. Как я уже сказал, он предположительно консультировался у психотерапевта в амбулатории и посещал групповой тренинг. Может, кто-то из тех парней колосся с ним вместе и знает, что здесь вчера произошло. Да, я понимаю, это притянута за уши, всего лишь предположение. Если они начнут тебя мытарить, позвони мне, и я постараюсь добыть судебное предписание.

– Действительно, похоже на сделку. Но я переживаю о тебе, Гарри. Я хочу сказать, мы с тобой не слишком долго были партнерами, и, может, ты

хочешь пробиться обратно, в свой отдел убийств. Но лично я не вижу смысла в том, чтобы надрываться на этом деле. Да, квартира была обыскана. Но ведь главное не в этом. Главное – зачем. И по первому впечатлению, ничего меня здесь по-настоящему не всколыхнуло. На мой взгляд, кто-то притащил Медоуза к водохранилищу после того, как тот гикнулся, а перед тем он обшарил его хату, чтобы забрать наркотик. Если он у него был.

– Наверное, все так и есть, – сказал Босх, помолчав несколько секунд. – Но пара-тройка вещей все равно не дает мне покоя. Хочу поковыряться в этом деле еще немножко, пока не удостоверюсь.

– Что ж, я уже сказал, у меня нет возражений. Мне только лучше. Ты отводишь мне легкую роль.

– Пожалуй, я здесь осмотрюсь еще немного. Ты поезжай, увидимся завтра, когда я вернусь из морга.

– Ладно, партнер.

– И еще, Джед...

– Да?

– Это не имеет никакого отношения к моему стремлению вернуться в отдел.

* * *

Босх сидел один, размышляя и обводя взглядом комнату в поисках ключа к разгадке. Наконец его взор упал на карты, разложенные перед ним на кофейном столике. Пасьянс... Он заметил, что все четыре туза лежат лицевой стороной. Он взял со стола колоду оставшихся карт и пролистал, снимая по три карты за раз. В ходе этого занятия он наткнулся на двойку и тройку пик и двойку червей. Пасьянс не зашел в тупик, он был прерван. Он так и не был завершен.

Гарри охватило беспокойство. Он посмотрел на пепельницу из зеленого стекла и увидел, что все бычки являются окурками от сигарет «Кэмел» без фильтра. Была ли это та марка сигарет, которую курил Медоуз? Или его убийца? Босх встал и начал обходить комнату. Обоняние снова среагировало на слабый запах мочи. Он опять прошел в спальню. Выдвинул ящики комода и еще раз уставился на их содержимое. Ничто не шевельнулось в его мозгу. Он подошел к окну и посмотрел на тыльную часть другого многоквартирного дома, по ту сторону узкого проезда. На дорожке стоял человек с тележкой, какие бывают в супермаркетах, и

ковырял палкой в мусоре. Тележка была наполовину полна алюминиевых банок. Босх отошел от окна, сел на кровать и прислонился к стене в том месте, где должна была находиться спинка, но вместо этого на белой краске появилось неряшливое грязно-серое пятно. Стена холодила спину.

– Расскажи мне что-нибудь, – прошептал он, обращаясь неизвестно к кому.

Что-то прервало карточную игру, и Медоуз умер именно здесь, Босх в этом не сомневался. А потом его тело перенесли в трубу. Но зачем? Почему было не оставить его тут? Босх опять ткнулся головой в стену и посмотрел прямо перед собой, в противоположный конец комнаты. Вот тогда-то он и заметил в стене гвоздь. Гвоздь торчал примерно в трех футах над комодом и когда-то, давным-давно, был покрашен в белый цвет вместе со стеной. Вот почему он раньше его не заметил. Он встал и пошел взглянуть за комод. В трехдюймовом пространстве между комодом и стеной он увидел край рамки от картины. Плечом отодвинув тяжелый комод от стены, Босх поднял рамку. Присев на край кровати, начал ее рассматривать. Стекло треснуло, видимо, при падении, и замысловатая паутина из трещин частично заслонила черно-белое фото размером восемь на десять дюймов. Изображение было зернистым, и бумага пожелтела по краям. Фотографии было больше двадцати лет. Босх знал это точно, потому что между двумя трещинами на стекле увидел свое собственное лицо, молодое и улыбающееся.

Он повернул рамку и осторожно отогнул назад жестяные зубчики, которые удерживали на месте картонный задник. Когда он вытаскивал пожелтевшее фото из рамки, стекло наконец не выдержало, и осколки посыпались на пол. Босх отодвинул ноги от стекла, но не встал, так и остался сидеть. Он разглядывал фотографию. Ни с лицевой стороны, ни с изнанки на ней не было никаких пометок, подсказывающих, где или когда был сделан снимок. Но он знал, что это было, вероятно, в конце 1969-го или в начале 1970 года, потому что после этого времени кое-кого из изображенных на снимке людей уже не было в живых.

На фотографии их было семеро. Все – «туннельные крысы». Они были без рубашек и гордо демонстрировали свои загоревшие в футболках тела и татуировки; солдатские персональные медальоны скреплены, чтобы не бряцали, когда бойцы проползали по подземным коридорам. Должно быть, они находились в секторе «Эхо» района Ку-Чи^[10], но Босх не мог определить или вспомнить, в каком селении. Солдаты стояли в траншее, расположившись по обеим сторонам входа в подземный лаз – не шире той трубы, в которой впоследствии Медоуза найдут мертвым. Босх посмотрел

на самого себя и подумал, что на фотографии у него дурацкая улыбка. Сейчас он ее устыдился, потому что знал, чему было суждено произойти после запечатленного на пленке момента. Потом взглянул на лицо Медоуза и увидел бледную ухмылку и рассеянный, отсутствующий взгляд. Товарищи всегда говорили, что даже в комнате восемь на восемь футов у Медоуза будет взгляд словно с расстояния в тысячу ярдов.

Босх уронил взгляд под ноги, где валялись куски стекла, и увидел розовый клочок бумаги размером с бейсбольную карточку. Он поднял его, осторожно ухватив с боков, и стал рассматривать. Это была расписка из ломбарда, расположенного в деловой части города. На ней значилось имя клиента: Уильям Филдз. Заложено было только один предмет: старинный браслет, золотой, инкрустированный нефритом. Выдана была расписка шестью неделями ранее. За браслет Филдз получил 800 долларов. Босх убрал квитанцию в вынутый из кармана конверт для улики и встал.

* * *

Из-за плотного потока машин, спешащих к стадиону на «Доджеров», поездка в центр города заняла час. Босх провел это время в размышлениях о только что покинутой квартире. До них кто-то уже обыскивал квартиру, но Эдгар был прав: сделано это было в спешке. Самым очевидным свидетельством тому были карманы брюк. Но ящики комода тоже следовало бы поставить обратно в правильном порядке, а фотографию и спрятанную в ней квитанцию не следовало пропускать. Чем объяснялась эта спешка? Босх пришел к такому выводу: причина состояла в том, что во время обыска тело Медоуза находилось в квартире. И его требовалось поскорее убрать.

Босх выехал на Бродвей и направился по нему в южную сторону, мимо площади Таймс-сквер, в ломбард, что располагался в Брэдбери-билдинг. В выходные дни в деловой части Лос-Анджелеса было большей частью так же тихо, как на Форест-Лаун, и он не ожидал найти ломбард – к слову, носивший название «Счастливый заклад» – открытым. Ему просто хотелось из любопытства взглянуть на это место прежде, чем направиться в коммуникационный центр. Но когда он проезжал мимо, то увидел человека с баллончиком аэрозольной краски, который вырисовывал на листе фанеры черные буквы «ОТКРЫТО». Фанера была установлена на месте парадной витрины. Под ней, на грязном тротуаре, Босх узрел стеклянные осколки. Он затормозил. К тому моменту, как он подошел к двери, мужчина уже

скрылся в помещении. Босх шагнул через луч фотоэлемента, вследствие чего откуда-то сверху, над всеми свисающими с потолка музыкальными инструментами, тотчас раздался звон колокольчика.

– Закрото! Я не работаю по воскресеньям! – крикнул из глубины магазина мужской голос. Человек стоял за хромированной кассой, поставленной поверх застекленного прилавка.

– На вывеске, которую вы только что рисовали, написано совсем другое.

– Да, но это относится к завтрашнему дню. Когда люди видят поверх витрины лист фанеры, они думают, что закрыто. Я не закрылся. Я работаю, но только не в выходные. У меня эта доска совсем недавно. Поэтому я и написал на ней «ОТКРЫТО», чтобы люди знали, понимаете? Открыто начиная с завтрашнего дня.

– Вы хозяин ломбарда? – спросил Босх, предъявляя служебное удостоверение и привычным жестом приоткрывая футляр с полицейским значком. – Это займет всего пару минут.

– О, полиция! Почему же вы сразу не сказали? Я жду вас целый день.

Босх растерянно огляделся, потом смекнул.

– Вы имеете в виду витрину? Я здесь по другому поводу.

– Что значит «по другому поводу»? Что вы хотите сказать? Патрульный полицейский велел мне ждать детектива. Я и жду. Я здесь с пяти утра.

Босх обвел глазами помещение. Оно было наполнено неизменным набором из медных духовых инструментов, старой электроники, ювелирных изделий и коллекционных предметов.

– Послушайте, мистер...

– Обинна. «Ломбарды Оскара Обинны в Лос-Анджелесе и Калверсити».

– Мистер Обинна, сыщики не выезжают по выходным по поводу случаев вандализма. Возможно, они не делают этого даже и в будни.

– Какой еще вандализм? Это было проникновение со взломом. Грандиозное ограбление.

– Вы хотите сказать, кража со взломом? А что украли?

Обинна повел рукой, указывая на две разбитые стеклянные витрины. Босх подошел поближе и увидел мелкие ювелирные украшения, дешевого вида серьги и кольца, затерявшиеся среди осколков стекла. Но он увидел также покрытые бархатом подставки для драгоценностей, зеркальные пластины и деревянные крючки, где должны были находиться украшения подороже, но их не было. Он огляделся и не заметил в магазине больше

никакого ущерба.

– Мистер Обинна, я могу позвонить дежурному детективу и узнать, собирается ли кто-нибудь приехать сюда сегодня, и если да, то когда они будут. Но вообще-то я пришел не за этим.

Тут Босх вытащил пластиковый конверт, внутри которого лежала ломбардная расписка. Он показал ее Обинне.

– Нельзя ли мне взглянуть на этот браслет? – В тот самый миг, как Босх это произнес, он понял, что на него накатывает скверное предчувствие. Ростовщик, маленький, кругленький, с оливковой кожей и остатками темных волос вокруг лысого черепа, скептически посмотрел на Босха, сдвинув кустистые брови.

– Значит, вы не собираетесь заняться моими витринами?

– Нет, сэр, я расследую убийство. Не могли бы вы показать мне браслет, упомянутый в этой расписке? А потом я позвоню в детективный отдел и выясню, приедет ли кто-нибудь сегодня расследовать вашу кражу со взломом. Заранее благодарен вам за сотрудничество.

– Ай! Ну вы и люди! Я-то сотрудничаю! Я каждую неделю отсылаю списки, даже делаю для ваших людей снимки сданных вещей. И после этого все, о чем я прошу, – один-единственный сыщик, чтобы расследовать мое ограбление. А вместо этого приходит человек, который говорит, что его интересует убийство. Я жду с пяти утра.

– Где ваш телефон? Я кого-нибудь сюда пришлю.

Обинна снял трубку телефона, висящего на стене позади одной из поврежденных витрин, и протянул гостю. Босх назвал ему номер, который нужно набрать. Босх разговаривал с дежурным детективом в Паркер-центре^[11], а тем временем владелец ломбарда искал ссылку на данную квитанцию в журнале учета. Дежурный детектив, женщина, о которой Босх знал, что она за всю свою карьеру полицейского в отделе убийств не участвовала в выезде на место преступления, спросила, как у него дела, затем сказала, что сообщила об ограблении ломбарда в местный участок, хотя и знает, что там сегодня не будет детективов. Местным участком было Центральное отделение. Тем не менее, Босх прошел за прилавком и набрал номер местного детективного отдела. Никто не ответил. Пока телефон продолжал давать долгие гудки, Босх стал имитировать разговор:

– Алло, это Гарри Босх, Голливудское отделение. Я хотел узнать, в каком состоянии дело со взломом ломбарда «Счастливый заклад» на Бродвее... Да, он здесь... Вы знаете... Когда?.. Ага, ага... Верно... Обинна, О-Б-И-Н-Н-А.

Он оглянулся. Обинна кивнул, подтверждая орфографию.

– Да, он здесь, ждет... Верно... Я ему передам. Спасибо.

Он повесил трубку. Обинна смотрел на него, выгнув дугой кустистые брови.

– У меня сегодня выдался трудный день, мистер Обинна, – проговорил Босх. – Детективов сейчас нет на месте, но они придут. Думаю, ждать уже недолго. Я сообщил дежурному офицеру ваше имя и попросил отправить их сюда как можно скорее. Ну, а теперь могу я увидеть браслет?

– Нет.

Босх извлек сигарету из пачки, которую вытащил из кармана пиджака. Он знал, что сейчас услышит, еще прежде, чем Обинна, широко обведя рукой, указал на одну из разбитых демонстрационных витрин.

– Ваш браслет, его украли, – сказал ростовщик. – Я проверил по своим записям. Я держал его вот здесь, в витрине, потому что это была тонкая, изящная вещь, очень ценная для меня. Теперь она пропала. Мы с вами оба жертвы этого ограбления, не так ли?

Обинна усмехнулся, явно счастливый возможностью разделить с кем-то свои несчастья. Босх посмотрел на поблескивающие острые осколки стекла на дне витрины, потом кивнул и сказал:

– Так.

– Вы опоздали на один день, детектив. Какая досада.

– Вы сказали, что только эти две витрины пострадали?

– Да. Грабительский налет. Раз, два и готово!

– В какое время это произошло?

– Мне позвонили из полиции в четыре тридцать утра. Это время, когда сработал сигнал тревоги. Я сразу же приехал. Сигнал тревоги сработал, когда разбивали стекла. Приехавший патруль никого не обнаружил. Патрульные оставались здесь до моего прихода. Потом я стал ждать сыщиков, которые так и не явились. Я не могу привести в порядок свои витрины, пока они не придут на место преступления, чтобы все расследовать.

Босх размышлял о факторе времени. Тело привезли на плотину и выгрузили где-то незадолго до анонимного звонка в службу спасения, который поступил в четыре утра. Ломбард грабанули примерно в то же время. Браслет, заложенный человеком, которого убили, был украден. Совпадений не бывает, сказал он себе.

– Вы что-то сказали насчет фотографий. Списки и фотографии сданных в ломбард вещей?

– Да, по распоряжению управления полиции Лос-Анджелеса, это верно. Я передаю списки всего, что принимаю в залог, детективам, которые

занимаются ломбардами. Таков порядок. Я всегда сотрудничаю с властями.

Обинна кивнул и хмуро уставился в разбитую витрину.

– Так что там насчет фотографий? – снова спросил Босх.

– Да, фотографии. Эти детективы, они попросили меня делать фотографии моих лучших поступлений. Сказали, это помогает отслеживать краденое. Закон этого не требует, но я полностью сотрудничаю. Я купил фотокамеру «Поляроид». И я храню эти снимки, на тот случай, если им захочется прийти и взглянуть. Но никто, конечно, не приходит. Все это чепуха на постном масле.

– У вас есть фотография этого браслета?

Брови опять изогнулись – Обинна начал впервые всерьез переваривать эту мысль.

– Думаю, да, – ответил он и в следующую секунду скрылся за черной занавеской, прикрывавшей дверной проем за прилавком. Через некоторое время он вышел с коробкой из-под обуви, полной поляроидных снимков с прикрепленными к ним полосками желтой копирки. Старик принялся, хрустя, перебирать фотографии. Время от времени он вытаскивал какую-нибудь из них, вскидывал брови, а затем возвращал на место. Наконец он нашел то, что искал.

– Вот. Вот она.

Босх взял фотографию и принялся рассматривать.

– Старинное золото с резным нефритом, очень тонкая работа, – сказал Обинна. – Я помню этот браслет, первоклассное изделие, высокий стиль. Неудивительно, что этот подлец, который вломился, украл его. Изготовлен в 30-х годах в Мексике... Я дал за него тому человеку восемьсот долларов. Я не часто плачу такую цену за ювелирное изделие. Помню, был случай: пришел очень важный человек, принес кольцо. В 1983 году. Очень красивое. Я дал ему тысячу долларов. Он так за ним и не вернулся.

Он вытянул левую руку, чтобы продемонстрировать огромное золотое кольцо, которое на его маленьком пальце выглядело даже крупнее.

– А человек, который заложил браслет, его вы так же хорошо помните?

Обинна выглядел озадаченным. Босху подумалось, что наблюдать за его бровями – все равно как за двумя набрасывающимися друг на друга гусеницами. Он вытащил из кармана один из поляроидных портретов Медоуза и протянул ростовщику. Тот некоторое время внимательно изучал его.

– Этот человек мертв, – вымолвил он наконец. Гусеницы подрагивали, точно от страха. – Этот человек выглядит мертвым.

– Чтобы определить это, мне не нужна ваша помощь, – сказал Босх. –

Я хочу знать, он ли заложил этот браслет.

Обинна отдал фотографию обратно.

– Пожалуй, да, – произнес он.

– Он еще когда-нибудь приходил сюда, чтобы что-то заложить – до или после браслета?

– Нет. Думаю, я бы его запомнил. Пожалуй, нет.

– Мне необходимо это забрать, – сказал Босх, поднимая вверх фотоснимок браслета. – Если он вам понадобится, позвоните мне.

И детектив положил на кассовый аппарат свою визитную карточку. Карточка была из дешевых – имя и телефон на ней были написаны от руки, вдоль отпечатанных типографским способом линий. Шагая к входной двери под вереницей банджо, Босх взглянул на свои часы. Потом повернулся к Обинне, который продолжал рыться в коробке с поляроидными снимками.

– Мистер Обинна, дежурный офицер, он просил меня передать вам, что если детективы не явятся сюда через полчаса, то вам следует идти домой, а они приедут завтра утром.

Обинна молча посмотрел на него. Гусеницы на его лице бросились друг на друга и сцепились. Босх завел глаза к потолку и увидел свое отражение в блестящем медном колене висевшего над головой саксофона. Потом повернулся и вышел на улицу, чтобы отправиться в коммуникационный центр за магнитофонной записью.

* * *

Дежурный сержант в коммуникационном центре, расположившемся под помещением городского управления, позволил Босху переписать запись телефонного звонка в службу спасения с одного из больших катушечных магнитофонов, которые непрестанно вращались, фиксируя все вопли, плачи и призывы о помощи большого города. Голос оператора, принимавшего сегодня утром звонки по чрезвычайным ситуациям, был женским и принадлежал явно чернокожей женщине. Звонивший же, судя по голосу, был, напротив, белым мужчиной, притом совсем юным.

– Служба девять-один-один. Что у вас произошло?

– М-м...

– Чем могу вам помочь? Что вы хотите сообщить?

– М-м... да... я хочу сообщить, что у вас в трубе мертвец.

– Вы сообщаете о трупе?

– Ага, верно.

– Что вы подразумеваете, говоря «в трубе»?

– В трубе, у дамбы.

– У какой дамбы?

– М-м... ну, вы знаете, откуда идет вода из резервуара и все такое. Где надпись «Голливуд».

– Это дамба Малхолланд-дэм, сэр? Над Голливудом?

– Ага, эта. Все правильно. Малхолланд. Я позабыл название.

– Где находится тело?

– Там есть большая старая труба. Ну, знаете, в которых еще люди спят. Так вот жмурик в этой трубе. Он там.

– Вы знаете этого человека?

– Нет, что вы, совсем не знаю.

– Он спит?

– Да нет же, черт! – Парень нервно рассмеялся. – Он мертвый.

– Почему вы так уверены?

– Знаю – и все. Мое дело вам сказать. Если вы не хотите слу...

– Как ваше имя, сэр?

– Зачем это?! Зачем вам мое имя? Я просто видел. Это не я его убил.

– Откуда мне знать, что это не ложный звонок?

– Возьмите проверьте. Ну, загляните в трубу. Я не знаю, что еще вам сказать. При чем здесь мое имя?

– Для оперативного учета. Вы могли бы назвать свое имя?

– М-м... нет.

– Сэр, вы не побудете там, пока приедет полицейский?

– Нет, я уже оттуда ушел. Я уже не там, понятно? Я внизу...

– Я понимаю, сэр. У меня высветились данные на дисплее, из которых видно, что вы в платном таксофоне на Гауэр-стрит, рядом с Голливудским бульваром. Вы не могли бы дождаться полицейского?

– Как это вы?.. Нет, ничего... Мне надо идти. Но вы проверьте. Тело там. Мертвый мужик.

– Сэр, нам бы хотелось задать вам...

Связь оборвалась. Босх положил кассету в карман и вышел из коммуникационного центра тем же путем, каким пришел сюда.

* * *

Прошло десять месяцев с тех пор, как Гарри Босх последний раз был

на третьем этаже Паркер-центра. Он проработал в отделе ограблений и убийств почти десять лет, но больше там не появлялся – после своего понижения. А точнее, после отстранения и перевода из специальной опергруппы по расследованию убийств в детективы Голливудского отделения. В тот день, когда он получил этот приказ, его стол был расчищен двумя болванами из службы внутренних расследований, которых звали Льюис и Кларк. Они просто перетащили его вещи в Голливудский участок на длинный стол, который занимали там детективы, специализирующиеся на расследовании убийств. Затем оставили сообщение на его домашнем автоответчике, объясняя, где он может все это найти. И вот сейчас, спустя десять месяцев, он снова был на священном этаже элитного детективного подразделения полицейского департамента и радовался, что сегодня воскресенье. Не будет знакомых лиц. Не придется отворачиваться.

Комната 321 была пуста, если не считать незнакомого дежурного детектива, несущего воскресную вахту.

– Босх, Голливудский участок, – отрекомендовался ему Гарри. И, ткнув пальцем в глубину помещения, добавил: – Мне нужно воспользоваться ящиком.

Перед дежурным, молодым парнем со стрижкой, которую он, видно, не стал менять, демобилизовавшись из морской пехоты, на столе был открыт каталог оружия. Он тоже бросил взгляд на компьютеры вдоль задней стены, словно хотел убедиться, что они по-прежнему там, а затем опять посмотрел на Босха.

– А почему бы не тем, что стоит в вашем собственном участке? – отозвался он.

Босх подошел ближе.

– У меня нет времени ехать в Голливуд. Через двадцать минут я должен быть на вскрытии, – солгал он.

– А знаете, Босх, я о вас слышал. Да-да. Телесериал и все такое прочее. Вы работали на этом этаже. Раньше работали.

Последняя фраза повисла в воздухе не хуже смога, и Босх постарался ее проигнорировать. Когда он шел к компьютерным терминалам, глаза против воли скользнули на его прежний письменный стол. «Интересно, кто сидит за ним сейчас?» Стол был загроможден всякой всячиной, и Босх отметил, что карточки в настольной картотеке были твердыми и не обтрепанными по краям. Новенькими. Гарри обернулся и посмотрел на дежурного офицера, который так и не спускал с него глаз.

– Это ваш стол в обычные дни?

Молодой человек улыбнулся и кивнул.

– Вполне заслуженно, парень. Ты как раз подходящий человек для этой роли. Эти волосы, эта глупая ухмылка. Ты далеко пойдешь.

– Только потому, что вас выгнали отсюда за превышение и самоуправство... Да пошел ты, Босх... списанный в расход!

Босх выдвинул из-за какого-то письменного стола стул на колесиках и подтолкнул его к персональному компьютеру IBM, установленному у дальней стены. Щелкнул выключателем, и через несколько секунд на экране появились янтарно-желтые буквы: «Homicide Information Tracking Management Automated Network»^[12]. Сокращенно HITMAN^[13].

Босх усмехнулся над неубывающей страстью полицейского департамента к сокращениям. Ему казалось, что каждое подразделение, каждая временная рабочая группа и каждый компьютерный файл были окрещены таким именем, чтобы придать его аббревиатуре элитное звучание. Для непосвященного уха эти сокращения должны были символизировать решительность, энергию, мощь людских ресурсов, брошенных на воплощение конкретной задачи. Так, здесь имелись HITMAN, COBRA, CRASH, BADCATS, DARE и сотни других в таком роде. Он был уверен, что где-то в Паркер-центре имелся некто, кто проводит целые дни за сочинением забористых, хлестких аббревиатур. Компьютеры имели аббревиатуры, даже идеи имели аббревиатуры. Если ваше спецподразделение не имело аббревиатуры, то вы ни черта не стоили в этом ведомстве.

Как только он оказался в базе данных HITMAN, на экране появился шаблон-пустографка для вопросов, и Босх забил в пробелы нужную информацию. Затем впечатал три ключевых группы слов для поиска: «Малхолланд-дэм», «передозировка» и «имитация передозировки» – и нажал клавишу выполнения. Через полминуты компьютер сказал ему, что поиск среди восьми тысяч дел об убийстве – за период примерно в десять лет, – хранящихся на жестком диске компьютера, выявил только шесть попаданий. Босх вызвал их одно за другим. Первые три были нераскрытыми убийствами молодых женщин, которые были найдены мертвыми на плотине в начале 80-х годов. Каждая была задушена. Босх бегло просмотрел информацию и двинулся дальше. В четвертом деле речь шла о трупе, который обнаружили плавающим в резервуаре пятью годами ранее. Причиной смерти было не утопление, но, что именно, осталось неустановленным. Последние два были случаями передозировки наркотиков, первый из которых произошел во время пикника в парке над водохранилищем. Дело показалось Босху совершенно ясным, и он стал

смотреть дальше. Последнее попадание представляло собой случай, когда в той же трубе четырнадцатью месяцами раньше был обнаружен труп. Причиной смерти позднее признали остановку сердца вследствие передозировки героинового полуфабриката.

«Покойный часто посещал данную территорию и спал в трубе, – высветилось на дисплее. – Дополнительных данных нет».

Именно эту смерть упомянул Краули, дежурный сержант Голливудского отделения, когда утром разбудил Босха. Гарри нажал соответствующую клавишу и распечатал информацию об этой последней смерти, хотя в общем-то не считал, что она имеет отношение к делу. Он вышел из программы и выключил компьютер, потом посидел с минуту, размышляя. Не вставая со стула, крутанулся к другому ПК. Включил его и ввел свой пароль. Потом вытащил из кармана поляроидный снимок, посмотрел на браслет и впечатал его описание в базу поиска украденного имущества. Эта операция уже сама по себе была искусством. Босху пришлось описывать браслет таким образом, каким, по его мнению, сделали бы это другие копы, составляя опись ювелирных изделий, похищенных в результате ограбления или кражи со взломом. Он описал браслет просто как «старинный золотой браслет с резными дельфинами из нефрита». Нажал клавишу, запускающую поиск, и через тридцать секунд на компьютерном экране появились слова: «Не найдено». Он попробовал еще раз, впечатав «браслет из золота с нефритом», и снова ткнул в клавишу поиска. На сей раз выскочило 436 попаданий. Слишком много. Требовалось сузить зону поиска. Он напечатал: «золотой браслет с нефритовыми рыбами». Шесть попаданий. Это уже больше подходило.

Компьютер говорил, что с момента введения данной компьютерной системы в 1983 году золотой браслет с резными нефритовыми рыбами появлялся в четырех полицейских отчетах о преступлениях и двух бюллетенях полицейского департамента. Босху было известно, что из-за бесконечного копирования в каждом полицейском участке все шесть записей могут являться – и, вероятно, являются – производными одного и того же отчета о пропаже либо краже браслета. Он вызвал на экран сокращенные версии отчетов по делу и убедился, что его предположение верно. Все сведения были порождены одним и тем же ограблением, произошедшим в сентябре прошлого года в районе Шестой авеню и Хилл-стрит в центральной части города. Жертвой ограбления была женщина по имени Гарриет Бичем, семидесяти одного года, проживающая в районе Сильвер-Лейк. Босх попытался определить в уме местонахождение, но не смог сообразить, что за здание или офис там находятся. В компьютере не

было краткой сводки этого преступления: ему придется обратиться к архивным записям и добыть себе удобочитаемый печатный или машинописный текст. Но тут имелось краткое описание золотого с нефритом браслета и нескольких других ювелирных изделий, украденных у Бичем. Браслет, о пропаже которого заявила Бичем, мог быть, а мог и не быть тем самым, который отнес в ломбард Медоуз, – описание было слишком общим. В компьютерном отчете приводились несколько ссылок на дополнительные отчеты, и Босх переписал все их номера в записную книжку. Пока он это делал, ему показалось, что утрата Гарриет Бичем своих драгоценностей породила подозрительно большой расход бумаги.

Далее он сделал запрос по двум указанным бюллетеням. Оба происходили из ФБР; первый был выпущен через две недели после того, как Бичем ограбили. Затем он же вышел повторно через три месяца, когда драгоценности Бичем так и не объявились. Босх записал номер бюллетеня и выключил компьютер. После чего прошел в другой конец комнаты, к секции ограблений и взломов в коммерческих предприятиях. На стальной полке, тянувшейся вдоль задней стены, стояли десятки черных папок, содержащих подборки бюллетеней за прошлые годы, по старым делам, и в том числе – нераскрытым. Босх снял одну из папок, помеченную сентябрем, и начал просматривать. Он быстро понял, что бюллетени не были подобраны в хронологическом порядке и не все из них вышли в сентябре. В сущности, не было вообще никакого порядка. Возможно, ему придется просмотреть все десять месяцев с момента ограбления Бичем, чтобы найти нужный бюллетень. Босх снял с полки охапку папок и сел рядом, за стол, относящийся к секции взломов и ограблений. Спустя несколько секунд он почувствовал по другую сторону стола чье-то присутствие.

– Что тебе нужно? – спросил он, не поднимая взгляда.

– Что мне нужно? – переспросил дежурный офицер. – Мне нужно знать, какого дьявола вы тут делаете, Босх. Вы здесь больше не работаете. Вы не имеете права так просто заявляться сюда, будто заправляете следственной группой. Поставьте эти штуки обратно, а если вам надо их посмотреть, так придите завтра и попросите, черт возьми! И не вешайте мне лапшу насчет вскрытия! Вы здесь торчите уже полчаса!

Босх поднял голову. Он определил возраст молодца лет в двадцать восемь – двадцать девять – даже меньше, чем было ему самому, когда он пришел в отдел ограблений и убийств. Либо стандарты понизились, либо отдел был уже не тем, чем прежде. Босх знал, что на самом деле и то, и другое. Он снова уставился в папку с бюллетенями.

– Я с тобой разговариваю, козел! – загремел детектив.

Босх ногой дотянулся до стоявшего с другой стороны стула и пнул его. Стул вылетел из-под стола и спинкой ударил детектива в промежность. Вскрикнув, тот сложился пополам, хватаясь за стул, чтобы не упасть. Босх понимал, что сейчас оправдывает свою репутацию. Гарри Босх: нелюдим, задира, убийца... «Ну, давай, малыш, – мысленно говорил он. – Сделай что-нибудь!»

Но молодой детектив только пялился на него, подавляя гнев и унижение. Он был копом, который может выхватить пистолет, но, пожалуй, не станет взводить курок. И как только Босх это просчитал, он понял, что парень оставит его в покое.

Молодой полицейский покачал головой, изобразил руками движение, говорящее: «Ну, с меня хватит!» – и направился к столу дежурного.

– Валяй, накатай на меня телегу, малыш, – бросил ему в спину Босх.

– Пошел ты, – вяло отозвался парень.

Босх знал, что ему не о чем беспокоиться. Служба внутренних расследований даже не взглянет на жалобу одного полицейского на другого, не подтвержденную свидетельскими показаниями или магнитофонной записью. Жалоба одного копа на другого представляла собой нечто такое, чего в этом ведомстве предпочитали не касаться. В глубине души они хорошо понимали, что слово копа само по себе не имеет никакой ценности. Вот почему копы из службы внутренних расследований всегда работали парами.

Просидев час и выкурив семь сигарет, Босх нашел, что искал. Фотокопия другого поляроидного снимка того же самого браслета являлась частью пятидесятистраничного набора из описаний и фотографий. Это были описания и фотографии вещей, пропавших в результате ограбления Уэстлендского национального банка на пересечении Шестой авеню и Хилл-стрит. Теперь Босху удалось припомнить это место, и он даже вспомнил темное дымчатое стекло банковского здания. В самом банке он никогда не бывал. «Кража драгоценностей из банка», – подумал он. Впрочем, толку от этого открытия было мало. Детектив внимательно вчитался в список заявленных пропаж. Почти каждый предмет представлял собой ювелирное изделие, и предметов было слишком много для того, чтобы их было так просто зайти и забрать. Одной только Гарриет Бичем, судя по списку, принадлежало восемь старинных колец, четыре браслета, четыре пары серег. Кроме того, изделия заявлялись как похищенные не в результате вооруженного налета, а в результате кражи со взломом. Босх поискал поблизости какое-либо краткое описание этого преступления, но

такого не нашел. Был упомянут только сотрудник ФБР, занимающийся этим делом: специальный агент Э.Д. Уиш.

Затем в сводной таблице по нераскрытым делам он заметил, что в качестве даты происшествия указаны целых три дня. Ограбление произошло через несколько дней с начала первой недели сентября. Уик-энд Дня труда^[14]. Банки в деловой части города закрыты аж на три дня. Определенно то была кража из банковских депозитных сейфов. Подкоп? Босх откинулся назад и задумался. Почему же такое преступление ему не запомнилось? Подобная кража должна была бы в течение нескольких дней обмусоливаться в прессе. В управлении полиции о ней говорили бы еще дольше. Потом он сообразил, что в День труда и в течение трех последующих недель находился в Мексике. Банковская кража произошла, пока шел срок его месячного отстранения в связи с делом Кукольника. Он подался вперед, снял телефонную трубку и набрал номер.

– «Таймс», Бреммер.

– Это Босх. Опять застаю тебя за работой в воскресенье, а?

– С двух до десяти, каждое воскресенье, без права условно-досрочного освобождения. Так что случилось? Мы с тобой не разговаривали со времен... э... тогдашней твоей проблемы с делом Кукольника. Как тебе работается в Голливудском отделении?

– Сойдет. На время, по крайней мере. – Он говорил приглушенно, так, чтобы дежурный детектив не мог подслушать.

– Вот так, значит? – сказал Бреммер. – Что ж, я слышал, ты сегодня утром подцепил жмурика на плотине.

Джоэл Бреммер вел раздел полицейских новостей в газете «Лос-Анджелес таймс» дольше, чем прослужили в органах правопорядка большинство копов, включая Босха. Мало могло найтись такого – из событий, проходящих по этому ведомству, – чего бы он не знал или не мог бы выяснить с помощью телефонного звонка. Год назад он позвонил Босху, чтобы тот прокомментировал свое двадцатидвухдневное отстранение без сохранения содержания. Он узнал о нем раньше самого Босха. Обычно полицейское управление ненавидело «Таймс», а газета никогда не упускала случая покритиковать управление. Но в сердцевине всего этого находился Бреммер, которому каждый коп мог доверять, и многие, как, например, Босх, так и делали.

– Да, именно этим делом я сейчас занимаюсь, – сказал Босх. – Пока особенно говорить не о чем. Но я хочу попросить тебя об услуге. Если дело обернется так, как обещает, для тебя появится кое-что интересное.

Босх знал, что ему нет нужды бросать приманку, просто он хотел,

чтобы репортер знал: впоследствии может кое-что измениться.

– Так что от меня требуется? – спросил Бреммер.

– Как тебе известно, на прошлый День труда меня не было в городе. У меня был большой отпуск – спасибо СВР. Поэтому я прозевал тот случай. Но там было...

– Ограбление через подземный ход? Ты собираешься спросить меня о деле с подземным ходом? Здесь, в центре города? Драгоценности, оборотные долговые обязательства, сертификаты акций, быть может, наркотики?..

Босх услышал, как голос журналиста взволнованно подскочил на несколько делений. Он понял, что его догадка была верной: эта кража действительно было связана с подкопом и история получила широкий резонанс. Если Бреммер так заинтересовался, значит, дело было нешуточным и того стоило. И все-таки Босх был удивлен, что сам он ничего о нем не слышал, когда в октябре уже вернулся и приступил к работе.

– Да, оно самое, – сказал он. – Меня тогда здесь не было, так что я не в курсе. Кого-нибудь арестовали?

– Нет, дело остается открытым. Когда я в последний раз наводил справки, им занималось ФБР.

– Я бы хотел сегодня вечером взглянуть на старые газетные вырезки. Это можно будет устроить?

– Я сделаю копии. Когда ты придешь?

– Уже бегу.

– Я так понимаю, это дело имеет какое-то отношение к сегодняшнему трупу?

– Похоже на то. Возможно. Я не могу сейчас говорить. И я знаю, что делом занимаются люди из Бюро. Я завтра схожу их навестить. Вот почему мне хочется сегодня взглянуть на газетные подборки.

– Я буду у себя.

Положив трубку, Босх опять посмотрел на лежащий перед ним фэбээровский снимок браслета. Несомненно, это было именно то ювелирное изделие, которое заложил Медоуз и которое запечатлел на поляроидном снимке ростовщик Обинна. На снимке ФБР браслет находился на усеянном темными старческими пятнами женском запястье. Три маленькие резные рыбки, резвящиеся в золотой волне. Босх догадался, что запястье как раз и принадлежало той самой Гарриет Бичем, а снимок был, вероятно, сделан в целях, связанных со страховкой. Он бросил взгляд на сидящего поодаль дежурного детектива – тот по-прежнему листал

каталог оружия. Гарри громко кашлянул – на манер того, как сделал в одном виденном им фильме актер Николсон – и в этот момент вырвал нужный листок из подшивки. Молодой детектив покосился в его сторону и вновь вернулся к своим пулям и пистолетам.

Когда Босх убрал сложенный листок в карман, запищал пейджер. Гарри снял трубку телефона и перезвонил в Голливудское отделение, рассчитывая услышать, что его поджидает еще какой-нибудь труп. На звонок откликнулся дежурный сержант по имени Арт Крокет, которого все звали Дейви.

- Гарри, ты все еще там, на выезде? – спросил он.
- Я в Паркер-центре. Нужно было тут кое-что проверить.
- Хорошо, тогда ты как раз рядом с моргом. Оттуда звонил криминалист по фамилии Сакаи, сказал, что ему нужно с тобой повидаться.
- Со мной повидаться?
- Он велел сказать тебе, что обнаружилось нечто важное и они сегодня будут делать то вскрытие, о котором ты просил. Практически уже сейчас.

* * *

Босху потребовалось пять минут, чтобы добраться до окружной больницы при Университете штата Калифорния, и еще пятнадцать минут, чтобы найти место для парковки. Служба судмедэксперта была расположена позади одного из зданий медицинского центра, которое было признано непригодным после землетрясения 1987 года. Это было двухэтажное блочное здание желтого цвета, без больших претензий на архитектурный стиль и не особенно оживленное. Проходя в главный вестибюль через стеклянные двери, предназначенные для живых, Босх столкнулся с детективом из ведомства шерифа, вместе с которым в начале 80-х некоторое время работал над делом Ночного охотника.

- Привет, Берни, – улыбнувшись, бросил ему Босх.
- Пошел ты, Босх! – отозвался тот. – Другие тоже занимаются не последним делом.

И детектив обиженно зашагал к стоянке. Гарри некоторое время озадаченно смотрел ему вслед. Потом двинулся по коридору, выкрашенному в зеленый цвет, фирменный для административных зданий, добрался до двойного барьера из дверей – тем временем запах с каждым шагом делался все хуже и хуже. То был запах смерти, смешанный с сильным запахом дезинфицирующего средства; при этом главенствовала

смерть. Миновав двойные двери, Босх вскоре вошел в выложенную желтой плиткой комнату санобработки перед прозекторской. Там был Ларри Сакаи, который надевал балахон поверх своей больничной спецодежды. На нем уже были маска и бахилы. Босх взял комплект такого же обмундирования из картонных коробок, стоявших на стойке из нержавеющей стали, и начал все это надевать.

– Какая муха укусила Громилу Берни? – спросил Босх. – Кто его так разъярил?

– Ты, Босх, вот кто, – не глядя на него, ответил Сакаи. – Вчера утром его вызвали на место преступления. Какой-то шестнадцатилетний подонок пристрелил его лучшего друга. В Ланкастере. Выглядит как несчастный случай, но Берни ждет, чтобы мы проверили траекторию пули и следы от пороха. Он хотел сегодня покончить с этим делом. Я сказал ему, что мы примемся вечером, вот он и приехал. Только оказалось, что мы не станем сегодня этим заниматься. А все из-за того, что у Салли возник зуд в одном месте – ему не терпится заняться твоим делом. Не спрашивай меня почему. Он просто осмотрел твоего жмурика и сказал, что мы займемся им сегодня. Я ответил, что тогда нам придется кого-нибудь выкинуть из очереди, и он велел выкинуть Берни. Но я не смог вовремя дозвониться и передать, чтобы тот не приезжал. Ну, вот потому Берни и взъярился. Ты же знаешь, он живет аж в Даймонд-Баре. Далековато ездить впустую.

Босх уже надел маску, балахон и бахилы и последовал за Сакаи по вымощенному плиткой коридору к тому отсеку, где производились вскрытия.

– Тогда, может, ему лучше злиться на Салли, а не на меня? – заметил он.

Сакаи не ответил. Они прошли к первому столу, где на спине лежал голый Билли Медоуз, его шея была прикручена к короткому куску дерева размером два на четыре дюйма. В комнате находилось шесть столов из нержавеющей стали. По краю каждого тянулись сточные желобки, и были дренажные отверстия по углам. На каждом лежало тело. Спиной к Босху и Сакаи, склонившись над грудной клеткой Медоуза, стоял доктор Джизес Салазар.

– Добрый день, Гарри, я вас ждал, – сказал Салазар, по-прежнему не оборачиваясь. – Ларри, мне потребуются срезы вот этого.

Патологоанатом выпрямился и повернулся к ним. В руке, затянутой в резиновую перчатку, он держал квадратный кусок розовой мышечной ткани. Он поместил его на стальной противень, примерно такой же, как тот, на котором пекутся какие-нибудь заварные пирожные, и вручил противень

Сакаи.

– Сделай мне вертикальные срезы: один по месту прокола, два других – по краям, для сравнения.

Сакаи взял противень и вышел из комнаты, направляясь в лабораторию. Босх увидел, что кусок плоти был вырезан из груди Медоуза, примерно в дюйме над левым соском.

– Что вы обнаружили? – спросил Босх.

– Пока еще не уверен. Посмотрим. Вопрос: что вы нашли, Гарри? Мой эксперт, бывший на месте преступления, передал мне, что вы требуете вскрытия этого трупа в приоритетном порядке. Почему?

– Я попросил сделать это сегодня, потому что мне хотелось, чтобы это было сделано завтра. Я подумал, что мы вроде бы сошлись на этом.

– Да, он тоже мне так сказал, но мне стало любопытно. Я люблю хорошую загадку, Гарри. Что побудило вас думать, что здесь дело нечисто, как говорится у вас, детективов?

«У нас так больше не говорится, – подумал Босх. – После того, как выражение переключивается в фильмы и его подхватывают люди вроде Салазара, оно уже становится архаикой».

– Просто кое-какие обстоятельства на тот момент не укладывались в схему, – сказал Босх. – А теперь открылись и другие. С моей точки зрения, это выглядит, как убийство. Никакой загадки.

– Какие обстоятельства?

Босх вынул записную книжку и, листая страницы, начал рассказывать. Он перечислил детали, подмеченные на месте преступления, которые показались ему подозрительными: сломанный палец, отсутствие отчетливых следов в трубе, рубашка, завернутая на голову.

– У него в кармане была «аптечка» наркомана, и мы также нашли в трубе «плитку», но все это выглядит сомнительным. На мой взгляд, это просто фальшивка, сфабрикованная улика. Сдается мне, его убила та самая доза, от которой на руке остался свежий след. Остальные шрамы все старые. Он уже долгое время не кололся.

– В этом вы правы. Если не считать этого недавнего укола на руке, единственное место, где следы от уколов свежие, – это паховая зона. На внутренней стороне ляжек. Это та зона, которая обычно используется людьми, которые изо всех сил стараются скрыть свою пагубную привычку. Тем не менее, этот свежий след может просто свидетельствовать о его возвращении к обычной практике. Что у вас еще, Гарри?

– Он курил, я совершенно уверен. Но при нем не оказалось сигарет.

– Разве не мог кто-нибудь забрать их у трупа? Еще перед тем, как его

обнаружили. Бродяга, пробавляющийся тем, что найдет в мусоре?

– Верно. Но почему тогда, взяв курево, он не тронул «аптечку»? И еще его квартира. Кто-то обыскал ее.

– Это мог быть какой-то его знакомый. Искал заначку наркотиков.

– Опять верно. – Босх пролистнул еще несколько страниц в записной книжке. – Обнаруженная на теле «аптечка» содержала на ватном фильтре беловато-коричневые кристаллы. Я повидал достаточно неочищенного, полуфабрикатного героина и знаю, что он окрашивает ватный фильтр в темно-коричневый цвет, иногда в черный. Поэтому создается впечатление, что ему в руку был вколот высококачественный, очищенный наркотик, возможно, заграничный. Это не согласуется с его образом жизни и обстановкой в квартире. Это наркотик, который употребляют в фешенебельных кварталах.

Салазар раздумывал некоторое время.

– Все это лишь набор предположений, Гарри, – сказал он.

– И последнее, то, над чем я как раз начинаю работать, – он был замешан в одной краже.

Босх кратко изложил все, что знал о браслете, о его похищении из банковского сейфа, а затем из ломбарда. Сферой профессионального интереса Салазара были судебно-медицинские подробности дела. Но Босх всегда доверял Салли и считал, что иногда бывает полезно выложить ему и другие детали. Эти двое познакомились в 1974 году, когда Босх был простым полицейским, а Салли – недавно назначен помощником коронера. Босх был откомандирован стоять в оцеплении, сдерживая натиск толпы на Восточной Пятьдесят четвертой улице, в южной части центрального района, где после огневого сражения с Симбионской армией освобождения^[15] остались сгоревший дотла дом и среди дымящихся развалин – пять трупов. Салли назначили выяснить, было ли там, среди углей, шестое тело – Пэтти Херст. Оба провели там три дня, и когда Салли наконец оставил надежду там ее найти, Босх выиграл пари, что она еще жива и находится где-то в другом месте.

Когда Босх закончил рассказ о браслете, это будто ослабило опасения Салли по поводу того, что смерть Билли Медоуза не таит в себе хорошей загадки. Судмедэксперт зажегся энергией. Он обратился к тележке, на которой горкой лежали режущие инструменты, и подкатил ее к столу для вскрытия. Потом включил магнитофон, поставленный в режим записи с микрофона, и взял скальпель и пару обычных садовых ножниц.

– Ну что ж, приступим, – произнес он.

Босх отступил на несколько шагов, чтобы избежать попадания брызг, и

прислонился к стойке, на которой стоял поднос, полный ножей, пил и скальпелей. Табличка, прикрепленная сбоку клейкой лентой, гласила: «Для заточки».

Салазар посмотрел на лежащее перед ним на столе тело Билла Медоуза и начал:

– Это труп хорошо развитого мужчины белой расы, шестидесяти девяти дюймов в длину, весом сто шестьдесят пять фунтов. Физический возраст мужчины при жизни полностью соответствовал установленному возрасту в сорок лет. Тело холодное, небальзамированное, характеризуется полным окоченением и трупными пятнами.

Босх понаблюдал за Салазаром, а потом заметил на стойке рядом с подносом для инструментов пластиковый пакет с одеждой Медоуза. Он пододвинул его и раскрыл. Запах мочи тотчас ударил ему в ноздри, и в памяти возникла комната в квартире Медоуза. Босх натянул пару резиновых перчаток, а тем временем Салазар продолжал описывать состояние тела:

– На левом указательном пальце имеется отчетливый закрытый перелом, без видимого внешнего ушиба или кровоизлияния.

Босх кинул взгляд через плечо и увидел, что Салазар покачивает сломанный палец тупым концом скальпеля, одновременно наговаривая в магнитофон. Он завершил наружное описание тела упоминанием проколов на коже.

– Имеются ранки от подкожных инъекций – в верхней части внутренней поверхности ляжек и на внутренней поверхности левой руки. Прокол на руке источает кровянистые выделения и представляется совсем недавним. На нем отсутствуют струпья. Имеется еще один прокол, в левой верхней части груди, выделяющий небольшое количество кровянистой жидкости. Он чуть больше, чем те, что вызваны подкожными инъекциями.

Салазар заслонил рукой микрофон и сказал, обращаясь к Босху:

– Я велел Сакаи сделать тонкие срезы с этого участка. Картина очень интересная.

Босх кивнул, снова повернулся к стойке и начал раскладывать на ней одежду Медоуза, слыша, как за спиной Салазар большими ножницами вскрывает грудную клетку покойника.

Детектив вывернул каждый карман, изучающе разглядывая свалевшиеся там пушинки. Он вывернул носки и проверил внутренность трусов и рубашки. Ничего. Взял с подноса предназначенный на заточку скальпель, надрезал нитки, скрепляющие два слоя кожаного ремня Медоуза, и разделил его надвое. Снова ничего. За спиной он опять услышал

голос Салазара:

– Вес селезенки сто девяносто граммов. Оболочка неповрежденная, слегка сморщенная, паренхима бледно-пурпурного цвета, трабекулярная.

Босх слышал все это прежде уже сотни раз. Большая часть того, что наговаривал патологоанатом на свой магнитофон, было для стоящего рядом детектива пустым звуком. Он ожидал итога, практических выводов. Что послужило причиной смерти человека, который лежал сейчас на холодном железном столе? Кто ее вызвал? Как?

– Желчный пузырь имеет тонкую стенку, – продолжал между тем Салазар. – Он содержит несколько кубических сантиметров зеленоватой желчи, без камней.

Босх засунул одежду обратно в пластиковый мешок и запечатал его. Потом он вывалил из другого пластикового мешка кожаные туфли, которые были на Медоузе. Он увидел, как из туфель высыпается красновато-оранжевая пыль. Еще одно подтверждение того, что тело втащили в трубу. Каблуки скребли по засохшей грязи на днище трубы, от чего в туфли набилась пыль.

Салазар между тем произнес:

– Оболочка мочевого пузыря не повреждена, внутри содержится две унции бледно-желтой мочи. Наружные гениталии и вагина обыкновенные.

Босх удивленно обернулся. Рука Салазара лежала на микрофоне. Он сказал:

– Коронерский юмор. Просто хотел проверить, Гарри, слушаешь ли ты. Может, в один прекрасный день тебе придется свидетельствовать в суде по этому поводу. Чтобы подкрепить мои показания.

– Сомневаюсь, – отозвался Босх. – Они не любят донимать присяжных такой скущицей.

Салазар взялся за маленькую циркулярную пилу, которая применялась для вскрытия черепной коробки. Звук она производила наподобие бормашины. Босх снова занялся туфлями. Они были начищены и ухожены. Резиновые подошвы демонстрировали только легкую изношенность. В одном из глубоких желобков правой подошвы застрял белый камешек. Босх поддел его скальпелем и вытащил. Это был маленький кусочек цемента. Он подумал о белой пыли на коврике стенного шкафа в квартире Медоуза. Он спросил себя, не совпадает ли белая пыль или кусок цемента из желобка подошвы с тем бетоном, который защищал подвальное хранилище Уэстлендского банка. Но если за башмаками так хорошо ухаживали, мог ли кусок цемента пробыть в бороздке девять месяцев, миновавшие со времени проникновения в хранилище? Это представлялось неправдоподобным.

Возможно, он был следствием работы Медоуза на строительстве метро? Если только он и впрямь там работал. Босх опустил кусочек цемента в маленький пластиковый конверт и сунул в карман, к другим уликам, накопившимся за день.

– Обследование содержимого черепной коробки не выявляет никаких травм, скрытых болезней или врожденных аномалий, – продолжал Салазар. – Гарри, теперь я собираюсь заняться пальцем.

Босх положил туфли обратно в пластиковый мешок и вернулся к анатомическому столу, а тем временем Салазар спроецировал рентгеновское изображение левой руки Медоуза на экран на стене.

– Видишь эти фрагменты сломанной кости? – сказал он, указывая на маленькие отчетливые белые пятна на негативе. Около сломанного сустава таких было три. – Если бы это был старый перелом, они бы с течением времени переместились к суставу. Рентген не показывает приметного рубцевания, но я все-таки собираюсь взглянуть.

Он подошел к телу и скальпелем произвел Т-образный надрез на коже поверх пальцевого сустава. Затем отвернул кожу и вгрызся скальпелем в розовую плоть, приговаривая:

– Нет... нет... ничего. Это посмертный перелом, Гарри. Ты думаешь, это мог сделать по неосторожности кто-то из моих людей?

– Я не знаю, – ответил Босх. – Не похоже. Сакаи сказал, он и его помощник делали все аккуратно. Я только знаю, что я этого не делал. Как случилось, что на коже нет повреждений?

– Это интересный момент. Не знаю. Каким-то образом палец оказался сломан без повреждения наружной поверхности. Я не могу ответить на этот вопрос. Но добиться этого не так уж трудно. Просто возьми за палец и дерни вниз. При условии, что у тебя хватит на это хладнокровия. Вот так, например.

Салазар обошел вокруг стола, поднял правую руку Медоуза и рванул палец назад.

– Труднее, чем я думал, – сказал он. – Пожалуй, по пальцу ударили каким-нибудь тупым предметом. Таким, который не произвел внешнего повреждения.

Когда пятнадцать минут спустя вошел Сакаи с препаратами, вскрытие было окончено и Салазар с помощью толстого навощенного шпагата зашивал грудную клетку Медоуза. Затем воспользовался свисающим сверху шлангом, чтобы смыть с тела всевозможные обрезки и обмыть волосы. Сакаи веревкой связал ноги трупа, а руки примотал к туловищу, чтобы воспрепятствовать изменению их положения в ходе различных

стадий окоченения. Босх заметил, что веревка пересекла татуировку Медоуза прямо поперек крысиной шеи.

Большим и указательным пальцами Салазар закрыл Медоузу глаза.

– Отнеси его в холодильник, – сказал он помощнику. Затем продолжал, обращаясь к Босху: – Давай взглянем на срезы. Мне показалось странным, что отверстие больше, чем от обычного шприца наркомана, а местонахождение на груди необычно. Имеется только небольшое кровоизлияние. Но рана не покрылась струпьями. Так что мы говорим о том, что произошло совсем незадолго до смерти или даже во время наступления смерти. Быть может, о причине смерти, Гарри.

Салазар отнес препараты к микроскопу, который находился на стойке вроде кухонной в дальней части комнаты. Он выбрал один и положил на предметное стекло. Наклонился, чтобы взглянуть, и спустя полминуты произнес:

– Интересно.

Затем он бегло осмотрел другие срезы. Когда закончил, то вернул на предметное стекло первый препарат.

– Что ж, говоря вкратце, я удалил квадратный кусочек ткани размерами дюйм на дюйм из области грудной клетки – там, где располагался этот прокол. Я сделал надрез на глубину примерно полтора дюйма. Препарат представляет собой вертикальное рассечение образца, на котором можно видеть след от отверстия. Ты следишь за моей мыслью?

Босх кивнул.

– Хорошо. Это что-то вроде того, как, взрезав яблоко, обнажить след от движения червяка. На срезе хорошо видны траектория прокола и прочие недавние воздействия или повреждения. Взгляни-ка.

Босх склонился над окуляром микроскопа. На срезе был виден прямой прокол около дюйма глубиной, проходящий сквозь кожу и внутрь мышцы и сужающийся, как след от шприца. Вокруг конечной точки проникновения розовый цвет мышцы сменился на темно-коричневый.

– Что это означает? – спросил он.

– Это означает, – отвечал Салазар, – что прокол прошел через кожу, через фасцию – я имею в виду волокнистый слой жира, – а затем прямо в грудную мышцу. Ты замечаешь потемнение мышцы вокруг прокола?

– Да, замечаю.

– Гарри, это потому, что мышца здесь обожжена.

Босх оторвался от микроскопа и посмотрел на Салазара. Ему почудилось, что под защитной маской патологоанатома он улавливает тонкую, едва заметную усмешку.

– Обожжена?

– Электрошокером, – сказал патологоанатом. – Ищи такой, который проникает своим копьём-электродом глубоко в ткань. Примерно на полтора-два сантиметра. Хотя в этом случае, по всей видимости, электрод был вручную вдавлен глубже в грудь.

Босх несколько секунд осмысливал услышанное. Выйти на след электрошокера будет практически невозможно. В комнату снова вошел Сакаи и, привалившись к стойке у двери, стал наблюдать за происходящим. Салли собрал с тележки с инструментами три стеклянных пузырька с кровью и два – с желтоватой жидкостью. А также некую коричневую массу на маленьком стальном противне, в которой Босх по опыту, приобретенному в этой же комнате, узнал печень.

– Ларри, вот образцы для токсикологов, – сказал Салазар.

Сакаи забрал их и снова исчез из комнаты.

– Вы говорите о пытке, пытке электрошокером? – уточнил Босх.

– Я бы сказал, так оно выглядит, – сказал Салазар. – Этого было недостаточно для того, чтобы его убить, – повреждение слишком маленькое. Но возможно, достаточно для того, чтобы получить от него какую-то информацию. Электрический разряд может быть очень убедительным аргументом. Полагаю, тому существует масса подтверждений. У этого метода богатая история. Человек с электродом в груди может, вероятно, почувствовать, как электрический ток проникает прямо в сердце. Это должно было вызвать паралич. Ему неизбежно пришлось рассказать все, что требовалось, а потом оставалось только молча взирать, как они вкачивают ему смертельную дозу героина.

– Можем мы доказать что-либо из этого?

Салазар опустил взгляд на вымощенный плиткой пол, поднес палец к маске и поверх нее поскреб губу. Босху до смерти хотелось курить. Он пробыл в прозекторской уже около двух часов.

– Доказать что-либо из этого? – повторил Салазар. – Не медицинским способом. Результаты токсикологических анализов будут готовы через неделю. Приведу в качестве довода: в заключении токсикологической лаборатории будет сказано, что он умер от передозировки. Как мы докажем, что кто-то другой впрыснул ему это в руку, а не он сам? С точки зрения медицины, мы не можем это сделать. Но мы можем показать, что в момент смерти или непосредственно перед этим имело место травматическое воздействие на тело в форме электрического шока. Его пытали. Имеется также посмертное, неустановленной природы повреждение указательного пальца левой руки.

Салли снова потер лицо через маску и заключил:

– Я мог бы засвидетельствовать, что это было убийство. Совокупность медицинских показаний говорит о смерти, причиненной третьими лицами. Но на данный момент оснований нет. Подождем завершения токсикологической экспертизы, а затем вновь объединим наши мозговые усилия.

Босх конспективно занес в записную книжку сказанное Салазаром. Ему предстояло включить это в свои собственные отчеты.

– Конечно, – добавил Салли, – как убедить в этом с достаточной бесспорностью жюри присяжных – это другой вопрос. Смею высказать предположение, Гарри, тебе придется найти этот браслет и выяснить, почему ради него человека пытали, а затем убили.

Босх закрыл записную книжку и принялся стягивать с себя защитный балахон.

* * *

Заходящее солнце окрасило небо в сочные розовые и оранжевые тона – такие же яркие, как и купальные костюмы порхавших в волнах любителей серфинга. Красивый обман, думал Босх, ведя машину по Голливудской автостраде в северном направлении, к дому. Здешние закаты имели обыкновение проделывать такие штучки. Заставляли человека забыть о том, что именно ядовитый смог делал их краски такими праздничными, что за каждой красивой картинкой мог крыться неприглядный сюжет.

Солнце висело в окне машины, словно пылающий в небе медный шар. Босх настроил радио на джазовую станцию, и Колтрейн заиграл «Soul Eyes». Рядом с Гарри на сиденье лежала папка с газетными вырезками от Бреммера. Папку прижимала к сиденью упаковка из шести бутылок пива «Хенриз». Босх съехал с шоссе на бульвар Барэм, а потом по улице Вудро-Вильсон-драйв стал взбираться в горы, возвышающиеся над Студио-Сити. Его дом с одной спальней представлял собой бунгало в виде консоли, с деревянным каркасом – немногим больше, чем какой-нибудь гараж в Беверли-Хиллз. Он нависал над склоном горы, поддерживаясь посередине тремя стальными опорами на манер ходуль. В плане землетрясений это было страшноватое место – решишь мать-природа повыдергивать эти ходули и, словно санки, толкнуть домик вниз с горы. Но открывающийся отсюда вид стоил такого риска. С заднего крыльца Босх мог смотреть далеко на северо-восток, через Бербанк и Глендейл. Он мог видеть лиловые

горы за Пасаденой и Альтаденой^[16]. Иногда ему были видны дымные тени и оранжевое пламя лесных пожаров в горах. Ночью шум автострады внизу стихал, и небо бороздили прожектора Юниверсал-Сити. Когда Босх смотрел отсюда на Долину, у него всегда возникало ощущение силы и могущества, которое он и сам не мог бы себе объяснить. Но он знал, что это было одной из причин – даже главной причиной – того, что он купил этот дом и не желал бы никогда отсюда уезжать.

Босх купил домик восемь лет назад, когда эту местность еще не охватил застроечный бум, и первый взнос составил пятьдесят тысяч с последующей ежемесячной выплатой в тысячу четыреста, что он легко мог себе позволить, потому что единственное, на что тратил деньги, были еда, выпивка и джаз.

Деньги на первый взнос пришли со студии, которая заплатила их за право использовать его имя в телевизионном мини-сериале, сюжет которого был основан на реальном уголовном деле – цепочке убийств владельцев салонов красоты в Лос-Анджелесе. Роли Босха и его напарника-детектива играли два средней руки телеактера. Напарник забрал свои пятьдесят кусков и свою пенсию и переехал в Энсеньяду. Босх вложил свое вознаграждение в покупку дома, насчет которого был не уверен, что тот переживет ближайшее землетрясение. Но зато это позволяло ему ощущать себя царем горы.

Несмотря на решение Босха никогда не переезжать, Джерри Эдгар, нынешний его партнер и по совместительству агент по продаже недвижимости, сообщил ему, что теперь его дом стоит втрое против того, что он за него заплатил. Всякий раз, как возникала тема недвижимости, что бывало часто, Эдгар советовал Босху с выгодой перепродать свое жилье. Эдгара интересовала только преysкурантная стоимость. Босху хотелось лишь оставаться там, где он есть.

К тому времени, как он достиг своего дома на склоне холма, уже стемнело. Первую бутылку пива Гарри выпил, стоя на заднем крыльце, глядя вниз, на одевшее город покрывало огней. Вторую – сидя в своем сторожевом кресле и держа перед собой на коленях закрытую папку. Он целый день не ел, и пиво быстро его забрало. Он чувствовал вялую сонливость и вместе с тем нервное возбуждение, а тело говорило, что требует пищи. Он встал и пошел в кухню, где сделал себе бутерброд с индейкой, с которым затем вернулся обратно в кресло, прихватив еще и третью бутылку пива.

Закончив есть, он стряхнул с папки крошки и раскрыл ее. По поводу ограбления Уэстлендского банка в «Таймс» имелось четыре сообщения. Он

прочел их в порядке опубликования. Первое представляло собой краткую заметку, промелькнувшую на третьей странице раздела городских новостей. Информация, очевидно, была собрана в тот вторник, когда обнаружилась кража со взломом. В тот момент, когда управление полиции Лос-Анджелеса и ФБР не были чрезмерно заинтересованы разговаривать с прессой и ставить публику в известность о произошедшем.

ВЛАСТИ РАССЛЕДУЮТ ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА

Как сообщили во вторник власти, во время трехдневного праздничного уик-энда из расположенного в центре города Уэстлендского национального банка было похищено неустановленное количество принадлежавших клиентам ценностей.

По словам специального агента ФБР Джона Рурка, преступление, которое ныне расследуют ФБР и УПЛА, открылось во вторник, когда менеджеры банка, расположенного на углу Хилл-стрит и Шестой авеню, придя на службу, обнаружили, что подвальное хранилище ограблено.

По словам Рурка, полную оценку утраченного клиентами имущества еще предстоит произвести. Но, как утверждают источники, близкие к следствию, стоимость похищенных из банковского депозитария ювелирных изделий и других ценностей составляет сумму, превышающую миллион.

Рурк также отказался ответить, как именно взломщики проникли в хранилище, однако сказал, что система сигнализации была не совсем в порядке. Он отказался развить свою мысль.

Представитель Уэстлендского банка, отвечающий за связи с общественностью, отказался во вторник обсуждать кражу. Власти сообщают, что пока нет ни арестованных, ни подозреваемых.

Босх занес в записную книжку имя «Джон Рурк» и перешел к следующей газетной сводке, которая была много длиннее. Она была напечатана на следующий день и проходила через всю первую страницу раздела городских новостей. Она имела заголовок в две строки и сопровождалась фотоснимком мужчины и женщины, которые стояли в подвальном банковском хранилище, глядя на отверстие в полу размером с канализационный люк. За ними высилась стена сейфовых ячеек. Большая часть маленьких дверок в этой стене была открыта. Заголовок был такой:

ИЗ БАНКА УКРАДЕНО СВЫШЕ 2 МИЛЛИОНОВ. ГРАБИТЕЛИ ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПРАЗДНИЧНЫМИ ДНЯМИ, ЧТОБЫ ПРОНИКНУТЬ В ПОДВАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Автором публикации был Бреммер.

Сообщение развивало тему первой заметки, добавляя подробности о том, что преступники прорыли лаз приблизительно 150 ярдов длиной от линии городской ливневой канализации, проходящей под Хилл-стрит. Рассказывалось, что для того, чтобы проникнуть через пол подвального хранилища, было применено взрывное устройство. По информации ФБР, взломщики, очевидно, провели в хранилище большую часть уик-энда, вскрывая индивидуальные сейфовые ячейки. Как полагают, входной туннель от системы ливневой канализации до хранилища прокладывался в течение семи-восьми недель, предшествующих ограблению.

Босх сделал себе пометку узнать в ФБР, как был вырыт подземный ход. Если применялось тяжелое оборудование, большинство типов банковских охранных сигнализаций должны были среагировать как на звук, так и на колебания грунта. А кроме того, размышлял Босх, почему сигнализацию не привел в действие сам взрыв?

Затем он стал читать третий газетный материал, напечатанный на следующий день после второго. Этот был написан не Бреммером, хотя также появился на первой странице раздела городских новостей. Приводились показания десятков людей, выстроившихся в очередь перед зданием банка, чтобы выяснить, не оказались ли их сейфы взломаны и обчищены. Сотрудники ФБР препровождали их в хранилище, а затем брали у них показания. Босх пробежал эту публикацию, вновь и вновь сталкиваясь с одним и тем же: люди были разгневаны или расстроены оттого, что потеряли свое имущество, которое поместили в банковское хранилище, будучи уверены, что там эти вещи будут в большей безопасности, чем дома. Ближе к концу репортажа упоминалась Гарриет Бичем. У нее взяли интервью на выходе из банка, и она рассказала репортеру, что потеряла коллекцию всей своей жизни – ценности, приобретенные во время путешествий по всему миру вместе со своим мужем Гарри. Сообщалось, что во время этого интервью Бичем промокала глаза кружевным носовым платком.

«Я потеряла серьги, которые он купил мне во Франции. Браслет из золота с нефритами из Мексики, – говорила Бичем. – Кто бы они ни были, эти грабители, они украли у меня воспоминания».

Весьма мелодраматично, подумал Босх. Не была ли эта последняя реплика плодом фантазии газетчика?

Четвертая публикация появилась в газете спустя неделю. Написанная Бреммером короткая заметка была похоронена на задворках раздела городских новостей – дальше того места, куда помещали новости Долины. Бреммер сообщал, что расследование кражи в Уэстлендском банке перешло исключительно в ведение ФБР. Управление полиции Лос-Анджелеса первоначально осуществляло поддержку, но так как следствие зашло в тупик, то расследование дела было целиком передано в руки Бюро. В газете вновь приводились слова спецагента Рурка. Он говорил, что сотрудники Федерального бюро расследований все еще занимаются этим делом, но пока не достигнуто никакого продвижения и не появилось никаких подозреваемых. Ничто из похищенного имущества так и не объявилось.

Босх закрыл папку. Дело было слишком крупным, чтобы Бюро могло просто так сбросить его со счетов, словно обычный банковский налет. Он спрашивал себя, был ли Рурк искренен, говоря, что подозреваемых по делу нет. Он также задавался вопросом, не всплывало ли где-нибудь в ходе расследования имя Медоуза. Два десятка лет назад Медоуз сражался и порой даже жил в подземных лабиринтах под селениями Южного Вьетнама. Как и все «туннельные крысы», он разбирался в работе подрывника. Но то было с целью разрушения туннеля. Взрыв, направленный внутрь. Мог ли он обучиться тому, как взорвать железобетонный пол подземного банковского хранилища? Потом Босх сообразил, что Медоузу вовсе не обязательно было овладевать этим искусством. Он был уверен, что в ограблении Уэстлендского банка участвовало больше одного человека.

Он встал и пошел взять из холодильника еще одну бутылку пива. Но прежде чем отправиться обратно, в сторожевое кресло, сделал крюк в спальню, где из нижнего ящика бюро вытащил старый фотоальбом. Фотографии не были закреплены как положено, а просто засунуты пачками между страниц. Он все собирался разобрать их, но так и не собрался. Он вообще редко открывал альбом. Карточки пожелтели, а по краям приобрели коричневый оттенок. Они были хрупкими – во многом как и вызываемые ими воспоминания. Босх стал поочередно брать в руки каждый снимок и рассматривать. В какой-то момент он начал понимать, что так и не удосужился разложить их именно потому, что ему нравилась возможность подержать каждый снимок в руках, почувствовать его.

Все снимки были сделаны во Вьетнаме. Подобно фото, найденному в квартире Медоуза, эти тоже были в основном черно-белыми. В те времена в

Сайгоне было дешевле проявить черно-белую пленку. На некоторых фото присутствовал и Босх, но большей частью то были снимки, которые он сам делал старой «лейкой», подаренной ему перед отъездом приемным отцом. Со стороны старика то был жест примирения. Он не хотел, чтобы Гарри уезжал, и они воевали по этому поводу. Фотоаппарат был подарен и принят в знак примирения. Но Босх был не из тех, кто по возвращении любил делиться военными воспоминаниями, поэтому фотографии так и остались не разложены и вообще редко вынимались.

Была на снимках одна общая, повторяющаяся из раза в раз тема – улыбающиеся лица и подземные туннели. Почти на каждом были запечатлены солдаты, в дерзких, лихих позах стоящие перед входным отверстием в нору, в которой они, видимо, только что побывали и которую покорили. Непосвященному эти сюжеты показались бы диковинными, быть может, даже захватывающими. Но для Босха они были страшными, как попадавшиеся ему в газетах изображения людей, зажатых в покореженных машинах и ожидающих, когда их вызволят с помощью автогена. Со света божьего в ад крошечный – вот как они называли спуск в лабиринт. Каждая такая вылазка была как черное эхо. Там, внизу, не было ничего, кроме смерти. Но они все равно шли туда.

Босх перевернул потрескавшуюся страницу и наткнулся на глядевшее прямо на него лицо Медоуза. Вне всякого сомнения, этот снимок был сделан через несколько минут после того, который Босх нашел у Билли в квартире. Та же самая группа бойцов. Та же траншея и тот же лаз. Сектор «Эхо», район Ку-Чи. Но Босха на этом групповом портрете не было, потому что он покинул кадр, чтобы сделать снимок. Его «лейка» запечатлела отсутствующий взгляд Медоуза и его пьяную наркотическую усмешку. Бледное восковое, но при этом упругое тело. Фотография сумела ухватить самую сущность Медоуза, подумал Босх. Он вернул снимок на страницу и перешел к следующему. На сей раз в кадре был он сам, и никого больше. Он ясно помнил, как установил камеру на деревянный стол в соломенной хижине, завел таймер и уселся перед объективом. Камера запечатлела его без рубашки, татуировка на сильно загорелом плече освещена падающими из окна лучами солнца. Позади него, но не в фокусе, в застеленном соломой полу хижины, чернел вход в туннель. Туннель являл собой расплывчатую, отвратительную и страшную тьму, похожую на жуткий призрачный рот с картины Эдварда Мунка «Крик».

Глядя на снимок, Босх вспомнил, что это был туннель в селении, которое они называли Тимбук-2. Его последний туннель. На фото он не улыбался. Глубоко запавшие глаза обведены темными кругами. И сейчас,

рассматривая фото, Гарри тоже не улыбался. Он держал фотографию обеими руками, рассеянно потирая большими пальцами по краям. Он пялился на фотографию до тех пор, пока усталость и алкоголь не утянули его в сонные воспоминания сродни забытью. Почти в нереальный мир. Босх вспомнил тот последний туннель и вспомнил Билли Медоуза.

* * *

Трое солдат отправились в рейд. Только двое из них вернулись обратно.

Туннель был обнаружен во время рутинной зачистки в маленьком селении сектора «Эхо». У селения не было названия, поэтому солдаты нарекли его Тимбук-2. Подземные ходы обнаруживались повсюду, и «крыс» на все не хватало. Когда в одной из хижин под корзиной с рисом был обнаружен вход в лаз, ротный старшина не захотел ждать, пока приземлится отряд с новыми «крысами». Он хотел поднажать, поскорее провести боевую операцию, но знал, что сначала придется проверить туннель. Поэтому старшина принял самостоятельное решение, как и многие другие на этой войне. Он послал троих людей из тех, что находились у него в подчинении. Троих новичков, пробывших в этой стране всего, наверное, месяца полтора, до чертиков перепуганных. Старшина велел им далеко не углубляться, только заложить заряды и выходить обратно. «Сделайте это быстро, и вы прикроете остальных». Трое необстрелянных солдат, послушных долгу, спустились в дыру. Через полчаса обратно вышли только двое.

Двое вернувшихся рассказали, что их троица разделилась. Туннель разветвлялся на несколько коридоров, и они тоже решили расколоться. Они как раз докладывали об этом старшине, когда послышался грохот и из устья туннеля вырвался огромный выхлоп, сопровождаемый шумом, дымом и пылью. Сдетонировала заложенная взрывчатка С-4. Тут вошел лейтенант их боевой группы и объявил, что они не оставят зону, бросив своего бойца. Отряд ждал весь день, пока улягутся в туннеле дым и пыль, а затем в плане поддержки боевой операции с вертолета были сброшены две «туннельные крысы» – Гарри Босх и Билли Медоуз. «Не имеет значения, жив он или погиб, – сказал им лейтенант. – Вытащите его оттуда. Я не намерен оставлять одного из своих парней в этой дыре. Найдите его и доставьте сюда, чтобы мы могли его пристойно похоронить».

«Мы тоже не любим оставлять там никого из наших», – ответил

Медоуз.

После этого Босх и Медоуз спустились в туннель и обнаружили, что главный ход вел к помещению, где стояли корзины с рисом и откуда отходили три других коридора. Два из них были разрушены в результате взрыва. Третий уцелел – тот самый, по которому ушел пропавший солдат. И именно по этому коридору двинулись и они.

Они шли в темноте, изредка пользуясь фонарями. Медоуз был впереди, и так они двигались, пока не достигли тупика. Медоуз потыкал вокруг этого места и в земляном полу обнаружил скрытый люк. Он поддел крышку, и «крысы» перевалились на нижний уровень лабиринта. Медоуз безмолвно указал в одну сторону и пополз туда. Босх знал, что на его долю остается другой коридор. Каждому предстояло с этого момента остаться в одиночестве, если только впереди не поджидали вьетконговцы. Проход, по которому двинулся Босх, представлял собой замысловато выющийся коридор, в котором было тепло, как в бане. Пахло сыростью и немного выгребной ямой. Он учуял запах пропавшего солдата прежде, чем увидел его. Тот, мертвый, сидел посреди туннеля – ноги вытянуты и расставлены, носки ботинок торчат вверх, – прислоненный к опорному столбу. Кусок проволоки, на дюйм врезаясь в его шею, был обмотан вокруг столба, удерживая тело неподвижно. Опасаясь капкана, Босх не стал его трогать. Он провел лучом фонарика по ране на шее и вниз, по передней части тела, вдоль засохшего кровавого следа. На мертвом была зеленая майка, спереди белой краской было выведено по трафарету его имя. Под кровью на груди можно было разобрать: «Эл Крофтон». В засохшей крови вязли мухи, и у Босха на миг мелькнула мысль: как это они добрались на такую глубину? Он скользнул лучом фонарика вниз, к ногам мертвого солдата, и увидел, что там все было черно от запекшейся крови. Брюки были разодраны, и Крофтон выглядел так, словно его терзал дикий зверь. Глаза Босха начал разъедать заструившийся пот, дыхание сделалось громче и чаще, чем ему бы хотелось. Он тут же осознал это, но понял также и то, что ничего не может с этим поделать. Левая рука Крофтона ладонью вверх лежала на земле. Босх осветил туда и увидел на ней кровавую кучку, в которой опознал половой орган. Он подавил сильнейший рвотный позыв и закрыл рот руками. Это не помогало. Он терял контроль над собой. Он проигрывал. Ему было двадцать лет, и он испугался. Стены туннеля начали давить и наваливаться. Босх откатился от тела, выронив фонарь, луч которого так и остался нацелен на Крофтона. Он пнул ногой земляную стену туннеля и скрючился в позе эмбриона. Пот, заливавший его глаза, сменился слезами. Вскоре все тело Босха начали раздирать рыдания, и

казалось, что шум эхом разносится в темноте во всех направлениях – прямоком туда, где сидел и поджидал вьетконговец. Прямоком в ад.

Часть II

Понедельник, 21 мая

Босх проснулся в своем сторожевом кресле около четырех утра. Засыпая, он оставил раздвижную стеклянную дверь на крыльцо открытой, и теперь ветры с Санта-Аны трепали занавески, которые, вздуваясь, парили над комнатой подобно неким призракам. От теплого ветра и тяжелых видений он вспотел во сне. Затем тот же ветер высушил влагу на теле, которая засохла, будто соляная корка. Босх вышел на крыльцо и, облокотившись на деревянное ограждение, стал смотреть вниз, на огни Долины. Прожектора Универсал-Сити давно погасли, и со стороны идущей через перевал автостреды не слышался шум движения. Откуда-то издалека, возможно, из Глендейла, донесся рокочущий звук вертолета. Босх поискал глазами и увидел движущийся далеко в низине красный свет. Он не кружил, и не было луча прожектора. Это был не полицейский вертолет. Затем Гарри показалось, что он улавливает легкий, но отчетливо горький запах малатиона^[17].

Он вернулся в дом и задвинул стеклянную дверь. Подумал было о постели, но понял, что в эту ночь больше не уснет. С Босхом такое бывало нередко. Сон приходил рано, но длился недолго. Или не приходил до самого рассвета, пока выплывающее солнце не начинало мягко окрашивать подернутые утренним туманом вершины гор.

В свое время Гарри лежал в клинике при Министерстве по делам ветеранов, в Сепульведе, лечился по поводу расстройства сна. Но психиатры не смогли ему помочь. Они сказали, что он не может выйти из цикла. Что его мучительные сны будут переходить в длительные, подобные трансу периоды глубокого забытья. За этим будут следовать месяцы бессонницы, когда разум дает защитную реакцию на те ужасы, которые поджидают во сне. Днем ваш разум, сказал врач, подавляет те страхи и тревоги, которые вы испытываете по поводу пережитого на войне. Прежде чем перейти к спокойному сну, вы должны утихомирить эти чувства в часы бодрствования. Невозможно заклеить раненую душу лейкопластырем.

Гарри принял душ и побрился, потом некоторое время внимательно смотрел на свое лицо в зеркале, думая о том, как немилосердно оказалось время к Билли Медоузу. Волосы Босха начинали седеть, но они были густыми и кудрявыми. Если не считать темных кругов под глазами, лицо

было гладким и по-мужски привлекательным. Он стер с лица остатки крема для бритья и надел бежевый летний костюм с голубой рубашкой на пуговицах. На крючке в шкафу он нашел довольно чистый и немятый галстук – красновато-коричневый, с рисунком в виде маленьких гладиаторских шлемов. Он закрепил его с помощью серебряного зажима, прицепил к поясу пистолет и вышел в предзакатный сумрак. Он поехал к центру, чтобы съесть омлет, тосты и выпить кофе в кафетерии «Пэнтри» на Фигероа-стрит. Заведение было открыто двадцать четыре часа в сутки еще со времен, предшествовавших Великой депрессии. Вывеска хвастливо заявляла, что заведение с тех пор не провело ни одной минуты без клиента. Сидя за стойкой, Босх обвел глазами зал и увидел, что в данный момент он в одиночку вытягивает этот рекорд на своих плечах. Иными словами, он был здесь единственным посетителем.

Кофе и сигареты подготовили Босха к трудностям грядущего дня. После этого по Голливудской автостраде он двинулся из центра обратно, проезжая мимо застывшего моря из встречных машин, уже борющихся за то, чтобы попасть в центр города.

Голливудское отделение полиции находилось на Уилкоккс-авеню, всего в паре кварталов к югу от Голливудского бульвара, поставлявшего местным копам большую часть их работы. Он припарковался с парадного входа, потому что собирался заскочить лишь ненадолго и не хотел в час смены дежурства оказаться зажатым на стоянке позади здания. Проходя через маленький вестибюль, он увидел женщину с подбитым глазом, которая плача заполняла заявление под руководством офицера за конторкой. Но в находящемся за поворотом детективном отделе было тихо. Должно быть, ночной дежурный был на вызове или же спал в так называемом «номере для новобранцев», чулане на втором этаже, где имелись две койки – кто подсуелся, тот и занял. Извечные гул и суматоха, царящие в детективном отделе, на время сменились мертвой тишиной. В помещении никого не было, подлинники столы, закрепленные за отдельными видами уголовных преступлений: кражами со взломом, ДТП, правонарушениями несовершеннолетних, грабежами, убийствами – все были завалены бумагами. Сыщики могли находиться в помещении или за его пределами – бумажный вал оставался всегда.

Босх прошел в глубь комнаты, чтобы сварить кофе. При этом заглянул через дверь в дальнем конце, выходящую в задний коридор. Там размещались камеры предварительного заключения и просто скамейки для задержанных. В коридоре, на полпути к КПЗ, сидел белый парень с прической из косичек, прикованный наручниками к скамье.

Несовершеннолетний правонарушитель – лет семнадцати, не больше, прикинул Босх. По калифорнийским законам не полагалось содержать их в настоящих арестантских камерах, вместе со взрослыми. Что было примерно то же, как если бы сказать: для койотов опасно находиться в одной клетке с доберманами.

– Чего глазеешь, козел? – выкрикнул издали парень.

Босх ничего не ответил и высыпал пакет кофе в бумажный фильтр.

Из кабинета дежурного офицера в дальнем конце коридора высунулась голова полицейского в форме.

– Я тебе сказал! – крикнул юнцу полицейский. – Еще звук – и я затяну наручники на метку ту же. Через полчаса твои руки занемеют. Как будешь тогда подтирать задницу в сортире?

– Об твою харю придется!

Полицейский шагнул в коридор и, топая тяжелыми черными ботинками, угрожающими шагами двинулся к парню. Босх сунул сделанный в форме чаши фильтр в кофеварку и запустил аппарат. Отошел от задней двери и подошел к столу секции убийств. Ему не хотелось видеть, что происходит с парнем. Он вытащил свой стул из-за стола и подтащил к одной из стоявших в отделе пишущих машинок. Образцы и бланки находились в узких гнездах на полке над кофеваркой. Он вставил в пишущую машинку бланк, предназначенный для занесения результатов осмотра места преступления. Затем достал из кармана записную книжку и раскрыл на первой странице.

Два часа непрерывного щелканья по клавишам и курения с одновременным поглощением скверного кофе – и Босх наконец завершил заполнение несметного числа форм, которые неизбежно сопровождают расследование дела об убийстве. Потом поднялся и размножил их на ксероксе, стоявшем в заднем коридоре. При этом отметил, что парня, который сидел, прикованный к арестантской скамейке, там уже нет. Затем, открыв при помощи своей идентификационной карточки шкаф с канцелярскими принадлежностями, достал оттуда новый синий скоросшиватель и нацепил на три его колечка один комплект отпечатанных отчетов. Другой комплект спрятал в старый скоросшиватель, который держал в своем картотечном ящике и на котором был ярлык с названием одного старого нераскрытого дела. Когда со всем этим было покончено, Босх перечитал написанное. Ему понравилась та стройность и упорядоченность, которую придало делу надлежащее изложение на бумаге. По опыту многих предыдущих расследований он взял себе за правило каждое утро перечитывать рабочий журнал. Это помогало выстраивать

гипотезы. Запах нового пластикового скоросшивателя напомнил Босху о других делах и вызвал прилив воодушевления. Он снова почувствовал себя охотником. Отчеты, которые он напечатал и поместил в папку, были, однако, неполны. В «Хронологический отчет следователя по делу» он не внес несколько моментов из второй половины своего вчерашнего рабочего дня. Детектив не стал включать туда выявленную им связь между Медоузом и ограблением Уэстлендского банка. Он также опустил описание своих визитов в ломбард и в «Таймс», к Бреммеру. Соответственно отсутствовали и беседы с ними. Был только понедельник, второй день следствия. Босх не хотел включать эту информацию в официальный отчет до тех пор, пока не побывает в ФБР. Сперва он хотел как следует уяснить, что происходит. Это была мера предосторожности, которую он принимал в каждом деле. Он покинул свой отдел прежде, чем кто-либо из других детективов успел явиться на работу.

* * *

К девяти часам Босх уже приехал в Уэствуд и находился на семнадцатом этаже здания Федерал-билдинг^[18] на Уилширском бульваре. Приемная ФБР была аскетически суровой: извечные крытые пластиком диваны, исцарапанная столешница кофейного столика «под дерево» с набором старых экземпляров бюллетеня ФБР. Босх не озаботился тем, чтобы присесть или почитать. Он стоял перед огромными, от пола до потолка, окнами и сквозь белоснежные занавеси любовался открывающимся видом. Можно было обозревать панораму от Тихого океана на восток, вдоль линии гор Санта-Моника, и далее – до Голливуда. Занавески были чем-то вроде слоя тумана поверх смога. Почти уткнувшись носом в мягкую газовую ткань, Босх смотрел вниз, через Уилшир, на кладбище ветеранов. Одинаковые белые надгробия торчали из ухоженной лужайки, как ровный ряд детских зубов. Неподалеку от входа проходили похороны, вытянулся по стойке «смирно» почетный караул в парадной форме. Но скорбящих на церемонии было не много. Дальше, к северу, на склоне холма, где не было надгробий, Босх увидел, как несколько рабочих переворачивают дерн и мотыгами вскапывают длинный клин земли. Он время от времени возвращался взглядом туда, наблюдая, как идут у них дела, но при этом так и не смог разобраться, чем они занимаются. Расчищаемый участок земли был слишком длинен и широк для могилы.

К половине одиннадцатого похороны бывшего солдата закончились, но

кладбищенские рабочие все продолжали вкалывать на холме. А Босх все еще ждал у занавесей. Наконец за спиной раздался женский голос:

– Эти могилы... Такие ровные, аккуратные ряды... Я стараюсь никогда не смотреть в это окно.

Босх обернулся. Женщина была высокая и гибкая, с волнистыми каштановыми волосами примерно до плеч, с вкраплением обесцвеченных светлых прядей. Приятный загар и мало косметики. Она выглядела крепким орешком. Пожалуй, немного уставшей для столь раннего времени суток – вид, характерный для женщин-полицейских и проституток. На ней был коричневый деловой костюм и белая блузка с шоколадно-коричневым галстуком в виде строгого узкого банта. Он заметил несимметричный изгиб ее бедер под жакетом. На левом боку она носила какой-то маленький предмет, возможно, «ругер»^[19], что было необычно. Босху всегда попадались женщины-детективы, которые носили оружие в сумочках.

– Это кладбище ветеранов, – сообщила она.

– Я знаю.

Босх улыбнулся, но не над этим. Просто он ожидал, что специальный агент Э.Д. Уиш окажется мужчиной. К такому ожиданию не было никаких иных причин, кроме того, что большинство агентов ФБР, прикомандированных к расследованию банковских ограблений, были мужчинами. Женщины были частью новейшего имиджа Бюро, и их не часто можно было встретить в оперативных группах. Последние представляли собой людские сообщества, составленные в значительной степени из так называемых динозавров – людей старой закалки, ныне морально устаревших – и отпетых парней-изгоев. Словом, из таких людей, которые не могли или не хотели вписываться в новый профиль ФБР. Современное Бюро помешалось на борьбе с аферами в сфере крупного бизнеса, шпионажем и наркотиками. Времена федерального агента Мелвина Пурвиса^[20] почти что канули в Лету. Ограбление банка больше не являлось чем-то экстраординарным. Большинство банковских грабителей ныне не были профессиональными ворами. То были наркоманы в поисках поживы, которая помогла бы им продержаться недельку. Конечно, кража из банка по-прежнему оставалась в федеральной юрисдикции. Но это была единственная причина, почему Бюро об этом еще беспокоилось.

– Конечно, – сказала она. – Вам положено это знать. Чем могу быть полезна, детектив Босх? Я агент Уиш.

Они обменялись рукопожатием. Уиш не сделала никакого движения к двери, из которой только что вышла, но та за ней закрылась и замок

защелкнулся. Босх помедлил секунду, а затем сказал:

– Что ж, я дожидаюсь все утро, чтобы вас повидать. Это касается банковского ограбления... Одного из тех дел, которыми вы занимаетесь.

– Да, я знаю, вы так и сказали в приемной. Извините, что заставила вас ждать, но мы заранее не договаривались, и у меня было неотложное дело. Было бы лучше, если бы вы сначала позвонили.

Босх понимающе кивнул, выражая полное согласие, но по-прежнему с ее стороны не последовало приглашения войти. Не срабатывает, подумал он.

– У вас там, за дверью, есть кофе? – спросил он.

– Э... м-м... да, думаю, есть. Но не могли бы мы поскорее все закончить? У меня действительно важные дела.

«А у кого нет?» – подумал Босх.

С помощью электронной карточки она отперла дверь, открыла и учтиво придержала для него. Внутри она повела его по коридору, где у дверей на стене были прикреплены пластиковые таблички. Бюро не имело такого же пристрастия к говорящим аббревиатурам, как полицейское управление. На табличках значилось: «Группа 1», «Группа 2» и так далее. Пока они шагали, Босх пытался идентифицировать акцент Уиш. Она произносила звуки слегка в нос, но не так, как это делают в Нью-Йорке. Филадельфия, решил он. Возможно, Нью-Джерси. Выговор явно не южно-калифорнийский, пусть даже он и сопровождается таким загаром.

– Вам кофе черный? – спросила она.

– С сахаром и сливками, пожалуйста.

Она толкнула дверь и вошла в комнату, которая была обставлена, как кухня. Здесь были кухонная стойка и шкафчики, кофеварка на четыре чашки, микроволновка и холодильник. Здешнее заведение напомнило Босху адвокатские конторы, в которых он бывал, чтобы давать письменные показания под присягой. Красиво, аккуратно, дорого. Она протянула ему пластиковую чашку с черным кофе и предложила добавить в него сливок, если у него есть. У нее таковых не имеется. Если это призвано было послужить сигналом к тому, чтобы он ощутил неловкость, то сигнал достиг цели. Босх почувствовал себя надоедой, а отнюдь не добрым вестником. Помехой в большой игре важных людей. Он последовал за ней обратно в коридор, и они вошли в следующую дверь, на которой была надпись «Группа 3». Здесь размещалось подразделение по борьбе с банковскими ограблениями. Комната была размером примерно с магазинчик, работающий допоздна. Это было первое рабочее помещение опергруппы ФБР, которое Босх видел в своей жизни, и сравнение с его собственным

рабочим местом было нерадостным. Мебель здесь была новее, чем в любом подразделении лос-анджелесской полиции. Здесь имелся ковер на полу и почти на каждом письменном столе стояли пишущая машинка или компьютер. В комнате было три ряда столов по три в каждом, и все они, кроме одного, были пусты. За первым столом в среднем ряду сидел мужчина в сером костюме, держа у уха телефонную трубку. Он не поднял глаз при появлении Босха и Уиш.

Если не считать фонового шума от устройства громкой связи на картотечном шкафчике в глубине комнаты, помещение могло бы сойти за риэлтерскую контору.

Уиш опустилась на стул за первым столом в первом ряду и жестом пригласила Босха присесть сбоку. Таким образом он оказался прямо между Уиш и Серым Костюмом на телефоне. Босх поставил чашку с кофе на стол и с ходу понял, что Серый Костюм только притворяется, что разговаривает по телефону, хотя и повторяет каждую секунду: «Угу... угу...» или «М-м... э-э...». Уиш выдвинула ящик, достала оттуда пластиковую бутылку с водой и отлила немного в бумажный стаканчик.

– У нас было ограбление в ссудно-сберегательном банке в Санта-Монике, почти все наши на выезде, – пояснила она, заметив, как он обводит глазами пустую комнату. – А я отсюда осуществляла координацию. Вот почему вам пришлось подождать в приемной. Извините.

– Ничего страшного. Взяли его?

– Почему вы думаете, что это именно «он»?

Босх пожал плечами:

– Статистика.

– Что ж, вообще-то их было двое: он и она. Да, мы их взяли. Вчерашнее ограбление в Реседе^[21]. Женщина вошла в банк и занималась делом непосредственно. Мужчина ждал с машиной. По 10-му и 405-му шоссе они добрались до международного аэропорта Лос-Анджелеса. Там оставили машину перед небоскребом на Юнайтед, поднялись по эскалатору на этаж для прибывающих, сели на пригородный автобус до аэровокзала Флайэвэй в Ван-Нуйсе, а затем на такси вернулись обратно. До Виниса^[22]. До тамошнего банка. По нашей просьбе всю дорогу за ними следовал вертолет полиции Лос-Анджелеса. Но те двое даже ни разу не посмотрели вверх. Когда женщина вошла во второй банк, мы поспешили ее взять, пока она еще стояла в очереди к кассиру. А его захватили на автопарковке. Оказалось, что она собиралась просто положить в банк добычу из первого банка. Так сказать, межбанковский перевод, только нетрадиционным

способом. Видите, что за болваны действуют в этом бизнесе, детектив Босх? Итак, чем могу вам помочь?

– Можете называть меня Гарри.

– Но что при этом я должна для вас делать?

– Межведомственное сотрудничество, – ответил он. – Примерно как сегодня утром между вами и нашим вертолетом. – Босх отпил кофе и сказал: – Ваше имя указано в бюллетене, в разделе нераскрытых преступлений, на который я вчера наткнулся. Дело годичной давности, ограбление банка в деловой части города. Оно меня интересует. Я работаю в секции убийств в Голливудском от...

– Да, я знаю, – перебила его агент Уиш.

– ...делении.

– Дежурный в приемной показал мне вашу карточку. Кстати, отдать вам ее обратно?

Это был дешевый выпад. Он увидел свою непрезентабельного вида визитку на ее чистеньком зеленом рабочем блокноте. Визитная карточка провалялась в его бумажнике не один месяц, уголки обтрепались и завернулись. Это была одна из стандартных карточек, которые их департамент выдавал своим детективам. На ней был вытиснен полицейский значок и телефон Голливудского отделения, но не было имени. Вы могли купить себе штемпельную подушечку, заказать печать и в начале каждой недели, сидя на своем рабочем месте, штамповать по паре десятков таких карточек со своим именем. Или могли просто ручкой написать свое имя на линейке и поменьше раздавать их. Босх предпочел второе. Уже ничто из того, что делалось его родным ведомством, больше не могло поставить его в неловкое положение.

– Нет, можете оставить у себя. Кстати, а у вас есть аналогичная вещь?

Быстрым, нетерпеливым движением она открыла средний верхний ящик стола, взяла карточку с маленького подноса и выложила на стол возле локтя Босха. Он отхлебнул еще кофе и одновременно скосил глаза на кусочек картона. Буква «Э.» означала «Элино».

– Ну вот, теперь вы знаете, кто я и откуда, – начал он. – А я кое-что знаю о вас. Например, то, что вы расследуете или расследовали прошлогоднее ограбление, при котором злоумышленники проникли в банк через подземный ход. Подкоп под Уэстлендский национальный банк.

Босх увидел, что при этих словах она оживилась, и ему даже показалось, что Серый Костюм тоже на миг затаил дыхание. Он закинул удочку в нужном месте.

– Ваше имя значится в нескольких бюллетенях. Я расследую убийство,

которое, уверен, связано с вашим делом, и хотел бы знать... В двух словах: хотел бы знать, что у вас есть по этому делу... Могли бы мы поговорить о возможных подозреваемых? Может оказаться, что мы ищем одних и тех же людей. Думаю, мой клиент мог бы оказаться одним из ваших грабителей.

Некоторое время Уиш задумчиво молчала, поигрывая карандашом на своем блокноте. Обратным его концом она задумчиво гоняла по зеленому прямоугольнику визитную карточку Босха. Серый Костюм по-прежнему делал вид, что разговаривает по телефону. Гарри посмотрел на него, и их глаза на краткий миг встретились. Он кивнул, и Серый Костюм отвернулся. Босх догадался, что перед ним тот человек, чьи комментарии по делу приводились в газетных сообщениях. Специальный агент Джон Рурк.

– Вы могли бы придумать что-нибудь и получше, не правда ли, детектив Босх? – произнесла наконец Уиш. – Я имею в виду, что вы вот так запросто приходите сюда, размахиваете флагом сотрудничества и ждете, что я прямо сразу открою вам наши досье.

Она трижды постучала карандашом по столу и покачала головой, словно укоряя нашалившего ребенка.

– Может быть, вы назовете имя? – сказала она. – Может, представите какое-то подтверждение той связи, о которой говорите? Обычно такого рода запросы мы пропускаем через все официальные инстанции. У нас есть специальные посредники, которые оценивают просьбы от других правоохранительных организаций поделиться нашими материалами и информацией. Вам это известно. Я думаю, лучше всего, если...

Босх вытащил из кармана сложенный бюллетень ФБР с фотоизображением браслета, полученным от страховой компании. Он развернул его и положил на зеленый журнал записей. Потом вынул из другого кармана поляроидный снимок, сделанный в ломбарде, и также бросил на стол.

– Уэстлендский национальный, – произнес он, постучав пальцем по бюллетеню. – Этот самый браслет полтора месяца назад был заложен в ломбард в центральной части города. А заложил его мой клиент. Сейчас он мертв.

Она не отрывала глаз от поляроидного снимка, и Босх подметил в них узнавание. Значит, ее в достаточной степени занимало это дело.

– Его имя Уильям Медоуз. Был найден вчера утром в трубе на плотине Малхолланд-дэм.

Серый Костюм наконец стал сворачивать свой телефонный монолог:

– Большое спасибо за информацию. Я должен идти, мы сейчас завершаем дело об ограблении. Угу... Спасибо, тебе того же, пока.

Босх не смотрел на него. Он не спускал глаз с Уиш. Ему показалось, он уловил, что она хочет обменяться взглядами с Серым Костюмом. Она метнула взгляд в ту сторону, но затем быстро перевела его обратно на фото. Что-то здесь было не так, и Босх решил пока не болтать лишнего.

– Давайте кроме шуток, агент Уиш. Как я понимаю, вашей группе так и не удалось обнаружить ни единой украденной вещи: ни акции, ни монеты, ни ювелирного изделия, ни золотого браслета с нефритом. У вас нет ничего. Так что бросьте вы эту туфту насчет инстанций и посредников. Я хочу сказать, так мне это видится. Мой парень сдает этот браслет в ломбард, потом оказывается мертвым. Почему? У нас здесь имеются две параллельные линии расследования, вам не кажется? А более вероятно, что это одно и то же расследование.

Его слова не возымели никакого действия.

– Мой покойник либо получил этот браслет от ваших преступников, либо украл у них. Либо, что тоже вероятно, сам был одним из них. Могло быть так, что браслету еще не приспело время объявиться. Больше ведь ничего не объявилось. А этот человек нарушил договоренность и заложил вещь. Поэтому те его прикончили, а потом вломились в ломбард и похитили браслет снова. Не важно, по какой причине. Вот и выходит, что мы ищем одних и тех же людей. И мне нужна ориентировка, с чего начать.

Некоторое время она молчала, но Босх уловил, что в ней зреет какое-то решение. На этот раз он ждал, когда она его выложит.

– Расскажите мне об этом умершем, – сказала она наконец.

Он рассказал. Про анонимный звонок. Про тело. Про квартиру, которая была кем-то ранее обыскана. О спрятанной за фотографией квитанции. А затем – о своем визите в ломбард, где обнаружилось, что браслет украден. Босх умолчал о том, что прежде знал Медоуза.

– Что-нибудь еще было украдено из ломбарда или только этот браслет? – спросила Уиш, когда он закончил.

– Конечно, было, да. Но только для прикрытия. Истинной целью был именно браслет. Как мне кажется, Медоуза и убили из-за этого браслета. Его пытали, прежде чем убить, потому что хотели узнать, куда он его дел. Они узнали, что хотели, убили его, потом пошли и забрали драгоценность из ломбарда. Не возражаете, если я закурю?

– Возражаю. Что может быть такого важного в одном браслете? Этот браслет только капля в море из всего того, что было украдено, но так и не проявилось.

Босх уже думал над этим и не имел ответа.

– Я не знаю, – сказал он.

– Если его пытали, как вы говорите, почему же тогда вы нашли квитанцию? Почему им пришлось взламывать ломбард? Вы предполагаете, что он рассказал им, где находится браслет, но не отдал квитанцию?

Об этом Босх тоже думал.

– Я не знаю. Возможно, он знал, что его не оставят в живых. Поэтому открыл им только часть, а что-то утаил. Это был ключ для следствия. Утаил ломбардную расписку в качестве ключа.

Босх подумал о преступном сценарии. Впервые он начал складывать все воедино, когда перечитывал свои отпечатанные записи и отчеты. Он решил, что настала пора выложить еще одну карту.

– Я был знаком с Медоузом двадцать лет назад.

– Вы знали жертву, детектив Босх? – Она возвысила голос, и в нем слышалось обвинение. – Почему же вы не сказали об этом сразу же, когда пришли сюда? С каких это пор управление полиции Лос-Анджелеса позволяет своим детективам заниматься расследованием смертей своих друзей?

– Я не сказал, что он мой друг. Я сказал, что знал его. Двадцать лет назад. И я не просил, чтобы мне поручали это дело. Просто наступила моя очередь выезжать на место преступления. Звонок поступил в мое дежурство. Это было просто...

Ему не хотелось произносить слово «совпадение».

– Все это очень интересно, – сказала Уиш. – Но одновременно идет вразрез со всеми нормами и правилами. Мы... я не уверена, что мы сможем вам помочь. Я думаю...

– Послушайте, когда я его знал, он состоял в армии США. Первый пехотный полк во Вьетнаме. О'кей? Мы оба там были. Он был так называемой «туннельной крысой»... Вам известно, что это такое?.. Я тоже был ею.

Уиш ничего не ответила. Она опять смотрела на браслет. Босх совершенно позабыл о Сером Костюме.

– У вьетнамцев были под селениями подземные ходы, – сказал Босх. – Некоторым было по сто лет. Эти ходы вели от хижины к хижине, от деревни к деревне, от одних джунглей к другим. Они проходили под некоторыми из наших военных лагерей, повсюду. И нашей задачей, задачей туннельных солдат, было спускаться в эти лабиринты. Это была совершенно особая, подземная война.

Босх вдруг осознал, что, помимо психиатра и группы психологического тренинга при Министерстве по делам ветеранов в Сепульведе, он никогда никому не рассказывал о подземных туннелях и о

своей войне.

– А Медоуз, он был очень хорош в своем деле. Он мог спускаться сколько угодно раз в эту черноту только с одним фонариком и пистолетом 45-го калибра – да, он это делал. Когда мы ходили в эти туннели, порой это занимало часы, бывало даже – дни. А Медоуз... он был единственным из всех, кого я знал, кто не боялся спускаться под землю. Его скорее пугала жизнь на земле.

Она ничего не сказала. Босх бросил взгляд на Серый Костюм, который теперь писал что-то в желтом блокноте – Босху было не видно, что именно. Он услышал, как кто-то докладывает по громкой связи, что транспортирует двоих задержанных в городскую тюрьму.

– Таким образом, сегодня, через двадцать лет, у вас имеется крупное ограбление банка, совершенное через подземный ход, а у меня – мертвый спец по туннелям. И у него обнаружена драгоценность, похищенная во время вашего ограбления. – Босх пошарил в кармане в поисках сигарет, потом вспомнил, что она запретила ему курить. – Нам надо начинать работать над этим делом вместе. И как можно скорее.

По ее лицу Гарри понял, что его тирада не подействовала. Он допил остатки кофе и приготовился встать и уйти. Он слышал, как Серый Костюм снова поднимает трубку и набирает номер на кнопочном телефоне. Сейчас Босх больше не смотрел на Уиш. Вместо этого он неловко устался на сахарный осадок в чашке. Он терпеть не мог сахар в кофе.

– Детектив Босх, – начала Уиш, – мне жаль, что вам пришлось так долго прождать сегодня в холле. Мне жаль, что этот ваш однопольчанин, Медоуз, мертв. Пусть даже вы были знакомы двадцать лет назад, я все равно сожалею. Я сожалею по поводу того, что вам пришлось пережить вместе... Но я также сожалею, что ничем не могу помочь вам на данный момент. Мне придется действовать согласно принятой процедуре и поговорить сначала с моим начальством. Я свяжусь с вами. При первой возможности. Это все, что я сейчас могу для вас сделать.

Босх бросил пластиковую чашку в мусорную корзину рядом с письменным столом и протянул руку за поляроидным снимком и страницей из бюллетеня.

– Не могли бы вы оставить фото? – спросила агент Уиш. – Мне нужно показать его моему начальнику.

Но Босх забрал снимок. Он встал, шагнул к столу Серого Костюма и несколько секунд подержал снимок у мужчины перед носом.

– Он его увидел, – бросил Гарри через плечо, направляясь к выходу из офиса.

Заместитель начальника управления Ирвин Ирвинг сидел за письменным столом, сжимая и разжимая зубы, играя желваками челюсти, которые при этом делались похожими на твердые резиновые шарики. Он был взбудоражен. Впрочем, это сжатие и скрежетание было его привычным занятием – будь он во взбудораженном или, напротив, в тихом, созерцательном настроении. В результате челюстная мускулатура сделалась наиболее ярко выраженной чертой его лица. Если посмотреть анфас, то контур челюсти Ирвинга в ширину заходил дальше линии ушей, которые плотно прилегли к его гладко выбритому черепу, формой при этом напоминая крылья. Все вместе придавало Ирвингу жутковатый, если не противоестественный вид летящей челюсти, которая вдобавок своими мощными коренными зубами может дробить камни. И Ирвинг делал все, что было в его силах, дабы усилить этот образ хищного бродячего пса, который может вонзить зубы в плечо или в ногу и выдрать кусок мяса величиной с футбольный мяч. Потому что этот имидж помогал Ирвину Ирвингу преодолевать единственную помеху в своей карьере лос-анджелесского полицейского – его дурацкое имя и способствовал продвижению к давно намеченной цели: кабинету начальника управления на шестом этаже. Так что Ирвинг попустительствовал своей эксцентричной привычке, несмотря на то, что каждые полтора года приходилось выкладывать 2 тысячи долларов за новый комплект зубных имплантатов.

Заместитель начальника потуже затянул на шее галстук и провел рукой по своему сияющему черепу. Потом дотянулся до зуммера селектора. Хотя после этого он мог легко нажать кнопку громкоговорителя и пролаять команду, однако дождался ответа своего нового адъютанта. Это была еще одна из его привычек.

– Да, шеф?

Ирвингу нравилось это слышать. Он улыбнулся, потом наклонился вперед, пока его внушительная челюсть не оказалась от селекторного громкоговорителя на расстоянии двух дюймов. Он был из тех, кто не доверяет технике.

– Мэри, принесите мне личное дело Гарри Босха. Оно должно быть в активах. – Он проговорил по буквам имя и фамилию.

– Сию минуту, шеф.

Ирвинг откинулся на спинку, улыбнулся сквозь стиснутые зубы, но потом почувствовал какую-то несообразность и подумал, что, пожалуй,

регулировка несколько сбита. Он провел языком по заднему нижнему коренному зубу слева, выискивая на его гладкой поверхности дефект – быть может, небольшую трещинку. Ничего не обнаружив, открыл ящик стола и вытащил оттуда маленькое зеркало. Открыл рот и взгляделся в задние зубы. Потом убрал зеркальце обратно, вынул бледно-голубой блокнот и записал памятку позвонить дантисту, договориться насчет профилактического осмотра. Он задвинул ящик обратно и вспомнил, как он однажды, обедая с членом муниципального совета из Вест-Сайда, резко надкусил печенье с афоризмом на счастье. Нижний задний коренной зуб с правой стороны треснул от черствой выпечки. Хищный бродячий пес предпочел проглотить обломки развалившегося зуба, чем обнаружить свою слабость перед членом совета, чья поддержка ему может однажды очень пригодиться. Дело в том, что во время трапезы он обратил внимание члена муниципального совета на тот факт, что племянник указанного чиновника, работающий водителем в управлении полиции Лос-Анджелеса, является скрытым гомосексуалистом. Ирвинг упомянул, что он делает все, что в его силах, дабы защитить этого племянника и предотвратить его разоблачение. УПЛА же, объяснил Ирвинг, преисполнено ненависти к голубым не меньше, чем какая-нибудь церковь в Небраске, и если хоть слово просочится в рядовой и сержантский состав, то человек может распрощаться со всякой надеждой на повышение. Кроме того, будет подвергаться грубым притеснениям со стороны прочих традиционно ориентированных служащих. Не было нужды упоминать о неминуемых последствиях публичного скандала. Даже в либеральном Вест-Сайде это не будет способствовать члену муниципального совета в его устремлениях сделаться мэром.

Ирвинг все еще улыбался при этом воспоминании, когда в дверь постучали и в кабинет вошла офицер Мэри Гроссо с дюймовой толщины папкой в одной руке. Она положила ее на письменный стол Ирвинга со стеклянной столешницей. На его сверкающей поверхности больше не было ничего, даже телефона.

– Вы были правы, шеф. Оно все еще находилось в активах.

Заместитель начальника, ответственный за службу внутренних расследований, подался вперед и сказал:

– Да, я уверен, что не отдавал распоряжения перевести его в архивы, потому что у меня было чувство, что мы еще не получили полного представления о последнем периоде деятельности детектива Босха. Дайте взглянуть... я думаю, этим займутся... Льюис и Кларк. – Он раскрыл папку и прочитал запись условными знаками на внутренней стороне корочек. – Да, Мэри, попросите ко мне Льюиса и Кларка.

– Шеф, я видела их в отделе. Они готовились к заседанию КП. Я не могу сказать точно, по какому делу.

– Что ж, Мэри, им придется отменить Комиссию по правам, и, пожалуйста, не объясняйтесь со мной этими сокращениями. Я обстоятельный педантичный полицейский. Я не люблю срезать пути. Вам придется это запомнить. А теперь, эти Льюис и Кларк... я хочу, чтобы они отложили слушания и предстали передо мной незамедлительно.

Он напряг свои челюстные мышцы; твердые и упругие, они напоминали теннисные мячи в натуральную величину. Гроссо пулей выскочила из кабинета. Ирвинг расслабился и стал листать дело, заново знакомясь с Гарри Босхом. Он отметил военный послужной список Босха и его быстрое продвижение по службе в полицейском департаменте. За восемь лет – от патрульного полицейского до детектива, а затем – до следователя элитного отдела ограблений и убийств. Потом, после взлета, падение: прошлогодний административный перевод из отдела убийств и ограблений детективом в Голливудский участок. Жаль, что не уволили, сокрушался Ирвинг, изучая пункты карьеры Босха в хронологическом порядке.

Покончив с послужным списком, Ирвинг просмотрел экспертный отчет, касающийся психологического портрета Босха. Экспертная оценка была произведена в прошлом году и имела целью вынести заключение, может ли данный полицейский быть допущен обратно к своим обязанностям после убийства невооруженного человека. Психолог полицейского ведомства писал следующее:

«За время своего военного и полицейского опыта, существенным образом подразумевающего упомянутое применение огнестрельного оружия по живым мишеням, субъект в сильной степени сделался бесчувственным к насилию. В продолжение всей жизни он изъясняется в терминах насилия, либо аспект насилия является неотъемлемой частью его повседневности. Таким образом, маловероятно, что все выявленное ранее будет действовать в качестве психологического сдерживания в том случае, если он снова будет помещен в обстоятельства, где ему придется действовать с беспощадностью ради защиты себя или других. Я уверен, что он вновь окажется способен действовать без промедления. Он окажется способен спустить курок. При этом внешне его разговор не выявляет никаких пагубных последствий от привычки стрелять по людям.

Разве что явная удовлетворенность результатом происшествия – смертью подозреваемого – представляется неуместной».

Ирвинг закрыл папку и постучал по ней ухоженным ногтем. Затем приподнял пальцами со стеклянной крышки своего письменного стола длинный темно-русый волос – офицера Мэри Гроссо, должно быть – и выбросил в стоявшую рядом мусорную корзину. Гарри Босх – это проблема, подумал он. Да, он хороший коп, хороший сыщик... В сущности, Ирвинг завистливо восхищался его успехами в расследовании убийств, в частности, его умением обезвреживать серийных душегубов. Но по своему длительному опыту замначальника департамента Ирвинг знал: чужаки плохо приживаются в этой системе. Гарри Босх чужак, и навсегда им останется. Он не часть семьи УПЛА. А сейчас в поле зрения Ирвинга попало самое скверное. Босх не только находился вне семьи, но, похоже, оказался вовлечен в некие действия, которые могут прямо навредить семье, поставить ее в неловкое положение. Ирвинг решил, что надо действовать уверенно и без проволочек. Он крутанулся на стуле и посмотрел в окно, на здание мэрии по ту сторону Лос-Анджелес-стрит. Затем его взгляд, как всегда, обратился к мраморному фонтану перед Паркер-центром. Это был мемориал в честь полицейских, погибших на боевом посту. Вот она, семья, подумал он. Вот она, честь семьи. Он стиснул зубы – мощно, веско, торжествующе! Именно в этот момент дверь отворилась.

В кабинет широким, уверенным шагом вошли и предстали перед лицом начальства детективы Пирс Льюис и Дон Кларк. Ни один не произнес ни слова. Они могли бы сойти за братьев. У обоих были коротко подстриженные каштановые волосы, неуклюжие туловища тяжелоатлетов с мощными руками. Оба одеты в консервативные серые костюмы: Льюис – в тонкую угольно-черную полосу, Кларк – в красно-коричневую. Оба скроены широкими и приземистыми – для лучшего перемещения тела в пространстве. Тело у каждого было слегка наклонено вперед, как если бы они вброд пробирались через воду, принимая на себя удары прибойной волны на манер волнорезов.

– Господа, – обратился к ним Ирвинг, – у нас проблема – причем первоочередная – с одним полицейским, который прежде уже переступал порог нашего отдела. Это тот полицейский, с которым вам двоим уже доводилось, не без успеха, работать.

Льюис и Кларк переглянулись, и Кларк позволил себе маленькую, быструю ухмылку. Он не мог догадаться, о ком шла речь, но любил охоту на закоренелых штрафников. Они были такими безнадежно-отчаянными.

– Речь идет о Гарри Босхе, – уточнил Ирвинг. Он подождал несколько мгновений, чтобы это имя хорошенько уложилось в их головах, а затем сказал: – Вам придется предпринять небольшой рейд в Голливудское отделение. Я хочу немедленно возбудить против него служебное расследование. Истом будет Федеральное бюро расследований.

– ФБР? – удивленно переспросил Льюис. – Что же он у них натворил?

Ирвинг сделал ему замечание за употребление аббревиатуры вместо полного наименования Бюро и велел присесть по другую сторону стола. Следующие десять минут он потратил на подробное изложение телефонного звонка, который получил несколько минут назад из ФБР.

– В Бюро говорят, что слишком уж много здесь совпадений, – заключил он. – Я с ними согласен. Он вполне может быть сам замешан, и Бюро хочет, чтобы его отстранили от дела Медоуза. В лучшем случае получается, что он в прошлом году вмешался, чтобы помочь своему бывшему товарищу избежать тюремного срока. А вполне возможно, и затем, чтобы тот мог совершить это ограбление. Было ли Босху заранее известно о готовящемся преступлении, или он только потом оказался вовлечен – этого я не знаю. Но нам предстоит выяснить, что сейчас замышляет детектив Босх.

Здесь Ирвинг опять сделал паузу, чтобы довести свою мысль до сознания слушателей, и с особой силой сжал челюсти. Льюис и Кларк имели достаточную выучку, чтобы его не перебивать. Затем Ирвинг продолжил:

– Эти обстоятельства открывают перед нашим департаментом возможность осуществить в отношении Босха то, что не удалось полностью осуществить прежде. А именно – удалить его. Вы будете докладывать непосредственно мне. Да, и еще: я хочу, чтобы копии ваших ежедневных отчетов передавались непосредственному начальнику Босха лейтенанту Паундзу. Негласно. Но я от вас жду не только письменных отчетов. Я требую, чтобы вы, кроме этого, дважды в день отчитывались передо мной по телефону, утром и вечером.

– Мы сейчас же приступаем, – сказал Льюис, поднимаясь со стула.

– Дерзайте, джентльмены, но будьте осторожны, – наставлял Ирвинг. – Детектив Гарри Босх уже больше не является той знаменитостью, что был прежде, но тем не менее не дайте ему сорваться с крючка.

Босх спускался на лифте с семнадцатого этажа Федерал-билдинг. Растерянность от того, что агент Уиш так бесцеремонно от него избавилась, сменилась злостью и разочарованием. Они ощущались как некий упругий

ком у него в груди. В лифте он был один, поэтому, когда запищал пейджер на поясе, Гарри, вместо того чтобы отключить, позволил ему отзвонить положенные двадцать секунд. На смену гневу и обиде пришла решимость. Выйдя из кабины, он посмотрел на номер телефона, высветившийся на цифровом дисплее. Перед ним стояло число 818 – код Долины, но сам номер он не узнал. Детектив подошел к группе платных телефонов во внутреннем дворе здания и набрал нужные цифры. «Девяносто центов», – произнес электронный голос. К счастью, у него нашлась мелочь. Босх опустил монеты в щель, и через полгудка трубку снял Джерри Эдгар.

– Гарри, – начал он с ходу, пренебрегая приветствием, – я еще здесь, в Министерстве по делам ветеранов, и толкусь без толку, дружище. У них нет никаких материалов на Медоуза. Сначала сказали, что мне надо обращаться прямо в Вашингтон или принести ордер. Я сказал им, что знаю о существовании досье – понимаешь, на основании того, что ты мне рассказал. Я говорю: «Ладно, хорошо, я поеду за ордером, но не могли бы вы просто посмотреть и удостовериться, что эта папка существует?» И вот они поискали некоторое время и наконец приходят и говорят: да, файл у них был, но теперь его нет. Сказать тебе, кто в прошлом году явился с судебным постановлением и забрал его?

– ФБР.

– Похоже, ты лучше меня все знаешь.

– Я тоже не на хвосте просиживал. Они сказали, когда именно Бюро его забрало и зачем?

– Им не объяснили зачем. Просто пришел агент ФБР с ордером и забрал. Оформил получение в сентябре и с тех пор так и не вернул. Не объяснял никаких причин. Хреновы федералы не обязаны это делать.

Некоторое время Босх молчал, обдумывая информацию. Значит, они там всю дорогу были в курсе. Уиш знала и о Медоузе, и о туннелях, и обо всем прочем, что он ей толковал. Все это был просто спектакль.

– Гарри, ты меня слышишь?

– Да. Послушай, они не показывали тебе копии бумаг о передаче, или, может, знают имя агента ФБР?

– Нет, они не смогли найти подтверждение получения ордера, и никто не помнит имени агента. Только то, что это была женщина.

– Запиши номер телефонной будки, где я нахожусь. Вернись к ним в архив и спроси другое досье, просто проверь, там ли оно. Мое досье.

Он дал Эдгару телефонный номер платного таксофона и свои координаты, особенно тщательно проговаривая по буквам первое имя.

– Мать честная, это тебя так называли? – подивился Эдгар. – А для

краткости, значит, Гарри. Как твоей мамаше такое в голову пришло?

– У нее был сдвиг насчет художников пятнадцатого века. Подобрала имя к фамилии^[23]. Давай сходи, проверь мой файл, потом перезвони мне. Я буду ждать.

– Да я даже не смогу это произнести, старина.

– Рифмуется с «анонимом».

– Ладно, я попробую. А ты где, кстати?

– В платном таксофоне, возле ФБР.

Босх повесил трубку прежде, чем его партнер успел спросить что-нибудь еще. Он зажег сигарету и привалился к стене будки, наблюдая, как маленькая группа людей вышагивает по кругу по длинной зеленой лужайке перед зданием. В руках они держали самодельные плакаты, выражающие протест против предложения поставить новые нефтяные вышки в заливе Санта-Моника. Гарри видел лозунги «Скажи нефти „нет“», «Неужели залив еще недостаточно загажен?», «Соединенные Штаты Эксона»^[24] и тому подобные.

Он заметил на лужайке пару теленовостных бригад, которые снимали эту акцию на пленку. Вот он, ключ, подумал он. Внимание прессы. Появление на публике. Покуда телевизионщики будут толочься поблизости и показывать это в шестичасовых новостях, демонстрация будет иметь резонанс. Пусть даже в виде краткого упоминания по телевизору. Босх заметил, что того, кто, по всей видимости, являлся вожаком этой группы, интервьюирует перед телекамерой женщина, в которой он узнал репортершу с Четвертого канала. Лицо оратора тоже показалось ему знакомым, но он не мог сообразить, откуда его знает. Понаблюдав несколько минут, как мужчина непринужденно распинается перед камерой, Босх вспомнил его. Парень был телеактером, игравшим некогда пьяницу в популярной комедии положений, из которой Босх видел пару серий. Хотя мужик все так же походил на пьянчужку, продолжения сериала не было.

Прислонившись к будке, Босх курил уже вторую сигарету, и дневная жара уже начинала одолевать его, как вдруг, посмотрев на стеклянные двери здания, он увидел, что из них выходит агент Элинор Уиш. Взгляд ее был устремлен вниз, она рылась в сумочке и потому не заметила его. Быстро и не успев понять, зачем это делает, Босх юркнул за ряд таксофонов и, используя их в качестве прикрытия, стал перемещаться позади них, прячась, пока она проходила. Как выяснилось, в сумочке Уиш искала очки. Шагая мимо демонстрантов, она была уже в очках, впрочем, не бросив в их сторону ни единого взгляда. По авеню Ветеранов она держала путь к

бульвару Уилшир. Босх знал, что гараж федералов находится под зданием. Уиш шла в противоположном направлении. Значит, куда-то поблизости. Зазвонил телефон.

– Гарри, твой файл тоже у них. В ФБР, я имею в виду. Что происходит?

Голос Эдгара звучал взволнованно и настойчиво. Он не любил осложнений. Он не любил загадок. Он был на сто процентов из тех, кто работает только от звонка до звонка.

– Не знаю, что происходит, они мне не сообщают, – ответил Босх. – Поезжай в офис. Поговорим там. Если доберешься туда раньше меня, я хочу, чтобы ты связался со строителями подземки. Узнай в отделе кадров, работал ли у них Медоуз. Попытай также счастья с фамилией Филдз. А потом садись за оформление бумаг по убийству на телевидении. Как мы договорились. Доведи дело до конца. Встретимся на месте.

– Гарри, ты сказал, что знал этого парня, Медоуза. Может, стоит сообщить «шеф-повару», что здесь конфликт интересов и что лучше передать это дело в городской отдел убийств или кому-то еще из наших?

– Мы обсудим это позже. Ничего не делай и ни с кем не говори, пока я не приеду.

Босх дал отбой и зашагал к Уилширу. Он увидел, что Уиш уже повернула на восток, по направлению к Уэствуд-виллидж. Он сократил расстояние между ними, перешел на другую сторону улицы и двинулся следом. Он соблюдал осторожность, чтобы не подойти слишком близко, так чтобы в какой-нибудь магазинной витрине, куда она заглядывала, не возникло его отражение. Когда Уиш достигла бульвара Уэствуд, то повернула к северу и, перейдя Уилшир, оказалась на той же стороне улицы, что и Босх. Он нырнул в вестибюль банка. Через несколько секунд он вышел обратно на тротуар – ее уже не было. Он посмотрел в обе стороны, а затем поспешил к углу и заметил ее в полуквартале впереди входящей в Уэствуд-виллидж.

Уиш замедлила шаг перед какой-то витриной, затем остановилась перед магазином спорттоваров. В витрине стояли женские манекены, одетые в спортивные шорты и рубашки цвета лайма. Прошлогодний писк моды. Уиш некоторое время взирала на эти наряды, затем двинулась прочь и не останавливалась, пока не оказалась в театральном районе. Там она свернула в кафе «Стрэттонз».

Следуя по противоположной стороне улицы, Босх, не заглядывая внутрь, миновал ресторанчик и дошел до следующего угла. Он остановился перед «Брюн», под старым театральным шатром, и оглянулся. Она не выходила. Он подумал, нет ли в том заведении задней двери. Взглянул на

часы. Было чуть рановато для ленча, но, возможно, она любила опережать толпу. Может, она любит есть в одиночестве. Гарри перешел дорогу и встал у противоположного угла, под навесом театра «Фокс». Отсюда открывался обзор через витрину ресторана «Стрэттонз», но ее не было видно. Он прошел через автостоянку перед рестораном и вошел в задний переулок. Он увидел с той стороны другую дверь, доступную для входа и выхода публики. Означало ли это, что она заметила его и воспользовалась рестораном, чтобы ускользнуть? Прошел уже немалый срок с тех пор, как Гарри в одиночку сидел у кого-то на хвосте, но ему показалось, что она его не заметила. Он прошел по этому переулку и вошел в заднюю дверь.

Элинор Уиш сидела одна за выгороженным столиком, в ряду таких же деревянных столиков-кабинок, что тянулись вдоль правой стены зала. Как и всякий осмотнительный коп, она сидела лицом к парадной двери, поэтому не заметила Босха, пока он тихонько не опустился на скамью напротив нее и не взял меню, которое она уже просмотрела и бросила на стол.

– Никогда здесь не бывал. Что, приличное место?

– Что это значит? – спросила она с явным удивлением на лице.

– Не знаю, я подумал, может, вам нужна компания.

– Вы что, за мной следили? Вы следили за мной.

– Во всяком случае, я этого не скрываю. Знаете, вы допустили ошибку, там, в офисе. Вы были слишком хладнокровны. Вы переборщили с невозмутимостью. Я прихожу с единственной ниточкой, какая у вас появилась за девять месяцев, а вы заводите разговор о каких-то официальных инстанциях и прочей ерунде. Что-то здесь было не так, но я не мог сообразить, что именно. А теперь знаю.

– О чем вы? Впрочем, не имеет значения, мне это неинтересно.

Она сделала движение, чтобы встать и выскользнуть из кабинки, но Босх протянул руку через стол и твердой рукой сжал ее запястье. Ее кожа была теплой и влажной от быстрой ходьбы. Она застыла, обернулась и так сердито полыхнула на него взглядом своих карих глаз, что с помощью этого взгляда можно было, вероятно, выжечь его имя на надгробии.

– Пустите. – Судя по голосу, она еще владела собой, но чувствовалось, что еще немного – и сорвется. Он отпустил.

– Не уходите. Прошу вас. – Она на миг замешкалась, и он не упустил момент. – Все в порядке. Я понимаю причины того, что произошло. Того холодного приема, который я встретил, – вообще всего. Я хочу сказать, что на самом деле вы проделали хорошую работу. Тут мне не в чем вас упрекнуть.

– Босх, послушайте. Я не понимаю, о чем вы. Я думаю...

– Я знаю, что вам уже было все известно о Медоузе, о туннелях, обо всей этой штуковине. Вы подняли его военное досье, подняли мое досье, вы, вероятно, подняли досье на каждую «туннельную крысу», которая выбралась оттуда живой. В деле ограбления Уэстлендского банка непременно должна была быть связь с тамошними туннелями.

Она посмотрела на него долгим взглядом и уже почти собралась заговорить, когда подошла официантка с карандашом и блокнотом.

– Пока один кофе, черный, и один стакан «Эвиана». Спасибо, – произнес Босх прежде, чем Уиш или официантка успели открыть рот. Официантка удалилась, делая пометки в своем блокноте.

– А я думала, вы любитель сахара и сливок, – сказала Уиш.

– Только когда меня пытаются раскусить.

Тут ее глаза как будто смягчились, но лишь самую малость.

– Детектив Босх, послушайте, я не знаю, с чего вы решили, что вам что-то известно, но я не намерена обсуждать с вами Уэстлендское дело. Именно так я и сказала вам в Бюро. Я не имею права этого делать. Извините, мне действительно жаль.

– Может, мне следовало обидеться за эту проверку, но я не обиделся. То был логичный шаг в вашем расследовании. Я бы сделал то же самое. Вы берете всех, кто соответствует данному профилю – профилю «туннельной крысы», – и просеиваете сквозь сито имеющихся улики.

– Вы не являетесь подозреваемым по делу, Босх, с вас довольно? Так что все в порядке, забудьте.

– Я знаю, что я не подозреваемый. – Он издал короткий принужденный смешок. – Я был временно отстранен от должности и отбывал этот вынужденный отпуск в Мексике, могу доказать. Но вы и так знаете. Поэтому в том, что касается меня, я плюну и забуду. Но мне нужно получить то, что у вас есть на Медоуза. Вы забрали его досье со всеми материалами еще в сентябре. Вы, очевидно, провели полную разработку Медоуза. Внешнее наблюдение... его связи, окружение, биография. Возможно даже – готов поспорить, – вы вызывали его к себе и допрашивали. Все это нужно мне сейчас, сегодня, а не через три-четыре недели, когда какие-нибудь инстанции поставят на этом какие-нибудь визы.

Вернулась официантка с кофе и водой. Уиш придвинула к себе стакан, но пить не стала.

– Детектив Босх, вы отстранены от дела. Я сожалею. Не мне следовало сообщать вам об этом. Но это так. Когда вернетесь к себе в офис, то узнаете. После вашего ухода мы сделали один звонок.

Босх держал чашку обеими руками, поставив локти на стол. Он

осторожно поставил ее на блюде на тот случай, если руки начнут дрожать.

– Что вы сделали? – переспросил он.

– Мне очень жаль, – сказала Элино́р Уиш. – После вашего ухода Рурк – помните, тот человек, которому вы сунули под нос фотографию? Так вот он позвонил по номеру, который был написан на вашей карточке, и поговорил с лейтенантом Паундзом. Он рассказал о вашем сегодняшнем визите и высказал предположение, что налицо конфликт интересов, поскольку вы расследуете смерть своего бывшего друга. Он и еще кое-что прибавил, и...

– Что именно?

– Послушайте, Босх, я многое о вас знаю. Я признаю, что мы подняли на вас материалы, мы вас проверяли. Черт, для этого нам даже не требовалось ваше досье – достаточно было почитать тогдашние газеты. О том вашем деле Кукольника. Так что я хорошо понимаю, чего вы уже натерпелись от людей, проводивших внутреннее расследование. Нам не стоило так поступать, но то было решение Рурка. Он...

– Что он еще им сказал?

– Он сказал правду. Сказал, что в ходе расследования всплыли оба имени: ваше и Медоуза. Сказал, что вы знали друг друга. И попросил, чтобы вас отстранили от дела. Так что все это теперь не имеет значения.

Босх смотрел в сторону, за перегородку кабинки.

– Я хочу услышать от вас ответ, – сказал он. – Я подозреваемый?

– Нет. По крайней мере, вы им не были, пока не явились к нам сегодня утром. А теперь уже не знаю. Я стараюсь быть откровенной. Попробуйте взглянуть на дело с нашей точки зрения. Некий человек, к которому мы приглаждались в прошлом году, приходит к нам и заявляет, что он расследует убийство другого человека, к которому мы приглаждались еще пристальнее. И этот первый говорит: «Дайте мне ваши материалы».

Ей не было никакой выгоды так много ему рассказывать. Он понимал это и понимал, что она, видимо, сознательно ставила себя в трудное положение, вообще рассказывая что-либо. Несмотря на все дерьмо, в которое он угодил или был кем-то впихнут, Гарри Босх начинал проникаться симпатией к холодной, неуступчивой, трудной в общении Элино́р Уиш.

– Если вы не хотите говорить о Медоузе, скажите кое-что обо мне самом. Вы сказали, что сначала ко мне приглаждались, а потом оставили в покое. Каким образом вы очистили меня от подозрений? Вы ездили в Мексику?

– Это и другое. – Она некоторое время смотрела на него, прежде чем продолжить. – Вас довольно быстро реабилитировали. Поначалу мы,

конечно, взволновались. Я имею в виду, мы просматривали досье людей, имевших туннельный опыт во Вьетнаме, и вдруг там оказывается знаменитый Гарри Босх, детектив-суперзвезда, по следственным делам которого написана пара книжек, снят сериал. И этот парень, чьим именем полнились все газеты, вдруг оказывается в центре скандала. После месяца внутренних расследований его звезда рассыпается вдребезги и из элитного отдела ограблений и убийств его переводят... – Она осеклась.

– На помойку, – dokonчил он за нее.

Она уставилась в стакан и продолжила:

– Поэтому Рурк тотчас начал строить умозаключения: а что, если вы именно так провели этот вынужденный отпуск – роя подкоп в банк. Из героев – в мерзавцы. Такой вот способ вновь заявить о себе... нечто безумное, вроде этого. Но когда мы стали изучать вашу подноготную и нынешние обстоятельства, то узнали, что этот месяц вы провели в Мексике. Мы отправили одного из своих людей в Энсеняду проверить. Вы оказались чисты. Одновременно в Министерстве по делам ветеранов мы затребовали ваши медицинские документы... О, так это вы там сегодня наводили справки, не правда ли?

Босх кивнул. Она продолжала.

– Ну так вот, в тамошних медицинских картах были отчеты психиатра... Простите. Это звучит таким грубым вторжением в частную жизнь.

– Я хочу это знать.

– Терапия для переживающих посттравматический синдром. Я хочу сказать, что функционально вы вполне соответствуете. Но у вас порой случаются проявления посттравматического стресса в форме бессонницы и некоторых других вещей – клаустрофобии, например. Однажды врач даже написал, что вы никогда больше не сможете спуститься под землю. Так или иначе, мы подвергли ваши личностные характеристики проверке в нашей лаборатории поведенческой психологии при Академии ФБР в Квонтико. Они списали вас со счетов как подозреваемого. Сказали: невероятно, чтобы вы перешли черту ради финансовой выгоды.

Она помолчала, чтобы придать сказанному вескости.

– Эти медицинские дела из Министерства ветеранов старые, – сказал Босх. – Вся эта история давнишняя. Я, конечно, не собираюсь сидеть здесь и представлять доводы, почему меня можно считать подозреваемым. Но те материалы старые. Я не обращался к психиатру – при клинике ветеранов или любому другому – уже пять лет. А что касается моей клаустрофобии и боязни труб и туннелей, то я только вчера залезал в одну такую, чтобы

посмотреть на Медоуза. Как вы думаете, что бы написали об этом ваши психиатры из Квонтико?

Гарри чувствовал, как его лицо краснеет от досады и смущения. Он знал, что наговорил много лишнего. Но чем больше старался сдерживаться, тем больше кровь устремлялась к лицу. Широкобедрая официантка выбрала именно этот момент, чтобы вернуться и подать ему свежий кофе.

– Готовы сделать заказ? – спросила она.

– Нет, – ответила Уиш, не отрывая глаз от Босха. – Пока нет.

– Уважаемые, сейчас в обеденный перерыв сюда нагрянет толпа народу, и стол понадобится тем, кто голоден. Я зарабатываю на тех, кто ест, а не на тех, кто слишком зол, чтобы есть.

Она отошла, оставив Босха с мыслью, что официантки, пожалуй, лучше разбираются в людях, чем большинство копов. Уиш сказала:

– Мне жаль, что все так получилось. Вам надо было позволить мне уйти сразу, как только я собралась.

Смущение Босха прошло, но гнев остался. Он уже больше не смотрел в сторону от стола. Он смотрел прямо на собеседницу.

– Вы думаете, что разобрались во мне по каким-то бумажкам из досье? Вы меня не знаете! Расскажите, что вы знаете!

– Я не знаю вас. Я знаю о вас, – ответила она. Она на миг умолкла, чтобы собраться с мыслями. – Вы институциональный человек, детектив Босх. Вся ваша жизнь связана с социальными институтами. Сначала приют, дома приемных родителей. Потом армия. Потом полиция. Вы никогда не выходили за пределы той или иной институциональной системы. Один ущербный социальный институт за другим. – Она отпила воды, как будто раздумывая, продолжать ли дальше. Потом продолжила: – Иероним Босх... Единственная вещь, которой вас снабдила мать, – это имя живописца, умершего пять с лишним веков назад. Но я могу себе представить, что перед реальной чертовщиной, выпавшей на вашу долю, та эксцентричная чепуха из причудливых видений, которую он писал, выглядит Диснейлендом. Ваша мать была одинока. Ей пришлось отдать вас в приют. Вы выросли в приемных семьях, интернатах. Вы сумели там не пропасть. Вы выжили во Вьетнаме и удержались в полицейском департаменте. Пока по крайней мере. Но вы там чужой среди своих. Вы сумели продвинуться до городского отдела ограблений и убийств, но и там всегда были чужаком. Вы всегда все делали по-своему, и в конце концов вас за это выпихнули.

Она медленно допила стакан, по-видимому, желая дать Босху возможность прервать ее рассуждения. Он этого не сделал.

– Для этого вам хватило всего одной ошибки, – снова заговорила она. –

В прошлом году вы убили человека. Он сам был убийцей, но это не меняло дела. Согласно отчетам, вы решили, что он потянулся под подушку за пистолетом. Оказалось, что он потянулся за своим париком. Ситуация почти комическая, но служба внутренних расследований нашла свидетельницу, которая показала, будто упомянула заранее, что подозреваемый держал накладные волосы под подушкой. Поскольку она была уличной проституткой, достоверность ее показаний была под вопросом. Их оказалось недостаточно, чтобы совсем вышвырнуть вас с работы, но это стоило вам должности. Теперь вы работаете в Голливуде, в отделении, которое большинство людей в управлении называют помойкой.

Голос ее сделался тише и сошел на нет. Тирада ее изнурила. Босх ничего не отвечал, и наступило долгое молчание. Официантка курсировала мимо кабинки, но почла за лучшее не вмешиваться.

– Когда вернетесь обратно в офис, – проговорил он наконец, – попросите Рурка сделать еще один звонок. Он снял меня с дела, он может вернуть меня обратно.

– Я не могу этого сделать. Он не станет.

– Станет-станет, и скажите, что на это у него есть время только до завтра.

– А не то? Что вы можете поделать? Поймите... давайте смотреть правде в глаза. С вашим послужным списком вы к завтрашнему дню будете вообще временно отстранены. После разговора с Рурком Паундз, вероятно, сразу же позвонил в СВР, если только Рурк сам этого не сделал.

– Не имеет значения. Передайте Рурку: либо завтра утром я кое-что услышу, либо завтра же он прочтет в «Таймс» интересный материал. О том, как человек, подозреваемый в крупном преступлении – объект слежки ФБР, – был убит прямо у Бюро под носом, унеся с собой в могилу информацию о том, как было осуществлено нашумевшее подземное ограбление Уэстлендского банка. Возможно, не все факты будут точны или расставлены в правильном порядке, но они будут достаточно близки к истине. Что более важно, это будет качественный материал. И он поднимет волну до самого Вашингтона. Помимо того, что он станет шоком, он будет еще и хорошим предупреждением для тех, кто уколошил Медоуза. И тогда вам их уже никогда не найти. А за Рурком навсегда останется репутация человека, который их прошляпил.

Она смотрела на него, отстраненно качая головой, будто находилась где-то далеко.

– Не мне решать. Мне придется пойти к нему и передать ваши слова. Но будь решение за мной, я бы сказала, что вы блефуете. И открыто

объявляю вам сейчас, что именно это посоветую ему сделать.

– Это не блеф. Вы же меня проверяли, сами знаете. Я отправлюсь в СМИ, и СМИ меня выслушают, и им это понравится. Пораскните мозгами. Вы обязаны сказать ему, что это не блеф. Мне нечего терять. А он ничего не потеряет, возвратив меня обратно.

Он встал и начал выбираться из-за стола. Потом остановился и бросил на стол пару долларовых бумажек.

– У вас есть мое досье. Вы знаете, где меня найти.

– Да, знаем, – кивнула она. Потом окликнула: – Эй, Босх!

Он обернулся.

– А та проститутка, она сказала правду? Насчет подушки.

– А разве они говорят что-то другое?

* * *

Босх припарковался на стоянке позади полицейского участка на Уилкоккс-авеню и не бросал сигарету до тех пор, пока не подошел к задней двери. Раздавил бычок об асфальт и вошел внутрь, оставляя позади запах рвоты, доносившийся из зарешеченных окон с тыльной стороны участка, где находились камеры. В заднем коридоре, дожидаясь его, большими шагами прохаживался Джерри Эдгар.

– Гарри, нас срочно вызывает «шеф-повар».

– Угу, насчет чего?

– Я не знаю, но он каждые десять минут выскакивает из своего аквариума, высматривая тебя. Твои пейджер и рация выключены. А некоторое время назад я видел, как двое сильно прикинутых копов из СВР приехали из Паркер-центра и прямиком направились к нему.

Босх кивнул, не сказав, однако, своему напарнику ничего утешительного.

– Что происходит? – выпалил Эдгар. – Если мы влипли в историю, давай выкладывай, прежде чем мы туда пойдем. Это у тебя опыт в таких делах, а не у меня.

– Я сам точно не знаю, что происходит. Думаю, хотят отобрать у нас это расследование. По крайней мере, у меня. – Он произнес это небрежно, с полным равнодушием.

– Гарри, для того, чтобы это сделать, не приглашают СВР. Что-то здесь неладно. Послушай, дружище, не знаю, что ты там натворил, но, надеюсь, ты не втянул в это дерьмо и меня? – Сказав это, Эдгар тут же

skonфузился. – Извини, Гарри, я не то хотел сказать.

– Расслабься, пойдем узнаем, чего мужик от нас хочет.

Босх направился к помещению детективного отдела. Эдгар сказал, что пройдет через кабинет дежурного, а затем появится со стороны главного входа – так, чтобы не возникло впечатления, что они встретились и сговорились. Когда Босх добрался до своего рабочего места, первое, что он заметил, – это то, что синяя папка с делом Медоуза исчезла. Но он также заметил, что тот, кто забрал ее, упустил из виду лежавшую на ней кассету с записью телефонного звонка в службу спасения. Босх взял кассету и отправил в карман пиджака – как раз в тот момент, когда из-за стеклянной перегородки в передней части детективного отдела загремел голос «шеф-повара». Тот вопил только одно слово: «Босх!» Остальные детективы в комнате оглянулись. Босх поднялся и медленно двинулся по направлению к аквариуму – так называли кабинет лейтенанта Харви Паундза, «шеф-повара». Через стекло он увидел сидящие там же две спины в костюмах. Босх узнал в них двоих детективов из службы внутренних расследований, которые шерстили его по делу Кукольника. Легавых звали Льюис и Кларк.

Как раз когда Босх шагал к кабинету начальства, в помещение детективов через передний холл вошел Эдгар, и они зашли в аквариум вместе. Паундз с мрачным видом восседал за письменным столом. Люди из СВР даже не шелохнулись.

– Во-первых, никакого курения, Босх, понятно? – сказал Паундз. – Сказать по правде, все помещение провоняло, как пепельница. Мне даже нет нужды спрашивать, чья это работа.

Городская полиция объявила курение вне закона во всех помещениях общего пользования, к каковым относилось и помещение детективного отдела. Допускалось курение в отдельном кабинете, если это был твой кабинет или если его хозяин разрешал посетителям курить. Паундз был воинствующим борцом из новообращенных. Большинство из тридцати двух детективов, находившихся под его началом, дымили, как паровозы. Когда «шеф-повара» не было поблизости, многие из них предпочитали пойти в его кабинет и там выкурить сигаретку – вместо того, чтобы выходить на стоянку, где была вероятность прозевать нужный звонок и где из окон вытрезвителя несло мочой и рвотой. Паундз взял привычку запирает кабинет даже на время коротких отлучек до расположенной в том же коридоре двери начальника. Однако любой сотрудник, знающий буквенный код, мог открыть дверь за три секунды. Лейтенант, возвращаясь, постоянно находил кабинет провонявшим. В его отсеке размерами десять на десять футов всегда стояли два вентилятора, а на письменном столе –

баллончик освежителя воздуха «Глейд». Поскольку частота задымления пространства возросла с переводом Босха из Паркер-центра к голливудским детективам, Паундз был убежден, что Босх является главным нарушителем. И он был прав, но так ни разу и не застукал его на месте преступления.

– Так, значит, весь сыр-бор из-за этого? – спросил Босх. – Из-за курения в кабинете?

– Сядьте! – выпалил Паундз.

Босх поднял обе руки ладонями вверх, как бы показывая, что у него между пальцами не припрятано сигарет. Затем повернулся к парочке из СВР:

– Что ж, Джед, похоже, мы здесь затем, чтобы поучаствовать в экспедиции Льюиса и Кларка. Я не видел этих великих исследователей с тех пор, как они отправили меня в бесплатный отпуск в Мексику. Это была одна из их лучших работ. Газетные заголовки, интервью на телевидении, все такое прочее. Это звезды СВР.

Лица обоих легавых моментально покраснели от злости.

– На этот раз ты окажешь себе большую услугу, если будешь держать свой наглый рот на замке, – сказал Кларк. – Ты крупно влип, Босх. Понял?

– Ага, понял. Спасибо за подсказку. У меня для вас тоже есть одна. Влезайте-ка вы обратно в домашние костюмы^[25], которые носили прежде, чем заделались ирвинговскими шестерками. Ну, те, желтые, знаете, в тон вашим зубам. Полиэстер вам больше к лицу, чем шикарная одежда. Вообще кто-то говорил, что задница ваших нынешних костюмов начинает быстро лосниться от чрезмерного усердия за письменным столом.

– Ну ладно, ладно! – вмешался Паундз. – Босх, Эдгар, сядьте и помолчите минутку. Это...

– Лейтенант, я ничего не сказал, – начал Эдгар. – Я...

– Молчать! Все! Заткнитесь на минуту! – рявкнул Паундз. – Господи Иисусе! Кстати, Эдгар, это люди из службы внутренних расследований, если вы не знакомы. Детективы Льюис и Кларк. Они здесь...

– Мне нужен адвокат, – сказал Босх.

– Наверное, и мне тоже, – прибавил Эдгар.

– А, бросьте! – сказал Паундз. – Мы просто поговорим, проясним кое-что, и не надо молоть всякую чушь вроде Лиги защиты полицейских^[26]. Если вам нужен адвокат, вы получите его позже. А сейчас вы посидите здесь оба и ответите кое на какие вопросы. Если же нет, то вас, Эдгар, вытрясут из вашего восьмисотдолларового костюма обратно в полицейскую форму, ну а Босх... Черт подери, Босх! Вы на сей раз,

пожалуй, отправитесь за расчетом.

На короткое время в комнате воцарилась тишина, хотя возникшее среди этих пятерых мужчин напряжение грозило вдребезги разнести стекла. Паундз заглянул через стекло в общее помещение и увидел примерно с дюжину детективов, делающих вид, будто заняты делом, а на самом деле прислушивающихся к тому, что происходит за стеклянной перегородкой. Некоторые пытались читать по губам лейтенанта. Паундз встал и опустил жалюзи на стекле. Такое он проделывал не часто. То был сигнал команде, что происходит нечто серьезное. Даже Эдгар выразил свою озабоченность шумным дыханием. Паундз снова сел. Длинным ногтем он постучал по лежавшему перед ним на столе голубому пластиковому скоросшивателю.

– О'кей, а сейчас давайте приступим, – начал он. – Вы оба, парни, отстраняетесь от дела Медоуза. Это первое. Никаких вопросов, с этим покончено. А теперь расскажите нам все, от и до.

При этих словах Льюис, щелкнув, открыл дипломат и вытащил оттуда кассетный магнитофон. Включил его и поставил на чистый, без единого пятнышка, стол Паундза.

Босх работал в паре с Эдгаром только восемь месяцев. Гарри был знаком с ним недостаточно хорошо, чтобы предсказать, как тот воспримет эту акцию устрашения и как долго он продержится против этих ублюдков. Но он знал его достаточно хорошо, чтобы отдавать отчет, что относится к нему с симпатией и не хочет, чтобы его взяли в тиски. Единственным грехом Эдгара во всей этой истории было то, что он хотел высвободить себе вторую половину дня в воскресенье, чтобы спокойно заниматься продажей домов.

– Зачем эта хреновина? – кивнул Босх в сторону магнитофона.

– Выключите, – сказал Паундз Льюису, указывая на магнитофон, который, в сущности, был ближе к нему, чем к Льюису. Детектив встал и приподнял магнитофон со стола. Он выключил его, нажал на кнопку перемотки и поставил обратно на стол.

После того, как Льюис уселся обратно, Паундз сказал:

– Господи, Босх, сегодня мне звонят из ФБР и говорят, что считают вас возможным подозреваемым в деле о треклятом банковском ограблении. Говорят, этот Медоуз проходил подозреваемым по тому же самому делу, и в силу этого вас теперь следует считать подозреваемым в убийстве Медоуза. И вы думаете, мы после этого не станем задавать вопросы?

Эдгар запыхтел громче. Такое он слышал впервые.

– Держите магнитофон подальше, и мы поговорим, – сказал Босх.

Паундз немного поразмыслил над этим, потом сказал:

– Пока не будет магнитофона. Рассказывайте.

– Во-первых, Эдгар во всей этой истории совершенно ни при чем, он не имеет о ней ни малейшего представления. Мы вчера заключили с ним что-то вроде сделки. Я беру на себя дело Медоуза, а он идет домой. За это он должен довести до ума дело Спайви, той телезвезды, которую зарезали позапрошлой ночью. А про это фэбээровское дерьмо с ограблением он вообще знать не знал. Отпустите его.

Похоже, Паундз поставил себе целью не смотреть ни на Льюиса с Кларком, ни на Эдгара. Он сам принял это решение. Свеча, слабо мерцающая перед лицом урагана воинствующей некомпетентности. Это пробудило в Босхе искру уважения. Паундз выдвинул ящик стола и вытащил оттуда старую деревянную линейку. Повертел ее в руках. Наконец посмотрел на Эдгара:

– Это правда, то, что говорит Босх?

Эдгар кивнул.

– Вы понимаете, что это выставляет его в плохом свете, как будто он старался придержать дело для себя, чтобы утаить от вас свои контакты?

– Он сразу сказал мне, что знает Медоуза. Он с самого начала был со мной откровенен. Было воскресенье. Мы не могли рассчитывать, что кто-нибудь придет и избавит нас от повинности только потому, что Гарри знал парня двадцать лет назад. Вдобавок большинство людей, которых находят мертвыми в Голливуде, уже известны полиции по какому-нибудь поводу. А всю эту штуку насчет банка и прочего он, видно, выяснил уже после того, как я ушел. Я впервые слышу об этом.

– О'кей, – сказал Паундз. – У вас есть какие-нибудь бумаги по этому делу?

Эдгар покачал головой.

– О'кей, доводите до конца что у вас там по делу этого... как его?... Да, Спайви. Я назначу вам нового партнера. Пока не знаю кого, но сообщу. О'кей, все, продолжайте работать.

Эдгар издал еще один шумный вздох и встал.

* * *

После ухода Эдгара «шеф-повар» Паундз в течение нескольких мгновений позволил бушующим в комнате страстям улечься. Босху страшно хотелось курить – хотя бы засунуть в рот и держать там

незажженную сигарету. Но он ни за что не хотел показать им такую слабость.

– Ну что, Босх, – сказал Паундз, – вы хотите что-нибудь сообщить нам об этом деле?

– Да. Это чушь собачья.

Кларк самодовольно ухмыльнулся. Босх не обратил на это внимания. Но Паундз бросил на детектива службы внутренних расследований испепеляющий взгляд, который увеличил уважение к нему Босха.

– В ФБР мне сказали, что на данный момент я не являюсь подозреваемым, – сказал Босх. – Они присматривались ко мне девять месяцев назад, потому что присматривались тогда к любому, кто имел отношение к вьетнамским туннелям. Тогда они выявили некоторую связь с тамошними туннелями. Всего-навсего. Это была скрупулезная работа, им пришлось проверять всех. Поэтому они посмотрели на меня, а потом двинулись дальше. Черт, когда произошло то ограбление, я был в Мексике – спасибо этим двум болванам. ФБР прос...

– Предположительно, – вставил Кларк.

– Заткни варезку, Кларк. Ты просто ищешь способ, как бы прошвырнуться туда на каникулы с проверкой за счет налогоплательщиков. Бюро уже проверяло, можешь справиться у них и сэкономить средства.

Затем Босх снова повернулся к Паундзу, развернув свой стул спинкой к детективам СВР. Он заговорил приглушенным голосом, недвусмысленно давая понять, что разговаривает с Паундзом, а не с ними.

– Бюро хочет меня отстранить, потому что, во-первых, я привел их в замешательство, когда появился у них сегодня, чтобы расспросить о банковском ограблении. Я хочу сказать, что для них я – нечто связанное с недавним прошлым, вот они и запаниковали и бросились звонить. А вторая причина, по которой они хотят удалить меня от дела, – это потому что они его профукали, когда позволили Медоузу улизнуть от расплаты в прошлом году. Они упустили свой шанс его накрыть и теперь боятся, что чужое ведомство вмешается и увидит их провал. Или, того хуже, добьется успеха, которого они не могли добиться за целых девять месяцев.

– Нет, Босх, штука вот в чем, – сказал Паундз. – Сегодня утром я получил официальный запрос от заместителя старшего спецagenta, который возглавляет следствие по делу об ограблении. От человека по имени...

– Рурк.

– Вы его знаете. Ну, так вот он просил, чтобы...

– Меня немедленно отстранили от дела Медоуза. Он знает, что я был

знаком с Медоузом, который являлся у них главным подозреваемым. Медоуз играет в ящик, а я как раз занимаюсь этим делом. Совпадение? Рурк считает, что нет. Я и сам в этом не уверен.

– Именно так он и сказал. Итак, будем плясать отсюда. Расскажите нам о Медоузе, насколько хорошо вы его знали, когда вы его знали – подробно, ничего не упуская.

Следующий час Босх провел, рассказывая Паундзу о Медоузе, о туннелях, о том случае, когда Медоуз позвонил ему после почти двадцатилетнего перерыва, и о том, как, даже не встречаясь с ним – с помощью одних только телефонных звонков, – он добился, чтобы того включили в программу помощи наркоманам при местном отделении Министерства по делам ветеранов. За все время повествования Босх ни разу не обратился к сыщикам из СВР и вел себя так, будто их вообще нет в комнате.

– Я не делал тайны из того, что знал его, – сказал он в заключение. – Я сказал об этом Эдгару. Я пришел и прямо рассказал об этом в ФБР. Вы думаете, я стал бы это делать, будь я виноват в смерти Медоуза? Даже Льюис с Кларком не настолько тупы.

– Но тогда, во имя всего святого, Босх! – загремел Паундз. – Почему вы не рассказали мне? Почему это не содержится в ваших отчетах в этой папке? Почему я должен узнавать об этом от фэбээровцев? Почему служба внутренних расследований должна узнавать об этом от ФБР?

Итак, стало быть, это не Паундз позвонил в службу внутренних расследований. Это сделал Рурк. Босх спросил себя: знала ли об этом Элинон Уиш – которая в этом случае ему солгала, – или же Рурк натравил на него шпики по собственной инициативе? Босх был едва знаком с этой женщиной, но поймал себя на надежде, что она его не обманывала.

– Я только начал составлять отчеты сегодня утром, – сказал Босх. – Я собирался довести их до полной кондиции после того, как встречусь с людьми из ФБР. Совершенно очевидно, что у меня просто не было такой возможности.

– Что ж, я сэкономлю вам время, – сказал Паундз. – Ваше дело передали в ФБР.

– То есть как передали? Оно вне юрисдикции ФБР. Это обычное дело об убийстве.

– Рурк сказал: они уверены, что данное убийство напрямую связано с их текущим расследованием банковской кражи. Они включают его в свое расследование. Мы прикомандируем к ним нашего детектива через посредство межведомственных связей. Когда настанет время предъявить

кому-то обвинение в убийстве, наш следователь передаст дело окружному прокурору для того, чтобы тот сформулировал обвинение.

– Черт, Паундз, тут явно что-то не так. Что-то затевается. Вы разве не чувствуете?

Паундз положил линейку обратно в ящик и задвинул его.

– Да, что-то затевается. Но я вижу это иначе, чем вы, – ответил он. – Все, Босх, разговор окончен. Это приказ. Вы отстранены. Эти два человека хотят с вами поговорить, и, пока СВР не закончит свое расследование, вы на канцелярской работе. – Лейтенант несколько секунд помолчал, а затем вновь заговорил в торжественном тоне – как человек, которому неприятно то, что он должен произнести: – Вы знаете, вас перевели ко мне в прошлом году, и я мог бы поставить вас куда угодно. Я мог бы назначить вас в проклятую секцию краж со взломом, и вы бы составляли по пятьдесят отчетов в неделю – просто похоронил бы вас в бумагах. Но я этого не сделал. Я признал ваши умения и определил в секцию убийств – именно туда, куда, по моему мнению, вам и хотелось. Мне тогда говорили, что вы хороши в своем деле, но любите вести себя по своему усмотрению и выходить за рамки. Теперь я вижу, что они были правы. Не знаю, насколько эта история навредит мне. Но меня уж точно больше не волнует, что лучше для вас. Так что можете говорить с этими парнями, можете не говорить. Мне на это наплевать. Вот так. Нам крышка, вам и мне. Если вы каким-то образом выберетесь из этой передраги, лучше задумайтесь над переводом, потому что в моей секции убийств вы больше работать не будете.

Паундз подхватил синий скоросшиватель и встал из-за стола. Направляясь к выходу из кабинета, он бросил:

– Мне нужно найти кого-нибудь, кто бы отнес это в Бюро. Вы, парни, можете занимать кабинет сколько потребуется.

Он закрыл дверь и скрылся за ней. Босх подумал над этим и решил, что действительно не может винить Паундза за то, что тот сказал или сделал. Он вынул сигарету и закурил.

– Эй, здесь нельзя курить, слышал, что было сказано? – подскочил Льюис.

– Отвянь!

– Босх, ты конченный человек, твоя песенка спета, – вмешался Кларк. – На этот раз мы поджарим твою задницу. Не думай, что ты все такой же герой, каким был раньше. На сей раз не будет никаких проблем с пиаром. Всем до лампочки, что с тобой приключится.

Затем он встал и снова включил магнитофон. Он громко произнес в микрофон дату, имена присутствующих и номер, под каким проходило дело

в службе внутренних расследований. Босх про себя отметил, что номер дела был примерно на семьсот больше, чем номер того, прошлого, девятимесячной давности, следствием которого стал его перевод в Голливуд. Девять месяцев, за которые еще семь сотен копов прогнали через эту дерьмовую соковыжималку, подумал он. Настанет день, когда не останется никого, кто бы мог и хотел, как написано на боку каждой патрульной машины, «служить и защищать».

– Детектив Босх, – переняв от Паундза инициативу, произнес Льюис спокойным, хорошо модулированным голосом, – мы бы хотели задать вам вопросы, касающиеся следствия по делу о смерти Уильяма Медоуза. Будьте добры, расскажите нам о знакомстве с покойным или каких-либо прошлых связях с ним.

– Я отказываюсь отвечать на любые вопросы в отсутствие адвоката, – сказал Босх. – Я ссылаюсь на свое право на представительство согласно Биллю о правах полицейского, принятому в штате Калифорния.

– Детектив Босх, администрация управления полиции не признает этот аспект Билля о правах полицейского. Вам предписывается ответить на эти вопросы, а если вы откажетесь, то будете подвергнуты временному отстранению от должности и, возможно, отставке. Вы...

– Не могли бы вы ослабить эти наручники? – сказал Босх.

– Что? – воскликнул Льюис, теряя свой спокойный, уверенный тон.

Кларк встал и склонился над магнитофоном.

– Детектив Босх не скован наручниками, и здесь находятся двое свидетелей, которые могут подтвердить этот факт, – проговорил он.

– Именно те, которые меня сковали, – сказал Босх. – И избили. Это прямое нарушение моих гражданских прав. Я требую, прежде чем мы продолжим, чтобы сюда допустили представителя моего профсоюза и моего адвоката.

Кларк перемотал пленку и выключил магнитофон. С лицом, побагровевшим от злости, он понес его обратно к чемоданчику своего партнера. Прошло несколько мгновений, пока к обоим детективам вернулся дар речи.

Кларк сказал:

– Уничтожить тебя, Босх, будет сплошным удовольствием. Бумаги насчет твоего временного отстранения будут на столе у начальника к концу дня. Ты будешь прикомандирован к письменному столу в службе внутренних расследований, где мы сможем не спускать с тебя глаз. Мы начнем с «поведения, несообразного со званием офицера» и оттуда выйдем, быть может, напрямую к убийству. В любом случае с твоим пребыванием в

нашем департаменте будет покончено. Ты – конченный человек.

Босх поднялся со стула, то же сделали и оба детектива СВР. Он в последний раз затянулся сигаретой, бросил окурок на пол, прямо под ноги Кларку, и наступил на него, втирая в сияющий линолеум. Он знал, что они предпочтут скорее прибрать за ним, чем обнаружить перед Паундзом, что не справились с допросом или с допрашиваемым. Он намеренно прошел между ними, демонстративно выдохнул дым и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Уже снаружи он услышал, как Кларк, с трудом сдерживая гнев, выкрикнул ему вслед:

– Не смей приближаться к делу, Босх!

* * *

Избегая устремленных на него глаз, Босх прошел по комнате и брякнулся на свое место за столом, относящимся к секции убийств. Он бросил взгляд на Эдгара, сидевшего на своем рабочем месте.

– Ты хорошо держался, – сказал ему Босх. – Тебе действительно нужно выйти из этого расследования.

– А что будет с тобой?

– Я отстранен от дела, и эти два говнюка собираются накатать на меня телегу. В моем распоряжении сегодняшние полдня – и на этом все, а потом я получу формальное отстранение от дела.

– Проклятие!

Все приказы об отстранении от должности и временном отстранении должен был подписывать заместитель начальника, отвечающий за СВР. Более суровые взыскания требовалось предоставлять на одобрение подкомитету полицейской комиссии. Льюис и Кларк будут добиваться временного отстранения за поведение, несовместимое со званием офицера. Затем они продолжат копать, чтобы нарыть компромат для какого-нибудь более сурового наказания, требующего одобрения комиссии. Если заместитель начальника подпишет приказ об отстранении Босха, то согласно предписаниям профсоюза отстраняемого обязаны поставить в известность. Это означало уведомить лично либо в виде записанного на пленку сообщения. Когда уведомление будет сделано, Босх может быть прикомандирован к канцелярской работе в службе внутренних расследований в Паркер-центре или отправлен домой до завершения служебного расследования. Но, как только что пообещали ему Льюис и Кларк, они будут добиваться прикомандирования его к СВР. В этом случае

они получают возможность выставить его напоказ, как трофей.

– Тебе требуется от меня какая-нибудь помощь по делу Спайви? – спросил он Эдгара.

– Нет, у меня все есть. Я уже собираюсь начать печатать, если найду машинку.

– Ты, случайно, не проверял, как я тебя просил, не работал ли Медоуз на прокладке метро?

– Гарри, ты... – Эдгар осекся, должно быть, сообразив, что лучше этого не говорить. – Да, я проверил. Как мне сказали, у них на этом проекте не было никого по фамилии Медоуз. За что купил, за то продал. Там был некий Филдз, но он чернокожий и по сей день работает. И вряд ли Медоуз работал под каким-то другим именем, потому что у них вообще нет ночных смен. Строительство движется с опережением графика, если можно верить этим рассказам. – Тут Эдгар крикнул кому-то: – Я следующий на эту машинку!

– Ничего подобного, – запротестовал детектив по имени Минкли. – Я уже на нее нацелился.

Эдгар принялся оглядываться в поисках нового варианта. Ближе к концу дня машинки в отделе были на вес золота. На тридцать двух детективов имелась дюжина машинок, считая допотопные механические и электрические, страдающие нервными тиками вроде меняющихся границ полей или западающих клавиш.

– Ну ладно, – снова крикнул Эдгар. – Тогда я после тебя, Минк. – Потом, понизив голос, обратился к Босху: – Как ты думаешь, кого он мне даст в напарники?

– Паундз? Не знаю. – Это было все равно что гадать, за кого выйдет твоя жена после того, как в последний раз пропищит твой таймер. Босх был вовсе не расположен обсуждать, кто сменит его в роли партнера Эдгара. Вместо этого он сказал: – Послушай, я должен кое-что сделать.

– Конечно, Гарри. Тебе нужна какая-то помощь?

Босх покачал головой и поднял телефонную трубку. Он позвонил своему адвокату и оставил сообщение. Обычно требовалось три сообщения, прежде чем этот парень перезванивал, и Босх написал себе памятку позвонить снова. Потом крутанул свою картотеку, нашел нужный номер и позвонил в архив личных дел вооруженных сил США в Сент-Луисе. Он попросил служащего, работающего с правоохранительными органами, и к телефону подошла женщина, назвавшаяся Джесси Сент-Джон. Он сделал срочный запрос копий всех военных досье Билли Медоуза. Три дня, сказала Сент-Джон. Он положил трубку, подумав, что

никогда не увидит этих материалов. Они-то придут, но его уже не будет – ни на этом деле, ни за этим столом, ни вообще на службе. Затем он позвонил в службу идентификации, эксперту Доновану, и узнал, что на «аптечке» наркомана, найденной в кармане рубашки Медоуза, не оказалось скрытых отпечатков пальцев, а на жестяном баллончике краскораспылителя оказались только смазанные пятна. Светло-коричневые кристаллы, обнаруженные на ватном фильтре из «аптечки», соответствовали 55-процентному содержанию чистого героина азиатского происхождения. Босх знал, что основная масса снадобья, имеющего хождение в криминальной среде и впрыскиваемого в вену уличными наркоманами, соответствует примерно 15 процентам чистого героина. Большая его часть представляла собой неочищенный героин-полуфабрикат, изготавливаемый мексиканцами. Кто-то вкатил Медоузу хорошую смертельную дозу. Гарри понял, что это делало токсикологические тесты, которых он дожидался, пустой формальностью. Медоуза убили преднамеренно.

Больше ничего с места преступления не представляло интереса, разве что Донован упомянул, что свежееобгоревшая спичка, найденная в трубе, не была вырвана из спичечной упаковки в «аптечке» Медоуза. Босх дал Доновану адрес квартиры Медоуза и попросил отправить туда бригаду, чтобы по всей форме надлежащим образом ее обработать. Он попросил сравнить спички в пепельнице на кофейном столике с теми, что были в упаковке-книжечке в «аптечке». Положил трубку, спрашивая себя, успеет ли Донован послать туда кого-нибудь прежде, чем до них докатится слух, что Босха сняли с дела или вообще временно отстранили от службы.

Последний звонок он сделал в офис коронера. Сакаи сказал, что произвел уведомление ближайшего родственника. Мать Медоуза была еще жива, и ее разыскали в Новой Иберии, штат Луизиана. У нее не было денег, чтобы послать за телом сына и его похоронить. Она не видела его восемнадцать лет. Билли Медоуз не навещался домой. Похоронить его надлежало за счет округа Лос-Анджелес.

– А как насчет Министерства по делам ветеранов? – спросил Босх. – Он ведь бывший солдат.

– Верно. Я наведу справки, – сказал Сакаи и дал отбой.

Босх встал и достал из одного из ящиков картотечной стенки маленький портативный магнитофон. Картотечная стенка с банком файлов тянулась вдоль стены как раз позади стола секции убийств. Он осторожно опустил магнитофон вместе с кассетой из службы спасения в карман пиджака и вышел из помещения детективного отдела через служебную дверь. Он прошел мимо скамей, где сидели задержанные, и мимо КПЗ до

двери в конце коридора с аббревиатурой CRASH^[27]. В крохотном офисе было куда теснее, чем в помещении детективного отдела. Письменные столы и картотеки, которыми пользовались пятеро мужчин и женщин, были втиснуты в комнату не больше второй спальни в меблированных комнатах Виниса. С одной стороны у стены был ряд из картотечных шкафчиков по четыре ящика. У противоположной стены располагались компьютер и телетайп. Между ними впритык стояло три комплекта по два стола. На задней стене была растянута неизменная карта города, на которой черными линиями были обозначены восемнадцать полицейских отделений. Над картой была «большая десятка»: цветные, восемь на десять, изображения десяти крупнейших на данный момент уголовников Голливудского района. Босх заметил, что одно изображение представляло собой снимок из морга. Малый был мертв, но по-прежнему находился в списке. Вот это мерзавец, подумал он. А над фотографиями черные пластмассовые буквы составляли название отдела «Силы округа против уличных хулиганов». Сокращенно как раз и получается CRASH.

В комнате находилась только Телия Кинг, которая сидела перед компьютером. Именно на это и рассчитывал Босх. Известная также под кличкой Король, которую ненавидела, и под кличкой Элвис, против которой ничего не имела, Телия Кинг была компьютерным жокеем отдела. Если вам нужно было проследить родословную уличной банды или разыскать неорганизованного малолетнего правонарушителя, обретающегося в районе Голливуда, Элвис была именно тем человеком, к которому надо было обращаться за помощью. Но Босха удивило, что она сидит одна. Он взглянул на часы. Только начало третьего, слишком рано для выхода на улицы уличных стай.

– А где же остальные?

– Привет, Босх, – ответила она, отрывая взгляд от экрана. – Похороны. У нас есть две разные банды, ну и вот эти воюющие племена сегодня хоронят своих усопших на одном и том же кладбище, в Долине. Все выехали на место, чтобы обеспечить тишину и порядок.

– Тогда почему ты не там, вместе с ребятами?

– Только что вернулась из суда. Так что прежде, чем ты скажешь мне, зачем пришел, Гарри, почему бы тебе не просветить меня насчет того, что случилось сегодня в кабинете «шеф-повара» Паундза?

Босх улыбнулся. Слухи распространялись внутри полицейского участка быстрее, чем снаружи. Он вкратце рассказал ей, как оказался в роли увольняемого и что ожидает схватки с СВР.

– Босх, ты относишься ко всему чересчур серьезно, – сказала она. –

Почему бы тебе не найти себе какое-нибудь простое, скучное, добропорядочное занятие на гражданке? Что-нибудь такое, чтобы не сходить с ума и спокойно плыть по течению. Как твой напарник. Какая жалость, что этот простофиля женат. Он зарабатывает втрое больше в свободное время, продавая дома, чем мы тут, разбивая себе головы на основной работе. Мне вот еще как пригодилась бы такая работенка.

Босх кивнул. Но ведь если слишком усердно плыть по течению, то приплывешь напрямик в сточную канаву, подумал он. Однако промолчал. Порой он был уверен, что как раз относится к жизни правильно, а все остальные – слишком легкомысленно. В этом проблема. У каждого имеется побочный заработок.

– Так за чем ты пришел? – спросила она. – Давай я лучше сделаю это поскорее, пока насчет тебя еще нет официального приказа. А то потом ты будешь здесь изгоем.

– Сиди где сидишь, – сказал он и, подтянув свой стул, растолковал, что ему требуется от компьютера.

Компьютеры отдела CRASH имели программу под названием GRIT^[28] – акроним внутри акронима. Этот уже расшифровывался как «Учет информации по бандам». Программные файлы содержали важнейшие сведения по 55 тысячам установленных членов уличных банд, а также по малолетним правонарушителям в городе. Этот компьютер был также связан с аналогичным компьютером в департаменте шерифа, в файле которого имелось дополнительно около 30 тысяч своих собственных зафиксированных членов хулиганских группировок. Одну часть программы GRIT составлял файл уличных кличек. Он распределял правонарушителей в соответствии с их прозвищами, давая возможность выйти через них на реальные имена, даты рождения, адреса и прочее. Все клички, попадавшие в зону внимания полиции в результате арестов или оформления «шейк-карточек» – отчетов по допросам на местности, вводились в программу. Говорили, что в GRIT-файлах содержалось больше 90 тысяч кличек. Требовалось только уметь нажать нужную клавишу. А Элвис умела.

Босх дал ей имеющиеся у него три буквы свежей надписи с трубы на дамбе.

– Я не знаю, все ли это слово целиком или только часть. Думаю, что часть.

Телия Кинг открыла программу, ввела буквы «S-H-A» и нажала клавишу «ENTER». Все вместе заняло у нее тринадцать секунд. Ее эбенового цвета лицо недовольно нахмурилось.

– Триста сорок три варианта, – объявила она. – Тебе придется здесь

подзадержаться, дружок.

Он посоветовал ей исключить чернокожих и латиносов. Голос на кассете службы экстренной помощи на слух принадлежал белому. Девушка нажала еще какие-то клавиши, и янтарные буквы на экране компьютера перекомпоновались в другой список.

– Это уже лучше, девятнадцать попаданий, – сказала Кинг.

Такого прозвища, которое состояло бы только из трех букв, «SNA», не было. Было пять Шэдоузов, четыре Шаха, два Шаркея, два Шарки и по одному Шарку, Шэбби, Шэллоу, Шэнку, Шэботу и Шейму. Босх быстро припомнил картинку на трубе. Зазубренная S, напоминающая разинутую пасть... Что, если это пасть акулы?

– Подтяни-ка информацию на Шарка^[29], – попросил он.

Кинг нажала пару клавиш, и верхняя треть экрана наполнилась новыми янтарными буквами. Шарк был парнем из Долины. Контакты с полицией ограниченные: уснащал надписями скамейки на автобусных остановках вдоль бульвара Вентура в Тарзане^[30], был пойман за руку, получил условный срок и был приговорен к смыванию граффити. Парню пятнадцать лет. По мнению Босха, маловероятно, чтобы это он оказался на плотине в три часа утра в воскресенье. Кинг вытащила на экран данные на первого Шаркея. В настоящее время тот находился в Малибу, в летнем лагере для несовершеннолетних правонарушителей. Вторым Шаркей был мертв, убит в 1989 г. в ходе войны между двумя группировками: «КГБ» («Кидз гон бэд» – «Протухшими парнями») и «Вайнленд бойз» («Парнями из страны виноградников»). Его имя просто еще не было удалено из компьютерных анналов.

Когда Кинг вызвала данные на первого Шарки, экран заполнился информацией и в нижней части экрана замигало слово «Дальше».

– Вот уж записной нарушитель спокойствия, – заметила она.

Компьютерная сводка описывала Эдварда Ниса как белого мужчину семнадцати лет, мотоциклиста (желтый мотоцикл, номерной знак JVN138), не замеченного в принадлежности к какой-либо банде, однако использующего кличку Шарки в качестве своего графического символа. Постоянно сбегал из дома своей матери в Чатсворте^[31]. Далее следовал двухстраничный список контактов с полицией. Судя по местам, где происходили задержания, Босх сделал вывод, что Шарки, находясь в бегах, тяготел к районам Голливуд и Западный Голливуд. Он добежал глазами уже до второй экранной страницы, когда увидел запись об аресте за подозрительное бродяжничество, произведенном тремя месяцами ранее у

Голливудского водохранилища.

– Это он, – уверенно заключил Босх. – Плюнь на последнего. Можешь сделать мне удобочитаемый печатный текст?

Телия нажала соответствующие клавиши, чтобы распечатать файл, затем указала на стенку из картотечных шкафчиков. Босх подошел туда и выдвинул ящик с literой «N». Там он нашел досье на Эдварда Ниса. Внутри папки находилось цветное регистрационное фото. Шарки был блондином и казался на снимке маленьким. Выражение его лица представляло собой смесь душевной боли и вызывающего неповиновения, которое на лицах нынешних тинэйджеров стало таким же обычным делом, как юношеские прыщи. Но Босха поразило в этом лице нечто знакомое, ощущение, что он откуда-то его знает. Он не мог вспомнить откуда. Детектив перевернул фотографию. Она была датирована двумя годами ранее. Кинг вручила ему компьютерную распечатку, и он уселся за один из пустых письменных столов, чтобы повнимательнее изучить снимок и содержание файла.

Наиболее серьезные правонарушения, которые совершил парень, нарекший себя Шарки – и за которые задерживался, – были следующие: кражи из магазинов, вандализм, подозрительное бродяжничество, хранение марихуаны и превышение скорости. Посажен он был однажды – на двадцать дней, в исправительное учреждение для несовершеннолетних «Сильмар-Джувинайл-Холл» – после одного из задержаний за наркотики, но позже был отпущен домой, на поруки, с испытательным сроком. Во всех остальных случаях, когда он попадался, его немедленно отпускали к матери. Он был хроническим беглецом и выброшенным из социальной системы элементом.

В досье из картотеки оказалось немногим больше того, что содержалось в компьютере. Чуть более подробно об арестах – вот и все. Босх пролистывал страницы, пока не наткнулся на обвинение в праздновании с подозрительными целями. Дело чуть было не дошло до суда, но было закрыто, когда Шарки согласился вернуться домой, к матери, и оставаться там. Но по-видимому, это длилось недолго. Имелся рапорт, что две недели спустя мать уведомила полицейского офицера, который осуществлял надзор за ее условно осужденным сыном по месту жительства, о его исчезновении. Согласно этой информации, он до сих пор находился в розыске.

Босх прочитал краткий отчет следователя по поводу ареста за бродяжничество. Там было написано вот что:

«Офицер, проводящий следствие по делу, допросил Дональда Смайли, смотрителя на плотине Малхолланд-дэм, который сказал, что в семь часов утра сего дня он пошел к трубе, расположенной вдоль подъездного пути к резервуару, чтобы очистить ее от мусора. Там Смайли обнаружил мальчика, который спал на импровизированной постели из газет. Когда он поднял парня, тот был грязный и невменяемый, говорил бессвязно. Очевидно, субъект находился под воздействием наркотиков. Была вызвана полиция, и на вызов приехал офицер имярек, которому задержанный заявил, что спит там регулярно, потому что мать не хочет видеть его у себя в доме. Офицер установил, что субъект является закоренелым беглецом, и сего дня взял его под стражу по подозрению в подозрительном бродяжничестве».

Шарки – человек привычки, подумал Босх. Он уже был арестован на плотине два месяца назад, но снова отправился туда спать ночью в воскресенье. Босх просмотрел оставшиеся страницы досье в поисках других привычек, которые могли бы ему помочь разыскать парня. Из «шейк-карточки» Босх узнал, что в январе Шарки задерживали и допрашивали (однако до настоящего ареста дело не дошло) на бульваре Санта-Моника, ближе к Западному Голливуду. Шарки зашнуровывал новенькие кроссовки «Рибок», и полицейский, полагая, что тот, возможно, их только что украл, попросил его предъявить чек. Тот предъявил, и на этом бы все и закончилось, однако когда парень вытаскивал чек из кожаного футляра на мотоцикле, офицер заметил там пластиковый пакет и попросил показать его тоже. В пакете содержалось десять фотографий Шарки. На каждой он был обнажен и стоял в разных позах: на иных сам себя лаская, на других – в состоянии эрекции. Полицейский забрал снимки и порвал их, но отметил в «шейк-карточке», что поставит в известность отделение шерифа в Западном Голливуде о том, что Шарки толкает фотографии гомосексуалистам на бульваре Санта-Моника.

Вот и все, что можно было нарыть полезного. Босх закрыл папку, но прибрал к рукам фото Шарки. Поблагодарив Телию Кинг, Гарри покинул тесную комнату. Когда он шагал по заднему коридору полицейского участка мимо скамеек с задержанными, его вдруг осенило, откуда он знает парня на фото. Волосы сейчас, конечно, отросли длиннее и были заплетены в многочисленные косички, а выражение душевной боли на лице полностью вытеснилось выражением вызывающего неповиновения. Но при этом Шарки был явно тем самым юнцом, который сегодня ранним

утром сидел прикованный наручниками к скамейке для малолетних правонарушителей. Босх был полностью в этом уверен. У Телии в компьютере этот последний привод не был зафиксирован, потому что его еще не внесли в базу данных. Босх толкнулся в кабинет начальника над ночными дежурными, растолковал лейтенанту, что ищет, и был проведен в закуток с табличкой «Ночное Дежурство». Там он просматривал сложенные стопкой отчеты, пока не нашел бумаги на Эдварда Ниса.

Шарки замели в 4 часа утра за подозрительное праздношатание возле газетного стенда на Вайн-стрит. Патрульному показалось, что парень выискивает клиентов. После того, как забрал его, он проверил компьютерную информацию и узнал, что подросток находится в бегах. Босх просмотрел табель дневных арестов и узнал, что Ниса продержали до 9 утра, в кое время прибыл офицер, надзирающий за ним по месту жительства, и забрал его. Босх позвонил офицеру по вопросам личного состава в «Сильмар-Джувинай-Холл», но узнал, что Шарки уже предстал сегодня перед арбитром в суде по делам несовершеннолетних и был выпущен на попечение матери.

– И это его самая большая проблема, – прибавил офицер по вопросам личного состава. – Сегодня к ночи он опять сбежит на улицу, могу поручиться. Я сказал об этом судье, но он говорит, что не намерен запикивать парня в обезьянник только потому, что он был арестован за бродяжничество, а его мать оказывается телефонной шлюхой.

– Как-как? – переспросил Босх.

– Это следовало бы отразить в досье. Да, пока Шарки шатается по улицам, его дорогая мамочка рассказывает мужикам по телефону, как она будет мочиться им в рот и напаяливать резиновые обручи на их члены. Дает объявления в эротические журналы. Зарабатывает сорок баксов за пятнадцать минут. Принимает карточки «Мастер-кард» и «Виза». Держит клиента на телефоне, пока не проверит по другому аппарату, что карточка действующая и они платежеспособны. Этим она занимается, если не ошибаюсь, по меньшей мере, уже лет пять. В годы, на которые пришлось формирование личности Эдварда, ему приходилось выслушивать это дерьмо. Я хочу сказать, ничего удивительного, что парень жулик и бродяга. Чего еще было ожидать?

– Как давно она его забрала?

– В полдень примерно. Если хочешь успеть застать его там, тебе лучше поторопиться. У тебя есть адрес?

– Угу.

– Да, Босх, и вот еще что. Когда приедешь, не рассчитывай увидеть

там шлюху. Его мамаша всего лишь играет роль, если ты понимаешь, о чем я. Может, весь фокус в голосе, но видом она способна напугать и слепого.

Босх поблагодарил за предупреждение и повесил трубку. Он двинулся в сторону Долины: по 101-й трассе, затем по 405-й к северу до 118-й, а по ней – на запад. Он съехал с шоссе в Чатсворте и повел машину к скалистым обрывам в дальнем конце Долины. Здесь находился жилой комплекс-кондоминиум, на котором, он знал, было когда-то киношное ранчо. Одно из мест, где прятались Чарли Мэнсон с компанией^[32]. Считалось, что части тела одного из членов той команды так и не отыскались и были зарыты где-то в окрестностях. Когда Босх добрался туда, уже начали спускаться сумерки. Люди заканчивали работу и стекались по домам. Редкая сеть дорог здешней жилой застройки была забита машинами. Множество закрывающихся дверей. Множество телефонных звонков матери Шарки. Босх опоздал.

– У меня нет времени опять разговаривать с полицией, – сказала Вероника Нис, открыв ему дверь и посмотрев на его значок. – Не успею я забрать его домой, как он опять за дверь. Я не знаю, куда он уходит. Это вы мне ответьте. Это ваша работа. Меня ждут три телефонных звонка, один междугородный. Мне некогда.

Ей было под пятьдесят, она была жирная и обрюзгшая. Она явно носила парик, и глаза раскрывались на разную ширину. От нее исходил запах грязных носков, характерный для человека, подсевшего на таблетки. Ее телефонным клиентам сильно повезло с фантазией, коль скоро одного только голоса им было достаточно, чтобы домыслить лицо и фигуру.

– Миссис Нис, я ищу вашего сына не по поводу каких-то правонарушений. Мне нужно поговорить с ним как со свидетелем. Ему может угрожать опасность.

– Чушь. Я эту песню уже слышала.

Она захлопнула дверь у него перед носом. Через несколько секунд Босх услышал, как она разговаривает по телефону, и решил, что она говорит с французским акцентом, хотя был не вполне уверен. Гарри смог разобрать только несколько фраз, но даже это немногое заставило его покраснеть. Он подумал о Шарки и понял, что тот, в сущности, не был беглецом из дому, поскольку здесь не было дома. Босх сошел с порога и пошел назад к машине. На сегодня хватит. Однако он выбивался из графика, время работало против него. К этому времени Льюис и Кларк, вероятно, уже подготовили материалы для его отстранения. Уже к утру он будет приговорен протирать штаны в четырех стенах в службе внутренних расследований. Детектив вернулся в свой участок и расписался за уход. Все

уже разошлись по домам, и для него не было оставлено никаких сообщений, даже от адвоката. По пути домой Гарри остановился возле «Лаки» и купил четыре бутылки пива: пару штук из Мексики, одно светлое из Англии, под названием «Олд Ник», и одно «Хенриз».

Он рассчитывал найти сообщение от Льюиса и Кларка по возвращении домой на своем автоответчике. Он не ошибся, но сообщение было не таким, какого он ожидал.

– Я знаю, что ты там, так что слушай, – произнес голос, в котором Босх узнал Кларка. – Они там могут изменить свое решение, но не могут изменить наше. До скорой встречи.

Других сообщений не было. Он прокрутил сообщение Кларка трижды. Что-то у них не сложилось. Видимо, их отозвали. Подействовала ли та его куца угроза в адрес ФБР привлечь внимание СМИ? Даже сейчас, когда Босх мысленно задавал себе этот вопрос, то сомневался, что ответ утвердительный. Он сел в свое сторожевое кресло и начал пить купленное пиво – сначала мексиканское, – одновременно просматривая альбом с засунутыми как попало фотографиями, который забыл убрать. Когда в воскресенье вечером он его открыл, то вместе с ним открыл темную страницу своей памяти. Теперь он чувствовал себя замороженным ею. И еще чувствовал, как время размывает, делает расплывчатой таившуюся там угрозу – точь-в-точь как изображения на фотографиях. Через некоторое время после того, как совсем стемнело, зазвонил телефон, и Гарри снял трубку раньше, чем успел включиться автоответчик.

– Ну что ж, – услышался в трубке голос лейтенанта Харви Паундза, – в ФБР считают, что они, возможно, были слишком резки. Они пересмотрели свою позицию и хотят, чтобы вы вернулись к расследованию. Вам надлежит содействовать им в расследовании во всех отношениях, какие они сочтут нужными. Это распоряжение администрации из Паркер-центра.

Голос Паундза выдавал его изумление от подобного кульбита.

– А что насчет СВР? – спросил Босх.

– На вас не заведено никакого дела. Как я уже сказал, ФБР дает задний ход, также и СВР. Пока что.

– Значит, я возвращаюсь к работе?

– Да, вы возвращаетесь. Это был не мой выбор. Чтоб вы знали: я-то как раз уговаривал их выбросить эту затею из своих тупых голов, но они проигнорировали мое мнение. За версту видно, что дело нечисто, но, видно, ему еще предстоит дождаться своего часа. А пока вы на положении прикомандированного. Вам надлежит работать с ними вплоть до

дальнейших распоряжений.

– А как быть с Эдгаром?

– Не беспокойтесь об Эдгаре. Он уже не ваша забота.

– Паундз, вы ведете себя так, будто сделали мне большое одолжение, пустив в секцию убийств, когда меня вышибли из Паркер-центра. Это я сделал вам одолжение, старина. Так что если вы ждете от меня извинений, то не дождетесь.

– Босх, ничего я от вас не жду. Вы сами себе напакостили. Но проблема в том, что вы можете по ходу дела здорово напакостить мне. Будь моя воля, вас бы и близко не подпускали к этому делу. Вы бы у меня сидели и проверяли ломбардные списки.

– Но воля не ваша, верно?

Босх положил трубку прежде, чем Паундз успел ответить. Он все еще задумчиво стоял рядом, забыв отпустить руку, когда телефон зазвонил снова.

– Ну что еще?

– Тяжелый денек выдался? – спросил голос Элинон Уиш.

– Я думал, это кто-то другой.

– Что ж, наверное, вы уже слышали.

– Да, слышал.

– Вы будете работать в паре со мной.

– Как вам удалось отогнать собак?

– Очень просто. Мы не хотим, чтобы детали расследования просочились в прессу.

– Здесь что-то еще.

Она не ответила, но и не повесила трубку. Наконец он нашелся что сказать.

– Что я завтра должен делать?

– Встретиться со мной утром. Тогда и обсудим.

Босх повесил трубку. Он стал думать о ней и о том, что не понимает, что происходит. Ему это не нравилось, но теперь он уже не мог отойти в сторону. Он пошел в кухню и достал из холодильника бутылку «Олд Ник».

* * *

Льюис стоял в открытой телефонной будке, используя свою широкую спину для того, чтобы отгородиться от уличного шума.

– Завтра утром он приступает к работе вместе с ФБР... э... то есть с

Бюро, – говорил в трубку Льюис. – Какие будут распоряжения?

Ирвинг ответил не сразу. Льюис так и видел его перед собой, точно живую, с неистово сжатыми челюстями.

Рожа как у Полая-моряка, подумал Льюис и прыснул. В это время из машины к нему подошел Кларк.

– Ты чего смеешься? – зашептал он. – Что он сказал?

Льюис движением бровей поспешно отогнал напарника, изобразив на лице «не отвлекай меня».

– Кто там? – спросил Ирвинг.

– Это Кларк, сэр. Ему не терпится узнать, какое будет задание.

– Лейтенант Паундз говорил с объектом?

– Да, сэр, – ответил Льюис, думая, не записывает ли Ирвинг их разговор на пленку. – Лейтенант сказал, что... э... объекту поручается работать совместно с ФБ... с Бюро. Они объединяют оба уголовных дела в одно: убийство и банковское ограбление. Он будет работать в паре со специальным агентом Уиш.

– А как же его афера? – спросил Ирвинг, хотя никакого ответа не ожидал, да его подчиненный и не мог дать такого ответа.

На линии на некоторое время воцарилась тишина. Льюис был достаточно подкован, чтобы не нарушать течение мыслей Ирвинга. Он увидел, что Кларк снова приближается к кабинке, и махнул ему, велел отойти, да еще покачал головой, словно непослушному ребенку. Телефонная будка находилась в начале улицы Вудро-Вильсон-драйв, рядом с бульваром Барэм, в месте его пересечения с Голливудской автострадой. С автострады доносился звук, похожий на рокот грома, и потоком машин в будку задувало теплый воздух.

Льюис задрал голову и посмотрел на огни домов на склоне горы, пытаясь определить, какие принадлежат свайному дому Босха. Но определить это было невозможно. Холм был похож на гигантскую рождественскую елку с обилием лампочек.

– Очевидно, у него есть какой-то рычаг воздействия на них, – произнес наконец Ирвинг. – Он вторгся к ним силой. Я скажу, в чем будет состоять ваше задание. Вы двое должны не спускать с него глаз. Все время будьте поблизости. Но только так, чтобы он не знал. У него что-то на уме. Выясните, что именно. И параллельно продолжайте выстраивать против него дело «один-восемьдесят один». Федеральное бюро расследований, может, и отозвало свою жалобу, но мы от своей не отступимся.

– А как быть с Паундзом? Следует ли нам по-прежнему передавать ему копии отчетов?

– С лейтенантом Паундзом, детектив Льюис, – поправил Ирвинг. – Да, передавайте ему ежедневно копии записей в вашем вахтенном журнале. Этого ему будет довольно.

Не сказав больше ни слова, Ирвинг дал отбой.

– Будет сделано, сэр, – ответил Льюис в пустую трубку. Он не хотел, чтобы Кларк знал, что его так третируют. – Мы будем следовать полученным указаниям. Спасибо, сэр. Спокойной ночи.

После чего тоже повесил трубку, втайне огорченный, что его командир не счел нужным с ним попрощаться. Тут же быстрым шагом приблизился Кларк.

– Ну и?..

– Значит, так. Завтра утром садимся ему на хвост. Приноси свою бутылку, куда писать.

– И всего-то? Всего только наблюдение?

– На данном этапе.

– Черт. Я хочу обыскать дом этого паразита. Поломать пару-тройку вещей. У него небось там запрятана добыча с того ограбления.

– Если он замешан, вряд ли он такой дурак, чтобы хранить это дома. Давай пока спокойно расслабимся до завтра. Если он замазан, мы увидим.

– Ох, да замазан, еще как. Уж будь уверен.

– Посмотрим.

* * *

Шарки сидел на стенке бетонного ограждения лицом к парковочной стоянке на бульваре Санта-Моника. Он внимательно наблюдал за освещенным фасадом «Севен-Илевен»^[33] на противоположной стороне улицы, отмечая входящих и выходящих. В большинстве своем это были группы туристов и парочки. Одиночек пока не было. Подходящих по крайней мере. Таких, что отвечали бы нужным требованиям. Медленной небрежной походкой к нему подошел другой парень, по кличке Пожар.

– Все это без толку, друган, – бросил он.

У Пожара были рыжие волосы, навощенные так, что торчали во все стороны в виде заостренных пламенеющих языков. Одет он был в черные джинсы и грязную черную футболку и курил «Салем». Он не был под кайфом, но был голоден. Шарки посмотрел на него, а потом мимо него, туда, где на земле, рядом с мотоциклами, сидел третий, по прозвищу Амулет. Этот был ниже и коренастее, с волосами, гладко зачесанными

назад и забранными в шарообразный узел. Шрамы от прыщей, похоже, навсегда придали его лицу мрачный и зловещий вид.

– Давай подождем еще несколько минут, – сказал Шарки.

– Я есть хочу, мужик, – сказал Пожар.

– Ну а я что, по-твоему, пытаюсь сделать? Мы все хотим.

– Может, нам посмотреть, как дела у Беттиджейн? – спросил Амулет. – Она уже должна была достаточно поработать, чтобы нам поесть.

Шарки метнул на него взгляд.

– Вы идите. Я остаюсь до победы. Я добуду себе пожрать.

Говоря это, он как раз заметил, что к стоянке круглосуточно торгующего магазинчика подъезжает темно-красный «Ягуар-Х16».

– А как насчет того мужика в трубе? – спросил Пожар. – Как думаешь, его уже нашли? Может, нам подняться туда и поискать, нет ли при нем хлеба? Я не пойму, почему у тебя у самого не хватило духу сделать это прошлой ночью, Шарки.

– Эй, послушай, езжай сам и обыскивай его, если охота, – огрызнулся Шарки. – Посмотрим тогда, у кого больше духу.

Он не сказал им, что звонил по поводу тела в службу спасения. Такое им было бы труднее ему простить, чем просто страх залезать в трубу. Из «ягуара» вышел одинокий мужчина. На вид ему было под сорок, стрижка ежиком, широкие белые брюки с такой же рубашкой, на плечи накинут свитер. Шарки не заметил, чтобы кто-нибудь остался ждать в машине.

– Эй, глянь на тот «ягуар», – сказал он. Глаза его приятелей устремились в сторону магазина. – Это оно. Я пошел.

– Мы будем здесь, – сказал Пожар.

Шарки слез со стены и быстрым шагом направился через бульвар. Сквозь магазинную витрину ему был виден обладатель «ягуара». В руке тот держал мороженое и смотрел на полку с журналами. Но при этом глаза его по-охотничьи рыскали по другим мужчинам в поисках добычи. В конце концов, несолоно хлебавши, он направился в сторону прилавка, чтобы расплатиться за мороженое, и Шарки приободрился. Он присел на корточки перед магазином, прячась до поры до времени футах в четырех от радиатора «ягуара».

Когда объект вышел, Шарки подождал, пока их взгляды встретились и мужчина улыбнулся, и только потом заговорил:

– Послушайте, мистер, не могли бы вы оказать мне одну услугу?

Прежде чем ответить, человек обвел глазами стоянку.

– Конечно. Что тебе нужно?

– Ну, я тут думал, не могли бы вы провести меня внутрь и угостить

пивом. Я отдам вам деньги и все такое. Мне просто хочется выпить пива. Немного расслабиться, снять напряжение, понимаете?

Человек помедлил в нерешительности.

– Не знаю... Это же будет незаконно, не так ли? Тебе еще нет двадцати одного года. У меня могут быть неприятности.

– Ну ладно, – улыбнулся Шарки. – А может, у вас дома найдется пиво? Тогда вам не придется его покупать. Просто угостить кого-то пивом – это же не преступление.

– Ну...

– Я не задержусь надолго. Мы просто могли бы помочь друг другу малость расслабиться, понимаете?

Мужчина снова оглядел парковку перед магазином. Никто за ними не наблюдал. Шарки подумал, что теперь он его заарканил.

– Ладно, – сказал человек. – Я могу потом привезти тебя сюда же, если хочешь.

– Ага. Это будет классно.

По бульвару Санта-Моника они проехали на восток до Флореса, а затем пару кварталов к югу, к жилому массиву из таун-хаусов. Шарки ни разу не обернулся и не попытался посмотреть, что делается позади машины. Он знал, что двое его приятелей должны следовать за ними. Машина подкатила к запертым воротам одного из частных владений, от которых у мужчины оказался ключ и которые, пропустив их, снова задвинулись. Затем они вошли в дом.

– Меня зовут Джек, – сказал мужчина. – Что тебе принести выпить?

– А я Фил. У вас не найдется чего поесть? Я вообще-то немного голоден. – Шарки огляделся в поисках наружной видеокамеры и кнопки, которая бы автоматически отпирала ворота. Дом был обставлен преимущественно светлой мебелью, которая стояла тоже на светлом, молочного оттенка, ковре. – Приятная квартирка.

– Спасибо. Пойду взгляну, что у меня есть. Если хочешь постирать одежду, можно это устроить, пока ты здесь. Знаешь, я не слишком часто этим занимаюсь. Но когда есть возможность кому-то помочь, стараюсь сделать.

Парень прошел за ним на кухню. Коробка сигнализации находилась здесь, на стене, рядом с телефоном. Когда Джек открыл холодильник и сунул туда голову в поисках съестного, Шарки нажал кнопку, открывая наружные ворота. Джек ничего не заметил.

– У меня есть тунец. И я могу сделать из него салат. Сколько времени ты провел на улице? Я не стану называть тебя Филом. Если не хочешь

называть свое настоящее имя, ну и не надо.

– М-м... тунец – это было бы неплохо. Не слишком долго.

– Ты чистый?

– Да, конечно. Я в порядке.

– Мы примем меры предосторожности.

Настал решающий момент. Шарки шагнул назад, в прихожую. Джек недоуменно обернулся к нему из-за холодильника – с пластмассовой миской в руке и слегка приоткрытым ртом. Шарки показалось, что на лице у него мелькнуло выражение понимания, как если бы он догадался, что сейчас произойдет. Шарки крутанул ставший бесполезным засов и открыл дверь. В дом ввалились Пожар и Амулет.

– Эй, в чем дело? – воскликнул Джек, но без уверенности в голосе. Он выскочил в холл, и Пожар, который был из них четверых самым крупным, ударил его кулаком в переносицу. Раздался звук ломающегося карандаша, пластмассовая миска с тунцом шмякнулась на пол, и на молочного оттенка ковре стало очень много крови.

Часть III

Вторник, 22 мая

Элинор Уиш позвонила вновь во вторник утром, когда Гарри Босх в ванной перед зеркалом возился со своим галстуком. Она предложила встретиться в кофейне в Уэствуде, а уже оттуда отправиться в Бюро. Босх ранее уже выпил две чашки кофе, но сказал, что придет. Положив трубку, он застегнул верхнюю пуговицу на своей белой рубашке и мягко, аккуратно затянул галстук. Он не помнил, когда в последний раз уделял столько внимания деталям своего туалета.

Когда прибыл в назначенное место, его коллега уже сидела за одним из столиков-кабинок, выстроившихся перед выходящими на улицу окнами. Обе руки ее со спокойным довольством покоились на стоящем перед ней стакане с водой. Рядом стояла отодвинутая в сторону тарелка с бумажной оберткой от сдобной булочки. Когда Гарри сел на соседний стул, она улыбнулась ему беглой вежливой улыбкой и махнула официантке.

– Просто кофе, – сказал Босх.

– Вы уже поели? – спросила Уиш, когда официантка, приняв заказ, удалилась.

– Вообще-то нет. Но я не голоден.

– Замечаю, что вы не слишком-то много едите.

Это прозвучало у нее скорее по-матерински, чем как у детектива.

– Вы говорите от себя или от имени Рурка?

– От себя.

Официантка поставила на стол чашку кофе. Было слышно, как за соседним отгороженным столиком четверо коммивояжеров торгуются из-за счета. Босх пригубил горячий напиток.

– Я бы хотел, чтобы просьба ФБР о привлечении меня в помощь была положена на бумагу и подписана старшим специальным агентом, главой лос-анджелесского отделения.

Она задумалась на несколько секунд, поставила стакан и впервые за утро взглянула прямо на него. Глаза ее были такими темными, что по ним ничего нельзя было прочесть. В уголках этих глаз он заметил наметившуюся сеточку морщин. На подбородке виднелся маленький белый шрам в виде полумесяца, очень старый и почти незаметный. У Босха мелькнула мысль, беспокоят ли ее этот шрам и эти морщинки, как должны

были бы, по его мнению, беспокоить большинство женщин. Казалось, что в ее лице присутствует легкий налет грусти, словно какая-то запрятанная внутри тайна нашла способ прорваться наружу. Возможно, просто усталость. Тем не менее, она была привлекательной женщиной. Босх определил ее возраст как чуть-чуть за тридцать.

– Думаю, это можно будет устроить, – сказала она. – Есть еще какие-нибудь пожелания, прежде чем мы приступим к работе?

Он улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Знаете, Босх, вчера я взяла ваш рабочий журнал и читала его весь вечер. Судя по отчету за день, вы проделали очень большую, качественную работу. У большинства детективов этот самый труп все еще дожидался бы своей очереди в морге и, вероятно, числился бы как несчастный случай, смерть от передозировки.

Он ничего не ответил.

– С чего начнем сегодня? – спросила она.

– У меня есть кое-какие заготовки, еще не занесенные в журнал. Почему бы вам сначала не рассказать мне об этом банковском деле? Мне нужна как можно более подробная картина. Пока мне известно только то, что вы отдали в СМИ и отразили в бюллетенях по нераскрытым делам. Введите меня в курс дела, а тогда уже я, понимая, что к чему, расскажу вам о Медоузе.

Подошла официантка забрать его чашку и ее стакан. Затем Элиноор Уиш стала рассказывать об ограблении. Пока она вела повествование, Босх обдумывал вопросы, но старался запомнить их, чтобы задать потом. Чувствовалось, что ее восхищает эта история, уровень разработки и исполнения преступления. Кто бы они ни были, эти подкопщики, они завоевали ее уважение. Босх испытал почти что ревность.

– Под улицами Лос-Анджелеса, – говорила она, – пролегает более четырехсот миль магистральных трубопроводов ливневой канализации, достаточно широких и высоких, чтобы по ним проехала машина. Кроме того, имеется еще более длинная сеть второстепенных ответвлений поменьше. И еще одиннадцать сотен миль туннелей, по которым можно пройти пешком или хотя бы проползти. Это означает, что каждый, кто знает дорогу, может под землей подобраться вплотную к любому городскому зданию, к какому ни пожелает. И способ найти не так уж сложно. Планы всех подземных коммуникаций находятся в общественном доступе, в окружном архиве. Как бы то ни было, для того, чтобы проникнуть в Уэстлендский национальный банк, эти люди воспользовались системой дренажной канализации.

Босх уже и сам додумался до этого, но не считал нужным делать сейчас какие-то комментарии. Уиш сказала: по мнению ФБР, не меньше троих человек действовало под землей и по меньшей мере один – наверху, в качестве дозорного, не говоря уже о других необходимых функциях. Тот, что был снаружи, очевидно, общался с ними по рации почти что вплоть до самого выхода на поверхность. Там уже существовала опасность, что от радиоволн сработают детонаторы.

Подкопщики перемещались по туннелям канализационной сети на внедорожниках марки «Хонда». Существовало въездное отверстие в систему ливневой канализации – там, где происходит сток в бассейн реки Лос-Анджелес, на северо-востоке города. Они въезжали туда, вероятно, под покровом темноты и, сверяясь с картами из архива, сквозь паутину туннелей пробирались к некой точке в центре города, под бульваром Уилшир. Эта точка находилась на глубине примерно 30 футов под Уэстлендским национальным и чуть западнее – футов на 150. Длина маршрута составляла две мили. Чтобы проделать отверстие в шестидюймовой бетонной стене туннеля, применялся промышленный бур диаметром в двадцать четыре дюйма – вероятно, с алмазной головкой. Буровая установка работала от генератора, установленного на одном из вездеходов. От этого пробуренного отверстия проходчики и начали подкоп.

– Непосредственно взлом банковского подвального хранилища был осуществлен в уик-энд под День труда, – сказала Уиш. – А туннель, как мы полагаем, начали рыть недели на три-четыре раньше. Работали только по ночам. Вечером спускались, проходили некоторое расстояние и к рассвету возвращались на поверхность. Департамент водо- и электроснабжения имеет инспекторов-обходчиков, которые регулярно проверяют систему коммуникаций на предмет трещин, протечек и прочих неполадок. Эти обходчики работают как раз днем, поэтому преступники, видимо, и не стали рисковать.

– А как насчет того отверстия, которое они проделали в боковой стене? Неужели люди из службы водоснабжения его не заметили? – спросил Босх и тут же подсадовал на себя за то, что задал вопрос, не дав ей полностью договорить.

– Нет, – ответила она. – Эти ребята все продумали. Они запаслись кругом из клееной фанеры в двадцать четыре дюйма диаметром и покрыли его бетоном, – мы его потом обнаружили. Мы полагаем, что когда они утром уходили, то закрывали отверстие этим кругом и всякий раз заделывали по краям свежим бетоном. Внешне это должно было выглядеть как ответвляющийся от главной линии боковой трубопровод, с которого

перед этим снимали заглушку. Там это обычная вещь. Я сама наблюдала. Там повсюду можно увидеть закрытые такими перегородками ответвления. Двадцать четыре дюйма – стандартный размер. В глаза ничуть не бросается. Так что это не должно было вызывать подозрений, и преступники преспокойно возвращались на следующую ночь и немного удлиняли свой подкоп в сторону банка.

Уиш рассказала, что туннель рыли преимущественно ручным инструментом – лопатами, кирками, а также бурами, приводимыми в действие энергией от движка на вездеходе. Проходчики, вероятно, пользовались фонарями, но также и свечами. Некоторые были найдены в туннеле еще горящими уже после того, как кража была обнаружена. Свечи были вставлены в небольшие зарубки, высеченные в стенах.

– Это вам что-то напоминает? – спросила она.

Босх кивнул.

– По нашим подсчетам, они проходили за ночь от десяти до двадцати футов, – сказала она. – Мы потом нашли в туннеле две тачки. Они были распилены пополам и разобраны, чтобы пролезать через двадцатичетырехдюймовое отверстие, а затем половинки снова скреплены вместе. На тачках вывозили из туннеля вынутый грунт и вываливали в главную дренажную линию – очевидно, на это был отряжен человек или даже двое. Дело в том, что по дну большого канала идет постоянный сток воды. Поток смывал вырытую землю и мусор с этих раскопок, унося их в конечном счете в реку. Как мы предполагаем, время от времени, по ночам, их координатор – тот, что наверху, – открывал пожарные гидранты выше по склону горы, чтобы увеличить объем воды в дренажной системе.

– Значит, они спускали туда воду даже в засуху?

– Даже в засуху...

Уиш сказала, что когда воры наконец завершили подкоп к подвальному помещению, то подключились к принадлежащей банку сети электронных и телефонных линий. Учитывая, что в уик-энд центр города практически вымирает, филиал банка по субботам был закрыт. Поэтому в пятницу по окончании рабочего дня воры шунтировали систему сигнализации. Одному из преступников пришлось быть «звонарем». Но не Медоузу – тот, по всей вероятности, был подрывником.

– Самое смешное, что им не требовался «звонарь», – продолжала она. – Сенсорная система сигнализации в хранилище до этого всю неделю то и дело ложно срабатывала. Видимо, эти парни со своими раскопками и бурением то и дело ненароком на нее воздействовали. На протяжении четырех ночей кряду на место по тревоге приезжали копы вместе с

банковским управляющим. Бывало, даже по три раза за ночь. Ничего не находили и начали думать: виноваты неполадки в сигнализации, разбалансированы датчики, реагирующие на звук и движение. Перед самыми выходными управляющий обращается в фирму, которая устанавливала сигнализацию, однако тамошнее руководство не может никого прислать до окончания праздников, понимаете? Поэтому тот человек, управляющий...

– Попросту отключает сигнализацию, – закончил за нее Босх.

– Вот именно. Он решил, что не хочет весь праздничный уик-энд каждую ночь мотаться в банк из-за этой сигнализации. Он собрался ехать в Спрингз, в свой кооперативный тайм-шер, играть в гольф. Поэтому вырубает сигнализацию. Само собой, теперь он уже больше не работает в Уэстлендском национальном банке. Непосредственно под хранилищем бандиты применяли водоохлаждаемый промышленный бур. Перевернув его вверх ногами и уперев в нижнюю плиту подвала, они высверлили в пятифутовом слое стали и бетона отверстие диаметром два с половиной дюйма. По расчетам наших криминалистов, это должно было занять пять часов, причем только в том случае, если бур не перегрет. Для его охлаждения в главную подземную магистраль подавалась вода из пожарного гидранта – из того, что в банке. Пробуривав отверстие, они заполнили его взрывчаткой C-4, – продолжала она. – Провода вывели через свой подкоп внутрь дренажного туннеля. Потом подорвали.

Она сказала, что записи экстренных вызовов по управлению полиции Лос-Анджелеса показали: в ту субботу в 9.14 утра было отмечено срабатывание сигнализации в банке, расположенном через дорогу от Уэстленда, а также в ювелирном магазине на расстоянии в полквартиры.

– Мы считаем, это было как раз в то время, когда произошел взрыв, – сказала Уиш. – Была выслана патрульная машина, полицейские огляделись, ничего не обнаружили и решили, что, очевидно, сигнализация сработала от подземных сейсмических толчков. Никто не озаботился проверить Уэстлендский национальный, охранная система которого, напротив, не издала ни звука. Им было невдомек, что она попросту отключена. Проникнув в хранилище, грабители уже больше не выходили. Весь уик-энд, три дня напролет, они трудились, высверливая замки на сейфовых ячейках, выдвигая ящики и опустошая их. Мы обнаружили пустые банки из-под консервов, пакетики из-под картофельных чипсов, упаковки от замороженных продуктов – ну, вы понимаете: походные продовольственные наборы для выживания в экстремальных условиях, – продолжала она. – То есть они и спали прямо там же, вероятно, по очереди.

В туннеле имеется расширенная часть – судя по всему, она и служила им чем-то вроде спальни. На земляном полу мы обнаружили след от спального мешка. Мы также нашли на песке отпечатки, оставленные ружейными ложами винтовок «М-16», – да, преступники были экипированы автоматическим оружием. Они явно не собирались сдаваться, если бы дело приняло для них скверный оборот.

Агент Уиш дала ему возможность в течение нескольких секунд осмыслить сказанное, затем продолжала:

– По нашим оценкам, они провели в хранилище часов шестьдесят, может, чуть больше. Высверлили замки у четырехсот шестидесяти с лишним ячеек. Из общего количества в семьсот пятьдесят. Если их было трое, то это примерно по сто пятьдесят пять сейфов на каждого. Вычтем отсюда часов пятнадцать на отдых и еду на протяжении всех трех дней, и получается, что каждый высверливал по три-четыре сейфа в час. Безусловно, у них был какой-то временной лимит. Ну, скажем, они должны были закончить работу не позже трех часов ночи во вторник. Если к тому времени они уже прекратили сверлить, то у них еще оставалась масса времени, чтобы все собрать, упаковать и убраться восвояси. Они забрали добычу, инструменты и вышли тем же манером, каким пришли. Утром во вторник управляющий банка со свежим загаром из Палм-Спрингз, отперев хранилище, обнаружил кражу. Вот вкратце суть дела, – заключила она. – Самое впечатляющее преступление, какое я видела или о каком слышала с тех пор, как занимаюсь своей работой. Почти никаких ошибок. Мы узнали уйму всего о том, как они это проделали, но очень мало о том, кто проделал. К Медоузу мы подобрались ближе, чем к кому-либо, и вот теперь он мертв. Тот снимок, что вы показали мне вчера... фотографию браслета, помните? Вы были правы: это первый предмет из тех, что были похищены оттуда, который всплыл.

– А теперь и он пропал.

Босх немного помолчал, ожидая продолжения, но она уже полностью выложила.

– По какому принципу они выбирали сейфы для вскрытия? – спросил он.

– Такое впечатление, что это делалось наугад, произвольно. У меня есть видеозапись в офисе, я вам покажу. Но выглядит так, будто они просто распределили: ты берешь эту стенку, ты – эту, а ты – эту. Некоторые сейфы, находившиеся непосредственно рядом с высверленными, остались нетронутыми. Почему – не знаю. Не похоже на то, что соблюдали какой-то принцип. Тем не менее, по заявлениям клиентов, в девяноста процентах

ограбленных ячеек находились ценности, которые исчезли. Причем большей частью это невозможно проверить. Грабители сумели сделать правильный выбор.

– Почему вы решили, что действовали трое?

– Мы прикинули, что требуется по меньшей мере именно столько людей, чтобы вскрыть такое количество ячеек. К тому же и вездеходов было три.

Она улыбнулась, и он огрызнулся:

– Хорошо, как вы узнали о вездеходах?

– Ну, на мягкой грязи на дне сточного туннеля остались следы покрышек, и мы их идентифицировали. Один вездеход занесло на скользкой грязи, и он ударился о стену. По краске наша лаборатория в Квонтико определила год выпуска и модель. Мы опросили всех дилеров компании «Хонда» в Южной Калифорнии и наконец наткнулись на случай приобретения трех синих вездеходов в Тастине^[34] за четыре недели до Дня труда. Человек заплатил наличными и погрузил машины в трейлер. Имя и адрес дал липовые.

– Например?

– Имя? Фредерик Б. Рисли. Аббревиатура, как у ФБР. Потом это имя всплывет еще раз. Мы показали тому дилеру штук шесть фотографий, в том числе Медоуза, вашу и еще нескольких людей, но ни в одном из них он не опознал Рисли.

Она промокнула губы салфеткой и бросила ее на стол. Следов помады на салфетке Босх не заметил.

– Ну, воды я напилась на целую неделю, – сказала она. – Встретимся в Бюро и тщательно сопоставим наши данные по Медоузу. Мы с Рурком считаем, что именно отсюда надо двигаться. Мы уже исчерпали все ниточки по банковскому делу, бьемся головой о стену. Может, дело Медоуза даст нам желанный прорыв.

Уиш взяла со стола счет, Босх положил чаевые.

* * *

Они сели каждый в свою машину и двинулись к Федерал-билдинг. Но Босх, пока ехал, думал вовсе не о деле, а об Элиноре Уиш. Ему хотелось спросить ее об этом маленьком шраме на подбородке, а вовсе не о том, каким образом она связала тех, кто сделал подкоп под Уэстлендский банк, с вьетнамскими «туннельными крысами». Ему хотелось знать, что придало

ее лицу это милое выражение легкой грусти. Он проследовал за ее машиной через студенческий городок Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, а затем через бульвар Уилшир. Они встретились у лифта в гараже Федерал-билдинг.

– Я думаю, лучше всего, если вы будете держать связь преимущественно со мной, – сказала она, пока они вдвоем поднимались в кабине лифта. – Что касается Рурка... Вы с ним нехорошо начали, и...

– Мы даже и не начинали, – сказал Босх.

– Видите ли, если вы не будете так придирчивы, то увидите, что он хороший человек. Он повел себя так, как считал правильным для дела.

На семнадцатом этаже двери лифта раздвинулись, и глазам их предстал Рурк собственной персоной.

– А, вот и вы! – приветственно произнес он, протягивая Босху руку. Тот пожал ее без особой уверенности. – Я хотел только сбегать вниз, выпить кофе с булочкой, – поспешно пояснил помощник старшего спецагента, отвечающий за расследование. – Не хотите присоединиться?

– Э... Джон, мы только что из кофейни, – ответила Уиш. – Мы будем ждать тебя здесь, наверху.

Теперь Босх и Уиш стояли снаружи лифта, а Рурк, напротив, находился внутри. Помощник старшего спецагента кивнул, и двери закрылись. Босх и Уиш двинулись в офис.

– В каком-то смысле он очень похож на вас – прошел войну и все такое, – сказала она. – Постарайтесь наладить с ним отношения. Ваша суровость не на пользу делу.

Босх оставил эту реплику без ответа. По коридору они подошли к помещению опергруппы № 3, где Уиш указала ему на письменный стол позади ее собственного. Она сказала, что стол пустует с тех пор, как сотрудника, который сидел за ним, перевели в опергруппу № 2, специализирующуюся на борьбе с порнографией. Босх поставил на стол свой кейс и сел сам. Оглядел комнату. Сегодня здесь было болеелюдно, чем накануне. С полдюжины сотрудников сидели за столами, а еще трое сгруппировались в задней части помещения, вокруг картотечного шкафчика, на котором стояла коробка с жареными пончиками. Кроме того, на полке оказался телевизор, он же видеомагнитофон. Вчера его здесь не было.

– Вы что-то говорили насчет видео, – обратился он к Уиш.

– Ах да. Я поставлю ту пленку, и вы посмотрите, а я пока отвечу на несколько телефонных сообщений по другим делам.

Она достала из своего стола видеокассету, и они прошли в заднюю часть комнаты. Стоявшая там троица, настороженная присутствием чужака,

посторонилась со своими пончиками. Уиш вставила кассету в гнездо и, оставив Гарри смотреть, отошла к себе.

Видеофильм, снятый явно с помощью ручной камеры, представлял собой тряский проход оператора-дилетанта по следам грабителей. Съемка, как понял Босх, начиналась с магистрального канала ливневой канализации. Это был квадратного сечения туннель, который затем сворачивал в сторону и терялся в темноте, куда не достигал свет. Уиш была права: туннель был большим, по нему действительно мог проехать грузовик. Тонкий ручеек воды медленно струился вдоль средней части бетонного днища. Пол и нижняя часть стен были покрыты плесенью и морскими водорослями, и Босх почти физически ощутил запах сырости. Камера опустилась, приблизившись к серовато-зеленому полу. На тине и слизистом донном осадке виднелись следы покрышек. Следующий запечатленный видеокамерой план демонстрировал место входа в подземный лаз – аккуратно вырезанную в стене большого канала дыру. В кадре появилась пара рук, держащих круг из клееной фанеры, которым, как уже сказала Уиш, отверстие маскировали в дневное время. Руки отодвинулись в глубь экрана, вслед за ними появилась голова с темными волосами. Это был Рурк в комбинезоне с белыми буквами на спине: ФБР. Рурк приставил фанерный круг к отверстию. Круг идеально подошел по размеру.

Затем видеокамера перескочила и теперь показывала внутренность прорытого похитителями лаза. На Босха эта картина произвела впечатление тяжелое и зловещее, она возрождала мрачные воспоминания о рукотворных узких туннелях, по которым он проползал во Вьетнаме. Подземный ход уходил вправо. Сюрреалистическое ощущение усугублялось подрагивающим пламенем свечей, воткнутых в проделанные через каждые двадцать футов зарубки в стенах. После плавно изгибающегося отрезка пути протяженностью, как показалось Босху, футов в шестьдесят, туннель резко сворачивал влево. Далее за этим участком на протяжении ста футов следовал прямой, без поворотов, проход, по стенам которого все так же мерцали свечи. Затем камера уперлась в тупик, показав наваленные бетонные обломки, куски изогнутых стальных брусьев и металлического листа. Камера поднялась к зияющей дыре в потолке туннеля. Оттуда падал солнечный свет. Там же, наверху, стоял Рурк в своем комбинезоне и смотрел вниз, в объектив камеры. Он провел пальцем по шее, и картинка снова оборвалась. В следующий раз камера оказалась внутри хранилища, предлагая широкоугольный ракурс всего помещения. Как и на фото в газете, которое видел Босх, дверцы сотен депозитных сейфовых ячеек были

распахнуты. Пустые ящички грудями валялись на полу. Двое технических экспертов обсыпали дверцы специальным порошком, чтобы снять отпечатки пальцев. Элинон Уиш и еще один агент смотрели вверх, на стальную стену из сейфов, и что-то заносили в блокноты. Камера снова приблизилась к полу, к отверстию подземного лаза, и затем картинка сменилась черным полем. Босх перемотал ленту обратно, отнес кассету и положил на стол Уиш.

– Интересно, – сказал он. – Я увидел несколько моментов, которые мне случалось видеть и раньше. В былые времена, в туннелях. Но ничего такого, что навело бы меня на мысль именно о «туннельных крысах». Что за нить привела вас к Медоузу и вообще к нашей братии?

– Прежде всего наличие взрывчатки С-4, – сказала она. – Наши криминалисты обследовали железобетон в месте пролома. Они обнаружили там следы взрывчатого вещества. Проведенные анализы показали, что это С-4. Я уверена, что вам знакомо это вещество. Оно было на вооружении во Вьетнаме. Его применяли «туннельные крысы», в частности, для подрыва туннелей. Дело в том, что сейчас проще добыть другую, гораздо лучшую взрывчатку – с большей удельной силой разрушения, более простую и менее опасную в обращении. А также более дешевую. Поэтому мы – точнее, люди из лаборатории – пришли к выводу: причина применения С-4 в том, что человеку было с ней проще и удобнее, потому что он пользовался ею и раньше. И мы сразу подумали, что это скорее всего ветеран вьетнамской войны. Еще один след, приведший нас к Вьетнаму, – это мины-ловушки. Мы полагаем, что, прежде чем проникнуть в хранилище, грабители заминировали туннель, протянули по нему провода, чтобы обезопасить свой тыл. В качестве меры предосторожности был отправлен кинолог со специально обученной собакой – ну, чтобы убедиться, что нигде не валяется невзорвавшаяся взрывчатка. Собака отреагировала на запах. Взрывчатка действительно ранее находилась в туннеле в двух местах – примерно посередине длины дренажного канала и у входного отверстия, вырезанного в стене. Но на тот момент ее там больше не было. Преступники забрали ее с собой. Зато мы обнаружили дырки от колышков в полу туннеля и обрезки стальной проволоки в обеих точках заложения – ну, знаете, куски, которые образуются, когда отрезают проволоку нужной длины.

– Проволочный привод для взрывного устройства, – обронил Босх.

– Верно. Мы считаем, что они стремились обезопасить себя на случай вторжения. Если бы кто-то подошел к ним сзади, туннель взлетел бы на воздух, незваные гости были бы погребены под Хилл-стрит. Хорошо еще,

что преступники, уходя, убрали взрывное устройство.

– Но взрыв такой силы, вероятно, угробил бы и самих злоумышленников вместе с теми, кто их выследил, – заметил Босх.

– Разумеется. Но просто эти парни не хотели рисковать. Они были вооружены и оснащены по всем правилам и морально готовы к провалу. Пан или пропал... Тем не менее, сначала мы не стали ограничивать круг поисков исключительно «туннельными крысами». До тех самых пор, пока не обнаружили кое-что, когда шли по следам автомобильных покрышек, оставленных грузовиками в главной магистрали. Следы то и дело обрывались, целостной траектории не было. Поэтому нам потребовалась пара-тройка дней, чтобы проследить их из глубины канала до выходной части, где воды выносятся к реке, намывая на берегу слой ила. Это не прямая трасса. Там настоящий лабиринт. Поэтому необходимо очень точно знать, куда сворачивать. Мы рассуждали так: не стали бы эти парни каждую ночь сидеть в своих вездеходах с фонарем и картой.

– Гензель и Гретель? Они помечали дорогу хлебными крошками?

– Что-то вроде. Там на стенах вообще множество пометок краской. Ну, вы знаете: специальные пометки, которыми пользуются люди из департамента водо- и электроснабжения, чтобы знать: какая линия куда ведет, даты проведения осмотра и тому подобное. Некоторые стены со всей этой росписью очень напоминали стену возле «Северн-Илевен» в Восточном Лос-Анджелесе. Поэтому мы решили, что преступники тоже маркировали свой путь. Мы прошли по их следам и искали повторяющиеся знаки на стенах. Такой знак был только один. Что-то вроде эмблемы мира, только без круга. Просто три быстрых косых штриха.

Босху был известен этот символ. Он сам проставлял его в туннелях двадцать лет назад. Три косые размашистые насечки ножом на стене. Знак, с помощью которого они помечали свой путь, чтобы потом знать, как выбраться обратно.

– Один из копов, который был там в тот день, – продолжала Уиш, – это было еще до того, как УПЛА передало дело нам, – так вот, один из сотрудников отдела ограблений сказал, что опознал эти знаки, он помнил их со времен Вьетнама. Сам он не был «туннельной крысой», но рассказал нам о них. Вот каким образом мы связали преступление с ними. Тогда, имея это в качестве отправной точки, мы сделали запрос в Министерство обороны и Министерство по делам ветеранов и получили имена. Так мы узнали имя Медоуза. Ваше имя. Другие имена.

– Сколько еще других?

Она подтолкнула к нему через стол стопку желтых картонных папок

высотой дюймов в шесть.

– Они все здесь. Взгляните, если хотите.

В это время в комнату вошел Рурк.

– Агент Уиш сказала мне про официальную бумагу, которую вы хотели бы получить. Не вижу никаких проблем. Я кое-что набросал, и мы постараемся сегодня же получить на ней подпись старшего спецагента Уиткома.

Когда Босх ничего на это не ответил, Рурк продолжал:

– Вчера мы, возможно, проявили излишнюю горячность, но, надеюсь, я все уладил с вашим лейтенантом и сотрудниками вашей службы внутренних расследований. – Он улыбнулся улыбкой, которой мог бы позавидовать любой политикан. – И кстати, я хотел сказать, что восхищаюсь вашим послужным списком. Вашими военными заслугами. Я сам отслужил три срока. Правда, никогда не спускался в эти жуткие туннели. Тем не менее, я оставался во Вьетнаме до самого конца, пока все это не кончилось. Какой позор!

– В чем позор? В том, что все кончилось?

Рурк уставил в него долгий, пристальный взгляд, и стало видно, как краска заливает его лицо, начиная от того места, где сплетались темные брови. Это особенно впечатляло, потому что вообще заместитель старшего спецагента ФБР был человеком с бледным, даже болезненно-желтоватым, лицом, что придавало ему вид записного нытика и пессимиста. Он был на несколько лет старше Босха. Роста они были одинакового, но Рурк был более массивен. К традиционно принятой в ФБР форме – синему блейзеру и голубой рубашке на пуговицах – он добавил красный начальственный галстук.

– Послушайте, детектив, вам вовсе не обязательно меня любить, об этом не беспокойтесь, – сказал Рурк. – Но прошу вас, поработайте вместе со мной над этим делом. У нас с вами одна и та же задача.

Босх смягчился.

– Какой именно помощи вы от меня ждете? Скажите точно. Должен ли я просто болтаться с вами «за компанию», или же вы хотите, чтобы я работал по-настоящему?

– Босх, считается, что вы первоклассный детектив. Докажите нам это. Просто продолжайте вести расследование своего дела. Как вы вчера верно заметили, вы находите, кто убил Медоуза, а мы находим, кто обчистил Уэстлендский банк. Так что, да, нам требуется все, на что вы способны. Действуйте, как привыкли, но только со спецагентом Уиш в качестве напарника.

И Рурк вышел из комнаты. Босх подумал, что у него, вероятно, свой персональный кабинет где-нибудь в тишине, в конце коридора. Он повернулся к столу Элинора и взял с него пачку папок.

– Ладно, давайте приступим, – сказал он.

* * *

Уиш расписалась в получении служебной машины и села за руль, а занявший пассажирское сиденье Босх принялся просматривать лежащую на коленях кипу армейских досье. Он заметил что его собственное дело лежало поверх остальных. Бегло взглянул на остальные и узнал только имя Медоуза.

– Куда? – спросила Уиш, когда они выехали из гаража и по авеню Ветеранов двинулись в сторону Уилшира.

– В Голливуд, – ответил Босх. – А что, Рурк всегда такой придурок?

Она свернула к востоку, улыбнувшись при этом такой улыбкой, которая породила у Босха вопрос, нет ли чего между ней и Рурком.

– Когда ему так хочется, – ответила она. – Впрочем, он хороший администратор. Он умело руководит нашей группой. Думаю, он всегда был лидером по складу характера. Мне помнится, он даже рассказывал, что в армии заведовал целым подразделением или чем-то в этом роде. В Сайгоне.

Нет, отпадает, подумал Босх, услышав это. Никто не станет защищать своего любовника, говоря, что он хороший администратор. Ничего там нет.

– Он выбрал не ту сферу для администрирования, – сказал он. – Поезжайте к Голливудскому бульвару, в ту часть, что к югу от Китайского театра.

Чтобы добраться туда, потребуется минут пятнадцать. Он открыл верхнее досье – то было его собственное – и начал листать. Среди пачки медицинских отчетов от психоневролога обнаружилось черно-белое фото, почти как на паспорт. Молодой человек в военной форме, на лице которого еще не оставили следов ни годы, ни опыт.

– Вы неплохо смотрелись с короткой стрижкой, – обронила Уиш, прерывая его мысли. – На этой фотографии вы напомнили мне моего брата.

Босх скосил на нее взгляд, но ничего не сказал. Он положил фото и снова принялся перелистывать документы в папке, выхватывая обрывки информации о некоем незнакомце, которым в действительности был он сам.

Уиш сказала:

– Мы сумели найти девятерых, проживающих в Южной Калифорнии, которые имеют за плечами вьетнамский опыт. Мы их всех проверили. Медоуз был единственным, кого мы перевели в ранг подозреваемого. Он был наркоман, имел судимости. У него также был опыт работы под землей уже после того, как он вернулся с войны. – Несколько минут, пока Босх читал, она вела машину в молчании. Потом сказала: – Мы вели за ним наблюдение целый месяц. После ограбления.

– Чем он занимался?

– Ничего определенного мы не выявили. Может, какие-то коммерческие сделки. Примерно каждые три дня он ездил в Винис покупать детские шарики с опиумом. Но похоже, просто для личного потребления. Во всяком случае, никакие покупатели к нему не приходили. И никаких иных посетителей тоже не было за целый месяц слежки. Черт, если бы мы могли доказать, что он торгует, мы бы тут же его повязали, а потом – когда стали бы раскалывать на причастность к ограблению банка – уж нашли бы, к чему прицепиться. Но он не сбывал! – произнесла она таким тоном, словно старалась убедить больше саму себя, чем Босха. Так, во всяком случае, ему показалось.

– Я вам верю, – ответил он.

– Вы не хотите меня просветить, зачем мы едем в Голливуд?

– Мы ищем свидетеля. Возможного свидетеля. Скажите, как Медоуз жил все то время, пока вы за ним следили? Я имею в виду денежную сторону. Где он брал деньги на поездки в Винис?

– Единственное, что удалось выяснить, – это что он получал социальное пособие и пособие по инвалидности от Министерства по делам ветеранов. Вот и все.

– Почему вы через месяц прекратили слежку?

– У нас ведь на него ничего не было, не было даже уверенности, что он вообще имеет к этому делу отношение. Мы...

– Кто скомандовал «отбой»?

– Рурк. Он не мог...

– Тот, который администратор.

– Дайте мне закончить. Он не мог обосновать расходы на постоянную слежку, не дающую никаких результатов. Мы действовали чисто интуитивно, ничего больше. Однако прошло уже почти два месяца с момента ограбления, а у нас по-прежнему не было против него никаких улик, ничего конкретного. В сущности, мы и слежку-то стали вести просто на всякий случай, для очистки совести. Мы склонялись к мысли, что преступники давным-давно в Монако или в Аргентине. А не шастают за

дозами на побережье и не обретаются в Долине, в третьесортных домах, где селятся шлюхи. На тот момент подозрения в отношении Медоуза были вообще лишены смысла. Да, это Рурк скомандовал отбой. Но я была с ним солидарна. Признаю: сейчас нам ясно, что мы дали маху. Вы довольны?

Босх не ответил. Он понимал, что Рурк был прав, отменив слежку. Нигде просчеты не видны так хорошо задним числом, как в работе сыщика. Он сменил тему.

– Почему ограбили именно этот банк? Вы никогда не задавались таким вопросом? Почему Уэстлендский национальный? Почему не банк «Уэллз Фарго» или хранилище в Беверли-Хиллз? В любом случае, в Хиллз можно лучше пожить, в тамошних банках больше денег. Вы, кажется, сказали, что эти подземные каналы идут по всему городу.

– Да, это так. Я не знаю ответа на этот вопрос. Может, они выбрали банк в центре, потому что хотели иметь полные три дня для вскрытия ячеек, а им было известно, что центральные банки не работают по субботам. Вероятно, только Медоуз и его сообщники могли бы дать ответ. А что мы сейчас ищем в этом районе? В ваших отчетах ничего не говорилось о возможном свидетеле. Свидетеле чего?

Они уже въехали в Голливуд. Улица была утыкана захудалыми мотелями, которые наводили тоску уже на следующий день после своей постройки. Босх указал на один такой под названием «Голубое шато» и велел ей припарковаться. Заведение выглядело столь же угнетающе, как и остальные на этой улице. Бетонное блочное здание образца начала пятидесятых. Выкрашено голубой краской, с синим орнаментом, краска сильно облупилась. Это было двухэтажное строение с внутренним двором, где почти из каждого открытого окна свисали простыни и полотенца. Где интерьер, как было хорошо известно Босху, по омерзительности впечатления соперничал с экстерьером. Где находящиеся в бегах обитатели теснились по восемь-десять человек в комнате и самый сильный забирал себе кровать, а остальные довольствовались местом на полу или в ванне. Ночлежки, подобные этой, имелись во многих кварталах вокруг Голливудского бульвара. Всегда были и всегда будут.

Пока они сидели в фэбээровской машине, глядя на мотель, Босх рассказал ей о недописанных каракулях, которые обнаружил на трубе поблизости от резервуара, и об анонимном звонке в службу спасения. Он пояснил, что убежден: голос идет в комплекте с найденным баллончиком краски. А его владелец – Эдвард Нис, известный также под кличкой Шарки.

– Эти малолетние бродяги образуют уличные клики, – сказал Босх, выходя из машины. – Не то чтобы банды в полном смысле. Скорее, для

самообороны и прокорма. Согласно досье из нашего отдела, занимающегося уличными группировками, команда Шарки последние месяца два околачивается здесь, в «Шато».

Закрыв дверь машины, Босх заметил, что впереди к тротуару подкатила и остановилась другая машина. Он окинул ее быстрым взглядом, но не узнал. Ему показалось, что он заметил внутри две фигуры, но машина была слишком далеко, чтобы с уверенностью сказать: это Льюис и Кларк. По мощенной плитой панели Босх двинулся к разбитой неоновой вывеске, в контору мотеля.

Там он увидел старика, сидящего за стеклянной перегородкой с выдвижным поддоном у ее основания. Человек читал свежую газету из Санта-Аниты. Он не оторвал от нее глаз, пока Босх и Уиш не подошли к стеклу вплотную.

– Да, офицеры, чем могу служить?

То был изнуренный жизнью старичина, чьи глаза давно отказались интересоваться чем-либо, кроме возможности пожить. Копов он чуял еще до того, как они включали свои сирены. И усвоил, что лучше давать им, что требуют, без лишнего шума.

– Парень по имени Шарки, – сказал Босх. – В каком он номере?

– В седьмом, но сейчас его нет. Кажется. Когда он дома, его мотоцикл всегда стоит здесь, в холле. А сейчас мотоцикла нет. Значит, он ушел. Скорее всего.

– Скорее всего. А кто-нибудь еще есть в седьмом?

– Конечно. Кто-то всегда бывает.

– Первый этаж?

– Угу.

– Есть задняя дверь или окно?

– И то, и другое. Раздвижная дверь сзади. Очень дорогая, не хотелось бы менять.

Старик потянулся к щитку с ключами и снял ключ с крючка под седьмым номером. Положил на выдвижной поддон в стеклянной перегородке, разделяющей его и Босха.

* * *

Детектив Пирс Льюис обнаружил в своем бумажнике квиток от банкомата и стал прочищать им между зубами. Во рту у него был такой привкус, словно где-то там застрял кусок сосиски от завтрака. Он двигал

карточкой из плотной бумаги туда-обратно, пока зубы не показались ему чистыми. Потом недовольно причмокнул языком и губами.

– Что такое? – спросил детектив Дон Кларк. Он знал наизусть все нюансы поведения своего напарника. Ковыряние в зубах и причмокивание губами означали, что тот чем-то обеспокоен.

– Просто думаю, что он нас засек, – ответил Льюис после того, как выбросил карточку из окна машины на улицу. – Этот мимолетный взгляд, когда они вылезали из машины. Все было очень быстро, но, я думаю, он нас заметил.

– Не заметил. Если бы заметил, то рванул бы сюда с обвинениями, поднял бы шум или еще что-нибудь. Вот так они и поступают. Создают общественные беспорядки, привлекают внимание, затевают судебный процесс. Он бы уже сейчас напустил на наши задницы Лигу защиты полицейских. Можешь мне поверить: копы последними замечают за собой хвост.

– Ну... надеюсь, что так, – сказал Льюис.

На какое-то время он оставил эту тему. Но тревога его не покидала. Ему не хотелось развалить порученное им задание. Этот парень, Босх, раз уже был у них в кулаке, но улизнул, потому что Ирвинг, эта ходячая челюсть, оттащил их с Кларком, протрубил отбой. Но на сей раз такое не повторится, молча пообещал себе Льюис. На сей раз ему крышка.

– Ты ведешь записи? – спросил он партнера. – Как по-твоему, что они делают в этой дыре?

– Ищут что-то.

– Ты меня бесишь! Ты что, правда так думаешь?

– Блин, кто тебе сегодня вставил карандаш в задницу?

Льюис перевел возмущенный взгляд с «Шато» на Кларка, который сложил руки на коленях и сидел, откинув спинку сиденья под углом в шестьдесят градусов. Его очки с зеркальными стеклами совершенно не позволяли разобрать, бодрствует он или спит.

– Ты ведешь записи или как? – громко окликнул его Льюис.

– Если тебе нужны записи, почему ты сам их не делаешь?

– Потому что я за рулем. В этом все и дело. Если не хочешь вести машину, тогда должен вести записи и делать снимки. А ну давай, пиши что-нибудь, чтобы у нас было что показать Ирвингу. А то как возбудит против нас дело «один-восемьдесят один» – и забудь о Босхе.

– Надо говорить «один-точка-восемьдесят один», – поправил Кларк. – Давай не будем употреблять сокращений даже между собой.

– Пошел ты!

Кларк тихонько заржал и вынул из внутреннего кармана пиджака записную книжку, а из кармана рубашки – золотую ручку «Кросс». Когда Льюис, удовлетворенный тем, что записи ведутся, снова посмотрел на мотель, он увидел, как парень-тинейджер со светлыми волосами, заплетенными в многочисленные косички, сделал на дороге два круга на желтом мотоцикле. Мальчишка подкатил к машине, из которой, как только что наблюдал Льюис, вышли Босх и женщина из ФБР. Заслонив глаза от света, парень заглянул в машину со стороны водительского сиденья.

– Эй, а это еще что? – спросил Льюис.

– Какой-то хмырь, – отозвался Кларк, на миг оторвавшись от своих заметок. – Думает, как бы спереть стерео. Если он начнет действовать, что мы, по-твоему, должны делать? Бросить свой наблюдательный пост, чтобы спасти деку какого-то козла?

– Ничего нам не надо делать. И он тоже ничего не собирается. Он видит рацию... Смекает, что это полицейская машина... Дает задний ход.

Парень поддал газу и совершил еще два круга по улице. Пока мотоцикл описывал круги, подросток не сводил глаз с фасада мотеля. Затем энергично рванул через автостоянку на обочине и, снова выехав на проезжую часть, остановился за припаркованным у обочины старым автобусом «фольксваген», который заслонял его от мотеля. Похоже, сквозь стекла выдавшего виды автобуса он следил за выходом из «Шато». Двоих сотрудников СВР в машине позади него он не заметил.

– Ну, давай, парень, вали отсюда, – пробормотал Кларк. – Мне не нужно, чтобы из-за тебя вызвали патрульную машину. Хулиган хренов!

– Достань «Никон», сфотографируй его, – сказал Льюис. – Никогда не знаешь заранее, как дело обернется. Может, что-то произойдет, и снимок пригодится. А также срисуй номер с вывески мотеля. Нам придется позвонить сюда позже и узнать, что здесь делали Босх с бабой из ФБР.

Льюис мог бы сам легко взять с сиденья фотокамеру и сделать снимки, но это создало бы опасный прецедент, который мог бы нанести вред хрупкому и деликатному балансу правил наружного наблюдения. Водитель ведет машину. Его напарник пишет, а также выполняет всю остальную сопутствующую работу.

Кларк послушно взял камеру, которая была оснащена телеобъективом, и заснял парня с мотоциклом.

– Сними так, чтобы попал номерной знак, – подсказал Льюис.

– Я знаю, что делаю, – отозвался Кларк, кладя камеру обратно.

– А ты засек номер мотеля? Нам же придется звонить.

– Засек! Я его записываю! Видишь? Что за мура? Подумаешь, важное

событие. Босх небось трахает там эту телку. Клевую федеральную телку. Вполне возможно, когда позвоним, то узнаем, что он снимал номер.

Льюис взглянул, чтобы удостовериться, что Кларк действительно записал номер в журнал наблюдений.

– А может, и нет, – сказал Льюис. – Мы только знаем, что они побывали здесь вместе, и я сомневаюсь, что он так глуп. Они, должно быть, кого-то выслеживают. Например, свидетеля.

– Но в журнале учета убийств не было ни слова о свидетеле.

– Он придержал эту информацию. Это же Босх. Его стиль.

Кларк ничего не ответил. Льюис снова посмотрел на стоящий поодаль «Шато». Потом заметил, что парень исчез. Нигде поблизости уже не было никаких признаков мотоцикла.

* * *

Босх погодил с минуту, давая возможность Элиноর Уиш зайти с тыльной стороны «Шато» и взять под наблюдение раздвижную заднюю дверь номера. Наклонившись, приложил ухо к двери и, как показалось, уловил какой-то шорох и бормотание. В комнате кто-то был. Когда подошло время, он громко и резко постучал. За дверью послышалось какое-то движение – торопливые шаги по ковру, – но никто не отозвался. Он постучал еще раз и подождал, затем услышал девичий голос:

– Кто там?

– Полиция. Нам нужно поговорить с Шарки.

– Его здесь нет.

– Тогда нам надо поговорить с вами.

– Я не знаю, где он.

– Пожалуйста, откройте дверь!

Он снова услышал шум движения – как если бы кто-то наткнулся на мебель. Но опять никто не открыл. Потом последовал звук перекатывающегося ролика – откатывали застекленную дверь запасного выхода. Он сунул ключ в круглую ручку и распахнул входную дверь – как раз вовремя, чтобы краем глаза ухватить человека, спрыгивающего с заднего крыльца. Но это был не Шарки. В следующую секунду с улицы донесся голос Уиш, приказывающей человеку остановиться.

Босх быстро произвел осмотр помещения. Прихожая с нишей стенного шкафа налево и ванной комнатой направо; и там и там пусто, если не считать кое-какой одежды на полу шкафа. Две широкие двуспальные

кровати у противоположных стен, комод с зеркалом, стертая до лысины желто-коричневая ковровая дорожка между кроватями, а также на пути к ванной. Девушка, светловолосая, молоденькая – может, лет семнадцати, – сидела на ближнем краю одной из кроватей, завернувшись в простыню. Босх заметил очертание соска, выпирающего сквозь грязную, некогда белую ткань. В комнате пахло дешевыми духами и потом.

– Босх, как вы там? – крикнула снаружи Уиш. Он не мог ее видеть из-за простыни, повешенной на стеклянной двери вместо занавески.

– Нормально. А вы?

– Тоже. Что мы имеем?

Босх подошел к раздвижной двери и выглянул наружу. Там стояла Уиш, а спиной к ней – какой-то человек с разведенными в стороны руками, которыми он упирался в заднюю стену мотеля. Мужчине было лет тридцать, у него была нездоровая, бледная кожа, какая бывает после месячной отсидки в тюремной камере. Штаны у него были расстегнуты, клетчатая рубашка застегнута наспех, кое-как. Он стоял, уставившись в землю выжупленными глазами человека, не имеющего под рукой никаких объяснений, но при этом остро нуждающегося хоть в каком-нибудь. Босх мельком и с некоторым изумлением отметил стремление мужика застегнуть в первую очередь рубашку, а уж потом штаны.

– Он чист, – сказала Уиш. – Хотя вид у него изрядно струхнувший.

– Вид как у человека, практиковавшего секс с малолеткой, если вам охота терять на это время. Если неохота – дайте ему пинка под зад, и пусть катится. – Он повернулся к сидящей на кровати девушке: – Без дураков, сколько тебе лет и сколько он заплатил? Я здесь не затем, чтобы тебя арестовывать.

Несколько мгновений она размышляла над его словами. Босх не отрываясь смотрел ей в глаза.

– Почти семнадцать, – проговорила девушка скучающим тоном. – Ничего он мне не заплатил. Обещал, но до этого дело не дошло.

– Кто главный в вашей клике, Шарки? Он разве никогда не объяснял тебе, что деньги надо брать вперед?

– Шарки не всегда поблизости. И откуда вы знаете его имя?

– Слухом земля полнится. Где он сегодня?

– Я же говорю, не знаю.

Мужик в клетчатой рубашке под конвоем Уиш вошел в комнату через заднюю дверь. Руки его были стянуты за спиной наручниками.

– Я собираюсь завести на него дело. Считаю необходимым. Это извращение. Ей на вид...

– Она сказала, ей восемнадцать, – возразил клетчатый.

Босх подошел и, подцепив пальцем вырез его рубашки, резким движением расстегнул. На груди у мужика распластал крылья синий орел, держащий в когтях кинжал и нацистскую свастику.

Пониже значилось: «Одна нация». Босх знал, что это означает принадлежность к преступной тюремной группировке «Арийцы». Сторонники превосходства белой расы. Босх отпустил рубашку.

– Эй, как долго ты на свободе? – спросил он.

– Ну послушай, мужик, – сказал клетчатый, – это же просто чушь. Она затащила меня сюда с улицы. И дайте мне по крайней мере застегнуть эти чертовы штаны. Это же полная ерунда.

– Отдавай мои деньги, козел, – сказала девушка.

Она соскочила с кровати – простыня при этом упала на пол – и голая ринулась обшаривать карманы клиента.

– Уберите ее от меня, уберите! – заорал он, одновременно стараясь увернуться от ее рук. – Видите? Вы видите? Это ее надо забирать, а не меня.

Босх шагнул вперед и, растащив этих двоих, толкнул девушку обратно на кровать. Потом зашел мужчине за спину и сказал, обращаясь к Уиш:

– Дайте мне ключ.

Она не шевельнулась, поэтому он полез к себе в карман и вытащил свой собственный ключ от наручников. Один и тот же подходил ко всем. Снял браслеты и повел клетчатого к входной двери. Открыв ее, вытолкнул того из номера. В прихожей человек замешкался на секунду, чтобы застегнуть брюки, что дало Босху возможность поставить ступню ему на задницу и хорошенько пнуть.

– Выметайся отсюда, незрячий! – бросил он напоследок едва не полетевшему головой вперед мужику. – Тебе сегодня подфартило.

Когда Босх вернулся в комнату, девушка уже опять была обмотана грязной простыней. Он посмотрел на Уиш и увидел в ее глазах гнев. Гарри знал, что предметом гнева был не только субъект в клетчатой рубашке. Он посмотрел на девушку.

– Возьми свою одежду и иди в ванную, оденься. – Та не тронулась с места, и он прикрикнул: – Марш!

Когда она, собрав с пола кое-какие вещички, вышла, оставив простыню лежать на полу, Босх повернулся к Уиш.

– Мне сегодня слишком многое нужно сделать, – начал он. – А так бы вы провели остаток дня, снимая с нее показания и возбуждая иск против этого типа. Дело относится к юрисдикции штата, значит, иском пришлось

бы заниматься мне. А дело это абсолютнодохлое: могут квалифицировать как тяжкое преступление, а могут – как мелкое правонарушение. А стоит только взглянуть на эту девушку – и станет понятно, что помощника окружного прокурора просто дисквалифицируют, если он вообще заведет это дело. Случай того не стоит. Такова уж здешняя жизнь, агент Уиш.

Она сердито посмотрела на него мерцающими, как тлеющие угли, глазами. Точно такой же взгляд он увидел, когда схватил ее за запястье, чтобы удержать, когда она собиралась выйти из ресторана.

– Босх, я сочла, что случай того стоит! Никогда больше так не поступайте!

Они стояли друг напротив друга, точно играя в «кто кого переглядит», до тех самых пор, пока девушка не вышла из ванной. Теперь на ней были выгоревшие джинсы с дырками на коленках и черный топ с бретельками. Туфель не было, и Босх заметил, что ногти у нее на ногах выкрашены красным. Не говоря ни слова, она уселась на кровать.

– Нам нужно найти Шарки, – сказал Босх.

– Насчет чего? У вас есть сигарета?

Он вытащил пачку и вытряс одну для нее. Дал спички, и она сама прикурила.

– Насчет чего? – снова спросила она.

– Насчет субботней ночи, – коротко ответила Уиш. – Мы не собираемся его арестовывать. Не собираемся мучить допросами. Мы только хотим кое-что у него узнать.

– А что будет со мной? – спросила девушка.

– С вами? – переспросила Уиш.

– Вы меня затаскаете?

– Вы имеете в виду, собираемся ли мы передать вас в департамент по делам несовершеннолетних, не так ли? – Босх скосил взгляд на Уиш, чтобы попытаться определить реакцию. Он ничего не прочел в ее лице. – Нет, мы не будем подключать ДДН, если вы окажете нам содействие. Как ваше имя? Ваше настоящее имя?

– Беттиджейн Фелкер.

– Хорошо, Беттиджейн, значит, вы не знаете, где находится Шарки? Нам-то всего лишь нужно поговорить с ним.

– Я только знаю, что он работает.

– Что вы имеете в виду? Где?

– В Бойтауне. Наверно, крутит дела вместе с Пожаром и Амулетом.

– Это те ребята, что в вашей клике?

– Точно.

– Не сказали, куда именно в Бойтаун они собирались?
– Нет. Мне кажется, они просто ходят туда, где бывают гомики. Вы же и сами знаете.

Девушка либо не могла сказать ничего более определенного, либо не хотела. Босх знал, что это уже не имеет значения. Он имел адреса из картотеки и знал, что найдет Шарки где-нибудь на бульваре Санта-Моника.

– Спасибо, – сказал он девушке и направился к двери. Он прошел уже половину гостиничного коридора, когда Уиш вышла из номера и сердитым, отрывистым шагом двинулась за ним. Прежде чем она успела что-то сказать, он остановился перед платным таксофоном в вестибюле возле конторы администратора. Вытащив маленькую телефонную книжку, которую всегда носил с собой, нашел номер ДДН и набрал его. Ему пришлось подождать минуты две, прежде чем оператор подключила его к автоответчику, на который он наговорил дату, время, а также местонахождение Беттиджейн Фелкер, предположительно сбежавшей из дома. Он повесил трубку, спрашивая себя, сколько дней пройдет, прежде чем они выслушают сообщение, и сколько дней после этого должно пройти, прежде чем у них руки дойдут до Беттиджейн.

* * *

Они уже порядком углубились в Западный Голливуд, в бульвар Санта-Моника, а его партнерша все еще кипела. Босх попытался защитить себя, но понял, что у него нет шансов. Поэтому сидел спокойно и слушал.

– Это вопрос доверия между партнерами, только и всего, – сказала Уиш. – И не важно, как долго нам предстоит работать вместе. Если вы собираетесь действовать в духе воина-одиночки, нам никогда не выработать необходимого доверия.

Он сидел на пассажирском сиденье и поглядывал в зеркало, повернутое так, чтобы Гарри мог видеть машину, которая снова следовала за ними, снявшись с места у «Голубого шато». Теперь Босх был уверен, что это Льюис и Кларк. Он разглядел бычью шею и стрижку «ежиком» сидящего за рулем Льюиса, когда машина на светофоре приблизилась к ним на расстояние всего в три корпуса. Он не сказал Уиш, что за ними следят. И та, если заметила «хвост», тоже об этом ничего не сказала. Кто знает, за ней в ФБР тоже могло водиться всякое-разное. Гарри сидел, наблюдая за «хвостом» и выслушивая укоры по поводу своего скверного поступка.

Наконец ему надоело, и он сказал:

– Медоуза нашли в воскресенье. Сегодня вторник. Общеизвестно: при расследовании убийства шансы на его раскрытие резко уменьшаются с каждым пролетающим днем. Так что мне очень жаль, прошу меня извинить. Я подумал, будет мало проку, если мы уьем день, заводя дело на какого-то придурка, которого, возможно даже, намеренно наколола уличная проститутка возрастом от шестнадцати до тридцати. Мне также показалось, что нет смысла ждать, пока приедут из ДДН, чтобы забрать эту девушку. Потому что, готов спорить, они и так уже ее прекрасно знают. И знают, где ее найти, если она им понадобится. Короче, я хотел оставить эту работу тем, кто должен ее выполнять, а сам заняться своей. А это значит – заняться тем делом, ради которого мы сюда приехали. Притормозите вон там, на Рэгтаймс. Это одна из точек, про которые я вычитал в «шейк-карточках».

– Мы оба хотим разобраться с этим делом, Босх. Так что бросьте свою чертову снисходительность, как будто только на вас возложили эту благородную миссию, а я так, сбоку припека. Не забывайте, это наше общее расследование.

Она замедлила ход перед открытым кафе, где за столиками со стеклянными столешницами на белых стульях из кованого железа парочками сидели мужчины, попивая ледяной чай из шестигранных стаканов с нацепленными на них ломтиками апельсина. Несколько человек посмотрели на Босха и затем отвернулись, потеряв интерес. Он обвел взглядом заставленное столами пространство, но Шарки не увидел. Когда машина проехала заведение, он пробежался взглядом по тротуару и увидел парочку слоняющихся без дела молодых людей, но те были староваты, чтобы оказаться Шарки.

Следующие двадцать минут они провели, объезжая вокруг гей-баров и ресторанов, держась преимущественно бульвара Санта-Моника, но так и не обнаружили мальчишку. Босх видел, что машина СВР не отстает от них, не приближаясь, однако, более чем на квартал. Уиш так ни разу и не произнесла о них ни слова. Но Босх знал, что блюстители правопорядка обычно замечают слежку последними, потому что в последнюю очередь способны предположить, что кто-то может следить за ними. Они же охотники, а не дичь.

Босха живо интересовало, что могут замышлять Льюис и Кларк. Рассчитывают ли они, что детектив нарушит какой-нибудь закон или неписаное полицейское правило, заодно втянув в это дело и агента ФБР? Он уже начал спрашивать себя, не выделявают ли те двое все эти фокусы по собственной инициативе. Может, они как раз хотят, чтобы он их

заметил? Эдакое психологическое давление. Он попросил Уиш подъехать к обочине перед дешевой закусочной сети «Барниз Бинери» и выпрыгнул из машины, чтобы воспользоваться платным таксофоном рядом со старой раздвижной дверью ресторанчика. Набрал отсутствующий в справочнике, предназначенный только для внутреннего употребления номер СВР. Этот номер он помнил наизусть, потому что некогда ему приходилось отзваниваться по нему дважды в день. Происходило это, когда, находясь под внутренним следствием, Босх был временно отстранен от службы и помещен под домашний арест. Ему ответил женский голос – служащая отдела, сидящая на канцелярской работе.

– Льюис и Кларк на месте? – спросил Босх.

– Нет, сэр, их нет. Хотите оставить сообщение?

– Нет, спасибо. М-м... это лейтенант Паундз, начальник детективного отдела Голливудского отделения. А они просто вышли ненадолго? Мне нужно уточнить с ними кое-какие моменты.

– Насколько я знаю, до вечерней смены у них код семь.

Он повесил трубку. Значит, до четырех они свободны. Либо снова готовят какую-то подлянку, либо Босх слишком болезненно пнул их по яйцам, и теперь они гоняются за ним по собственному почину. Он опять сел в машину и сказал Уиш, что проверял, не оставлено ли ему сообщений на службе. Как раз в тот момент, когда она снова влилась в поток движения, он увидел желтый мотоцикл, прислоненный к парковочному счетчику примерно в полуквартале от «Барниз». Мотоцикл был припаркован перед блинной.

– Вон он, – сказал он, указывая туда. – Поезжайте мимо, так, чтобы я смог разглядеть номер. Если это тот, то мы с него не слезем.

Да, это действительно оказался мотоцикл Шарки. Босх зафиксировал полную идентичность номерных знаков с данными, почерпнутыми из досье парня. Но его самого нигде не было. Уиш объехала вокруг квартала и остановилась на том же самом месте, перед забегаловкой «Барниз», где они только что были.

– Значит, ждем, – подытожила она. – Поскольку этот парень, как вы предполагаете, возможный свидетель.

– Точно. Именно так я предполагаю. Но нам вовсе не обязательно обоим терять время. Можете оставить меня здесь, если хотите. Я зайду в закусочную, возьму бутылочку «Хенриз» и порцию чили и послежу из окна.

– Не беспокойтесь. Я остаюсь.

Приготовившись ждать, Босх поудобнее откинулся на спинку сиденья.

Достал сигареты, но она пригвоздила его вопросом, прежде чем он успел вынуть хотя бы одну из пачки:

– Вы слышали о вреде пассивного курения?

– О чем?!

– Отработанный сигаретный дым, Босх. Он смертельно ядовит. Управление по охране окружающей среды в прошлом месяце выступило с официальным заявлением. Это канцероген. Три тысячи людей получают рак легких за год так называемого пассивного курения. Вы убиваете и себя, и меня. Прошу вас, не надо.

Он сунул сигареты обратно в карман пиджака. Некоторое время они молча наблюдали за мотоциклом, который цепью был пристегнут к парковочному счетчику. Босх несколько раз бросал взгляды в зеркальце бокового вида, но больше не видел машины службы внутренних расследований. Он также бросал взгляды и на Уиш – всякий раз, когда считал, что она не смотрит. По мере приближения часа пик бульвар Санта-Моника все больше и больше заполнялся машинами. Уиш держала окна закрытыми, чтобы уменьшить проникновение окиси углерода. От этого в машине было очень жарко.

– Почему вы все время на меня глазеете? – спросила она примерно час спустя после начала слежки.

– На вас? Я не знал, что глазею.

– Да. И сейчас продолжаете. Вы когда-нибудь работали в паре с женщиной?

– Нет. Но это не та причина, по которой я стал бы глазеть. Если вообще это делал.

– Делали. А из-за чего это могло бы быть?

– Скажем, если бы я пытался вас раскусить. Ну, понять, почему вы в ФБР, зачем занимаетесь этой работой. Я всегда думал – во всяком случае, так говорят, – что в ФБР расследованием банковских ограблений занимаются вышедшие в тираж замшелые динозавры или просто недоумки и неудачники. Слишком старые или слишком тупые, чтобы освоить компьютер или отследить по бумагам финансовые махинации. И вот я вижу здесь вас. В оперативной группе. Вы не ископаемое, и что-то подсказывает мне, что вы не тупица и неудачница. Что-то подсказывает мне, что вы как раз удачная находка, Элинор.

Некоторое время она молчала, и Босху показалось, что он увидел, как тень улыбки тронула ее губы. Потом она исчезла, если вообще была.

– Мне это кажется каким-то двусмысленным комплиментом, – сказала она. – Если комплимент, спасибо. У меня были свои причины выбрать

именно то подразделение, в котором работаю. А уж поверьте, я имела возможность выбирать. Что же касается других сотрудников, то я бы не стала характеризовать никого из них так, как это сделали вы. Я считаю, что подобное отношение, кстати, разделяемое многими из ваших людей...

– Вон Шарки! – перебил он ее.

Парень с белокурыми косичками только что вышел из переулочка между блинной и мини-моллом. С ним был человек постарше. На нем была футболка с надписью «Беспутные 90-е снова с нами!». Босх и Уиш оставались в машине и следили. Шарки и другой мужчина обменялись несколькими словами, а затем подросток вынул что-то из кармана и протянул тому. Мужчина начал перебирать в руках нечто вроде колоды игровых карт. Он выбрал пару карт, а остальные отдал обратно. Затем дал Шарки зеленую купюру.

– Что это он делает? – спросила Уиш.

– Покупает детские картинки.

– Что?

– Педофил.

Мужчина постарше отчалил и двинулся дальше по тротуару, а Шарки зашагал к своему мотоциклу. Подойдя, наклонился, чтобы отомкнуть цепь.

– Пора, – скомандовал Босх, и они вышли из машины.

* * *

На сегодня хватит, подумал Шарки. Пора завязывать. Он закурил и перегнулся через седло мотоцикла, чтобы набрать комбинацию цифр на фирменном замке «Мастер-лок». Его косички свесились над глазами, и он почувствовал запах какого-то кокосового снадобья, которое втер в волосы прошлой ночью, в доме у владельца «ягуара». Это было вскоре после того, как Пожар сломал мужику нос и все кругом залил кровью. Парень выпрямился и уже собирался обмотать цепь вокруг талии, когда увидел, что кто-то приближается. Копы! Они были слишком близко. Слишком поздно, чтобы бежать. Стараясь вести себя так, будто еще их не заметил, он быстро составил мысленный список того, что находится у него в карманах. Кредитных карточек там уже нет, они проданы. Деньги могли взяться откуда угодно, с некоторыми так и было. Шарки был спокоен и хладнокровен. Единственное, на чем он мог погореть, так это на очной ставке со вчерашним гомиком. Шарки был удивлен: неужели мужик заявил в полицию? Никто никогда раньше такого не делал.

Он улыбнулся двум приближающимся копам, один из которых, мужчина, держал в руках магнитофон. Магнитофон? Зачем это? Мужчина нажал кнопку «play», и через несколько секунд Шарки узнал собственный голос. Потом он понял и откуда он записан. Речь пойдет не о мужике с «ягуаром». Речь пойдет о трубе.

– И что? – спросил Шарки.

– А то, что мы хотим про это послушать, – ответил мужчина.

– Но я не имею к этому никакого отношения. Вы же не станете мне это шить... Пойдите! Вы тот вчерашний коп из полицейского участка. Точно, я видел вас там на следующее утро! Эй, вам не заставить меня признаться, что это я сотворил ту штуку на плотине.

– Сбавь обороты, Шарки. Уймись малость, – сказал человек. – Мы знаем, что ты этого не делал. Мы просто хотим узнать, что ты видел, – вот и все. Пристегни обратно свой велик. Мы привезем тебя назад.

Человек назвал свое имя и имя женщины: Босх и Уиш. Он сказал, что она из ФБР, что было уж совсем ни к чему. Подросток некоторое время колебался, не зная, как поступить, потом снова запер мотоцикл.

– Мы хотим только проехаться до Уилкоккс, задать тебе вопросы, – сказал Босх. – Может, начертить план.

– Какой? – спросил Шарки.

Босх не ответил, просто сделал знак рукой, приглашая идти с ними, и указал на стоящий поодаль, в конце квартала, серый «каприс». Это была та самая машина, которую Шарки уже видел перед фасадом «Шато». Пока они шли, Босх так и держал руку на плече Шарки. Ростом паренек был пока ниже Босха, но у них была одинаковая жилистая комплекция. На мальчишке была самодельно крашенная футболка в лилово-желтых разводах, какие получаются, когда ткань перед окраской завязывают узлами. На шее, на оранжевом шнурке, болтались солнцезащитные очки. По дороге он их надел.

– Ну, что, Шарки, – сказал Босх, когда они подошли к автомобилю, – ты знаешь порядок. Мы обязаны обыскать тебя, прежде чем ты сядешь в машину. В этом случае нам не придется надевать на тебя наручники. Выкладывай все на капот.

– Послушайте, вы же сказали, что я не подозреваемый, – воспротивился Шарки. – Почему я должен это делать?

– Я же сказал тебе, такова стандартная процедура. Потом заберешь все обратно. Кроме картинок. На это мы пойти не можем.

Шарки посмотрел сначала на Босха, потом на Уиш, затем полез в карманы своих потрепанных джинсов.

– Да-да, мы знаем о картинках, – подтвердил Босх.

Мальчишка выложил на капот 46 долларов 55 центов вместе с пачкой сигарет и картонной упаковкой спичек, маленьким перочинным ножом на цепочке для ключей и колодой поляроидных снимков. То были фотографии самого Шарки и других парней из его команды. На каждом снимке модель запечатлена в обнаженном виде и на разных стадиях сексуального возбуждения. Когда Босх просматривал их, Уиш заглянула ему через плечо и тут же поспешно отвернулась. Она взяла в руки выложенную пачку сигарет и осмотрела ее содержимое, найдя среди сигарет «Кул» единственный косяк с травкой.

– Думаю, это мы тоже оставим у себя, – сказал Босх.

* * *

Они направились на Уилкоккс-авеню, в полицейский участок, потому что в самом разгаре был час пик и для того, чтобы добраться в Уэствуд, до здания Федерал-билдинг, потребовался бы час. Было уже начало седьмого, когда они добрались до места, и помещение детективного отдела пустовало, потому что сотрудники разошлись по домам. Босх привел Шарки в одну из комнат для снятия показаний, площадью восемь на восемь футов. В комнате стояли маленький, весь прожженный сигаретами стол и три стула. Самодельный плакат на стене гласил: «Не дрожать!» Он усадил Шарки на так называемый «ползун» – деревянный стул, сиденье которого было густо натерто воском, а с нижней поверхности двух передних ножек срезано по четверти дюйма дерева. Уклон был не настолько большим, чтобы быть заметным с виду, но достаточным для того, чтобы сидящие на таком стуле ощущали неудобство. Они откидывались на спинку, как это делают большинство неподатливых допрашиваемых, и медленно сползали со стула. Единственное, что они могли сделать, – это наклониться вперед, оказываясь прямо лицом к лицу со следователем. Босх велел парню сидеть смирно, затем вышел, чтобы наметить с Уиш стратегию допроса, и прикрыл за собой дверь. После того, как он ее закрыл, его напарница вновь ее открыла.

– Это незаконно – оставлять несовершеннолетнего одного в закрытой комнате без надзора, – сказала она.

Детектив снова закрыл дверь.

– Он не жалуется, – сказал Босх. – Нам надо поговорить. Какое у вас о нем впечатление? Будете сами его допрашивать или хотите, чтобы это

сделал я?

– Не знаю, – ответила она.

Это решило дело. Это означало «нет». Первоначальный допрос свидетеля, причем свидетеля, согласившегося давать показания с большой неохотой, требовал изощренной смеси жульничества, лести и строгости. Если она не знает, нечего и браться.

– Вы же опытный следователь, собаку съели на допросах, – сказала она тоном, в котором Босху почудилась издевка. – Если, конечно, верить вашему досье. Я не знаю, что это означает: использование мозговой или мускульной силы. Но мне бы хотелось посмотреть, как это делается.

Он кивнул, пропустив колкость мимо ушей, и полез в карман за сигаретами и спичками парня.

– Пойдите и отдайте ему вот это. Я хочу сходить проверить мое рабочее место на предмет сообщений и зарядить в магнитофон кассету. – Заметив выражение, с каким она уставилась на сигареты, прибавил: – Первое правило допроса: дайте допрашиваемому почувствовать себя удобно и хорошо. Отнесите ему сигареты. Пусть курит. Задержите дыхание, если вам это не по нутру.

Он уже собрался уходить, но она сказала:

– Босх, а что он делал с теми картинками?

Так вот, значит, что не давало ей покоя, подумал он.

– Видите ли, пять лет назад мальчишка вроде него ушел бы с тем человеком и проделывал бы бог знает что. В наше время он вместо этого продает ему картинки. Сейчас развелось столько всяких убийц... болезней... и всего прочего, что такие детишки поумнели. Безопаснее продавать свои поляроидные снимки, чем свою плоть.

Она открыла дверь в комнату для допросов и вошла внутрь. Босх пересек помещение детективного отдела и проверил стоящий на столе хромированный штырь для насаживания записок с сообщениями. Его адвокат наконец-то отзвонился. Также и Бреммер из «Таймс» – хотя тот оставил сообщение под ранее условленным псевдонимом. Босх не хотел, чтобы кто-нибудь шныряющий вокруг его стола знал о его контактах с прессой.

Босх оставил сообщения на штыре, вынул свою электронную карточку-удостоверение, подошел к стенному шкафу с канцелярскими принадлежностями и с ее помощью плавно открыл замок. Распечатал новую девяностоминутную аудиокассету и вставил ее в магнитофон, стоявший на нижней полке шкафа. Включил записывающее устройство, чтобы убедиться, что дублирующая кассета включается. Включил режим

записи и проследил, чтобы вращались обе кассеты. Потом прошел по коридору к конторке дежурного и велел сидевшему там толстому бойскауту заказать доставку пиццы в участок. Он дал парню десятку и велел, когда доставят, принести ее в комнату для допросов вместе с тремя бутылками кока-колы.

– А с чем вы хотите пиццу?

– А ты с чем любишь?

– С сосисками и сладким перцем. Терпеть не могу с анчоусами.

– Значит, с анчоусами.

После этого Босх вернулся обратно в детективное бюро. Когда он опять вошел в комнатушку для допросов, Уиш и Шарки сидели там, погруженные в молчание, и у него было впечатление, что они и до этого не слишком много говорили. Уиш не питала к парню сочувствия. Она сидела справа от Шарки, Босх занял стул слева. Единственным окном здесь был маленький квадратный кусок зеркального стекла в двери. Сквозь него можно было видеть то, что внутри, но не наоборот. Босх решил с самого начала вести с парнем открытую и честную игру. Тот хоть и был юнцом, но, пожалуй, более ушлым, чем большинство взрослых мужчин, которые сживали перед Босхом на этом же «ползуне». Если он почует ложь, то просто начнет отвечать односложно.

– Шарки, мы собираемся записать разговор на пленку, потому что это позволит позднее пройти по нему заново, – сказал Босх. – Как я сказал, ты не подозреваемый, поэтому тебе нет нужды беспокоиться о своих словах, если, конечно, ты не собираешься признаваться, что убийство совершил ты.

– Вот видите, я так и знал! – запротестовал парень. – Я так и знал, что этим все кончится и вы станете записывать. Черт, я уже бывал в такой комнате, к вашему сведению.

– Вот поэтому мы и не собираемся тебя дурачить. Так что давай вначале представимся, как положено. Я Гарри Босх из управления полиции Лос-Анджелеса, это Элинора Уиш из ФБР, а ты Эдвард Нис, известный также под именем Шарки. Я хочу начать с того, что...

– Не пойму! Тот жмурик из трубы, он что, был президентом? При чем тут ФБР?

– Шарки! – прикрикнул на него Босх. – Остынь! Она здесь просто по линии обмена. Вроде того, как ты ходил в школу и приезжали ребята из Франции или еще откуда. Считай, что она из Франции. Она просто наблюдает и учится на практике. – Он улыбнулся и подмигнул Уиш. Шарки тоже посмотрел на нее и тоже чуть улыбнулся. – Итак, первый вопрос,

Шарки. Давай сразу от него отделаемся, чтобы без помех перейти к настоящему разговору. Ты замочил мужика в трубе?

– Блин! Я же вижу...

– погоди, погоди минуту, – вмешалась Уиш. Она взглянула на Босха. – Можем мы выйти?

Босх встал и вышел из комнаты. Она последовала за ним, и на сей раз уже сама закрыла за собой дверь.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Это вы что делаете? Вы собираетесь зачитать мальчику его права или собираетесь испортить допрос с самого начала?

– О чем вы говорите? Он не совершал убийства. Он не подозреваемый. Я просто задаю ему вопросы, потому что пытаюсь нащупать рисунок беседы.

– Мы не знаем, убийца он или нет. Я считаю, мы должны предоставить ему все положенные права.

– Мы зачитаем ему права, и он подумает, что является подозреваемым. Если мы это сделаем, то после этого с таким же успехом можем говорить со стенами. Он не вспомнит ни единого факта.

Не говоря ни слова, она вернулась обратно в комнату для допросов. Босх последовал за ней и подхватил нить разговора с того самого места, где бросил, не заговаривая ни о каких правах.

– Ты убил того человека в трубе, Шарки?

– Да нет же, нет! Я его там нашел, вот и все. Он был уже мертвый.

Произнеся это, парень посмотрел направо, на Уиш. Потом подтянулся повыше на стуле.

– О'кей, Шарки, – сказал Босх. – Кстати, сколько тебе лет, откуда ты родом, скажи об этом пару слов.

– Почти восемнадцать, а дальше я уже самостоятельный и свободный, – сказал парень, глядя теперь на Босха. – Моя мать живет в Чатсворте, но я стараюсь не жить с... Послушайте, ведь у вас все это уже записано в одной из этих ваших маленьких книжечек.

– Ты голубой, Шарки?

– Ни боже мой! – ответил он, в упор уставившись на Босха. – Я толкаю им фотки, подумаешь, большое дело. Сам я не из таких.

– Но ты ведь не только продаешь им картинки? Ты еще их и грабишь, когда подвертывается случай, верно? Проникаешь в дом, избиваешь, забираешь деньги. Кому охота потом заявлять в полицию? Так?

Теперь Шарки опять посмотрел на Уиш и, подняв руку ладонью вверх, помотал головой:

– Я в этом дерьме не замешан. Я думал, мы говорим о покойнике.

– Так оно и есть, – сказал Босх. – Я просто хочу решить для себя, с кем мы имеем дело, только и всего. Начнем сначала. Расскажи нам, как все было. Я велел принести сюда пиццу, и есть еще сигареты. У нас масса времени.

– Тут не нужно никакого времени. Я ничего не видел, кроме тела в трубе. Без анчоусов, я надеюсь?

Он сказал это, посмотрев на Уиш и опять подтянувшись наверх на сиденье. Он выработал схему поведения, при которой смотрел на Босха, когда говорил правду, и на Уиш, когда ее затушевывал или откровенно лгал. Мелкие жулики и воришки всегда играют в расчете на женскую часть публики, подумал Босх.

– Шарки, – сказал он, – если хочешь, мы можем отвезти тебя в «Сильмар», и пусть они поддержат тебя там ночку. Мы можем заново начать завтра утром, когда, возможно, твоя память немного про...

– Я нервничаю насчет своего мотоцикла, спереть могут.

– Забудь о мотоцикле, – сказал Босх и наклонился вперед, вторгаясь в личное пространство парня. – Мы не станем тебе потакать, Шарки, ты нам еще ничего не сказал. Приступай к рассказу, потом позаботимся о мотоцикле.

– Ладно, ладно. Я все вам расскажу.

Парень потянулся за своими лежащими на столе сигаретами, Босх, в свою очередь, достал одну из своих. Приближение к лицу и удаление от лица допрашиваемого являлось технологией, которую Босх освоил, проведя, наверное, тысяч десять часов в таких вот маленьких комнатках. Подайся всем телом вперед, вторгнись на фут-полтора в ту зону, которая принадлежит собеседнику, является его личным пространством. Откачнись назад, когда получишь то, что хотел. Тут задействовано чистое подсознание. Большая часть того, что происходит на полицейском допросе, вообще не имеет отношения к тому, что выражено словами. Важна интерпретация, нюансы. А подчас то, что вовсе и не сказано. Он зажег сигарету Шарки первой. Они выдохнули синий дым, и Уиш откинулась на стуле, пытаясь отодвинуться.

– Хотите курить, агент Уиш? – спросил Босх.

Та отрицательно замотала головой.

Босх посмотрел на Шарки, и между ними проскочила искра общности понимания. Этот взгляд говорил: мы с тобой славные малые, мы заодно. Парень улыбнулся. Босх кивнул ему, чтобы тот начинал свою повесть, и тот начал. И это действительно был целый сюжет.

– Я иногда езжу туда, чтобы переночевать, – начал Шарки. – Понимаете? Когда не нахожу никого, кто бы выручил меня с деньгами на мотель, и все такое. Бывает, что комната в мотеле, где кантуется моя компания, переполнена. Мне приходится куда-то деваться. Поэтому я еду туда, на гору, сплю в трубе. В ней тепло держится почти всю ночь. Совсем неплохо. Ну и вот, была как раз такая ночь. Я поехал туда...

– В какое время это было? – спросила Уиш.

Босх бросил на нее взгляд, говоривший: «Осадите, вопросы будете задавать, когда он закончит». Парень начал прекрасно.

– Наверно, было уже здорово поздно, – обернувшись к ней, ответил Шарки. – Часа три, может, четыре. У меня нет часов. Ну вот, я туда поехал. Залез в трубу и увидел там мертвого мужика. Он уже лежал там. Ну, я выбрался наружу и свалил. Я не собирался торчать там вместе со жмуриком. Когда спустился с холма, позвонил вашим по девять-один-один. – Он опять перевел взгляд с Уиш на Босха. – Вот и все, – сказал он. – Не могли бы вы уже отвезти меня за мотоциклом?

Никто ему не ответил, поэтому Шарки зажег новую сигарету и подтянулся на стуле.

– Это славная история, Эдвард, но нам она нужна вся целиком, – сказал Босх. – И еще нам нужно, чтобы она была правдивой.

– Как это? В каком смысле?

– В том смысле, что она звучит, будто ее выдумал круглый идиот, вот в каком. Как ты смог разглядеть там тело?

– У меня был фонарик, – пояснил парень, обращаясь к Уиш.

– Нет, не было. У тебя были спички, одну из них мы нашли. – Босх стал подаваться вперед, пока лицо его не оказалось всего в футах от лица мальчика. – Шарки, как по-твоему, с чего мы взяли, что это ты звонил? Ты думаешь, оператор на коммутаторе узнала тебя по голосу? «Ой, да это старина Шарки! Славный мальш, звонит нам насчет трупа!» Подумай, Шарки. Ты написал свое имя – ну, или по крайней мере половину его – на той самой трубе. Мы обнаружили твои отпечатки на полупустом баллончике с краской. А потом тебя что-то спугнуло. И мы знаем, что ты только заглянул в трубу, после чего дал деру. Ты наследил.

Шарки уставился прямо перед собой, его взгляд устремился чуть выше, к зеркальному окошку в двери.

– Ты знал, что тело там, еще прежде того, как забрался в трубу. Ты видел, как кто-то тащил его туда, Шарки. А теперь посмотри на меня и расскажи, что произошло на самом деле.

– Послушайте, я не видел ничьих лиц. Там было слишком темно, ей-

богу, – сказал парень, обращаясь к Босху.

Элинон довольно громко издала вздох. Босху захотелось сказать ей: если она считает, что на юнца не стоит тратить время, то может уйти.

– Я прятался, – добавил Шарки. – Потому что, понимаете, сперва подумал, они охотятся за мной и все такое. Я не имею к этому никакого отношения. Почему вы втягиваете меня, офицер?

– У нас есть убитый, Эдвард. Мы обязаны выяснить, кто и почему его убил. Пускай ты не видел лиц, прекрасно. Они нас не интересуют. Просто расскажи, что ты видел, и ты свободен.

– Точно?

– Точно.

Босх откинулся назад и закурил вторую сигарету.

– Ну да, верно, я был там, и я не очень хотел спать, поэтому стал рисовать свой фирменный знак и тут услышал, что подъезжает машина. Вот блин! И самое чудное – что я услышал ее раньше, чем увидел. Потому что этот парень, ну, водитель, ехал с выключенными фарами. Поэтому я свалил по-быстрому и спрятался в кустах у горы, ну, там, знаете, прямо неподалеку от трубы, где я прячу свой байк, пока сплю.

Мальчишка становился все более оживленным, скованность его прошла, он жестикулировал и кивал головой и теперь смотрел уже главным образом на Босха.

– Черт, я думал, те люди охотятся за мной. Ну, что кто-то настучал копам, что я там рисую надписи и все такое. Ну, вот я и спрятался. Вообще-то они, когда приехали, то из машины вышел мужик и как раз говорит другому, что, мол, пахнет краской. Но оказалось, что они меня даже не заметили. Они приехали к этой трубе просто спрятать труп. И вообще это была даже не легковушка. Это был джип.

– Ты запомнил номерной знак? – спросила Уиш.

– Дайте ему досказать, – сказал Босх, не глядя на нее.

– Да, нет, не запомнил я гребаного знака. Фары у них не горели, а так было слишком темно. Но я все-таки увидел, что их трое... вместе со жмуриком. Один вышел, тот, что вел машину, и вытащил тело, оно было сзади, прикрыто одеялом или еще чем-то. Я имею в виду, открыл такую маленькую дверцу, которая сзади у джипов, и выгрузил мертвеца на землю. Жуть! Я же видел, что это все по-настоящему... настоящий мертвец, хотя бы по тому, как он стукнулся об землю. Ну, как деревянный... Настоящий труп. Не как по телику. Потом он потащил его в трубу. Другой ему не помогал. Тот оставался в джипе. Так что первому пришлось тащить в одиночку.

Шарки глубоко затаился, а потом загасил окурок о жестяную пепельницу, которая уже была полна. Он втянул воздух через нос и вопросительно посмотрел на Босха, который кивнул ему, призывая продолжать. Мальчишка подтянулся повыше на стуле.

– Э-э... ну вот, я все сидел в засаде, а этот тип вылез из трубы примерно через минуту. Не больше. Опять огляделся, когда вылез, но меня не заметил. Он даже прошел мимо кустов, где я прятался, и отломил ветку. Потом опять полез в трубу. И мне было слышно, как он там этой веткой вроде как подметает. Потом вылез, и они уехали. Ах да! Он еще стал давать задний ход, и включились задние фары, ну вы знаете. И тут же выключил, ну прямо моментально. Потом я услышал, как он говорит, что, мол, нельзя двигаться задом, из-за огней. Ну, что их могут заметить. Тогда они поехали вперед, понимаете, уже без огней. Они поехали по дороге, через дамбу, вокруг другой стороны озера. Когда проезжали мимо того маленького домика на плотине, то задели лампочку. Я видел, как она погасла. Я сидел в укрытии, пока не замолк мотор. Потом он замолк, и я вышел.

Шарки на минутку прервал повествование, и Уиш сказала:

– Извините, не могли бы мы открыть дверь, чтобы хоть часть дыма вышла отсюда?

Босх, не вставая со стула, протянул руку и толкнул дверь, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Продолжай, Шарки, – только и сказал он.

– Ну вот, и когда они уехали, я пошел к трубе и крикнул тому парню. Ну, там, знаете: «Эй, вы!», «Вы живы?» и все такое. Но никто не отозвался. Поэтому я положил мотоцикл на землю так, чтобы в трубу падал свет от фонаря, и немножко прополз внутрь. И еще зажег спичку, как вы сказали. И увидел его там, он был мертвее мертвого. Я еще хотел проверить, но уж очень страшно было. Потом я вылез, съехал с холма и позвонил копам. Вот и все, вся история, больше я ничего не сделал.

Босх так понял, что мальчишка собирался обчистить труп, но на полпути струхнул. Впрочем, это было и не важно. Парень имел право сохранить это в тайне. Потом он подумал о ветке, которую, по словам Шарки, водитель джипа сорвал в кустах и использовал для того, чтобы замести в трубе следы и борозды, остававшиеся после затаскивания тела. Босх спросил себя, почему патрульные полицейские, когда обследовали место преступления, не обнаружили ни использованной и выброшенной ветки, ни сломанного куста. Но он не стал слишком долго задаваться этим вопросом, потому что и так знал ответ. Небрежность. Неряшливость. Лень. Это был не первый случай, когда важные улики оставались без внимания.

Да и не последний.

– Надо проверить, что там с пиццей, – сказал Босх и поднялся, делая знак и Элиноор. – Мы на пару минут.

* * *

За пределами комнаты для допросов, подавив свой гнев, Босх сказал:

– Это моя вина. Нам следовало заранее подробнее договориться о ведении допроса. Я люблю сначала услышать, что говорит свидетель, а потом уже задавать вопросы. Это моя промашка.

– Нет проблем, – коротко ответила Уиш. – В любом случае то, что он рассказал, не представляется мне таким уж важным свидетельством.

– Может, и так, – задумчиво отозвался он и несколько секунд пребывал в размышлении. – Я думаю, что стоит, пожалуй, вернуться и еще немного поговорить с ним, может быть, попросить его дать словесный портрет преступника. А если он больше ничего не вспомнит, можно было бы подвергнуть его гипнозу.

Босх понятия не имел, какова будет ее реакция на это последнее предложение. Он выдвинул его, как если бы оно пришло ему в голову сию минуту – наполовину надеясь, что оно пройдет незамеченным. Калифорнийские суды считали, что получение показаний под гипнозом лишает законного статуса последующие показания свидетеля в суде. Если подвергнуть Шарки гипнозу, он уже не сможет быть свидетелем ни на каком судебном процессе, который может увенчать следствие по делу Медоуза.

Уиш нахмурилась.

– Даже не знаю, – вслух рассуждал Босх. – Конечно, мы теряем его, как свидетеля на суде. Но с теми сведениями, которыми он снабдил нас, мы можем вообще не довести дело до суда. Вы сами только что сказали: не такой уж он ценный свидетель.

– Я просто не знаю, стоит ли нам сейчас ставить крест на его будущей пригодности. Мы еще на такой ранней стадии расследования.

Босх подошел к двери комнаты для допросов и заглянул в окошко. Подросток курил очередную сигарету. Потом положил ее в пепельницу и встал. Он тоже заглянул в дверное окошко, но Босх знал, что изнутри ему ничего не видно. Потом быстро и бесшумно мальчишка поменял местами свой стул и стул, на котором сидела Уиш. Босх улыбнулся и сказал:

– Он умный парнишка. У него в памяти может храниться больше, чем

мы сможем извлечь, не прибегая к гипнозу. Я думаю, стоит попробовать.

– Я не знала, что вы из когорты гипнологов УПЛА. Вероятно, я пропустила это в вашем досье.

– Уверен, вы пропустили и много чего другого, – ответил Босх. Спустя несколько секунд он добавил: – Думаю, я один из последних, что остались после того, как Верховный суд раскритиковал это в пух и прах и наше управление бросило обучать людей. Нас был только один класс, я из самых младших. Большинство остальных уже вышли в отставку.

– Так или иначе, – сказала она, – думаю, что нам пока не стоит прибегать к этому. Давайте прощупаем его еще немного, может быть, подождем пару дней, прежде чем окончательно забракуем его, как судебного свидетеля.

– Прекрасно. Но через пару дней кто знает, где будет такой парень, как Шарки?

– О, вы находчивы и изобретательны. Вы же нашли его в этот раз. Сумеете найти и в следующий.

– Хотите сами с ним поговорить?

– Нет, у вас отлично получается. Если только мне будет дозволено подключаться всякий раз, когда у меня будет возникать какая-нибудь неясность.

Она улыбнулась, и он тоже улыбнулся, и оба вернулись в комнату для допросов, в которой стоял густой запах сигаретного дыма и пота. Босх оставил дверь открытой, чтобы проветрить. На этот раз Уиш не пришлось его об этом просить.

– Жратвы все нет? – спросил Шарки.

– Еще на подходе, – ответил Босх.

Босх и Уиш заставили Шарки повторить его повествование еще дважды, уточняя по ходу дела мелкие детали. Теперь они действовали уже как единая команда. Как партнеры по детективной работе – обмениваясь быстрыми понимающими взглядами, незаметными кивками, даже улыбками. Несколько раз Босх замечал, как Уиш соскальзывает на своем стуле, и ему показалось, что он заметил проказливую улыбку на мальчишеском лице Шарки. Когда прибыла пицца, парень выразил недовольство по поводу анчоусов, но все равно слопал три четверти пирога и выдул две бутылки кока-колы. Босх и Уиш от еды воздержались.

Шарки вспомнил, что джип, в котором привезли Медоуза, был не то грязно-белого, не то бежевого цвета. Он сказал, что на боковой двери было какое-то клеймо, но не смог его описать. Возможно, такое, подумал Босх, чтобы машина была похожа транспортное средство департамента водо- и

электроснабжения. Может, она даже принадлежала этому ведомству. Теперь Босху уже по-настоящему захотелось расспросить парня под гипнозом, но он решил больше не поднимать этот вопрос. Он подождет, пока Уиш сама не придет к выводу, что это необходимо.

Шарки сказал, что тот из преступников, который оставался в машине, пока другой затаскивал тело в трубу, не произнес за все время ни слова. Этот второй телосложением был помельче, чем водитель. По словам Шарки, он только мельком увидел его смутные очертания в слабом свете луны, пробивавшемся сквозь густой сосняк вокруг водохранилища.

– А что делал этот второй? – спросила Уиш.

– Просто присматривал, по-моему. Вроде как на стреме. Он даже не вел машину. Я думаю, он был у них за главного, вроде того.

Водителя мальчику удалось разглядеть лучше, но все равно недостаточно для того, чтобы описать лицо или помочь составить фоторобот с помощью принесенного Босхом набора шаблонов. Он только сказал, что у водителя были темные волосы и он был белый. Выразиться сколько-нибудь определеннее Шарки не мог или не хотел. На мужчине также были одного тона рубашка и брюки – возможно, комбинезон. Еще Шарки сказал, что на нем было надето что-то вроде широкого пояса или фартука, какой носят плотники. На поясе болтались какие-то пустые карманы, вроде как для инструментов. Это показалось Босху любопытным, и он задал мальчику несколько дополнительных вопросов, заходя так и эдак, но лучшего описания не получил.

Через час они закончили. Они оставили Шарки в прокуренной комнате, а сами опять вышли совещаться. Уиш сказала:

– Теперь нам остается только найти джип с одеялом в багажной части. Провести микроанализы и установить соответствие обнаруженных волос с волосами Медоуза. Но только в нашем штате может оказаться миллиона два белых или бежевых джипов. Вы хотите, чтобы я выложила эти сведения в текущий бюллетень по нераскрытым преступлениям или хотите их придержать?

– Вот смотрите. Два часа назад у нас не было ничего. Теперь мы имеем целую уйму. Если не возражаете, давайте я введу парня в гипноз. Как знать, может, нам удастся вытянуть из него номерной знак машины и более подробное описание водителя? Может он вспомнит какое-нибудь обреченное имя или сумеет описать знак на дверце машины.

Говоря это, Босх с жаром выбросил вперед руки ладонями вверх, вновь настаивая на своем предложении, но она уже отвергла его прежде и сделала это опять.

– Не сейчас, Босх. Позвольте мне сначала переговорить с Рурком. Может быть, отложим до завтра? Мне не хочется бросаться в это дело очертя голову, чтобы потом все обернулось роковой ошибкой. О'кей?

Он кивнул и уронил руки.

– Итак, что теперь? – спросила она.

– Что ж, парнишка поел. Почему бы нам не закончить дела с ним, а затем двинуть куда-нибудь поесть? Я тут знаю одно местечко...

– Я не могу, – тут же отозвалась она.

– ...в Оверленде.

– У меня уже есть планы на сегодняшний вечер. Извините. Может, перенесем это на какой-нибудь другой раз?

– Разумеется. – Он подошел к двери комнаты для допросов и стал смотреть через стекло. Не важно, сгодится все, что угодно, – лишь бы не встретиться с ней глазами. Босх чувствовал себя дураком, оттого что попытался действовать так поспешно. – Если вам пора идти, не стесняйтесь. Я отвезу его в приют или еще куда. Нам не обязательно обоим тратить на это время.

– Вы уверены?

– Да. Я о нем позабочусь. Возможно, вызову патрульную машину, она нас отвезет. По дороге захватим его мотоцикл.

– Это славно. Я имею в виду, что вы заберете его мотоцикл и позаботитесь о нем.

– Мы ведь с ним договорились, не забывайте.

– Да, я помню. Но я вижу, вы о нем беспокоитесь. Я наблюдала, как вы обращаетесь с ним. Вы видите в нем что-то от самого себя?

Босх отвернулся от стекла и посмотрел на нее.

– Нет... не то чтобы, – сказал он. – Он для меня просто очередной свидетель, с которого надо снять показания. Сейчас вы видите в нем маленького ублюдка. Подождите годик-другой, подождите, пока ему стукнет лет девятнадцать-двадцать, – если он доживет, конечно. Тогда он станет настоящим чудовищем. Людям от него достанется. Он не в последний раз сидит в этой комнате. Он будет входить сюда и выходить всю свою жизнь, пока не убьет кого-нибудь или не убьют его самого. Закон Дарвина: выживает наиболее приспособленный, а он достаточно приспособлен, чтобы выжить. Так что нет: я за него не беспокоюсь. Я собираюсь поместить его в приют, потому что хочу точно знать, где его найти, в случае, если он снова нам понадобится. Вот и все.

– Славная речь, но я вам не верю. Я кое-что о вас знаю, Босх. Вы ему сочувствуете, это бесспорно. То, как вы накормили его обедом и

расспрашивали...

– Послушайте, меня не интересует, сколько раз вы перечитали мое досье. Вы что же, считаете, что досконально меня изучили? Я уже сказал вам: все это чушь собачья!

Ему пришлось подойти к ней вплотную, пока его лицо не оказалось не дальше фута от ее лица. Но она не смотрела на него, а уставилась в свою записную книжку – как будто то, что она там записала, имело какое-то отношение к тому, что он говорил сейчас.

– Послушайте, мы сможем с вами успешно выполнить эту совместную работу – возможно, даже выяснить, кто убил Медоуза, – если сумеем устроить себе еще несколько таких вот неформальных пауз, как сегодня с этим парнем. Но мы не станем настоящими партнерами, если по-настоящему не узнаем друг друга. Так что, возможно, нам не следует вести себя так, как мы ведем себя сейчас. Не надо рассказывать мне о своем братишке с короткой стрижкой и о том, что он вылитый я в юности. Потому что вы не знаете, каким я был. Пачка бумажек и фотографий из досье ничего не говорят о человеке.

Она закрыла записную книжку и убрала ее в сумочку. Потом наконец взглянула прямо на него. Из комнаты для допросов раздался стук. Шарки смотрел в зеркальное стекло и стучал в дверь. Но оба они не обратили на него внимания. Уиш сверлила Босха глазами.

– Вы всегда ведете себя вот так, когда женщина отклоняет ваше предложение вместе пообедать? – спокойно спросила она.

– Мои привычки не имеют к этому делу никакого отношения, и вы это сами знаете.

– Разумеется, я это знаю. – Она двинулась было прочь, потом остановилась. – Завтра в Бюро в девять утра?

Он не ответил, и тогда она действительно зашагала к выходу из отдела. Шарки снова замолотил в дверь, и Босх, обернувшись в ту сторону, увидел, что парень, глядя в зеркало, выдавливает прыщ на лице. Уиш еще раз оглянулась, прежде чем выйти из комнаты.

– Я ничего не говорила о своем младшем братишке, – произнесла она. – На самом деле он – мой старший брат. И я говорила о временах, которые давно прошли. О том, как он выглядел, когда я была маленькой девочкой, а он на время уезжал во Вьетнам.

Босх не стал к ней оборачиваться. Не смог. Он понял, что последует вслед за этим.

– Я хорошо помню, как он тогда выглядел – он как живой стоит у меня перед глазами. Потому что тогда я видела его в последний раз. Да, он чем-

то напоминал вас. Он был из тех, кто так и не вернулся.

Она вышла из комнаты.

* * *

Гарри доел оставшийся кусок пиццы. Было холодно, он терпеть не мог анчоусы и чувствовал, что так ему и надо. То же самое было и с колой, которая оказалась теплой. Потом он сел на свое место за длинным общим столом секции убийств и стал названивать по телефону, пока не нашел свободную койку – скорее, свободное спальное пространство – в одном из приютов, где не задавали лишних вопросов, в районе бульвара. В приюте «Уличный дом» не пытались отсылать беглецов туда, откуда они сбежали. Там понимали, что в большинстве случаев родной дом является еще худшим кошмаром, чем улица. Там просто предоставляли детям безопасное место для ночлега, а затем старались переправить их в любое другое место, кроме Голливуда.

Он оформил получение машины без полицейских опознавательных знаков и отвез Шарки к его мотоциклу. Мотоцикл не влезал в багажник. Тогда он заключил с парнем сделку: Шарки на мотоцикле поедет до приюта, а Босх на машине двинется за ним следом. Когда парень доберется туда и будет размещен, Босх отдаст ему обратно деньги, бумажник и сигареты. Но только не отобранные поляроидные снимки и не сигарету с марихуаной. И то и другое отправилось в мусорный ящик. Шарки это не понравилось, но он согласился. Босх велел ему побыть в приюте хотя бы дня два, однако понимал, что парень, вероятнее всего, удерет с утра пораньше.

– Однажды я уже нашел тебя. Если понадобится, сумею сделать это и снова, – сказал он, когда мальчишка пристегивал цепью свой мотоцикл возле приюта.

– Да-да, я знаю, – ответил Шарки.

Это была пустая угроза. Босх знал, что нашел Шарки, когда парень не подозревал, что его ищут. Но все будет совершенно иначе, если он захочет скрыться. Босх дал мальчику одну из своих дешевых визитных карточек и велел позвонить, если он вспомнит что-нибудь важное.

– Для вас или для меня? – спросил Шарки.

Босх не ответил. Он снова забрался в машину и поехал обратно на Уилкоккс-авеню, в полицейский участок, высматривая в зеркале заднего вида признаки «хвоста». Таковых он не обнаружил. Сдав машину, он

прошел к своему рабочему столу и забрал фэбээровские досье. Потом пошел в кабинет дежурного, где несущий ночную вахту лейтенант вызвал одну из своих патрульных машин, чтобы подбросить Босха до Федерал-билдинг. Патрульный полицейский был молодой парень с короткой стрижкой. Азиат. От кого-то в участке он слышал, что полицейского зовут Гунь Хо. Они промолчали все двадцать минут пути до правительственного здания.

Домой Гарри добрался к девяти. Красная лампочка на телефонном автоответчике мигала, но самого сообщения не было – только звук возвращаемой на рычаг трубки. Он включил радио – послушать, как сыграли «Доджеры», но тут же выключил, почувствовав, что устал от слов. Он загрузил в стереопроектор компакт-диски с музыкой в исполнении Сони Роллинза, Франка Моргана и Брэнфорда Марсалиса и вместо речи послушал саксофон. Разложил на столе папки с личными делами и скovyрнул крышечку с бутылки пива. Алкоголь и джаз, подумал он, глотая напиток. Засыпание в одежде. Ты типичный, шаблонный коп, Босх. Открытая книга. И никакой разницы с десятком тех болванов, что клеятся к ней, должно быть, каждый день. Так что придерживайся тех задач, которые сейчас стоят перед тобой. И не надейся ни на что другое. Он раскрыл досье Медоуза и стал скрупулезно прочитывать каждую страницу из тех, что прежде – когда ехал в машине с Уиш – только бегло пробежал глазами.

Медоуз всегда был для Босха загадкой. Потребитель «колес» и героина и в то же время солдат, который завербовался на второй срок, чтобы остаться во Вьетнаме. Даже когда его отстранили от туннелей, он остался. В 1970-м, после того, как провел два года в туннелях, он получил назначение в военную полицию, в подразделение, прикомандированное к американскому посольству в Сайгоне. Пускай он никогда больше не сталкивался с боевыми действиями, но оставался во Вьетнаме до самого конца. После мирного договора и вывода войск в 1973-м он демобилизовался и снова остался, на этот раз в качестве одного из гражданских советников при посольстве. Все стремились домой, но только не Медоуз. Он не уезжал вплоть до 30 апреля 1975 года, когда пал Сайгон. Потом оказался на вертолете, а затем на самолете, которые перевозили беженцев из Вьетнама в Соединенные Штаты. Это было его последнее правительственное задание: обеспечить безопасность на крупном транспортном средстве, вывозящем беженцев сначала на Филиппины, а потом в Штаты.

Согласно послужным спискам, Медоуз по возвращении остался в Южной Калифорнии. Но его навыки были ограничены такими

специальностями, как военный полицейский, «туннельный сталкер» и наркодилер. В досье упоминалось заявление о приеме на работу в УПЛА, которое было отвергнуто. Он не прошел тест на наркотики. Далее в досье приводилась компьютерная распечатка из базы данных Национальной службы криминальной разведки, в которой давался список судимостей Медоуза. Его первый арест, за хранение героина, случился в 1978 году. Он был осужден условно. В следующем году попался снова, на сей раз за хранение с целью сбыта. Смог в суде свести обвинение к простому хранению и получил полтора года отсидки в тюрьме «Уэйсайд-Хонорранчо». Из этого срока он отсидел десять месяцев. Следующие два года его жизни были отмечены арестами, поводами к которым послужили свежие следы от уколов, что уже представляло собой правонарушение, караемое двумя месяцами заключения в окружной тюрьме. Создавалось впечатление, что Медоуз словно через дверь-вертушку входил и выходил из окружной тюрьмы вплоть до 1981 года, когда загремел уже на более значительный срок. Его посадили за попытку ограбления, и это преступление находилось уже в федеральной юрисдикции. По компьютерным данным Национальной криминалистической разведслужбы нельзя было понять, относилась ли эта попытка ограбления к банку, но Босх посчитал, что, вероятно, да, коль скоро дело оказалось в федеральной юрисдикции. В распечатке говорилось, что Медоуза приговорили к четырем годам в Ломпоке, из которых он отбыл два.

Он провел на воле не более нескольких месяцев, после чего был арестован за ограбление банка. Должно быть, его взяли с поличным. Он сам признал себя виновным и получил пять лет в Ломпоке. Ему оставалось сидеть еще три года, когда он решил бежать, однако попытка оказалась неудачной. Медоуз получил еще пять лет и был переведен в тюрьму строгого режима в «Терминал-айленд».

Столько лет по тюрьмам, думал Босх... На протяжении всех этих лет он не имел о бывшем соратнике никаких сведений. Интересно, что бы он сделал, если бы что-то услышал? Некоторое время Босх размышлял над этим. Вероятно, вся эта последующая жизнь изменила Медоуза больше, чем война. Из «Терминал-айленда» Медоуз досрочно освобожден в 1988 году и был как ветеран вьетнамской войны отправлен в реабилитационно-исправительное учреждение. Заведение называлось «Чарли компани», это была ферма, расположенная к югу от Вентуры, милях в сорока от Лос-Анджелеса. Там он провел около года.

После этого, если верить списку судимостей Медоуза, дальнейших неприятностей с правоохранительными органами у него не было. Тот арест,

связанный с употреблением героина, который побудил Медоуза позвонить Босху в прошлом году, закончился для него удачно – дело так и не было доведено до суда. В распечатке криминалистической разведслужбы оно не значилось. И никаких других контактов с полицией после выхода из тюрьмы, о которых было бы что-то известно.

В пачке была и еще одна сводная таблица. Эта простыня была написана от руки, и Босх догадывался, что то был четкий, разборчивый почерк Уиш. Здесь была изложена история трудоустройств и домашних обстоятельств, составленная по материалам управления по налогам и сборам и управления автотранспорта. Пункты записей шли столбиком по левой стороне простыни. Хотя были в них и пробелы. Нигде не отраженные периоды времени. Судя по этой таблице, сразу по возвращении из Вьетнама Медоуз поступил работать по линии водоснабжения округа Южная Калифорния. Он был смотрителем водопроводных сетей. Эту работу он потерял спустя четыре месяца из-за систематических опозданий и отсутствия по болезни. Должно быть, после этого он попробовал свои силы в сбыте героина, потому что следующее законное место работы было внесено в послужной список только после того, как он освободился из «Уэйсайда» в 1979 году. Теперь он пошел работать в департамент водо- и электроснабжения уже в качестве смотрителя подземных каналов ливневых стоков. Потерял эту работу через полгода по тем же самым причинам, что и прежнюю. Было и еще несколько случайных мест. После того, как покинул «Чарли компани», Медоуз на несколько месяцев пристал к компании, занимающейся золотодобычей в долине Санта-Кларита. И больше ничего.

Была также перечислена почти дюжина домашних адресов. Большинство их представляли собой квартиры в Голливуде. Был дом в Сан-Педро^[35], еще до ареста 1979 года. Если уже в ту пору он занимался наркочеловечеством, то, вероятно, получал товар в порту Лонг-Бич, подумал Босх. В этом случае адрес в Сан-Педро был как раз очень удобен.

Босх также увидел, что в последней квартире, в Сепульведе, Медоуз проживал с тех времен, как выписался из «Чарли компани». В досье больше ничего не было о жизни Медоуза в реабилитационном центре и о том, что он там делал. Босх нашел имя офицера полиции, под надзор которого поступил Медоуз после досрочного освобождения. Это имя было в копиях отчетов этого полицейского за шестимесячный период наблюдения за своим подопечным. Полицейский Дэрил Слейтер работал в окрестностях Ван-Нуйса. Босх занес это имя в записную книжку. Он также записал адрес исправительно-реабилитационного учреждения «Чарли компани». Затем разложил перед собой список арестов и судимостей,

список мест работы и адресов проживания и отчеты полицейского надзора. На новом листе бумаги он начал записывать хронологическую последовательность событий с того момента, когда Медоуз был отправлен в федеральную тюрьму в 1981 году.

Когда он покончил с этим, многие из пробелов были восполнены. Медоуз отмотал в федеральной тюрьме в общей сложности шесть с половиной лет. Он был досрочно освобожден в начале 1988 года и переведен в исправительно-реабилитационную колонию «Чарли компани» по программе поддержки и реабилитации ветеранов. Там, в рамках этой программы, он провел десять месяцев, прежде чем переехал в квартиру в Сепульведе. Рапорты офицера полиции, надзиравшего за ним, как за досрочно освобожденным, показали, что он овладел специальностью бурильщика на золотых приисках в долине Санта-Кларита. Срок надзора закончился в феврале 1989 года, и Медоуз уволился с работы ровно через день после того, как его полицейский попечитель попрощался с ним. С тех пор, согласно данным Управления по налогам и сборам, у него не было ни одного места работы, во всяком случае, легального. Информационно-поисковая система сообщала, что Медоуз не обращался с заявлениями о приеме с 1988 года.

Босх пошел на кухню, достал бутылку пива и приготовил себе сэндвич с ветчиной и сыром. Он стоял возле раковины, жуя бутерброд и прихлебывая пиво и одновременно стараясь по порядку выстроить факты в голове. Он был уверен, что Медоуз замышлял крупное дело с тех самых пор, как освободился из «Терминал-айленда», в крайнем случае – из «Чарли компани». У него был некий план. Он работал на легальном месте, дожидаясь, пока закончится срок полицейского надзора за ним после условно-досрочного освобождения. После чего уволился, и план был запущен в действие. Босх чувствовал уверенность, что все было именно так. И он чувствовал, что, следовательно, либо в тюрьме, либо в реабилитационном центре Медоуз сошелся с людьми, которые потом вместе с ним обчистили банк. А впоследствии его убили.

В дверь позвонили. Босх бросил взгляд на свои часы – они показывали одиннадцать. Он подошел к двери, заглянул в «глазок» – прямо на него смотрело лицо Элинора Уиш. Он отступил на шаг, повернул голову к висящему здесь же, в передней, зеркалу, и оттуда на него глянул мужчина с темными усталыми глазами. Он пригладил волосы и отворил дверь.

– Здравствуйте, – произнесла она. – Мир?

– Мир. Как вы узнали, где я... нет, ничего... Входите.

На ней был тот же самый костюм, что и раньше, значит, она еще не

была дома. Босх увидел, что она заметила досье и другие бумаги на карточном столике.

– Засиделся допоздна, – пояснил он. – Так, просматривал кое-что в личном деле Медоуза.

– Хорошо. Э... я тут случайно оказалась в этих краях и просто хотела... просто пришла сказать, что мы... Ну, эта неделя завязалась нескладно. Для нас обоих. Быть может, завтра мы сможем начать нашу совместную работу с чистого листа?

– Да, – сказал он. – Я тоже прошу извинения за то, что сказал тогда... и сожалею по поводу вашего брата. Вы старались сказать что-то приятное, а я... Может быть, задержитесь несколько минут, выпьете пива?

Он пошел в кухню и достал две новые бутылки. Вручил ей одну и повел ее через раздвижную дверь на заднее крыльцо. Снаружи было прохладно, но время от времени со стороны темного каньона дул теплый ветер. Элинон Уиш уставилась на огни Долины. Прожектора со стороны Универсал-Сити бороздили небо, выписывая повторяющийся узор.

– Здесь очень красиво, – сказала она. – Никогда раньше не бывала в таком жилище. Кажется, они называются консольными?

– Да.

– Должно быть, жутковато во время землетрясения.

– Жутковато и когда мимо проезжает мусоросборник.

– Как же вы дошли до жизни в таком месте?

– Кое-какие люди – из тех, что внизу, с прожекторами, – дали мне однажды пачку денег, чтобы использовать мое имя и мою так называемую техническую консультацию для телепрограммы. Ну, и мне больше нечего было делать с этими деньгами. Когда я рос в Долине, мне всегда было интересно, каково это – жить в одной из таких штук. Вот я ее и купил. Раньше она принадлежала одному киносценаристу. Вот здесь он и работал. Домик совсем маленький, всего одна спальня. Но видимо, я никогда не нуждался в большем.

Она облокотилась на перила и заглянула вниз по склону, вдоль русла пересохшего ручья. В темноте лишь смутно виднелись очертания нетронутой дубовой рощи. Он тоже наклонился над перилами и, рассеянно отрывая кусочки золотой фольги от ярлыка своей бутылки, стал бросать их вниз. Золотые обрывки, плавно кружась и поблескивая, исчезали в темноте.

– У меня есть вопросы, – проговорил он. – Я хочу съездить в Вентуру.

– Не могли бы мы поговорить об этом завтра? Я пришла сюда не затем, чтобы перечитывать эти документы. Я их читаю вдоль и поперек уже почти год.

Он кивнул и замолчал, решив дать ей возможность перейти к тому, что привело ее сюда, – не важно, что это окажется. Через некоторое время она сказала:

– Вы, должно быть, очень злитесь по поводу того, какую свинью мы вам подложили, – это внутреннее расследование и то, что мы вас проверяли. Затем еще вчерашнее происшествие. Я сожалею.

Она пригубила пиво из своей бутылки, и Босх сообразил, что даже забыл предложить ей стакан. Он промолчал, и ее реплика одиноко и напряженно повисла в темноте.

– Нет, – наконец произнес он. – Я не злюсь. По правде сказать, я и сам хорошенько не знаю, что я есть такое.

Она повернула голову и посмотрела на него.

– Мы думали, вы оставите это дело после того, как Рурк через вашего лейтенанта устроили вам неприятности. Спору нет, вы знали Медоуза, но ведь это было давно. Вот чего я не могу понять. Чувствуется, что для вас это не просто очередное расследование. Но почему? Тут должно крыться еще что-то. Что-то связанное с Вьетнамом? Почему для вас это так много значит?

– Наверное, у меня есть свои причины. Причины, не имеющие никакого отношения к данному делу.

– Я вам верю. Но вопрос не в том, верю ли я вам. Я пытаюсь понять суть. Мне нужно это знать.

– Как вам пиво?

– Прекрасно. Расскажите мне что-нибудь, детектив Босх.

Он посмотрел вниз, провожая взглядом маленький обрывок фольги, растворяющийся в темноте.

– Не знаю, – ответил он. – Вернее, и знаю, и не знаю. Я думаю, все это уходит корнями в тамошние туннели. Совместно пережитое. Не то чтобы он там спас мне жизнь или я спас его. Не так примитивно. Но я ощущаю какой-то долг, обязательство перед ним. Не имеет значения, что он совершил и каким подонком сделался после. Может, если бы я не ограничился в прошлом году несколькими телефонными звонками... Я не знаю.

– Не говорите глупостей, – сказала она. – Когда он в прошлом году вам позвонил, то уже полным ходом планировал это ограбление. Он тогда просто вас использовал. И похоже, использует даже сейчас, будучи мертвым.

На его бутылке уже закончилась наклейка, и больше обдирать было нечего. Он развернулся и привалился спиной к перилам. Одной рукой

неловко нашарил в кармане сигарету, сунул в рот, но зажигать не стал.

– Медоуз... – покачал он головой, погружаясь в воспоминания. – Медоуз не был похож на других... Все мы тогда были просто кучкой юнцов, боящихся темноты. А в тех туннелях было так чертовски темно. Но Медоуз, он не боялся. Он постоянно вызывался добровольцем. Со света божьего – в ад крошечный. Вот как он говорил, отправляясь в очередной рейд. Мы называли это «черным эхом». Это было, как спускаться в преисподнюю. Там, внизу, ты ощущал запах собственного страха. Когда ты находился там, под землей, было такое чувство, что ты уже умер.

Оба они постепенно развернулись таким образом, что теперь стояли лицом друг к другу. Босх внимательно посмотрел на ее лицо и увидел выражение, которое истолковал как сочувствие. Он не был уверен, что именно в этом сейчас нуждался. Он уже давно миновал эту стадию. Но он и сам не знал, в чем нуждался теперь.

– Так вот, все мы, маленькие, перепуганные пацаны, дали друг другу одну клятву. Всякий раз, когда кто-нибудь спускался в один из таких туннелей, мы приносили обет. Обет был такой: что бы там, внизу, ни произошло, никто не будет там брошен. Не важно, погибнешь ли ты или нет. Даже если погибнешь, тебя там не оставят. Потому что те проделывали с нашими такие вещи... ну, вы понимаете. Вроде здешних маньяков. И эта клятва помогала. Никто не хотел там остаться – ни живым, ни мертвым. Как-то я прочел в одной книге, что нет разницы, лежишь ли ты в мраморном склепе на горе или на дне грязного маслосборника, – мол, мертвому все равно, мертвец есть мертвец. Но тот, кто это написал, он не бывал в тех местах. Когда ты жив, но находишься на волосок от смерти, то ты думаешь о таких вещах. И они имеют для тебя значение... вот поэтому мы и поклялись.

Босх понимал, что ни черта не объяснил. Он сказал, что сходит принесет еще пива. Она сказала: все прекрасно, ей уже довольно. Когда он вернулся, она улыбнулась ему, но не произнесла ни слова.

– Давайте я расскажу вам одну историю про Медоуза, – сказал он. – Понимаете, как там было: двоих, может, троих из нас, «туннельных крыс», прикомандировывали к какому-нибудь боевому отряду. И когда на пути попадался такой подземный лабиринт, мы оперативно спускались под землю, проверяли ходы, минировали и все прочее.

Он отхлебнул хорошую порцию из вновь принесенной бутылки.

– И вот однажды, это было, наверное, в семидесятом, мы с Медоузом тащились в хвосте одного дозора. Мы были на территории, которая контролировалась Вьетконгом, и – мать честная! – она вся была просто

изрезана этими самыми туннелями. Мы были милях в трех от деревни под названием Нгуен Люк, когда потеряли своего головного дозорного. Его... простите, вам, вероятно, тяжело все это слышать. Я имею в виду... вашего брата... и все такое.

– Я хочу это слышать.

– Ну, так вот этот дозорный получил пулю от снайпера, который прятался в «паучьей щели». Так называли маленькие замаскированные входные отверстия в сеть лабиринтов. Поэтому кто-то уничтожил снайпера, а затем нам с Медоузом пришлось спуститься в эту «щель», чтобы все проверить. Мы спустились, и нам сразу же пришлось разделиться. Это был большой лабиринт. Я двинулся по коридору в одну сторону, а он в другую. Мы условились, что выходим на пятнадцать минут, закладываем взрывные устройства с двадцатиминутной отсрочкой, затем возвращаемся обратно, по дороге закладывая еще... Помню, я обнаружил там, внизу, госпиталь. Четыре пустовавших, набитых травой матраса, шкафчик с медицинскими принадлежностями – все это располагалось в середине туннеля. Помню, я еще подумал: черт подери, что же будет за поворотом – кинотеатр под открытым небом или еще что? Я хочу сказать, что эти люди полностью вкопались в землю... Там даже был маленький алтарь и курился какой-то фимиам.

Все еще курился. Я тогда понял, что они все еще где-то здесь, поблизости, вьетконговцы, и мне стало жутко. Я заложил взрывчатку с часовым механизмом и спрятал ее под алтарь, а затем пустился назад как можно быстрее. По пути я заложил еще два заряда, рассчитав время так, чтобы все они взорвались разом. И вот я добрался до того места, где мы входили, ну, до «паучьей щели» – а Медоуза нет! Я подождал его еще несколько минут, а время подходит. Никому не хочется оставаться там, когда взрывается С-4. Некоторым из этих подземных ходов сотня лет. Больше я ничего не мог поделать, поэтому выбрался наверх. Наверху его тоже не оказалось.

Он сделал паузу, чтобы отпить пива и погрузиться мыслями в картины прошлого. Она пристально смотрела на него, но не подгоняла.

– Через несколько минут мои заряды взорвались, и туннель, по крайней мере та часть, где перед этим находился я, обрушился. Все, кто там оставались, были убиты и погребены. Мы подождали пару часов, пока не улягутся пыль и дым, а потом подключили вентилятор и продули воздухом входной ствол шахты. И тогда стало видно, как из лабиринта повалил дым и стал выходить из всех отдушин и других «паучьих щелей» по всем джунглям. А когда развиднелось, мы еще с одним парнем спустились вниз,

чтобы найти Медоуза. Мы считали его погибшим, но ведь мы давали клятву: как бы ни сложилось – забрать тело и отослать домой. Но мы его не нашли. Провели в поисках остаток дня, но находили только убитых вьетконговцев. Большинство из них были застрелены, у других перерезаны глотки. И у всех были отсечены уши. Когда мы вылезли на поверхность, то нам сказали, что больше мы не можем задерживаться. У нас уже был другой приказ. Мы ушли, и вот так я нарушил клятву.

Босх безучастно смотрел в ночь, видя перед собой только то, о чем рассказывал.

– Два дня спустя в селение Нгуен Люк пришел другой отряд, и кто-то обнаружил вход в туннель из одной тамошней хижины. Они послали своих «крыс» его проверить, и те не пробыли под землей и пяти минут, как нашли Медоуза. Он просто сидел, как Будда, в одном из коридоров. Без оружия. Бормотал что-то бессвязное, какую-то бессмыслицу, но живой и невредимый. И когда они хотели забрать его с собой наверх, он не пожелал. В конце концов им пришлось его связать. Потом они обмотали его веревкой и велели тем, которые наверху, тащить. И там, на свету, они увидели, что на Медоузе ожерелье из человеческих ушей, нанизанных вместе с его личными солдатскими медальонами.

Босх допил пиво и опять ушел с балкона в дом. На этот раз она последовала за ним на кухню, где он взял новую бутылку. Уиш поставила свою, наполовину недопитую, на стойку.

– Вот такая у меня история. Таков был Медоуз. После этого его отправили в Сайгон, в краткий отпуск, – немного отдохнуть и сменить обстановку, но он вернулся обратно. Не смог без туннелей. Правда, после того случая он уже никогда не был прежним. Он рассказывал мне, что просто заблудился. Спутал направление и шел и шел, убивая всех, кто попадался на пути. История гласит, что на шее у него было навешано тридцать три уха. И кто-то раз спросил меня, почему Медоуз позволил одному вьетконговцу сохранить одно ухо. А я ответил, что он позволил каждому сохранить по уху.

Она покачала головой, точно не веря. А он кивнул, подтверждая.

– Я казнюсь, что не нашел его тогда. Я его подвел.

Оба некоторое время стояли молча, глядя в кухонный пол. Босх вылил остатки своего пива в раковину.

– Один вопрос о списке судимостей Медоуза – и больше ни слова о деле, – сказал он. – Его схватили при попытке к бегству из Ломпока. После чего отправили в «Терминал-айленд». Вам что-нибудь известно об этом?

– Да. Это тоже было связано с подкопом. Примерным поведением он

снискал доверие тюремного начальства и поэтому был назначен на работу в прачечную. Газовые сушилки имели подземные вентиляционные воздуховоды, выводящие из здания. Он делал подкоп под одним из них. Работал не более часа в день. Говорили, что он, очевидно, провел за этим занятием не меньше полугода, прежде чем план был раскрыт. Это случилось, когда дождевальные установки, которые там применялись на площадке для отдыха, размягчили грунт и образовалась каверна.

Босх кивнул. Он понял, что это тоже был туннель.

– Два других его подельника, участвовавшие в заговоре – торговец наркотиками и банковский грабитель, – все еще отбывают заключение. Они не связаны с нынешним делом.

Он снова кивнул.

– Пожалуй, я уже пойду, – сказала она. – Завтра у нас много работы.

– Да. У меня еще много других вопросов.

– Я постараюсь ответить на них, если смогу.

Двинувшись к выходу, Элинор прошла мимо него почти вплотную, в маленьком пространстве между холодильником и кухонной стойкой, и вышла в прихожую. Она прошла так близко, что он почувствовал запах ее волос. Запах яблок, подумалось Босху. Он заметил, что она смотрит на эстамп, висящий на стене прихожей, напротив зеркала. Картина состояла из трех отдельных прямоугольных фрагментов и представляла собой репродукцию триптиха пятнадцатого века под названием «Сад наслаждений».

– Иероним Босх, – проговорила она, всматриваясь в напоминающий кошмарные видения пейзаж картины. – Когда я увидела, что именно таково ваше полное имя, я спросила себя...

– Никакой связи, – сказал он. – Моя мать... просто ей нравились его картины. Думаю, из-за фамилии. Однажды она прислала мне эту репродукцию. Приписала в записке, что она напоминает ей Лос-Анджелес. Все эти сумасшедшие люди... Мои приемные родители... им эта картина не нравилась, но я хранил ее много лет. Висит здесь с тех пор, как я купил этот дом.

– Но вам больше нравится, когда вас зовут Гарри?

– Да, мне нравится Гарри.

– Спокойной ночи, Гарри. Спасибо за пиво.

– Спокойной ночи, Элинор... Спасибо за компанию.

Часть IV

Среда, 23 мая

К десяти часам утра они уже были на шоссе Вентура, которое, пересекая долину Сан-Фернандо, выводит из города. Сегодня за рулем был Босх. Они ехали в сторону, противоположную основному потоку движения, держа путь на северо-запад, к округу Вентура, и оставляя позади пелену смога, который заполнял Долину, словно налитые в лохань грязные сливки.

Их путь лежал в колонию «Чарли компани». Год назад ФБР произвело лишь поверхностную проверку обстоятельств пребывания Медоуза в этом реабилитационно-исправительном учреждении в рамках программы социальной поддержки ветеранов. Уиш сказала, что, по ее мнению, необходимость в такой проверке была минимальной, поскольку Медоуз вышел оттуда почти за год до ограбления банковского хранилища. Она сказала, что ФБР тогда затребовало копию досье Медоуза, но не проверила имен других осужденных, которые находились там с ним одновременно. Босх считал, что это было ошибкой. Он сказал, что, судя по перечню мест работы Медоуза, ограбление банка стало результатом давно вынашиваемого плана. И этот план мог родиться и созреть именно в «Чарли компани».

Прежде чем тронуться в путь, Босх позвонил Дэрилу Слейтеру, полицейскому, под чьим надзором находился Медоуз после условно-досрочного освобождения, и получил краткую сводку о «Чарли компани». Слейтер сказал, что эта колония представляет собой сельское овощеводческое хозяйство, принадлежащее одному армейскому полковнику, который по выходе в отставку нашел свое второе призвание. Полковник заключил соглашение с тюрьмами штата и федеральными тюрьмами о том, что будет принимать к себе досрочно освобождаемых заключенных, поставив единственным условием, чтобы те были ветеранами войны во Вьетнаме. Удовлетворить это требование было не слишком трудно, добавил от себя Слейтер. Как и в любом другом штате, в тюрьмах Калифорнии отбывало срок множество бывших военных. Причем, по словам Слейтера, полковника Гордона Скейлза не интересовало, какие именно преступления совершили эти ветераны. Он просто хотел вернуть их на путь истинный. Исправительное учреждение имело штат служащих из трех человек, включая самого Скейлза, и там одновременно могло

содержаться не более двадцати четырех человек. Средний срок пребывания составлял девять месяцев. Они работали на овощных плантациях с шести до трех, делая только один перерыв – в полдень, на обед. После окончания рабочего дня проходило общее часовое собрание, иначе называемое «душеспасительная беседа», затем следовали ужин и просмотр телевизора. Перед отбоем был еще один час религиозной беседы. Слейтер сказал, что Скейлз использовал свои связи в обществе для того, чтобы пристраивать ветеранов на те или иные места работы, когда те были готовы к вступлению в большой мир. За шесть лет доля рецидивистов среди людей, отбывших срок в «Чарли компани», составила только 11 процентов. Показатель столь завидный, что Скейлз был отмечен похвальным отзывом в речи президента в ходе предвыборного турне по штату.

– Этот человек герой, – заключил Слейтер. – И дело не в его военных заслугах, а в послевоенной деятельности. Когда управляешь учреждением вроде этого, через которое проходит в год человек тридцать – сорок преступников и только один из десяти потом снова находит неприятности на свою задницу, тут уже можно говорить о крупном успехе. К мнению Скейлза прислушиваются местные и федеральные комиссии по условно-досрочному освобождению и половина местных тюремщиков.

– Означает ли это, что он сам отбирает тех, кто отправится к нему в «Чарли компани»? – спросил Босх.

– Может, сам и не отбирает, но окончательное одобрение дает, это да, – ответил офицер. – Но молва об этом человеке уже разнеслась. Его имя известно в любом тюремном блоке, где только мотает срок какой-нибудь ветеран. Эти парни хотят к нему. Они шлют ему письма, шлют Библию, звонят, просят адвокатов с ним связаться – все для того, чтобы побудить Скейлза стать их попечителем.

– И Медоуз тоже попал туда таким же образом?

– Насколько я знаю. Он уже собирался туда, когда был прикомандирован ко мне. Вам надо будет позвонить в «Терминал-айленд» и попросить свериться с хранящимися у них досье. Или можете поговорить со Скейлзом.

По дороге Босх передал Элиноর этот разговор. В основном же весь долгий путь они ехали молча. Изрядную часть времени Босх размышлял о вчерашнем вечере. О ее визите. Зачем ей понадобилось приходить? Когда въехали в округ Вентура, он вернулся мыслями к расследованию и задал ей несколько вопросов, возникших у него накануне, когда он изучал материалы досье.

– Почему они не полезли в главное хранилище? Ведь в Уэстлендском

банке было два подземных хранилища. Депозитарий, где хранились ценности в сейфовых ячейках, и главный подвал – для наличности. В отчетах с места преступления говорилось, что конструкция обоих хранилищ одна и та же. Хранилище с ячейками больше, но стальная броня на полу и там и там одинакова. Поэтому на первый взгляд Медоуз с сообщниками как будто бы могли с тем же успехом прорыть лаз в главное хранилище, все забрать оттуда и быстро выйти. Не было никакой надобности проводить внутри целый уик-энд и взламывать сейфы с драгоценностями.

– Может быть, они не знали, что оба подвала устроены одинаково? Может, решили, что главное хранилище будет труднее вскрыть?

– Но ведь, по нашей версии, они имели некоторое представление об устройстве депозитария, прежде чем пошли его грабить. Почему у них не было таких же знаний о другом хранилище?

– Они не имели возможности произвести разведку основного хранилища. Оно ведь не открыто для широкого доступа. Зато, по нашим предположениям, один из них арендовал ячейку в депозитарии и приходил туда, чтобы все осмотреть. Под липовым именем, конечно. Но при этом они имели возможность предварительно побывать только в одном хранилище, а не в другом. Понимаете? Очевидно, поэтому.

Босх кивнул и сказал:

– А сколько было ценностей в основном хранилище?

– Вот так, навскидку, не могу сказать. Эти сведения должны содержаться в отчетах, которые я вам дала. Если там нет, тогда в других папках, у нас в Бюро.

– Но, так или иначе, там было больше, верно? В главном хранилище содержалось наличных на сумму большую, чем... постойте... два или три миллиона в материальных ценностях, которые они украли из сейфов.

– Вероятно.

– Понимаете, к чему я клоню? Если бы они проникли в основное хранилище, то там были бы деньги, уже разложенные в пачки и мешки. Прямо готовенькое – подходи и бери. Это было бы куда проще. Можно было бы получить больше денег при меньших затратах.

– Но, Гарри, мы так рассуждаем уже задним числом. Кто знает, насколько они были осведомлены, когда шли на дело? Может, они считали, что в сейфовых ячейках больше ценностей. Они сыграли в рулетку и проиграли.

– А может, напротив, выиграли.

Она непонимающе взглянула на него.

– Что, если в этих ящичках было такое, о чем мы даже не знаем? Такое, о пропаже чего владелец не заявил? Что делало депозитарий более лакомым куском? Более ценным для грабителей, чем основное хранилище?

– Если вы думаете о наркотиках, то ответ будет «нет». Мы об этом думали. Мы попросили АKN – администрацию по контролю за применением законов о наркотиках, – чтобы они прислали специально обученную собаку, и та прошла вокруг выломанных сейфов. Безрезультатно. Никаких следов наркотиков. Потом собака обнюхала те сейфы, которые воры не тронули, и на один из них среагировала. На один из маленьких. – Она усмехнулась. – И тогда мы просверлили тот сейф, возле которого собака взбесилась, и обнаружили там пять граммов кокаина в пакетике. Тот бедолага, что хранил эту заначку, загремел только оттого, что кому-то пришлось в голову прорыть лаз в то же самое хранилище.

Уиш снова засмеялась, но Босху этот смех показался несколько наигранным. Уж не настолько забавна была эта история.

– Так или иначе, – продолжила она, – дело против этого парня федеральный прокурор завернул, потому что процедура изъятия была проведена с нарушениями. Мы попрали права этого человека, когда вскрыли его сейф без ордера.

Босх съехал с магистрали в город Вентура, а затем взял направление на север.

– Мне все равно нравится версия с наркотиками, несмотря на собаку, – сказал он после четвертьчасового молчания. – Эти собаки тоже, бывает, ошибаются. Если зелье было упаковано должным образом и воры его забрали, то могло не остаться никаких следов. Парочка таких депозитных ячеек с кокаином внутри – и операция оправдывает все расходы.

– Ваш следующий вопрос будет о списке клиентов, верно? – спросила она.

– Верно.

– Что ж, мы много работали над этим. Мы проверили каждого клиента вплоть до того, что досконально проследили историю приобретения тех вещей, которые, по их словам, находились в ячейках. Мы не нашли грабителей, но, вероятно, сэкономили страховым компаниям пару миллионов, которые те не стали выплачивать за вещи, объявленные украденными, а на деле вообще не существовавшие.

Босх затормозил у автозаправочной станции, чтобы вытащить из-под сиденья комплект автодорожных карт и прикинуть маршрут до «Чарли компани». Уиш тем временем продолжала выступать в защиту проведенного ФБР расследования:

– АKN проверила каждое имя в списке арендаторов сейфов, но потерпела неудачу. Мы прогнали эти имена через компьютерную базу данных Национальной криминалистической разведслужбы. У нас было несколько попаданий, но в целом ничего серьезного, в основном все давние дела. – Она издала еще один такой же короткий неискренний смешок. – Держатель одной из самых крупных ячеек был осужден в 70-е годы за детскую порнографию. Отсидел два года в «Соледаде». Однако когда после ограбления его допросили, он отрапортовал, что у него ничего не пропало, – дескать, недавно как раз забрал все из своего сейфа. Но говорят, эти педофилы никогда не могут полностью расстаться со своим добром, со своими фотографиями и фильмами, даже с письмами, написанными о детях. А в банке нет записей о его визите в хранилище на протяжении двух месяцев перед ограблением. Поэтому мы заключили, что в сейфе как раз хранилась его коллекция. Однако это не имело никакого отношения к нашему делу. Вообще ничто из того, что мы перепахали, не имело к нему отношения.

Босх наконец отыскал дорогу на карте и отъехал от автозаправки. «Чарли компани» располагалась в лесистой местности. Босх размышлял над рассказанной Элиной историей о педофиле. Что-то в этой истории ему не нравилось. Он еще раз прокрутил рассказ в голове, но так и не смог сообразить, что именно. Мысленно отогнал его и перешел к другому вопросу.

– Почему ничто из украденного так и не было обнаружено? Все эти ювелирные украшения, бонды, акции и прочее так и не всплыло на свет божий – кроме одного-единственного браслета. Ни одна, даже самая захудалая, вещь из тех, что были похищены.

– Они будут из всех сил придерживать их, пока не сочтут, что путь свободен, – сказала Уиш. – Вот почему Медоуза прикончили. Видимо, он нарушил уговор, заложив браслет раньше времени, прежде, чем все участники сочли, что опасность миновала. Его сообщники узнали об этом и стали пытаться его, пока он не сознался, куда именно его заложил. После чего они его убили.

– И по чистому совпадению этот звонок пришелся на мое дежурство.

– Так бывает.

– Что-то в этой истории не сходится, – сказал Босх. – Начнем с того момента, как Медоуза отслеживают. Его пытаются, он раскалывается, они вкатывают ему лошадиную дозу, затем идут и забирают браслет из ломбарда, так?

– Так.

– Но посмотрите, концы не сходятся. Я нахожу ломбардную квитанцию. Она была спрятана. Выходит, он не отдал ее соучастникам. Тогда они вламываются в ломбард и крадут браслет, а чтобы замаскировать истинную цель, уносят попутно уйму всякой всячины. Но если он не отдал им квитанцию, откуда они знают, где находится браслет?

– Возможно, он им сказал, – предположила Уиш.

– Не думаю. Какой ему был смысл выдать одно и не выдать другое? Он ничего не выиграл от того, что скрыл квитанцию. Если они выудили из него название ломбарда, зачем тогда искали квитанцию?

– То есть вы хотите сказать, что он умер прежде, чем успел расколоться. Но тем не менее они все равно знали, где браслет.

– Вот именно! Они старались заставить его сказать, где квитанция, но он не говорил, и тогда его убили. Затем они, прежде чем избавиться от тела, обшарили квартиру. Но квитанции так и не нашли. Поэтому они вламываются в ломбард, как третьесортные воришки. Вопрос: если Медоуз не рассказал им, куда отнес браслет, а они не нашли квитанции, то как они узнали, что браслет именно там?

– Гарри, все это чисто умозрительные предположения.

– Именно этим и занимаются копы.

– Ну, я не знаю. Мало ли как могло быть дело. Они могли установить слежку за Медоузом, потому что не доверяли ему, и, возможно, увидели, как он входит в ломбард. Да масса всего могло быть.

– Да, например, могло быть так, что у них был где-то свой человек – скажем, коп, – который увидел браслет в ежемесячной распечатке по ломбардам и стукнул им. Ведь эти распечатки поступают в полицейский участок каждого округа.

– Думаю, такое заключение слишком поспешно.

Они доехали до места. Босх притормозил на посыпанной гравием площадке под деревянной вывеской с намалеванным на ней зеленым орлом и надписью «Чарли компани». Ворота были открыты, и дальше они поехали по гравийной подъездной дорожке, обрамленной вырытыми в земле дождевыми канавками. Дорога пересекала сельскохозяйственные угодья: по правую руку простерлась плантация томатов, а по левую, судя по запаху, рос перец. Впереди по курсу виднелся большой, обитый алюминием сарай и широко раскинувшийся приземистый дом в стиле ранчо. За ними Босх заметил авокадовую рощу. Они въехали на округлую парковочную площадку перед домом, и Босх заглушил мотор.

В дверях появился человек в белом фартуке – таком же безупречно аккуратном, как и его гладко выбритая голова.

– Мистер Скейлз дома? – спросил Босх.

– Вы имеете в виду полковника Скейлза? Нет, его нет. Хотя приближается время ужина. Значит, скоро он вернется с полей.

Человек не предложил им войти внутрь, чтобы спрятаться от палящего солнца, поэтому Босх и Уиш вернулись в машину. Спустя несколько минут белый от пыли пикап въехал во двор. На двери водительского сиденья была нарисована краской большая буква «С», а внутри ее – орел. Из кабины вышли трое мужчин, еще шестеро высыпались из кузова. Все они быстро зашагали к дому. Возраст прибывших был примерно от сорока до пятидесяти. На них были военного типа зеленые штаны и белые футболки, насквозь промокшие от пота. Ни на одном не было головной повязки или солнцезащитных очков, никто не закатал рукавов. Длина волос у всех не превышала четверти дюйма. Белые мужчины загорели до цвета мореного дерева. Водитель, одетый в такую же форму, как и другие, но возрастом лет на десять постарше, медленно подрулил к стоянке, а остальные тем временем вошли в дом. Когда водитель приблизился, Босх дал ему на вид лет шестьдесят с небольшим, но при этом мысленно охарактеризовал как человека, который так же крепок, как и сорок лет назад. Его волосы – во всяком случае, то, что от них осталось на сияющем, гладком черепе, – были белыми от седины, а кожа на лице напоминала грецкий орех. На руках были рабочие перчатки.

– Чем могу быть полезен? – спросил он.

– Полковник Скейлз? – спросил Босх.

– Совершенно верно. Вы из полиции?

Босх кивнул и представил себя и свою спутницу. На Скейлза, казалось, их регалии не произвели особого впечатления, несмотря даже на упоминание ФБР.

– Если помните, месяцев семь-восемь назад ФБР запрашивало у вас данные на Уильяма Медоуза, который провел здесь некоторое время? – обратилась к нему Уиш.

– Конечно, помню. Я всегда помню, когда ваши люди звонят мне или приезжают по поводу кого-нибудь из моих ребят. Меня это задевает, поэтому я об этом помню. Вам требуются еще какие-то сведения о Билли? У него что, неприятности?

– Уже нет, – ответил Босх.

– Что должны означать ваши слова? – спросил Скейлз. – Звучит так, будто вы хотите сказать, что он умер.

– А вы об этом не знали? – спросил Босх.

– Конечно, нет. Расскажите, что с ним произошло.

Босху показалось, что он уловил искреннее удивление и промелькнувший затем оттенок печали на лице Скейлза. Эта новость причинила ему боль.

– Его нашли мертвым три дня назад в Лос-Анджелесе. Убийство. Мы полагаем, что смерть связана с его участием в преступлении, имевшем место в прошлом году, о котором вы, очевидно, слышали в ходе своего предыдущего общения с ФБР.

– С тем подкопом? С ограблением банка в Лос-Анджелесе? Мне известно только то, что рассказали мне сотрудники ФБР, больше ничего.

– Хорошо, – сказала Уиш. – Сейчас нам требуются от вас более подробные сведения о тех, кто отбывал здесь срок одновременно с Медоузом. Мы уже работали в этом направлении, но теперь перепроверяем более тщательно, ищем любую дополнительную информацию, которая могла бы помочь следствию. Вы готовы с нами сотрудничать? Оказать нам содействие?

– Я всегда оказываю вашим людям содействие. Мне это не по душе, потому что большей частью мне кажется, что вы чего-то недоговариваете. Что есть какой-то подтекст. Большинство моих ребят, когда выходят отсюда, потом не втягиваются ни в какие передраги. У нашего учреждения хороший послужной список. Если Медоуз действительно совершил то, в чем вы его подозреваете, то это здесь редкость.

– Мы вас понимаем, – сказала она. – Все останется строго между нами.

– Тогда хорошо, пойдете ко мне в кабинет, и там вы сможете задать свои вопросы.

Когда они вошли в дом, то в комнате, которая, видимо, служила на ранчо столовой, Босх увидел два длинных стола. За столами расположились примерно десятка два мужчин, которые сидели, склонившись над стоящими перед ними тарелками. На тарелках было что-то вроде жареных куриных стейков с горкой овощей. Ни один из мужчин не взглянул на Элинор Уиш. Это было оттого, что, наклонив головы, прикрыв глаза и молитвенно сложив руки, они молча возносили благодарение Господу перед трапезой. Почти у каждого на руке повыше кисти Уиш заметила татуировку. Как только они закончили молитву, раздался дружный звон вилок. Тогда несколько человек, на пару секунд оторвавшись от пищи, все-таки проводили Уиш одобрительными взглядами. Человек в белом фартуке, тот, что ранее отворил на стук, теперь стоял в дверях кухни.

– Вы сегодня обедаете вместе с остальными, сэр? – обратился он к полковнику.

Скейлз кивнул.

– Я освобожусь через несколько минут.

Они прошли по коридору и свернули в первую дверь, за которой оказался офис. Прежде здесь, похоже, располагалась спальня. Большую часть пространства занимал письменный стол с огромной, размером с дверь, столешницей. Скейлз указал на стоявшие по одну его сторону два стула, Босх и Уиш сели, а он занял роскошное, обитое материей кресло по другую сторону.

– Имейте в виду: я прекрасно знаю, что именно закон требует от меня вам сообщать и о чем позволяет даже не заикаться. Но я склонен сделать больше того, что требуется, если это поможет и мы придем к взаимопониманию. Медоуз... Я в какой-то степени подозревал, что он закончит примерно так, как вы и сказали. Я молился, чтобы Господь наставил его на путь истинный, но все равно опасался. Я помогу вам. Никто в цивилизованном мире не имеет права отнимать жизнь у другого. Никто и никогда.

– Полковник, – начал Босх, – мы ценим ваше желание нам помочь. Прежде всего мне хотелось бы, чтобы вы знали: нам известно, какую важную работу вы здесь выполняете. Мы знаем, что вы пользуетесь уважением и поддержкой как властей штата, так и федеральных. Но наше расследование смерти Медоуза приводит нас к выводу, что он замыслил и осуществил преступный план вместе с другими людьми – с людьми, которые имели такие же умения и навыки, что и он, и...

– Вы хотите сказать, с ветеранами войны? – перебил его Скейлз. Он набивал трубку табаком из стоящей на столе жестяной коробки.

– Возможно. Мы еще не установили их личности, поэтому не можем утверждать наверняка. Но если дело обстоит так, то не исключена вероятность, что участники заговора могли познакомиться именно здесь. Я подчеркиваю слово «могли». Таким образом, нам бы хотелось получить от вас две вещи. Первое: разрешение взглянуть на любые архивные материалы, касающиеся Медоуза, которые у вас хранятся. И второе: список тех людей, которые отбывали здесь срок одновременно с ним.

Скейлз набивал трубку и внешне был совершенно невозмутим, словно ничего не слышал. Потом произнес:

– Что касается его послужного списка – нет проблем: он уже умер. Насчет остального, думаю, мне надо посоветоваться со своим адвокатом, удостовериться, что я имею право это делать. Мы осуществляем здесь хорошую реабилитационную программу. Продажа овощей и деньги, поступающие от штата и от федерального правительства, ее не покрывают. Я провожу публичные выступления и езжу в агитационные турне. Мы

зависим от пожертвований местных властей общины, гражданских организаций и так далее. Негативная реклама осушит этот финансовый поток быстрее ветра с Санта-Аны. Если я вам помогу, я поставлю под угрозу благополучие своего дела. Другой риск состоит в подрыве веры тех людей, которые поступают сюда, стремясь начать все заново. Смотрите, большинство из тех, кто был здесь одновременно с Медоузом, начали новую жизнь. Они больше не преступники. Если открывать их имена всем копам, которые станут сюда наезжать, то это будет не слишком хорошо для моей программы, вы как считаете?

– Полковник Скейлз, у нас нет времени на то, чтобы обсуждать это с адвокатами, – сказал Босх. – Мы расследуем дело об убийстве, сэр. Нам нужна эта информация. Вы прекрасно знаете, что мы можем получить ее, обратившись в департаменты исправительных учреждений – и штата, и федеральный. Но это потребует еще больше времени, чем ваш адвокат. Мы также можем добыть эти сведения, вызвав вас повесткой для дачи свидетельских показаний. Но мы подумали, что взаимное сотрудничество будет наилучшим вариантом. Нам гораздо легче действовать деликатно при вашем добровольном содействии.

Скейлз не шевельнулся и по-прежнему как будто не слушал. Колечко голубого дыма, точно привидение, извиваясь, выплыло из его трубки.

– Понимаю, – проговорил он наконец. – Тогда мне остается только принести эти досье, не так ли? – После чего поднялся и, подойдя к выстроившимся у стены позади стола бежевым картотечным шкафчикам, после кратких поисков вытащил тонкую картонную папку и положил ее на стол перед Босхом. – Вот личное дело Медоуза, – сказал он. – Теперь давайте посмотрим, что еще мы можем здесь найти.

Он подошел к первому картотечному ящику. На его лицевой стороне, на гнезде для платы, не было маркировки. Полковник пробежался по файлам, не вытаскивая ни одного из них. Затем вытащил один и вместе с ним вернулся в кресло.

– Можете просмотреть вот эту папку, а я сделаю копию всего, что вам из нее потребуется, – сказал Скейлз. – Здесь главная информационная блок-схема движения людей, прошедших через мое учреждение. Я могу составить вам список всех тех, с кем встречался Медоуз во время своего пребывания здесь. Как я понимаю, вам понадобятся даты рождения и личные идентификационные номера?

– Это будет полезно, спасибо, – сказала Уиш.

Потребовалось не больше пятнадцати минут, чтобы просмотреть личное дело Медоуза. Тот списался со Скейлзом за год до своего

освобождения из «Терминал-айленда». Он сделал это при поддержке тюремного священника и тамошнего государственного юрисконсульта, с которым познакомился, потому что был назначен для технического обслуживания тюремного офиса по приему и размещению. В одном из писем Медоуз описывал туннели, в которых воевал во Вьетнаме, и то, как его притягивала их тьма.

«Большинство парней боялись туда спускаться,

– писал он. –

А меня в них тянуло. Тогда я не знал почему, но теперь думаю, что мне хотелось испытать пределы своих возможностей. Но чувство удовлетворения от достижения цели, которое я получал, было ложным. Я стал таким же пустым и глухим внутри, как та земля, на которой мы сражались. Теперь мою душу наполняет другое чувство удовлетворения, которое я обрел в Иисусе Христе, и знание, что Он со мной. Получив этот шанс и ведомый Им, я смогу на сей раз сделать правильный выбор и навсегда оставить позади эти решетки. Я хочу уйти от земли пустой и глухой к земле блаженной».

– Банально, но довольно искренне, – заметила Уиш.

Скейлз поднял взгляд от письменного стола, где выписывал сейчас на лист желтой бумаги имена, даты рождения и личные идентификационные номера, и посмотрел на нее.

– Он и был искренен, – произнес он тоном бесконечной убежденности, отменяя всякое иное мнение на этот счет. – Когда Билли Медоуз вышел отсюда на свободу, я мог поклясться: он навсегда оборвал свои прежние связи с наркотиками и преступлениями. Сейчас стало очевидным, что он снова поддался этому искушению. Но я сомневаюсь, что вы найдете здесь то, что ищете. Я дам вам эти имена, но они вам не помогут.

– Там видно будет, – сказал Босх.

Скейлз снова углубился в писанину, и Босх некоторое время наблюдал за ним. Полковник был слишком поглощен своей верой и преданностью делу, чтобы замечать, что кто-то может его просто использовать. Босх верил, что Скейлз хороший человек, но такой, который, пожалуй, слишком поспешно приписывает свои верования и чаяния другим людям, даже таким, как Медоуз.

– Полковник, что вы получаете от всего этого? – спросил Босх.

На сей раз тот совсем отложил ручку, перекатил между сжатыми зубами трубку и переплел пальцы лежащих на столе рук.

– Важно не то, что получаю я. Важно, что получает Бог. – Он снова взял со стола ручку и глубоко вздохнул. – Знаете, эти ребята, вернувшиеся с войны, были покалечены во многих отношениях. Я знаю, это старая история, и все ее слышали, все смотрели кино. Но им-то приходится жить с этим. Тысячи из них после того, как вернулись, буквально строем промаршировали напрямик в тюрьмы. Однажды, когда я читал об этом, то спросил себя: что было бы, если бы не война и эти парни никуда бы не уезжали? Они просто остались бы жить в своей Омахе, или Лос-Анджелесе, или Джексонвиле, или Новой Иберии, или еще где. Кончилось бы тогда для них дело тюрьмой? Стали бы они бездомными, эмоционально неустойчивыми, психически расстроенными? Пристрастились ли бы к наркотикам? Насчет многих из них – сомневаюсь. Именно война сотворила с ними все это, она сбила их с пути. – Полковник сделал длинную затяжку из уже погасшей трубки. – Поэтому единственное, что я делаю – и здесь мне помогают земля и несколько молитвенников, – это пытаюсь вернуть им то, что украла вьетнамская война. И у меня это совсем неплохо получается. Так вот, я даю вам список и позволяю взглянуть на это личное дело. Но не навредите тому, чего мы здесь добились. Я понимаю ваши подозрения насчет нашего реабилитационного учреждения. Это нормальная реакция для людей в вашем положении. Но будьте бережны с тем хорошим, что здесь есть. Детектив Босх, кажется, у вас подходящий возраст, вы там были?

Босх кивнул, и Скейлз сказал:

– Тогда вы понимаете. – Он снова вернулся к составлению своего списка. Не поднимая головы, добавил: – Вы останетесь с нами на обед? Свежайшие в округе овощи на нашем столе.

Они отклонили предложение и попрощались после того, как Скейлз вручил Босху составленный им список с двадцатью четырью именами. Уже собираясь выходить, Босх, поколебавшись, спросил:

– Полковник, вы не против, если я задам вопрос? Какие еще транспортные средства есть у вас на ферме? Я видел пикап.

– Я не против, потому что нам нечего скрывать. У нас есть еще два пикапа вроде этого, два «джона диера» и обычная машина с полным приводом.

– Обычная с полным приводом – какая именно?

– Джип.

– А цвет?

– Белый. А что?

– Просто надеюсь что-нибудь раскопать. И я подозреваю, что у этого джипа на боку клеймо «Чарли компани», так же как и у пикапа?

– Верно. Все наши транспортные средства маркированы. Когда мы приезжаем в Вентуру, то не стыдимся своих успехов. Мы хотим, чтобы люди знали, откуда поступают овощи.

Босх не стал смотреть в бумагу до тех пор, пока не оказался в машине. Он никого не узнал в списке, но заметил, что Скейлз поставил буквы «ПС» после восьми из двадцати четырех имен.

– Что это означает? – спросила Уиш, тоже заглядывая в список.

– «Пурпурное сердце»^[36], – пояснил Босх. – Видимо, еще один способ сказать: будьте аккуратны.

– А что насчет джипа? – спросила она. – Он сказал, что он белый. У него сбоку клеймо.

– Вы же видели, каким грязным был пикап. Грязный белый джип вполне мог выглядеть бежевым. Если это тот самый.

– Мне он просто никак не представляется тем самым. Скейлз, он кажется таким правильным и искренним.

– Возможно, таков он и есть. Возможно, замешаны люди, которым он одолжил свой джип. Я не хотел давить на него в этом вопросе, пока мы не будем знать больше.

Он завел машину, и они покатали по посыпанной гравием подъездной дороге к воротам. Босх опустил стекло. Небо было цвета линялых джинсов, а воздух – чистым и прозрачным. Пахло свежим зеленым перцем. «Но это ненадолго, – подумал Босх. – Возвращаемся обратно в мерзость».

* * *

На обратном пути Босх съехал с шоссе Вентура и, взяв южнее, через каньон Малибу поехал к океану. Так будет длиннее, но свежий воздух тоже вызывает своего рода зависимость, и не хотелось с ним расставаться. Хотелось подышать им как можно дольше.

– Мне нужно увидеть список жертв, – сказал он после того, как они втянулись в извилистый каньон и взору открылась подернутая туманной дымкой поверхность океана. – Тот педофил, которого вы упомянули... Что-то в этой истории не дает мне покоя. Зачем им было красть у этого парня порнографические снимки?

– Гарри, послушайте, вы же не собираетесь предположить, что их цель состояла в этом? Что люди неделями рыли подкоп, взорвали пол в подвале под банком – и все для того, чтобы украсть фотоколлекцию детской порнографии?

– Конечно, нет. Но именно поэтому возникает такой вопрос. Зачем им было брать эту ерундовину?

– Ну, может, им так захотелось. Может, один из них был педофилом и ему она понравилась. Кто знает?

– Или, может, это являлось частью прикрытия. Обчистить каждый взломанный сейф, чтобы скрыть важный факт: то, за чем они охотились в действительности, находилось только в одном. Понимаете, взломать десятки сейфовых ячеек, чтобы смазать, затушевать истинную картину преступления. А при этом целью все время являлась одна-единственная ячейка. Тот же принцип, что и при краже в ломбарде: забрать кучу украшений для того, чтобы замаскировать кражу одного браслета. Однако в случае с банковским хранилищем охотились за чем-то таким, о пропаже чего впоследствии владелец так и не заявил. За чем-то особенным, о чем владелец не мог сказать, потому что это загнало бы его самого в некую ловушку. Как в случае с педофилом. Когда его барахло украли, о чем он мог заявить? Вот и грабители охотились за чем-то подобным, только куда более ценным. За чем-то таким, что делало для них взлом сейфового депозитария более привлекательным, чем ограбление основного хранилища. За чем-то таким, что вызвало необходимость убить Медоуза, когда тот, заложив браслет, поставил на карту безопасность всего предприятия.

Элинор безмолвно слушала. Босх повернул к ней голову, но за стеклами солнечных очков невозможно было прочесть выражение ее лица.

– Звучит так, будто вы опять толкуете о наркотиках, – проговорила она через некоторое время. – А ведь собака не обнаружила никаких наркотиков. И АКН не обнаружила никакой связи между наркотиками и людьми из списка клиентов банка.

– Может, наркотики, может, нет. Вот почему нам следует еще раз повнимательнее пройти по клиентам депозитария. Я хочу сам взглянуть на этот список. Хочу посмотреть, не наведут ли меня эти имена на какую-то мысль. Причем начать с тех самых, которые уверяют, что у них ничего не пропало.

– Я добуду вам этот список. Все равно больше нам не за что ухватиться.

– Ну, нам надо еще пройти по тому списку, который дал нам Скейлз, – заметил Босх. – Я вот думал о том, чтобы выудить оттуда каких-

нибудь уголовников и показать Шарки.

– Пожалуй, стоит попробовать, вреда не будет. Больше для проформы.

– Не знаю. Мне кажется, мальчишка чего-то недоговаривает. Думаю, в ту ночь он мог разглядеть лицо.

– Я оставила Рурку памятку насчет гипноза. Он, должно быть, еще напустится на нас сегодня или завтра.

Они поехали вокруг бухты по шоссе Пасифик-коуст. Смог ветром отнесло в глубь материка, и воздух был достаточно прозрачен, чтобы можно было видеть за белыми барашками волн остров Каталину. Они остановились перекусить возле ресторана «У Алисы», и, поскольку было уже довольно поздно для ленча, здесь нашелся стол у окна. Уиш заказала чай со льдом, а Босх – пиво.

– В детстве я часто приходил к этому пирсу, – поведал ей Босх. – Нас привозили сюда целым автобусом. В те времена здесь был рыболовный магазин на конце причала. Я удил сериолу^[37].

– Дети из ведомства ДДН?

– Да. То есть... нет. Тогда это называлось ДСС. Департамент социальных служб. Несколько лет назад они наконец поняли, что для детей требуется отдельная служба, поэтому создали департамент по делам несовершеннолетних.

Она бросила взгляд в окно ресторана, на пирс. Улыбнулась – видимо, каким-то своим мыслям, и он спросил, о чем она вспоминает.

– Обо всем. Мой отец был военным. Я никогда не жила на одном месте больше двух лет. Так что мои воспоминания не связаны с какими-то определенными местами. Они связаны с людьми.

– Вы были дружны с вашим братом? – спросил Босх.

– Да, учитывая, что отца подолгу не бывало дома. А брат всегда был рядом. Пока не завербовался в армию и не ушел навсегда.

На столе перед ними появились салаты, они потихоньку ели и потихоньку болтали о том, о сем, а затем, в промежутке между салатом и основным блюдом, Уиш рассказала историю своего брата.

– Каждую неделю он писал мне оттуда и каждую неделю сообщал, что боится и хочет домой, – сказала она. – Он говорил мне то, чего не мог сказать отцу или матери. Майкл вообще был такой. Ему не следовало уезжать на войну. Он пошел из-за отца. Не мог его подвести. Ему не доставало храбрости, чтобы сказать отцу «нет», но хватило, чтобы отправиться туда. Это просто абсурд. Вы когда-нибудь слышали о такой глупости?

Босх не ответил, потому что знал подобные истории, включая свою

собственную. И похоже, на этом ее рассказ завершился. Либо она не знала, что произошло с ее братом там, во Вьетнаме, либо не хотела вдаваться в подробности.

Помолчав, она спросила:

– А почему вы пошли?

Он ждал этого вопроса, но за всю свою жизнь так и не сумел правдиво на него ответить даже самому себе.

– Не знаю. Не было выбора, вероятно. Так случилось. Институциональный образ жизни, как вы недавно сказали. Я не собирался в колледж. Никогда всерьез не думал о Канаде. Думаю, было бы тяжелее уехать туда, чем призваться и поехать во Вьетнам. Затем, в 68-м, я как бы выиграл в призывную лотерею. Обстоятельства так складывались, что я понял: все равно придется туда отправиться. Так что я решил, что перехитрю их и завербуюсь сам, пусть это будет мой собственный выбор.

– И?..

Босх засмеялся – таким же фальшивым смешком, который раньше слышал от нее.

– Я вступил в армию, прошел базовую подготовку и всю прочую муру, и, когда пришло время выбирать, выбрал пехоту. До сих пор так и не пойму почему. Тебя забирают в таком возрасте, понимаете? Ты чувствуешь себя неодолимым. Когда уже оказался там, на месте, то вызвался добровольцем в туннельный отряд. Вроде как в том письме, которое Медоуз написал Скейлзу. Хочется испытать себя, понять, на что ты способен. Ты делаешь такие вещи, которых потом не можешь себе объяснить. Вы понимаете, о чем я?

– Думаю, да, – ответила она. – А что вы скажете насчет Медоуза? У него была возможность уехать, но он ничего подобного не сделал, вплоть до самого конца. Почему человек хочет остаться, коль скоро никто от него этого не требует.

– Таких, как он, было много, – сказал Босх. – Я так думаю, это не было ни обычным, ни необычным. Некоторым просто не хотелось уезжать оттуда. Медоуз был одним из них. Это решение могло быть также связано с бизнесом.

– Вы имеете в виду наркотики?

– Ну, я ведь знаю, он употреблял героин, пока был там. Мы с вами также знаем, что уже потом, когда вернулся, он и сам употреблял, и приторговывал. Так что, вполне возможно, там он оказался втянут в наркотрафик и не хотел оставлять доходное место. Масса признаков указывает на это. Он получил назначение в Сайгон после того, как его

перевели из туннелей. В этом отношении Сайгон был бы для него самым подходящим местом, особенно с посольским допуском, который он имел как человек, состоящий на службе в военной полиции. Сайгон был городом греха. Шлюхи, гашиш, героин – там по части всего этого был свободный рынок. Многие люди кидались во все это, очертя голову. С помощью героина он должен был сколотить себе кругленькую сумму, особенно если нашел способ переправлять какое-то количество зелья сюда.

Она гоняла вилкой по тарелке несколько кусочков красного люциана, которые не собиралась есть.

– Это несправедливо, – проговорила она. – Он не хотел возвращаться. А были ребята, которые очень хотели домой, но им это так и не удалось.

– В тамошних делах вообще не было ничего справедливого.

Босх повернулся и стал смотреть в окно, на океан. Там, на волнах прибоя, скакали четверо серфингистов в мокрых блестящих костюмах.

– А после войны вы пошли в копы.

– Ну, я поболтался некоторое время, а потом пошел на службу в полицейский департамент. Похоже, большинство демобилизовавшихся, кого я знал, шли либо в полицейские, либо – точь-в-точь как сказал сегодня Скейлз – прямиком в исправительные учреждения.

– Я не понимаю, Гарри. Вы производите впечатление отшельника, волка-одиночки – человека не из тех, кто готов исполнять приказы людей, которых не уважает. Скорее, частного сыщика.

– Пора независимых детективов прошла. Все исполняют чьи-нибудь приказы... Но ведь вся эта информация есть в моем досье. Вам же все это известно.

– Бумага не может вместить все о человеке. Не вы ли это говорили?

Он только улыбнулся, потому что подошла официантка убрать со стола. Потом сказал:

– А вы? Как вы оказались в Бюро?

– В сущности, история очень простая. В колледже специализировалась на уголовном праве, второй профилирующей дисциплиной было бухгалтерское дело. Пришла сюда на работу из Пенсильванского государственного. Хорошая оплата, дополнительные льготы, сотрудники-женщины пользуются спросом и высоко ценятся. Ничего оригинального.

– А почему именно банковские ограбления? Мне кажется, самым быстрым способом сделать карьеру была бы работа с финансовыми бумагами, борьба с терроризмом, может, с наркотиками. Но не опергруппа.

– Я просидела на бумажной работе пять лет. Причем даже в Вашингтоне – там уж самое место для карьеры. Беда в том, что король

оказался голым. Все это была смертельная, смертельная скучища. – Она улыбнулась, качая головой. – Я поняла, что хочу быть просто копом. Вот я им и стала. Я перевелась в первое же хорошее уличное подразделение, где освободилось место. Лос-Анджелес держит первое место в стране по банковским ограблениям. И когда здесь открылась вакансия, я забрала свои документы и получила перевод. Можете называть меня замшелым динозавром, если хотите.

– Вы слишком красивы для этого.

Несмотря на ее темный загар, Босх заметил, что это замечание ее смутило. Он и сам смутился – просто вырвалось как-то само собой.

– Извините, – сказал он.

– Нет-нет, мне было приятно. Спасибо.

– А вы замужем, Элинора? – спросил он и теперь уже сам покраснел, тут же пожалев о своей бестактности. Она улыбнулась в ответ на его замешательство.

– Была. Но это было давно.

Босх кивнул.

– Вы не обязаны мне ничего... А что, Рурк... Мне показалось, у вас...

– Что?! Вы шутите?

– Извините.

Тут они дружно рассмеялись, а за этим последовали просто улыбки и долгое, спокойное и уютное молчание.

После ленча они пошли прогуляться по пирсу до того самого места, где Босх некогда удил рыбу, стоя со спиннингом. Сейчас никто не удил. Несколько строений у пирса стояли заброшенными. Босх заметил, что и серфингисты тоже ушли. На поверхности воды возле одной из опор виднелось радужное нефтяное сияние.

«Может, все ребяташки в школе? – думал Гарри. – Или, может, они вообще здесь больше не рыбачат? Может, ни одна рыба уже не заплывает так глубоко в эту отравленную бухту?»

– Я не был здесь сто лет, – сказал он Элинора. Он привалился к ограждению пирса, положив локти на деревяшку, исеченную ножами тысячи рыболовов. – Все меняется.

* * *

К тому времени, когда они вернулись в Федерал-билдинг, день уже давно перевалил на вторую половину. Уиш стала прогонять имена и личные

идентификационные номера заключенных, которые дал им Скейлз, через компьютерную базу данных Национальной криминалистической разведслужбы и базу данных департамента юстиции штата, а также по факсу заказала из разных тюрем штата фотографии этих бывших заключенных. Босх взял список имен и позвонил в архив личных дел вооруженных сил США в Сент-Луисе и попросил к телефону Джесси Сент-Джон, ту самую сотрудницу канцелярии, с которой разговаривал в понедельник. Она сказала, что досье на Уильяма Медоуза, которое ранее запрашивал Босх, уже отправлено. Босх не стал говорить, что уже увидел его фэбээровскую копию. Вместо этого он попросил ее сделать в своем компьютере запрос по новым именам и сообщить ему основные биографические сведения по каждому человеку. Он продержал ее до самого окончания смены – до того момента, когда в Сент-Луисе было уже пять часов, но Джесси сказала, что хочет помочь.

К пяти часам по лос-анджелесскому времени Босх и Уиш имели двадцать четыре фотографии и к ним краткие уголовные и военные биографии этих людей. Ничего сенсационного не обнаружилось. Пятнадцать человек служили во Вьетнаме в те или иные периоды, когда там находился Медоуз. Одиннадцать из них состояли сейчас в вооруженных силах США. Никто не был «туннельной крысой», хотя четверо были в первом пехотном полку вместе с Медоузом во время его первого срока службы. Еще двое служили в Сайгоне в военной полиции.

Детективы сосредоточили внимание на послужных списках шестерых солдат – тех, которые служили в первом пехотном и в военной полиции. Только в уголовных досье тех двоих, что служили в военной полиции, были упомянуты банковские ограбления.

Босх пролистал тюремные фотографии и извлек фото этих двоих. Он начал с физиономий, наполовину ожидая получить подтверждение от этих огрубелых, апатичных лиц, с которыми они предстали перед камерой.

– Мне нравятся эти двое, – сказал он.

Звали их Арт Франклин и Джин Дельгадо. У обоих были лос-анджелесские адреса. Во Вьетнаме они отслужили весь срок в Сайгоне, приписанные к разным подразделениям военной полиции. Не к тому подразделению при посольстве, к которому был прикомандирован Медоуз. И все-таки они были в одном и том же городе. Оба демобилизовались в 1973 году, однако подобно Медоузу остались во Вьетнаме в качестве военных советников на гражданской службе. Они оставались там вплоть до апреля 1975 года. У Босха не было сомнений. Все трое – Медоуз, Франклин и Дельгадо – знали друг друга, прежде чем встретились в «Чарли компании»

в округе Вентура.

Вернувшись в США после 1975 года, Франклин был арестован за серию ограблений в Сан-Франциско и загремел на пять лет. В 1984 году он был обвинен в ограблении банка в Окленде, осужден по приговору федерального суда и был в «Терминал-айленде» в то же время, что и Медоуз. Оттуда он был досрочно освобожден с условием перевода на остаток срока в «Чарли компани», и произошло это за два месяца до того, как эту программу реабилитации окончил Медоуз. Дельгадо был преступником сугубо в масштабах штата: три ареста за кражи со взломом в Лос-Анджелесе, за которые он получил и отсидел сроки в окружной тюрьме; далее следовала попытка ограбления банка в Санта-Ане в 1985 году. По соглашению с федеральными обвинителями ему удалось добиться рассмотрения его дела в суде штата и избежать таким образом федерального обвинения. Он был отправлен в «Соледад», откуда был досрочно освобожден в 1988 году – опять-таки для перевода в исправительную коммуну «Чарли компани», куда прибыл тремя месяцами раньше Медоуза. Покинул он «Чарли компани» через день после прибытия туда Франклина.

– Один день, – сказала Уиш. – Значит, эти трое находились там одновременно только один день.

Босх посмотрел на их фотографии и сопроводительные описания. Физически Франклин был солиднее всех. Рост шесть футов, вес сто девяносто фунтов, темноволосый. Дельгадо был худощав – пять футов шесть дюймов, сто сорок фунтов веса. Волосы тоже темные. Босх вглядывался в изображения двух мужчин – крупного и небольшого – и думал над описанием тех двоих в джипе, которые привезли на дамбу тело Медоуза.

– Поедемте повидаем Шарки, – сказал он немного погодя.

Он позвонил в приют «Уличный дом» и услышал то, что и ожидал услышать: Шарки удрал. Босх попытал счастья в «Голубом шато», и истомленный старческий голос сообщил ему, что в полдень команда Шарки съехала. Мать парня повесила трубку, едва только поняла, что Босх не является потенциальным клиентом. Было около семи часов вечера. Босх сказал Элинора, что им придется вернуться на улицу и разыскать его. Она сказала, что поведет машину. Следующие два часа они провели в Западном Голливуде, в основном разъезжая туда и сюда по бульвару Санта-Моника. Но нигде не обнаружили никаких признаков Шарки или его мотоцикла, пристегнутого цепью к какому-нибудь парковочному счетчику. Они проголосовали нескольким полицейским «лендкрузерам» из службы

шерифа и объяснили им, кого ищут, но даже несколько дополнительных пар глаз не помогли. Они остановились у тротуара возле «Оки-Дог», и Босх уже начал подумывать: не вернулся ли парень к матери и не для того ли она бросает трубку, чтобы его выгородить?

– Не хотите проехаться до Чатсворта? – спросил он.

– Учитывая, как сильно мне хочется увидеть эту описанную вами ведьму, я скорее предпочла бы завершить на этом наш рабочий день. Мы можем найти Шарки завтра. Как насчет отложенного вчера ужина?

Босху очень хотелось подобраться к Шарки, но ему также очень хотелось подобраться к ней. Она права: на сегодняшнем дне свет клином не сошелся.

– По мне, звучит неплохо, – сказал он. – Куда бы вы хотели пойти?

– Ко мне.

* * *

Элино́р Уиш жила в таун-хаусе с фиксированной ценой аренды, в двух кварталах от пляжа в Санта-Монике. Они припарковались у тротуара перед домом, и, ведя Босха в свою обитель, она сообщила, что, хотя живет рядом с океаном, если гостю захочется увидеть море, то придется выйти на балкон спальни, перегнуться через перила и под крутым углом заглянуть направо, вдоль бульвара Оушн-парк. Только тогда можно углядеть полоску Тихого океана между башнями двух кондоминиумов, стерегущих береговую линию. Под этим углом зрения, прибавила Элино́р, хорошо видна также спальня соседа. У этого бывшего телеактера, а ныне мелкого наркодилера через спальню протекала нескончаемая череда женщин. Это, по словам Уиш, несколько портило вид. Она велела Босху посидеть в гостиной, пока она приготовит ужин.

– Если любите джаз, вон там новые компакт-диски. Я их недавно купила, но так и не выкроила времени послушать, – сказала она.

Он подошел к стереосистеме, которая размещалась на полках, в обрамлении книг, и выбрал новый диск. Это был альбом Роллинза «Влюбляясь в джаз», и Гарри внутренне улыбнулся, потому что дома у него был точно такой же. Это порождало ощущение чего-то родственного, некой связи. Он открыл проигрыватель, поставил диск и стал оглядывать гостиную. Светлые, пастельных тонов коврики на полу и такие же покрывала на мебели. Книжки по архитектуре и журналы по внутреннему убранству, небрежно лежащие на стеклянной столешнице кофейного

столика перед голубым диваном. Комната выглядела очень уютно. Рядом с входной дверью висела оправленная в рамку вышивка: по канве была крестиком вышита надпись «Добро пожаловать в этот дом». Маленькие буковки в углу поля составляли подпись «Э.Д.С, 1970», и Босх задался вопросом, что означает последняя буква.

Он пережил еще одно ощущение почти родственной связи с Элинор Уиш, когда, обернувшись, взглянул на стену над диваном. Там, оправленная в черную рамку, висела репродукция картины Эдварда Хоппера «Полуночники». У Босха дома не было такого эстампа, но ему была знакома эта картина, и время от времени он даже думал о ней, когда уходил с головой в расследование или в наблюдение за подозреваемым. Однажды он видел оригинал в Чикаго и простоял перед картиной почти час, пристально разглядывая ее. Безмолвный, наполовину погруженный в тень мужчина сидит в одиночестве перед стойкой уличного кафе. Он смотрит перед собой, на сидящего поодаль другого молчаливого посетителя, очень похожего на него самого, разве что тот, другой, сидит вместе с женщиной. Каким-то образом Босх чувствовал свое тождество с этой сценкой, с первым мужчиной. «Этот одиночка – я, – думал он. – Я этот полуночник. Эстамп, с его резкими темными красками, не подходит к этой квартире. Почему Элинор его держит? Что она в нем разглядела?»

Он оглядел комнату. В ней не было телевизора. Здесь были только стереомузыкальная установка, журналы на столе и книги на застекленных полках напротив дивана. Он подошел поближе и заглянул сквозь стекло, пробегая глазами подборку. Две верхние полки занимали преимущественно высокоинтеллектуальные новинки, которые постепенно переходили в криминальные романы авторов вроде Крамли, Уиллфорда и прочих. Некоторые из них он читал. Босх открыл стеклянную дверцу и вытащил книгу под названием «Запертая дверь». Об этой книге он слышал, но как-то не встречал в продаже. Он раскрыл обложку, чтобы посмотреть дату выпуска, и тут ему открылась тайна последней буквы в вышитой крестиком аббревиатуре, обозначающей автора вышивки. На форзаце книги стояла чернильная печать: Элинор Д. Скарлетти, 1979 г. Значит, после развода она оставила фамилию мужа. Босх поставил книгу на место и закрыл шкаф.

Книги на нижних двух полках книжного шкафа представляли собой документальные детективы, исторические труды по вьетнамской войне, а также справочники и сборники инструкций ФБР. Был даже учебник по расследованию убийств, изданный управлением полиции Лос-Анджелеса. Многие из этих книг Босх читал. В одной из них даже сам упоминался. Это была книга журналиста газеты «Лос-Анджелес таймс» Бреммера о так

называемом Мяснике из салона красоты. Тип по имени Харвард Кендал, этот самый Мясник, за один год зарезал семь женщин в Сан-Францисской долине. Все они были либо владелицами салонов красоты, либо там работали. Убийца предварительно приглядывался к салону – проводил, так сказать, рекогносцировку, затем следовал за намеченной жертвой до дома и убивал, перерезая горло заточенной пилкой для ногтей. Босх с напарником вычислили Кендала по номерному знаку на автомашине. Номер этот седьмая жертва записала в свой рабочий блокнот вечером накануне своего убийства. Так и осталось невыясненным, зачем она это сделала, но сыщики подозревали, что женщина видела, как Кендал наблюдает за салоном из своего микроавтобуса. Из предусмотрительности она записала номерной знак, но потом сама не проявила должной предусмотрительности, отправившись домой одна. Босх с партнером по номеру отыскивали Кендала и выяснили, что в 60-х годах тот провел пять лет в «Фолсоне» за серию поджогов салонов красоты под Оклендом. Позднее выяснилось, что, когда он был ребенком, его мать работала маникюршей в салоне. Она оттачивала свое ремесло на ногтях юного Кендала, и психиатры заключили, что именно от этого он свихнулся, да так и не оправился. Бреммер сделал из этого уголовного дела бестселлер. А студия «Юниверсал», которая сняла по нему фильм, ставший потом гвоздем недели, заплатила Босху и его напарнику за право использования их имен и за техническую консультацию. Сумма удвоилась, когда из фильма затем сделали полицейский сериал. Напарник Босха бросил полицейскую службу и переехал в Энсеньяду. Босх остался, вложив свою долю в дом-карниз на склоне горы, окнами выходивший на ту самую студию, что заплатила ему деньги. Гарри всегда рассматривал это, как некий необъяснимый симбиоз.

– Я прочла эту книгу раньше, чем ваше имя всплыло в связи с нынешним делом. Это не было частью расследования.

Элинор вышла из кухни с двумя бокалами красного вина. Гарри улыбнулся.

– А я и не собирался вас ни в чем уличать, – сказал он. – К тому же книга не обо мне, она о Кендале. Да и успех расследования был основан на чистейшем везении. Но как бы там ни было, получились книга и телесериал. Уж не знаю, что у вас там готовится, но пахнет аппетитно.

– Вы любите блюда из макарон?

– Я люблю спагетти.

– Именно это мы и будем есть. В воскресенье я приготовила большую кастрюлю соуса. Мне нравится проводить весь день на кухне, не думая ни о чем другом. Я считаю это хорошей антистрессовой терапией. Так вот, этот

соус никак не кончается. Мне только и требовалось, что подогреть его и сварить макароны.

Босх отпил из своего бокала и еще раз обвел взглядом комнату. Он так и не присел, но чувствовал себя очень комфортно рядом с Элинор. На лице его играла улыбка. Он кивнул в сторону висевшей на стене картины Хоппера.

– Мне нравится эта вещь. Но к чему здесь такая мрачность?

Она посмотрела на репродукцию и изогнула бровь, как если бы впервые задумалась над этим вопросом.

– Сама не знаю, – сказала она. – Мне всегда нравилась эта картина. Что-то в ней меня забирает. Женщина на картине – с мужчиной. Стало быть, это не я. Значит, если кто-то и похож там на меня, то это тот мужчина с чашкой кофе. Сидящий в полном одиночестве и словно наблюдающий тех двоих, что вместе.

– Я однажды видел ее в Чикаго, – сказал Босх. – Оригинал. Я выезжал туда на экстрадицию, и нужно было убить примерно час до того времени, когда можно будет забрать арестованного. Поэтому я пошел в Чикагский художественный институт, и там висела эта картина. Я целый час провел, глаза на нее. Вы правы – есть в ней что-то такое. Я уже даже не помню, что это было за расследование и кого я должен был сюда доставить. Но помню эту картину.

Они сидели за столом и болтали почти час уже после того, как спагетти были съедены. Элинор опять говорила о своем брате и о том, как трудно ей преодолеть гнев и боль потери. Прошло уже восемнадцать лет, а она все еще не может с этим справиться. Босх сказал, что он тоже до конца не справился с пережитым. Ему до сих пор порой снятся туннели, однако еще чаще вместо этого приходится бороться с бессонницей. Он рассказал ей, в каком смятении пребывал, когда вернулся, какой сумбур царил в голове, как тонка была грань между добром и злом, и надо было сделать между ними выбор. Выбор между тем, чем впоследствии занялся он, и тем, к чему склонился Медоуз. А могло выйти и наоборот, заметил он, и она кивнула – кажется, и впрямь хорошо понимая, насколько это верно.

Потом Уиш стала расспрашивать о деле Кукольника и об изгнании Босха из отдела ограблений и убийств полиции Лос-Анджелеса. Это было больше, чем просто любопытство. Он чувствовал: вместе с его рассказом ей передается что-то важное. Она принимала в отношении него какое-то решение.

– Думаю, в общих чертах дело вам известно, – начал он. – Кто-то душил женщин, проституток главным образом, а затем размалевывал их

лица косметикой. Белил лицо, помадой рисовал губы, густо румянил щеки, черным карандашом обводил глаза. Всякий раз одно и то же. Кроме того, купал их тела в ванне. Но нам никогда не казалось, что он проделывал это затем, чтобы превратить их в кукол. Просто раз один придурок – кажется, это был парень по имени Сакаи, из коронерской службы – ляпнул, что именно грим объединяет все эти преступления. Потом этот кукольный антураж и эта кликуха – Кукольник – появились и начали обыгрываться в прессе. Мне кажется, первым запустил прозвище Четвертый канал. А от них оно уже пошло распространяться дальше. По мне, так это скорее смахивало на работу похоронного бюро. Но проблема была в том, что мы плохо продвигались в расследовании. Мы не могли наложить лапу на этого парня, пока число его жертв не перевалило на второй десяток. Маловато было материальных улик. Все жертвы были выброшены в произвольных местах, по всему Вест-Сайду. По найденным на двух трупах волокнам мы определили, что тот тип, очевидно, носил парик или какую-то еще маскировку в виде волос: фальшивую бороду и так далее. Что касается тех женщин, которых он снимал с панели, то нам удалось, например, установить время и место их встречи с последним клиентом. Мы обошли все мотели, где номера сдаются за почасовую оплату, но так ничего и не добились. Тогда мы сообразили, что парень снимал их, сам находясь в машине, а затем куда-то отвозил – возможно, к себе домой или в какое-то тихое, безопасное место. Оно было у него чем-то вроде обитой войлоком палаты в психушке, где он мог без помех расправляться со своими жертвами. Мы начали наблюдать за бульваром Санта-Моника и другими горячими точками, где работают проститутки, и успели распугать, наверное, сотни три парочек, пока наконец нам не улыбнулась удача. Как-то раз под утро в нашу специально созданную оперативную группу поступает звонок от проститутки по имени Дикси Маккуин. Она говорит, что только что вырвалась из лап Кукольника, и спрашивает: положено ли ей вознаграждение, если она отдаст его в руки правосудия? Ну, надо сказать, мы такие звонки получали каждую неделю. Я хочу сказать, что если имеется одиннадцать убийств, то изо всех щелей начинают выползать свидетели с уликами, которые на поверку оказываются и не уликами вовсе. Просто город был охвачен паникой.

– Да, я помню, – сказала Уиш.

– Но с Дикси все было по-другому. Я дежурил в тот день в опергруппе в ночную смену и как раз принял этот звонок. Я поехал и побеседовал с ней. Она рассказала, что клиент, которого она подцепила в Голливуде, возле улицы Спароу, ну, вы знаете, рядом с Домом саентологии, отвез ее в

Сильвер-Лейк, в некое помещение над гаражом. Она сказала, что, пока парень раздевался, ей понадобилось в туалет. И вот, пока она там сидела, решила заглянуть в шкафчик под раковиной – видимо, проверить, нет ли чего подходящего спереть. И вдруг видит эти флакончики, тюбики и всю прочую дамскую атрибутику. Глядит она на все это, и в голове у нее начинается складываться картина. Дескать, вот оно что! Должно быть, он и есть тот самый маньяк! Тут она покрывается холодным потом и решает дать деру. Она выходит из ванной, а мужик уже лежит в постели. И она, не помня себя, удирает через парадную дверь. Фокус в том, что мы не давали в печать всю информацию о косметике. Или, точнее, тот паразит, который сливал газетчикам информацию, не все им выкладывал. Видите ли, мы знали, что преступник забирает себе вещи жертв. При убитых находили сумочки, но в них не было никакой косметики – ну, понимаете, ни губной помады, ни пудреницы, ничего такого. Поэтому, когда Дикси рассказала мне о том, что видела в умывальном шкафчике, я наострил уши. Я понял, что она не врет. И вот в этом месте я дал маху. К тому времени как я закончил ее допрашивать, было уже три часа ночи. Все наши оперативники из группы ушли домой. И вот я сижу и думаю: а вдруг тот тип догадается, что Дикси его расколола, и слиняет? Поэтому я поехал туда один. То есть Дикси тоже поехала, чтоб показать мне это место, но потом она осталась сидеть в машине. Когда мы туда приехали, я увидел свет в помещении над гаражом, позади того полуразвалившегося дома у Гипериона. Я вызвал на подмогу патрульную машину, и пока их дожидался, вижу, как в окне промелькнул туда-сюда силуэт этого парня. И что-то подсказывает мне, что он спешно собирается сделать ноги и забрать с собой весь тот хлам из ванной. А у нас после одиннадцати трупов не оставалось никаких улик. Нам позарез нужна была эта дребедень из шкафчика под раковиной. Было еще и другое соображение: а что, если у него там сейчас кто-то есть? Ну, понимаете, замена Дикси. Поэтому я двинул туда. В одиночку. Остальное вы знаете.

– Вы пошли туда без ордера, – кивнула Уиш, – и застрелили его, когда он сунул руку под подушку. Позднее перед комиссией, которая рассматривала правомерность применения огнестрельного оружия, вы объяснили свои действия тем, что были убеждены, что ситуация экстренная. Что у него было достаточно времени выйти на улицу и найти другую проститутку. Вы сказали, что это давало вам право взломать дверь без ордера. Вы также сказали, что выстрелили, потому что были уверены: подозреваемый потянулся за оружием. Вы уложили его одним выстрелом, в верхнюю часть туловища, с расстояния пятнадцать – двадцать футов, если я

правильно помню тот отчет. Но Кукольник был там один, и под подушкой лежала только его накладка.

– Да, только парик, – повторил Босх. – Комиссия меня оправдала. С помощью волос от парика мы доказали его связь с двумя найденными прежде трупами, а от косметических принадлежностей в ванной потянулась ниточка к восьми другим жертвам. Сомнений не было, это был он. Но потом в дело вступили внутренние легавые из СВР. Бенефис Льюиса и Кларка. Они надели на Дикси и заставили ее подписать заявление, где говорилось, что она заранее сказала мне, что он положил парик под подушку. Не знаю, какие уж методы они применили против нее, но могу себе представить. СВР всегда имела на меня зуб. Там не любят всякого, кто не принадлежит на все сто процентов к полицейскому клану. Так или иначе, следующим номером я узнал, что они предъявили мне внутриведомственные обвинения. Они намеревались меня вышвырнуть, а Дикси передать Большому жюри присяжных по уголовному обвинению. Как будто вода окрасилась кровью, и туда тотчас ринулись две здоровые прожорливые акулы.

В этом месте он остановился, однако Элинон продолжила:

– Но детективы из СВР просчитались, Гарри. Они не учли, что общественное мнение будет на вашей стороне. В СМИ вы были представлены как тот коп, который перебил хребет Мяснику из салона красоты и Кукольнику. Как персонаж из фильма. Они не могли уничтожить вас без того, чтобы привлечь огромное сочувственное внимание публики и представить в невыгодном свете свой департамент.

– Кто-то более могущественный вмешался и не дал довести дело до Большого жюри, – сказал Босх. – Им пришлось удовольствоваться моим временным отстранением от работы и переводом в Голливудское отделение, в секцию расследования убийств.

Босх сжимал пальцами ножку своего пустого бокала и рассеянно поворачивал его на столе.

– Это только временное затишье, – произнес он, немного погодя. – И эти две акулы из СВР по-прежнему шныряют вокруг, дожидаясь поживы.

Какое-то время они сидели молча. Босх ждал, когда она задаст вопрос, который однажды уже задавала. Солгала ли шлюха? Но Элинон так и не спросила об этом, а спустя некоторое время просто посмотрела на него и улыбнулась. И Гарри вздохнул с облегчением: он почувствовал, что успешно сдал этот экзамен. Элинон принялась собирать со стола тарелки. Босх помог ей прибраться, и по окончании работы они, стоя совсем близко друг от друга и держась за одно и то же посудное полотенце, легонько

коснулись друг друга губами. Потом, будто повинуюсь одним и тем же тайным сигналам, прильнули друг к другу и принялись целоваться с голодной жадностью одиноких, истосковавшихся по любви людей.

– Я хочу остаться, – сказал Босх, оторвавшись от нее на мгновение.

– Я хочу, чтобы ты остался, – ответила она.

* * *

Одуревшие от наркотика глаза Пожара блестели, отражая неоновые огни ночи. Он неистово затягивался сигаретой «Кул», задерживая в себе драгоценный дым. Сигарета была окунута в «ангельскую пыль»^[38]. Черные струи дыма вырвались из его ноздрей, и блаженная улыбка расплылась по лицу. Он сказал:

– Ты единственная акула из тех, что я знаю, которую используют как наживку. Сечешь?

Он засмеялся и сделал еще одну глубокую затяжку прежде, чем передать сигарету Шарки, который от нее отмахнулся, потому что с него уже было довольно. Затем настала очередь Амулета.

– Да мне уже осточертело это дерьмо! – сказал Шарки. – Сходи ты хоть раз, для разнообразия.

– Спокойно, друг, ты единственный, кто способен провернуть это дело. Мы с Амулетом, прикинь, мы просто не умеем так классно исполнять эту роль. Вдобавок у нас своя задача. Ты не такой здоровый, чтобы мутузить этих гомиков.

– Ладно, но почему бы нам не вернуться опять к «Севен-Илевен»? – сказал Шарки. – Я не люблю, когда не знаю, что за человек. Мне больше нравится промышлять у того магазина. Мы огребаем свой навар, а копы не загребают меня.

– Не пойдет, – вмешался тут Амулет. – Если пойдем туда – откуда мы знаем, заявил тот последний мужик в полицию или нет. Нам надо малость выждать, держаться пока оттуда подальше. Они небось следят за тем местом с той же самой автостоянки, что и мы следили.

Шарки знал, что они правы. Просто он считал, что отаптывать бульвар Санта-Моника, завлекая голубых, – это уж слишком похоже на настоящий промысел. А в следующий раз, подозревал он, эти два наркомана вообще не захотят утруждаться. Им захочется, чтобы он сам проделывал эти вещи, зарабатывал вот таким способом. Шарки знал, что тогда наступит момент, когда его пути с этими парнями разойдутся.

– О'кей, – сказал он, сходя с тротуара. – Не наколите меня, блин.

Он начал переходить улицу.

– Не меньше «БМВ»! – завопил ему вслед Пожар.

«Давай, учи меня», – подумал Шарки. Он прошел с полквартала по направлению к авеню Ла-Бреа, а затем прислонился к двери закрытого магазина гравюр и эстампов. Он был пока далековато от «Хот-Родз», книжного магазина для взрослых, который предлагал за двадцать пять центов понаблюдать через глазок за сценами секса между мужчинами. Однако достаточно близко, чтобы попасться на глаза любому выходящему оттуда. Если только эти глаза видели. Он посмотрел назад, откуда только что пришел, и уловил в темноте тусклое мерцание косяка – там, где сидели на своих мотоциклах Пожар и Амулет.

Шарки не простоял и десяти минут, как к тротуару подрулил новенький «Гранд Эм», и окошко, повинаясь электронике, плавно опустилось. Памятуя о машине «не меньше „БМВ“», Шарки собрался уже было отшить этого типа, но тут заметил блеск золота и шагнул ближе. Уровень адреналина у него в крови подскочил на одно деление. Запястье руки, небрежно охватывающей руль, украшал «Ролекс-президент». Если только это не подделка, Пожар знает, где можно отхватить за них 3 штуки баксов. По штуке на брата – не говоря уже о том, что может найтись у этого чувака дома или в бумажнике! Шарки тщательно оглядел мужика. Мужик производил впечатление настоящего, без подвоха. Может быть, бизнесмена. Темные волосы, темный костюм. Лет сорока пяти, не слишком рослый. Шарки мог бы даже справиться с таким в одиночку. Человек в машине улыбнулся подростку и сказал:

– Привет, как жизнь?

– Не жалуюсь. А чего надо?

– О, я не знаю... Так, прокатиться. Хочешь прокатиться?

– Куда?

– Да куда-нибудь. Я знаю одно местечко, куда мы можем пойти. Побывать вдвоем.

– У вас есть при себе сто долларов?

– Нет, но у меня есть пятьдесят на ночной бейсбол.

– Подаете или принимаете?

– Я подаю. И захватил с собой свою перчатку.

Шарки помедлил в нерешительности и бросил быстрый взгляд туда, где только недавно виднелся мерцающий огонек сигареты. Теперь он исчез. Наверное, ребята уже готовы тронуться. Он снова стрельнул глазами на дорогие часы.

– Заметано, – сказал мальчишка и сел в машину.

Миновав боковой переулок, машина взяла курс на запад. Шарки удерживался от того, чтобы оглянуться, но ему показалось, что он слышит постреливание мотоциклов, готовящихся к старту. Значит, парни двигались следом.

– Куда мы едем? – спросил он.

– М-м... я не могу повезти тебя домой, дружок. Но я знаю одно тихое, укромное местечко. Там нам никто не помешает.

– Классно.

Они остановились на светофоре у Флорес, что заставило Шарки вспомнить того, другого, гомика, с которым он ехал в позапрошлую ночь. Сейчас они были неподалеку от его дома. Кажется, Пожар в тот раз ударил сильнее, чем обычно. Надо будет с этим делом завязывать, а не то они так убьют кого-нибудь. Он надеялся, что мужик с «Ролексом» отдаст все миром. Невозможно было предсказать, каких дел сейчас могут натворить те двое. Накачанные «ангельской пылью», они будут готовы к бою не на жизнь, а на смерть.

Неожиданно машина рванула через перекресток. Шарки заметил, что на светофоре по-прежнему горел красный свет.

– В чем дело? – резко спросил он.

– Ни в чем. Мне надоело ждать, только и всего.

Шарки подумал, что теперь не покажется подозрительным, если он оглянется назад. Он обернулся и увидел, что на перекрестке стоят в ожидании одни только машины. Мотоциклов не было. Чертовы ублюдки! Он почувствовал, как у него вспотела голова, почувствовал первый трепет страха. За закусочной «Барниз Бинери» машина свернула направо и поехала в гору, к бульвару Сансет. Потом они свернули на восток, к Хайленд-авеню, а потом человек с «Ролексом» опять зарулил к северу.

– Мы раньше не встречались? – спросил мужчина. – Твое лицо мне кажется знакомым. Не знаю, может, мы с тобой уже бывали вместе?

– Нет, я никогда... Не думаю.

– А ну-ка посмотри на меня.

– Что? – нервно переспросил Шарки, встревоженный вопросом и резким тоном мужчины. – Зачем?

– Посмотри на меня. Ты меня знаешь? Ты видел меня раньше?

– Эй, у нас что, фейс-контроль? Сказал же, нет.

Машина свернула с проезжей части на восточную сторону, на автостоянку стадиона «Голливуд-боул». На стоянке было пустынно. Быстро и не говоря больше ни слова, человек проехал в ее дальний, затененный

северный конец. Шарки подумал: если это и есть твое тихое, укромное местечко, тогда грош цена твоему «Ролексу», приятель.

– Эй, мужик, мы куда приехали? – обратился к нему Шарки. Он усиленно соображал, как бы благополучно выпутаться из этой передрыги. Было совершенно ясно, что накурившиеся по самое некуда Пожар и Амулет где-то отстали. Он был один на один с этим типом и очень хотел слинять.

– Стадион закрыт, – сказал «Ролекс». – Но у меня есть ключ от раздевалок, понимаешь? Мы сейчас пройдем по туннелю под Кауэнгой, а на той стороне есть маленькая дорожка, мы по ней вернемся обратно. Там никого не будет. Я там работаю. Я знаю.

Какой-то момент Шарки примеривался, не сделать ли мужика в одиночку, потом решил, что не справится. Разве что представится шанс захватить его врасплох. Ладно, там видно будет. Человек заглушил мотор и открыл свою дверь. Шарки открыл свою, выбрался и обвел глазами темное пространство пустой автостоянки. Он искал два огонька мотоциклов, но мотоциклов не было. Надо что-то делать. Либо сперва ударить – потом удрать, либо просто дать деру.

Они направились к указателю, на котором было написано: «Пешеходный переход через автостраду». Там был небольшой бетонный павильончик с открытым проемом и за ним лестница. Когда стали спускаться по выбеленным ступеням, мужчина с «Ролексом» положил руку на плечо Шарки, а затем, словно по-отечески, с грубоватой нежностью обхватил ему шею и затылок. Шарки почувствовал жесткое металлическое прикосновение часового браслета.

– Ты уверен, что мы с тобой не знаем друг друга? А, Шарки? – произнес человек. – Может, мы все же встречались?

– Нет, мужик, я же сказал. Я с вами не был.

Они прошли уже примерно половину туннеля, когда Шарки вдруг сообразил: он не называл человеку своего имени.

Часть V

Четверг, 24 мая

Немало времени прошло с тех пор, как он в последний раз был с женщиной. И потому в постели Элинон Уиш Гарри Босх был скован и неловок, как человек, излишне смущенный и боящийся сделать что-то не так. И, как во всякий первый раз, сейчас получилось тоже не слишком удачно. Она подсказывала ему – руками и шепча слова. Потом он чувствовал потребность извиниться, но сдержался. В дремотном состоянии они лежали в объятиях друг друга. Гарри лицом зарылся в ее волосы и чувствовал их запах. Тот же яблочный дух, который он неожиданно почувствовал вчера вечером, когда они стояли на кухне. Босх был ослеплен любовью, и ему хотелось бы вдыхать запах ее волос бесконечно, каждую минуту своей жизни. Через некоторое время он разбудил ее поцелуем, и они опять любили друг друга. На этот раз он обошелся без подсказок, и ей не потребовалось помогать ему. Когда все кончилось, Элинон прошептала:

– Как ты считаешь, можно быть одиночкой в этом мире и не чувствовать себя одиноким?

Он с ходу не ответил, и тогда она снова спросила:

– Ты одиночка или просто одинок, Гарри Босх?

Он раздумывал над этим некоторое время, а тем временем ее пальцы нежно и ласково водили по татуировке на его плече, повторяя рисунок.

– Я не знаю, какой я, – прошептал он наконец. – Так привыкаешь к тому, что есть. А я всегда был один. Наверное, от этого я был одиноким. До сегодняшнего дня.

Они улыбнулись в темноте и поцеловались, и скоро он услышал ее глубокое дыхание: Элинон уснула. Спустя долгое время, так и пролежав без сна, Босх встал с постели, натянул трусы и вышел на балкон покурить. На бульваре Оушн-парк не было уличного движения и слышался шум раскинувшегося поблизости океана. В окнах соседней квартиры огни были погашены. Они были погашены везде, горели только фонари на улице. Босх увидел, как растущие вдоль тротуара палисандровые деревья сбрасывают цветы. Лепестки, словно сиреневый снег, осыпались на землю, на припаркованные вдоль обочины машины. Гарри облокотился на перила и выпустил дым в прохладный ночной ветер.

Когда он курил уже вторую сигарету, то услышал, как дверь у него за

спиной отодвинулась, и в следующую секунду почувствовал, как чьи-то руки обвиваются у него вокруг пояса.

– Ты что, Гарри?

– Ничего, просто думаю. Ты лучше остерегись. Канцерогенный фактор. Ты слышала об эффекте пассивного курения?

– О вреде, Гарри, не об эффекте. Что у тебя в голове? И вот так у тебя проходят все ночи?

Босх повернулся в ее объятиях и поцеловал ее в лоб. На Элинора был коротенький халат из розового шелка. Большим пальцем он провел вверх-вниз по ее шее и затылку.

– Вот так ночи у меня почти никогда не проходят. Просто не мог уснуть. Кажется, я думал о множестве вещей.

– О нас? – Она поцеловала его в подбородок.

– Пожалуй.

– И что же?

Он нежно обвел пальцем линию ее щек и подбородка.

– Я думал о том, откуда у тебя этот маленький шрам.

– О... это давно, еще с детства. Однажды мы с братом ехали на велосипеде, и я держала руль. Мы стали съезжать под горку, это место называлось Хайленд-авеню – мы тогда жили в Пенсильвании, – и у брата что-то случилось с педалями. Велик начал вихлять, и я так испугалась, потому что поняла: сейчас мы разобьемся. И когда велосипед совсем потерял управление, мчался сам по себе и мы мчались вниз с горы, он закричал мне: «Элли, не бойся! Все будет хорошо!» Да, прямо вот так. И потому что он это крикнул, я поняла, что так и будет. Я рассекла себе подбородок, но даже не заплакала. Я всегда думала, как это замечательно, что он в такой момент постарался ободрить меня вместо того, чтобы беспокоиться о себе. Но таков уж он был, мой брат.

Босх убрал руку с ее лица.

– Еще я думал: то, что произошло между нами... это было славно.

– Я тоже так думаю, Гарри. Славно для пары полуночников. А теперь возвращайся в постель.

Они оба вернулись обратно. Но Босх перед этим зашел в ванную и за неимением зубной щетки пальцем почистил зубы, а затем залез под одеяло. На электронных часах на ночном столике светились голубые цифры 2.26. Босх закрыл глаза.

Когда он открыл их в следующий раз, часы показывали 3.46 и откуда-то неслся мерзкий чирикающий звук. Он сообразил, что находится не у себя, а в какой-то другой комнате. Потом вспомнил, что он дома у Элинора Уиш.

Когда окончательно сориентировался, то увидел ее темную фигуру, склонившуюся возле кровати, она рылась в груди его одежды.

– Где он? – спросила она. – Не могу его найти.

Босх потянулся за брюками и стал шарить руками вдоль брючного ремня, пока не нашел пейджер и, долго не возясь с ним, попросту выключил. Он и прежде много раз проделывал это в темноте.

– Господи, – сказала она, – до чего пронзительно.

Босх спустил ноги с кровати, собрал простыню вокруг пояса и сел. Он зевнул, а затем предупредил ее, что собирается зажечь свет. Она сказала «ладно, давай», и когда свет загорелся, то ударил в глаза, точно вспышка магния. Когда глаза привыкли, он увидел, что она стоит перед ним нагая, устремив взор на цифровой дисплей пейджера в его руках. Босх наконец тоже посмотрел на высветившийся номер, но не узнал его. Он провел рукой по лицу и взъерошил волосы. На ночном столике стоял телефон, и он переставил его себе на колени. Набрал номер, а потом порывшись в своих вещах в поисках сигареты, которую, найдя, сунул в рот, но не зажег.

Элинор заметила свою наготу и подошла к креслу за халатом. Надев его, отправилась в ванную и закрыла за собой дверь. Босх услышал шум воды. На другом конце линии трубку сняли уже на первом звонке. Джерри Эдгар начал не со своего привычного «алло», а прямо с места в карьер сказал:

– Гарри, ты где?

– Я не дома. А что случилось?

– Тот парень, которого ты разыскивал, тот, что звонил по девять-один-один... ты его ведь нашел, так?

– Да... но мы опять его разыскиваем.

– Кто это «мы» – ты и женщина из ФБР?

Элинор вышла из ванной комнаты и села на краешек кровати рядом с ним.

– Джерри, ты зачем звонишь? – спросил Босх, чувствуя внезапную холодную пустоту в груди.

– Как зовут парня?

Босх испытал замешательство. Уже много месяцев он не засыпал так крепко и был резко выдернут из этого сна. Он никак не мог вспомнить настоящего имени Шарки и вместе с тем не хотел спрашивать Уиш, потому что Эдгар мог услышать и понял бы, что они вместе. Он посмотрел на Элинор и, когда она хотела что-то сказать, приложил палец к ее губам и покачал головой.

– Его имя Эдвард Нис? – послышался в тишине голос Эдгара. – Так

зовут твоего парня?

Пустота в груди исчезла. Вместо нее Босх почувствовал, как невидимый кулак вдавливается ему под ребра, в живот и в сердце.

– Да, – сказал он. – Это его имя.

– Ты давал ему свою визитную карточку?

– Давал.

– Гарри, твой розыск окончен.

– Расскажи мне об этом.

– Приезжай и сам взгляни. Я тут возле стадиона. Шарки в пешеходном туннеле под бульваром Кауэнга. Поставь машину на восточной стороне. Увидишь там наши машины.

* * *

Восточная автостоянка перед стадионом «Голливуд-боул» в половине пятого утра должна была пустовать. Но когда Босх и Уиш по Хайленд-авеню подъехали к въезду на перевал Кауэнга-пэсс, то увидели, что северный край стоянки оккупирован знакомым скоплением полицейских машин и фургонов, что служило признаком насильственного или по крайней мере непредвиденного окончания чьей-то жизни. По периметру квадрата была протянута желтая пластиковая лента, она огораживала место преступления: спуск в пешеходный туннель. Босх показал значок и назвал свое имя патрульному в форме, державшему в руках список прибывших на место преступления полицейских чинов. Они с Уиш поднырнули под ленту и были встречены громким звуком мотора, доносившимся из входа в туннель. По звуку Босх определил, что работает электрогенератор, подающий энергию для освещения места преступления. На верхней ступеньке, прежде чем они начали спуск, он обернулся к Элинор.

– Хочешь подождать здесь? – предложил он. – Нам не обязательно идти обоим.

– Я коп, ради всего святого! – резко ответила она. – Мне случалось видеть трупы. Босх, ты что, теперь собираешься меня опекать? Ты не хочешь, чтобы я спустилась, а ты остался здесь?

Ошарашенный переменной в ее настроении, Босх ничего не ответил. Растерявшись, он на лишнюю секунду задержал на ней взгляд. Спускаясь первым, он прошел несколько ступеней, но остановился, увидев, как из темноты возникла большая фигура Эдгара и стала подниматься навстречу. Джерри увидел Босха, а затем в поле зрения бывшего напарника попала

Элино́р Уиш.

– Привет, Гарри, – сказал он. – Это твоя новая партнерша? Вижу, вы действительно хорошо сработались.

Босх лишь молча уставился на него вместо ответа. Элино́р была на три ступеньки дальше и могла не слышать этого комментария.

– Извини, Гарри, – сказал Эдгар, напрягая голос, чтобы перекрыть рев из туннеля. – Я не то сказал. Тяжелая выдалась ночь. Ты бы видел, кого мне дали в напарники, с кем поставил меня этот глупый козел «шеф-повар» Паундз.

– Я думал, тебе дадут...

– Шиш! Да будет тебе известно: Паундз слепил меня с Портером из секции ДТП. Это вышедший в тираж пьянчуга.

– Знаю. Как ты вообще ухитрился вытащить его из постели?

– Он не был в постели. Мне пришлось выискивать его в «Попугае», в Северном Голливуде. Это один из частных питейных клубов^[39]. Портер дал мне их номер, когда нас официально назначили партнерами, и сказал, что он там в основном проводит ночи. Дескать, работает там в охране. Но я звонил в Паркер-центр, в канцелярию учета внеслужебной занятости, и он у них там не значится. Я знаю: единственное, что он там делает, это напивается. Когда я позвонил, он, видно, был в отрубе. Бармен сказал, что пейджер у него прозвонил, но он его даже не слышал. Гарри, я думаю, если взять у него сейчас пробу на алкоголь, малый бы надышал до второй отметки.

Босх кивнул и, выдержав на лице в течение трех секунд нахмуренно-сочувствующее выражение, отодвинул невзгоды Джерри Эдгара в сторону. Он почувствовал, как Элино́р подошла и встала рядом, и представил их друг другу. Они обменялись рукопожатием, и Босх сказал:

– Итак, что мы имеем?

– Вот что мы нашли на теле. – Эдгар показал пластиковый пакет. В нем находилась небольшая пачка поляроидных снимков. Опять фотографии обнаженного Шарки. Да, парень не терял времени даром и снова был во всеоружии. Эдгар повернул пакет другой стороной, и там оказалась визитная карточка Босха.

– Похоже, что мальчишка был предприимчивый, активно промышлял в Бойтауне, – сказал Эдгар. – Но если ты его уже отлавливал, то и сам знаешь. В общем, я увидел карточку и сообразил, что, возможно, это и есть тот самый парень, что звонил в службу спасения. Если хочешь спуститься и взглянуть – добро пожаловать, гостем будешь. Мы уже обработали место преступления, так что можешь трогать все, что хочешь. Хотя там даже

собственных мыслей не услышишь из-за движка. Какой-то идиот перебил все лампочки в туннеле. Пока непонятно: преступник или кто-то до него. Пришлось устанавливать собственное освещение. А нашего электрокабеля не хватило, чтобы установить генератор наверху. Вот эта малышка в пять лошадиных сил и ревет там, как слон.

Эдгар повернулся, собравшись шагнуть в туннель, но Босх тронул его за плечо:

– Джед, кто сообщил об этом?

– Анонимный звонок. На сей раз не в службу девять-один-один, поэтому никакой записи и никаких следов. Звонок поступил прямо в Голливудский участок. Звонил мужчина. Это все, что смог сказать нам говнюк-оператор – один из этих пузырей, что сидят на вызовах.

Эдгар развернулся и стал спускаться. Босх и Уиш последовали за ним. Пешеходный туннель представлял собой длинный коридор с грязным цементным полом и белыми оштукатуренными стенами, густо исписанными граффити. Коридор заворачивал вправо. Ни за что не догадаешься, что находишься в двух шагах от цивилизации, подумал Босх. В туннеле царил темень, за исключением пятна яркого света, который заливал непосредственно место преступления, примерно на полдороге. Там Гарри увидел человеческую фигуру, расprostертую на спине. Увидел в пятне света людей, выполнявших свою обычную работу. Он шел, ведя правой рукой по оштукатуренной стене – для устойчивости. В туннеле стоял застарелый запах сырости, который сейчас смешивался с запахом бензина и бензинового выхлопа от генератора. Босх почувствовал, как на затылке и под рубашкой начали выступать капли пота. Дыхание сделалось частым и поверхностным. Они прошли футов тридцать до генератора, миновали его, а дальше на полу туннеля лежал Шарки, в немилосердном свете мигающих стробоскопических ламп.

Голова мальчика была под неестественным углом приткнута к стене. Он выглядел меньше и моложе, чем запомнился Босху. Его глаза были наполовину открыты и знакомо остекленели – глаза, которые больше не видят. На нем была черная футболка с надписью «Guns-N-Roses», запачканная кровью. Вывернутые карманы линялых джинсов были пусты. Рядом в пластиковом мешке для вещдоков стоял баллончик краскораспылителя, а над ним на стене краской было написано: «Мир праху твоему, Шарки». Краска была нанесена неумелой рукой, и ее было вылито слишком много. Она стекала по стене тонкими черными полосами, и некоторые затекли прямо в волосы Шарки.

Когда Эдгар прокричал, перекрывая рокот мотора: «Ты хочешь это

увидеть?», Босх понял, что речь шла о ране. Из-за того, что голова Шарки была нагнута вперед, раны на горле не было видно. Только кровь. Босх отрицательно покачал головой.

Он заметил кровавые брызги крови на стене и на полу футах примерно в трех от тела. Пьянчуга Портер сравнивал форму капель с эталонными, на специальной карточке. Криминалист по имени Робердж фотографировал брызги. Кровь на полу была в виде круглых пятен. Капли на стене были эллиптической формы. Не требовалось эталонной карточки, чтобы заключить: парня убили прямо здесь, в туннеле.

– Судя по тому, как все выглядит, – громко произнес Портер, не обращая ни к кому конкретно, – кто-то, видно, подошел к нему сзади, перерезал глотку и отпихнул сюда, к стене.

– Ты прав только частично, Портер, – сказал Эдгар. – Как можно вот так, сзади, незаметно, подобраться к человеку в туннеле? Он уже был вместе с кем-то, и они его прикончили. Это орудовал не посторонний.

Портер сунул эталонную карточку в карман и сказал:

– Ну, извини, партнер.

Больше он ничего не говорил. Он был толст и морально сломлен – так, как это бывает со многими копами, которые задерживаются на этой работе дольше, чем следует. Портер пока еще мог влезать в ремень 34-го размера, но поверх ремня свисал наружу непомерный живот. На нем была твидовая спортивная куртка с протертыми локтями. На страшном, бледном, как маисовая мука, лице торчал нос пьяницы, большой, бесформенный и болезненно-красный.

Босх зажег сигарету и сунул обгоревшую спичку в карман. Потом низко, точно принимающий игрок в бейсболе, наклонился вперед над мертвым телом, приподнял мешок с баллончиком и прикинул его вес. Баллончик был почти полон, и это подтверждало то, что он и без того подозревал и чего боялся. Это он сам убил Шарки. В определенном смысле, во всяком случае. Он выследил его и сделал ценным – по крайней мере потенциально ценным – свидетелем. Кто-то не хотел этого допустить. Босх сидел на корточках, упершись локтями в колени, держа у губ сигарету, курил и жадно вглядывался в тело, чтобы уже никогда его не забыть.

Медоуз, тот сам был частью всей этой каши – пестрого круга взаимосвязанных событий, которые и привели его к смерти. Но Шарки-то не был. Он был обычным уличным бродяжкой, и его смерть здесь, в этом туннеле, очевидно, спасла шкуру кому-то еще в этой преступной цепочке. Он этой смерти не заслуживал. В этом круге событий он был лицом посторонним, к нему непричастным. А это означало, что события вышли

из-под контроля и возникли новые правила игры для обеих сторон. Босх указал рукой на шею Шарки, подавая знак, и криминалист из коронерской службы отодвинул тело от стены. Детектив уперся одной рукой в пол, чтобы сохранить равновесие, и долгое время смотрел на вспоротое горло. Ему не хотелось забыть ни единой подробности. Голова Шарки отвалилась назад, обнажив зияющую рану, но Босх не отвел глаз ни на секунду.

Когда он наконец оторвал взгляд от трупа, то заметил, что Элино́р уже больше нет в туннеле. Гарри выпрямился и сделал знак Эдгару выйти наверх поговорить. Ему не хотелось кричать, перекрывая звук генератора. Когда они вышли из туннеля, он увидел, что Элино́р сидит одна на верхней ступеньке. Проходя мимо, Босх положил руку ей на плечо. Он почувствовал, как Элино́р напряглась при его прикосновении.

– Так что говорят эксперты? – спросил Гарри, когда они с бывшим партнером удалились от шума на достаточное расстояние.

– Ни черта толкового, – ответил Эдгар. – Если это была хулиганская разборка, то одна из самых чистых, какие я видел. Ни единого отпечатка или другой зацепки. Баллончик с краской чист. Оружия нет. Свидетелей нет.

– У Шарки была команда, до сегодняшнего дня они обретались в мотеле возле бульвара, но он не знался с бандитами, – сказал Босх. – Это есть в его личном деле. Он был мелким мошенником. Ну, знаешь, толкал поляроидные снимки, грабил гомосексуалистов – в таком роде.

– Ты хочешь сказать, что его имя есть в файлах по уличным группировкам, но в настоящей банде хулиганов и насильников он не состоял?

– Точно.

Эдгар кивнул.

– И тем не менее его мог кокнуть тот, кто думал, что он из этих.

К ним подошла Уиш, но не сказала ни слова.

– Ты же сам прекрасно знаешь, что это не хулиганская разборка, Дже́д, – сказал Босх.

– Знаю?

– Да, знаешь. Будь это так, здесь бы не остался полный баллончик краски. Ни один хулиган из банды не оставит после себя ничего подобного. К тому же тот, кто расписал стену, не имел навыка. Краска потекла. Кто бы это ни был, он ни черта не смыслит в граффити.

– Отойдем на минутку, – попросил Эдгар.

Босх посмотрел на Элино́р и дружески кивнул ей: мол, все в порядке. Они с Эдгаром отошли на несколько шагов и остановились у ленточного

ограждения.

– Что сказал тебе этот парень и как случилось, что он свободно разгуливал, если он важный свидетель? – спросил Джед.

Босх вкратце изложил ему суть дела – о том, что они не знали, является ли Шарки важным свидетелем. Но кто-то, видимо, знал. Или же не мог позволить себе рисковать, дожидаясь, пока это выяснит. Рассказывая, Босх бросил взгляд на темные очертания гор и увидел, что первый рассветный луч уже окрасил высокие пальмы на вершине. Эдгар шагнул назад и тоже задрал голову. Но он не смотрел на небо. Его глаза были закрыты. Наконец он обернулся к Босху:

– Гарри, ты знаешь, что за уик-энд на носу? День памяти павших. Это самый длинный в году трехдневный уик-энд для показа выставленной на продажу недвижимости. Начало летнего сезона. В прошлом году я продал за эти выходные четыре дома – заработал почти столько же, сколько копом за год.

Босх был сбит с толку неожиданным отклонением от темы.

– Ты о чем?

– Я о том, что... Я не собираюсь всей задницей влипнуть в это дело. Не допущу, чтобы оно испоганило мне этот уик-энд, как испоганило прошлый. Я вот к чему: если хочешь, я пойду к Паундзу и скажу, что вы вместе с ФБР хотите забрать это дело, потому что оно связано с тем, над которым вы работаете. Если ты против, я буду заниматься им ровно столько, сколько положено, и ни минутой больше.

– Скажи Паундзу все, что захочешь, Джед. Этот вызов был не в мое дежурство.

Босх двинулся к Элиноу, но Эдгар крикнул ему вслед:

– Постой, еще одно. Кто знал, что ты нашел парня?

Босх остановился, не оборачиваясь. По-прежнему не оборачиваясь, глядя на Элиноу, произнес:

– Мы взяли его с улицы. Мы допросили его в нашем участке, на Уилкокс. Отчеты были переданы в ФБР. Что ты хочешь, чтобы я тебе ответил, Джед?

– Ничего, – бросил Эдгар. – Но знаешь, Гарри, может, тебе и ФБР надо было получше приглядывать за вашим свидетелем? Может, тогда это сэкономило бы мне маленько времени, а мальчику маленько жизни?

Босх и Уиш в молчании зашагали обратно к машине.

– Кто был в курсе? – спросил Босх, как только оба оказались внутри.

– Что ты имеешь в виду?

– То, о чем только что говорил Эдгар: кто знал о Шарки?

Она на миг задумалась.

– На моем конце цепочки, – проговорила она, – Рурк получает от меня краткие ежедневные отчеты. А на этот раз получил также памятку насчет гипноза. Отчеты подшиваются в дело, а копии поступают старшему специальному агенту. Аудиозапись допроса, которую ты мне дал, заперта у меня в столе. Никто не мог ее слышать. Она не переписывалась. Так что в принципе отчеты мог видеть кто угодно. Но я не хочу даже думать об этом, Гарри. Никто... Этого не может быть.

– Но получается, преступники знали, что мы нашли парня и что он может оказаться важным свидетелем. О чем это тебе говорит? У них непременно должен быть внутренний осведомитель.

– Гарри, все это только домыслы. Могла произойти масса всевозможных вещей. Например, когда ты говорил ему, что мы опять разыщем его на улице, любой мог проследить за нами и подслушать. Его собственные дружки, та девушка... Любой мог проболтаться, что мы охотимся за Шарки.

Босх подумал о Льюисе и Кларке. Те двое наверняка видели, как они с Уиш заарканили парня. Какова их роль в этом деле? Все отдавало какой-то бессмыслицей.

– Шарки был малый хитрый и ершистый, – сказал он. – Ты думаешь, он пошел бы с кем-то в этот туннель просто так, прогуляться? Думаю, у него не было другого выбора. И чтобы этого добиться, возможно, потребовался кто-то с полицейским значком.

– Или кто-то с деньгами. Ты же знаешь, он бы пошел с любым, если бы речь шла о деньгах.

Она не заводила мотор, и они просто сидели в напряженной задумчивости. Наконец Босх сказал:

– Смерть Шарки – это послание.

– Как ты сказал?

– Сообщение нам, понимаешь? На теле оставили мою карточку. Позвонили по тому номеру, где звонки не отслеживаются. И прикончили они его в туннеле. Он хочет, чтобы мы знали: это их рук дело. Они хотят, чтобы мы знали: у них есть осведомитель. Они смеются над нами.

Она завела мотор.

– Куда едем?

– В Бюро.

– Гарри, будь осторожен с этой идеей о внутреннем осведомителе. Если ты станешь ее проталкивать, а она окажется ложной, то дашь в руки своим врагам все средства тебя закопать.

«Врагам, – подумал Босх. – Кто же мои враги на этот раз?»

– Парня убили из-за меня, – сказал он. – Самое меньшее, что я собираюсь сделать, – это найти его убийцу.

* * *

Пока Элиноор Уиш отпирала дверь в отдел, Босх сквозь хлопчатобумажные занавески в приемной смотрел на ветеранское кладбище. Стелющийся по земле туман еще не полностью заслонил усеянное надгробиями поле, и сверху казалось, будто тысяча призраков разом поднимается из могил. Босх видел, как темная канава перерезала склон с северной стороны кладбища, но все еще не мог взять в толк, что это такое. Она напоминала гигантскую могилу – длинная траншея в теле холма, громадная рана. Вынутая земля была покрыта черными пластиковыми полотнищами.

– Хочешь кофе? – раздался у него за спиной голос Уиш.

– Конечно, – сказал он. Он заставил себя оторваться от окна и последовал за ней в офис. В помещении было пусто. Они прошли в служебную кухню, и он наблюдал за тем, как она высыпала пакетик молотого кофе в фильтр кофеварки и включила машину. Они стояли в молчании, наблюдая, как черная жидкость медленно капает в стеклянную чашку на подогреваемой подставке. Босх закурил и постарался думать только о наполняющем сосуд кофе. Уиш сделала рукой движение, как бы разгоняя дым, но не попросила его погасить сигарету.

Когда кофе был готов, Босх отпил глоток, и тот подействовал на нервную систему, как укол наркотика. Он налил себе вторую чашку и отнес обе в помещение опергруппы. Сев за свой временный стол, зажег следующую сигарету от бычка первой.

– Последняя, – пообещал он, заметив ее взгляд.

Элиноор налила себе чашку воды из бутылки, которую вытащила из своего шкафчика.

– У тебя когда-нибудь кончается эта штука? – спросил он.

Она проигнорировала вопрос.

– Гарри, мы не можем винить себя за смерть Шарки. Если за это себя винить, то тогда пришлось бы хватать в охапку каждого, с кем мы разок поговорили, и включать его в программу защиты свидетелей. Не забрать ли нам тогда его мать? Не обеспечить ли и ей защиту, как важной свидетельнице? А как насчет той девушки из мотеля, которая была с ним

знакома? Ты же понимаешь, это абсурд. Шарки есть Шарки. Если живешь на улице – на улице и погибнешь.

Сначала Босх ничего не ответил. Потом сказал:

– Дай мне посмотреть имена.

Уиш вынула папки по делу об ограблении Уэстлендского банка. Покопавшись, вытащила сложенную гармошкой компьютерную распечатку длиной в несколько страниц. Перекинула ему на стол.

– Это сводный список, – сказала она. – Тут все, кто арендовал сейфовые ячейки. После нескольких имен сделаны пометки, но они скорее всего несущественны в данном случае. Большая часть была сделана, когда мы думали, не жульничают ли они со страховкой.

Босх начал разворачивать распечатку и понял, что она представляет собой один длинный список и пять списков поменьше, маркированных буквами от «А» до «Е». Он спросил, что они собой представляют, и Элиноор, обойдя стол, подошла к нему сзади и заглянула через плечо. Он снова почувствовал яблочный запах ее волос.

– Значит, так: длинный список – это владельцы ячеек. Этот список включает всех. Затем мы сделали из него пять выборок: от «А» до «Е». Первая выборка, «А», содержит имена тех, кто арендовал сейф в пределах трех месяцев перед ограблением. Далее, в списке «В», представлены владельцы ячеек, которые заявили, что не понесли урона. Затем «С» – это тупиковый список: владельцы либо умерли, либо мы не смогли их отыскать: сменился адрес либо они, арендуя сейф, представили липовую информацию.

Далее, четвертая и пятая выборки – это параллельные выписки из первых трех. В список «D» внесен всякий, кто арендовал ячейку в предшествующие три месяца и одновременно заявил, что у него ничего не похищено. В списке «Е» – люди из тупикового списка, которые при этом арендовали ячейку в предшествующие три месяца. Все понятно?

Ему было понятно. Мысль сыщиков из ФБР состояла в том, что грабители неизбежно должны были предварительно осмотреться на местности, прежде чем взламывать хранилище, и что эта рекогносцировка, вероятнее всего, состояла в том, что кто-то из них просто-напросто сам арендовал в банке ячейку. Таким образом, они узаконили свой доступ в банк, и человек, арендовавший сейф, получал возможность приходить в хранилище в любое время и присматриваться. Поэтому список тех, кто арендовал ячейку в течение трех месяцев, предшествующих ограблению, весьма вероятно, включал и этого разведчика.

Во-вторых, скорее всего этот самый разведчик после ограбления не

захотел привлекать к себе внимание, поэтому мог заявить, что из его сейфа ничего не украдено. Таким образом, он попадал в список «D». Но если он совсем не объявлялся либо, арендуя ячейку, представил о себе ложную информацию, тогда его имя попадало в список «E».

В списке «D» было только семь имен, а в списке «E» – только пять. Одно из имен списка «E» было обведено в кружочек. Фредерик Б. Рисли из Парк-Ла-Бреа – человек, купивший в Тастине три вездехода марки «Хонда». Возле других имен просто стояли пометки.

– Помнишь, – сказала Элинор, – я говорила тебе, что это имя еще всплывет?

Гарри кивнул.

– Рисли, – сказала она. – Мы полагаем, что это и был разведчик. Арендовал ячейку за девять недель до ограбления. Банковская документация показывает, что в течение последующих семи недель он приходил в хранилище четыре раза. Но после взлома этот человек уже ни разу не появлялся. И не подавал заявления о пропаже. А когда мы попытались с ним связаться, то обнаружили, что адрес фальшивый.

– Есть его словесный портрет?

– Такой, от которого мало толку. Маленького роста, темноволосый, кажется, привлекательный – вот в общем-то и все, что могли вспомнить служащие. Мы предположили, что этот человек был разведчиком, еще раньше, чем выяснили насчет вездеходов. Когда арендатор сейфа хочет взглянуть на свою ячейку, служащий отводит его в хранилище, отпирает сейф и затем препровождает его вместе с ящичком в одну из специальных комнат для просмотра. Когда клиент заканчивает, то они одновременно относят ячейку обратно и клиент помечает инициалами свою карточку арендатора. Примерно как в библиотеке. Поэтому когда мы подняли карточку этого типа, то увидели инициалы: ФБР. Ты сам из тех, кто не верит в совпадения. Вот и мы не поверили. Мы сочли, что кто-то насмехается над нами. Позднее эта догадка подтвердилась, когда мы выяснили покупку вездеходов в Тастине.

Гарри прихлебнул кофе.

– Но толку от этого было не много, – продолжала она. – Мы его так и не нашли. Среди всякого мусора, оставшегося в хранилище после ограбления, разыскали его ячейку и сняли отпечатки с нее и с дверцы. Ничего. Показали банковским служащим несколько фото – в их числе и Медоуза, – но они не смогли никого опознать.

– Мы можем снова к ним обратиться – теперь, когда у нас есть Франклин и Дельгадо. Посмотрим, не является ли один из них этим Рисли.

– Да. Мы так и сделаем. Я сейчас вернусь.

Она встала и отошла, а Босх снова принялся за кофе и за изучение списка. Он прочел каждое имя и каждый адрес, но ничто не зацепило его внимания, кроме пригоршни имен знаменитостей, политиков и тому подобных, которые арендовали сейфы в этом банке. Босх проходил список уже по второму разу, когда вернулась Элинор. Она держала в руке лист бумаги, который положила перед ним на стол.

– Я поискала в кабинете Рурка. Он уже заархивировал большую часть бумаг, которые я ему сдала. Но памятка насчет гипноза все еще лежала в его почтовой ячейке, так что, наверное, он ее пока не видел. Теперь она уже не имеет смысла. Пожалуй, к лучшему, что он ее не читал.

Гарри взглянул на листок, а потом сложил и сунул себе в карман.

– По правде говоря, – прибавила она, – я думаю, большая часть бумаг находилась на виду недостаточно долго, чтобы кто-то... Во всяком случае, так мне кажется. А Рурк... он технократ, а не убийца. Было же сказано о тебе в заключениях психологов: не станет преступать черту ради денег.

Босх посмотрел на нее и почувствовал, что хочет сказать ей что-нибудь приятное, залучить на свою сторону. Он не мог ничего придумать и не мог понять этой новой холодности в ее манере.

– Забудь, – сказал он, а затем, опуская взгляд на список, прибавил: – Насколько подробно ваши люди проверяли тех, кто заявил, что у них ничего не пропало?

Она посмотрела на распечатки, где Босх обвел список «В», в котором было девятнадцать имен.

– Мы сверили каждое имя с уголовными досье – со списками людей, имеющих судимости и приводы, – начала она. – Мы разговаривали с людьми по телефону, а затем и с глазу на глаз. Если чья-то история звучала сомнительно или просто у агента почему-либо возникали подозрения, тогда другой агент приходил без объявления, чтобы провести дополнительный допрос. Так сказать, для объективности картины. Я в этом не участвовала. У нас была вторая команда – она и проводила большую часть выездных допросов. Если тебя интересует какое-то конкретное имя, я могла бы поднять резюме допросов.

– А как насчет вьетнамских имен в списках? Я насчитал тридцать четыре сейфа с вьетнамскими именами: четверо в списке тех, кто не заявлял о пропаже, и одно – в тупиковом списке.

– А почему именно вьетнамские? Если взглянуть на клиентов – китайцев, корейцев, белых, черных и латиносов, тоже получатся солидные выборки.

– Да, но Вьетнам приходит на ум в связи с Медоузом. А теперь мы еще предполагаем, что были замешаны Франклин и Дельгадо. Все трое служили во Вьетнаме в военной полиции. Мы также имеем реабилитационный центр для ветеранов «Чарли компани», который – весьма возможно! – имел к этому отношение. Итак, я хочу знать: после того, как Медоуз попал под подозрение и вы начали поднимать послужные списки «туннельных крыс», проверяли вы заново вьетнамцев из этого списка?

– Нет... то есть да. Что касается иностранцев, мы сравнили их имена с данными службы иммиграции и натурализации, чтобы узнать, как долго они проживают в США и являются ли легальными мигрантами. Но это и все. – Она помолчала. – Я вижу, к чему ты клонишь. Это упущение в нашей работе. Видишь ли, мы не разрабатывали Медоуза как возможного подозреваемого, пока не прошло несколько недель после ограбления. Но тогда большая часть этих людей уже была допрошена. Мы начали следить за Медоузом и не возвращались к списку, чтобы проверить указанных в нем лиц. Ты думаешь, кто-то из вьетнамцев мог в этом участвовать?

– Сам не знаю, что я думаю. Просто пытаюсь нащупать связь. Совпадения, которые не являются совпадениями.

Босх вынул из кармана пиджака записную книжку и начал составлять список вьетнамцев – держателей ячеек, с датами рождения и адресами. Он выписал четверых, которые не заявляли о пропаже, причем имя из тупикового списка поставил на самый верх. Едва он успел с этим покончить и закрыть блокнот, как в помещение опергруппы вошел Рурк. У него еще даже не просохли волосы после утреннего душа. В руке он держал кофейную кружку с надписью «Босс». Увидев Босха и Уиш, он бросил взгляд на часы:

– Решили приступить с утра пораньше?

– Наш свидетель... Его нашли сегодня мертвым, – с ничего не выражающим лицом проговорила Уиш.

– Господи! Где? Кого-нибудь арестовали?

Уиш покачала головой и скосила на Босха предостерегающий взгляд, предупреждая не заводитьсь. Рурк тоже посмотрел на него.

– Его смерть связана с нашим расследованием? – спросил он. – Есть какие-то признаки?

– Мы думаем, есть, – сказал Босх.

– Мать честная!

– Вот именно, – отозвался Босх.

– Не следует ли нам забрать дело у полиции Лос-Анджелеса и

объединить его с нашим расследованием по Медоузу? – Рурк спросил это, обращаясь к Уиш. Оно и понятно: Босх здесь не являлся частью группы, принимающей решения. Уиш не ответила, поэтому Рурк прибавил: – Не следовало ли нам обеспечить ему защиту?

Тут Босх не смог сдержаться:

– От кого?!

Прядь мокрых волос выбилась из отведенного ей места в шевелюре и упала Рурку на лоб. Лицо его побагровело.

– Какого черта вы имеете в виду?

– Как вы узнали, что дело ведет лос-анджелесская полиция?

– Что?

– Вы только что спросили, не следует ли нам забрать дело от полиции Лос-Анджелеса. Как вы узнали, что оно у них? Мы этого не говорили.

– Я просто сделал логичный вывод. Босх, я возмущен этим намеком и возмущен вами, черт бы вас побрал! Вы намекаете, что я или кто-то еще... Если вы хотите сказать, что имеется утечка информации из правоохранительных органов, тогда я сегодня же потребую внутреннего расследования. Но могу заявить вам прямо сейчас: если такая утечка и имела место, то только не из ФБР.

– Тогда откуда еще она могла быть? Что произошло с теми отчетами, которые мы вам сдали? Кто их читал?

Рурк покачал головой.

– Гарри, это смешно. Я понимаю ваши чувства, но давайте успокоимся и подумаем минутку. Свидетель был взят на улице, допрошен в Голливудском участке, а затем отвезен в муниципальный приют для подростков и там оставлен. И наконец, вы сами находитесь под внутренним следствием в вашем собственном ведомстве, детектив. Мне очень жаль, но ваши же люди, по всей видимости, не доверяют вам.

Лицо Босха потемнело. Он почувствовал себя преданным. Рурк мог узнать о слежке только от Уиш. Значит, она заметила Льюиса и Кларка. Почему же она ничего не сказала ему, а вместо этого передала Рурку? Босх повернул к ней голову, но она смотрела в стол. Он снова посмотрел на Рурка, который энергично кивал головой, словно та была на пружинке.

– Да, она обнаружила за вами хвост в первый день.

Рурк обвел взглядом пустое помещение, явно мечтая о более многочисленной аудитории. Вот он перенес вес тела с одной ноги на другую: ни дать ни взять боксер в углу ринга в нетерпеливом ожидании следующего раунда, когда можно будет отправить слабого противника в нокаут. Уиш продолжала молча сидеть за столом. И в этот момент Босху

показалось, что прошел миллион лет с тех пор, как они держали друг друга в объятиях.

– Может, вам следует обратить взор на себя и свое собственное ведомство, прежде чем бросаться скоропалительными и необдуманными обвинениями? – возгласил Рурк.

Босх ничего не ответил. Он просто встал и зашагал к двери.

– Гарри, куда вы? – из-за своего стола крикнула ему вслед Элинора.

Он обернулся, несколько мгновений смотрел на нее, потом двинулся дальше.

* * *

Льюис и Кларк засекли «каприз» Босха, как только он выехал из гаража Федерал-билдинг. На этот раз Кларк был за рулем, и Льюис добросовестно отметил время в своем вахтенном журнале.

– У него зуд в одном месте, давай лучше подтянемся к нему поближе, – сказал он.

Босх свернул к западу, на бульвар Уилшир, и держал путь к магистрали 405. Кларк прибавил скорости, чтобы в час пик не потерять его в потоке машин.

– Будет зуд, если только что потерял своего единственного свидетеля, – отозвался Кларк. – Если его увели прямо из-под носа.

– Почему ты так решил?

– Ты сам видел. Он заткнул парня в приют и довольный поехал по своим делам. Уж не знаю, что там этот мальчишка видел или рассказал им, но кому-то очень захотелось убрать его с дороги. Босху надо было лучше за ним присматривать. Держать под замком.

По шоссе 405 они ехали на юг. Босх обгонял их корпусов на десять, оставаясь в правом ряду. Шоссе было плотно забито стальной движущейся массой, воняющей бензиновым выхлопом и задымляющей воздух.

– Я думаю, он едет на десятую автостраду, – сказал Кларк. – Он хочет попасть в Санта-Монику. Может, опять к ней домой, может, забыл там зубную щетку. Или она тоже возвратится домой, чтобы вместе встретить сиесту. Разумеешь, к чему я клоню? Я к тому, что пусть себе едет, а мы завернем побеседовать с Ирвингом. Думаю, мы сможем что-нибудь выжать из этой истории со свидетелем. Может, преступную халатность. Этого достаточно, чтобы повлечь за собой административные слушания. Самое меньшее, что он схлопочет, – его вышибут из секции убийств. А если Гарри

Босху не позволят расследовать убийства, тогда он подхватится и уйдет. Еще одно очко в нашу пользу.

Льюис поразмыслил над предложением напарника. Оно было недурно. Из этого могло что-то получиться. Но ему не хотелось бросать слежку без позволения Ирвинга.

– Держись за ним, не отставай, – ответил он. – Как только он где-нибудь остановится, я схожу потрачу четвертак, узнаю, чего хочет Ирвинг. Когда он позвонил мне сегодня насчет мальчишки, то, кажется, был в полном восторге. Так что, видимо, дела идут хорошо. Поэтому я не хочу бросать слежку, пока он не даст «добро».

– Как скажешь. Кстати, как Ирвинг так быстро узнал, что парня чикнули?

– Не знаю. Следи внимательно. Он поворачивает на десятую.

Они последовали за серым «каприсом» на автостраду Санта-Моника. Сейчас они удалялись от деловой части города, двигаясь против общего потока, а потому – сравнительно свободно. Но Босх больше не прибавлял скорости. Он, не сворачивая, миновал съезды к дому Элинора Уиш – Кловерфилд и Линкольн и продолжал двигаться по шоссе дальше. Затем нырнул в туннель и, проехав под скалистыми пляжами, снова выехал на поверхность на автостраде Пасифик-коуст. Теперь он двигался вдоль океанского побережья на север. Солнце ослепительно жарило в вышине, а впереди, в легкой дымке, маячили горы Малибу.

– Ну и что теперь? – спросил Кларк.

– Не знаю. Давай еще немножко повисим у него на хвосте.

На Пасифик-коуст движение было не слишком интенсивным, и преследователям было не так-то просто неизменно держать между собой и Босхом хотя бы одну машину. Несмотря на то, что Льюис был по-прежнему убежден, будто большинству копов лень проверять, нет ли за ними слежки, сегодняшний случай опровергал эту теорию. У Босха убили свидетеля – так что он, вероятно, инстинктивно должен озаботиться, не висел ли кто раньше у него на хвосте, а может, и сейчас висит.

– Ладно, просто следуй за ним. У него целый день впереди, у нас – тоже.

Босх держал одну и ту же скорость на протяжении следующих нескольких миль, пока не свернул на автостоянку рядом с причалами Эллис и Малибу. Льюис и Кларк промчались мимо. Проехав милю, Кларк сделал запрещенный U-образный поворот и ринулся обратно. Когда же они подкатили к автостоянке, машина Босха находилась там, но его самого не было видно.

– Опять двинул в ресторан, что ли? – предположил Кларк. – Наверное, ему понравилось это место.

– Там в такую рань еще закрыто.

Оба начали озираться. В этом конце парковки стояли еще четыре автомобиля, и багажные подставки на их крышах свидетельствовали о том, что машины принадлежали группе серфингистов, которые сейчас подпрыгивали на волнах к югу от пирса. Наконец Льюис увидел Босха и указал на него. Тот находился примерно на середине длины мола – опустив голову, он шагнул к дальнему краю, и ветер трепал его волосы. Льюис огляделся в поисках фотоаппарата и понял, что камеру еще не вынимали из багажника. Он вытащил из отделения для перчаток бинокль и навел его на удаляющуюся фигуру. Наконец Босх достиг конца деревянного парапета и облокотился на него.

– Что он там делает? – спросил Кларк. – Дай мне взглянуть.

– Ты сегодня за водителя, а я веду наблюдение. Все равно он ничего не делает. Просто стоит облокотившись.

– Должно быть, думает о чем-то.

– Да, думает. Ты доволен?.. Так... закурил сигарету... Тебе интересно?.. Погоди... Он что-то делает.

– Что?

– Черт! Нам надо было заранее подготовить фотокамеру.

– Что значит «нам», черт возьми? Сегодня это твоя обязанность. Я за рулем. Что он делает?

– Он что-то бросил. В воду.

В полевой бинокль Льюис увидел, как фигура Босха перегнулась через перила. Он смотрел куда-то вниз, на воду. Больше на молу вроде бы никого не было.

– Что он бросил? Ты видишь?

– Откуда мне знать, блин, что он бросил? Мне отсюда не видно воду. По-твоему, я должен пойти попросить тех парней на досках подгрести к нему и следить вместо нас? Не знаю я, что он бросил!

– Кончай кипятиться. Я просто спросил... А ты не можешь вспомнить цвет предмета?

– Кажется, белый, вроде шарика. Но его вроде унесло.

– По-моему, ты сказал, тебе не видно воду.

– Я имею в виду, что ветром унесло вниз. Кажется, это какая-то тряпка или бумажка.

– А что он сейчас делает?

– Просто стоит у перил. Смотрит вниз.

– Муки совести... Может, он сейчас как сиганет в воду, и нам можно забыть про это чертовое дело.

Кларк хихикнул над своей тухлой шуткой. Льюис смеяться не стал.

– Да, точно. Все так и будет.

– Дай мне бинокль и сходи позвони. Узнай, что хочет Ирвинг.

Льюис передал бинокль и вылез из машины. Но сначала он подошел к багажнику и достал оттуда «Никон». Приладил телеобъектив, потом отнес фотоаппарат к окошку водительской двери и вручил Кларку.

– Сфотографируй его там, чтобы было что показать Ирвингу.

Затем Льюис затрусил к ресторану в поисках телефона. Вернулся он меньше чем через три минуты. Босх все еще стоял, опершись на перила на конце мола.

– Шеф говорит, ни при каких обстоятельствах не бросать наблюдение. Еще он сказал, наши отчеты на хрен не годятся. Ему нужно больше фактов и фотографий. Ты его заснял?

Кларк пялился в объектив фотокамеры и был слишком увлечен, чтобы ответить. Льюис взял бинокль и тоже стал смотреть. Босх оставался неподвижен. Льюис ничего не понимал. Что он там делает? Думает? Тогда зачем было тащиться сюда через весь город?

– Пошел бы он со своими фактами! – вдруг в сердцах произнес Кларк, опуская камеру на колени и переводя взгляд на партнера. – Да, я сделал несколько снимков, Ирвинг будет счастлив. Но этот чувак ничего не делает. Просто стоит у перил.

– Уже не стоит, – отозвался Льюис, не отрывая взгляда от бинокля. – Заводи машину. Шоу продолжается.

* * *

Босх ушел с пирса, выбросив в воду скомканную памятную записку насчет гипноза. Она запрыгала по загаженной поверхности, точно белый цветок, и, продержавшись несколько мгновений, исчезла под водой. Решимость Босха найти убийцу Медоуза только укрепилась: теперь ему хотелось торжества справедливости и ради Шарки. Шагая назад по старым доскам причала, он увидел, что ехавший за ним «плимут» съезжает с ресторанной автостоянки. Опять они, подумал он. Но это не имело значения. Его не заботило, что эти двое видели или сочли, что видели. Правила игры поменялись, и у Босха были свои планы в отношении Льюиса и Кларка.

По 10-му шоссе он поехал на восток, к центру города. Гарри даже не дал себе труда заглянуть в зеркало заднего вида, чтобы отыскать глазами черную машину, – он и без того знал, что она там. Мало того, он хотел, чтобы она была там.

Детектив припарковался в запрещенном месте перед зданием службы иммиграции и натурализации на Лос-Анджелес-стрит. Поднялся на третий этаж и пересек одну из переполненных людьми приемных. В помещении пахло, как в тюрьме – потом, страхом и безнадеей. Скучающая женщина сидела за раздвижным стеклом конторки, трудясь над кроссвордом в «Таймс». Окошко было задвинуто. Ниже стекла имелась пластиковая приемно-раздаточная щель для бумажных документов – нечто подобное можно видеть на прилавке мясного рынка. Спустя несколько секунд служащая подняла глаза на Босха. Он показывал ей полицейский значок.

– Вы не знаете, как называется человек, постоянно пребывающий в печали и одиночестве? – спросила она, отодвинув окошко, и тут же проверила, не сломался ли ноготь.

– Босх.

– Что?

– Детектив Гарри Босх. Нажмите кнопку и пропустите меня. Мне нужно видеть Гектора В.

– Мне нужно сначала проверить ваши данные, – с недовольной гримасой ответила она. Потом тихо произнесла что-то по телефону, протянула руку за полицейским жетоном Босха и поставила палец на указанное в его удостоверении имя. Затем положила телефонную трубку.

– Он говорит, идите с заднего хода. – Женщина нажала расположенную рядом с окном кнопку запорного устройства. – Говорит, вы знаете дорогу.

Войдя в маленькое помещение полицейского отдела, гораздо более тесное, чем то, где работал сам, Босх обменялся рукопожатием с Гектором Виллабоной.

– Хочу попросить тебя об одной услуге. Мне нужно компьютерное время.

– Что ж, давай это устроим.

Вот что нравилось Босху в Гекторе В. Тот никогда не задавал вопросов вроде «Что?» или «Зачем?» прежде, чем принять решение. Он был человеком типа «давай это устроим», всегда готовым оказать содействие. Он не играл в разные дурацкие игры, в которые, как пришел к выводу Босх, играли почти все люди их профессии. Гектор крутанул на вертящемся стуле, обращаясь к стоящему на столе компьютеру, и ввел пароль.

– Ты ведь хочешь пробежаться по каким-то именам, верно? Сколько

штук?

Босху тоже не хотелось его дурачить. Он показал список из тридцати четырех фамилий. Гектор тихонько присвистнул.

– О'кей, мы их, конечно, посмотрим, но это вьетнамцы. Если их дела не проходили по этому ведомству, то и досье здесь не окажется. Я могу извлечь только то, что есть в компьютере. Даты въезда, документация, гражданство – все то, что заложено в базу данных. Сам знаешь, как оно устроено, Гарри.

Босх знал. Но он знал также, что Южная Калифорния – это то место, где, преодолев океан, нашли себе приют большинство вьетнамских беженцев. Гектор начал набивать имена двумя пальцами, и двадцать минут спустя Босх уже держал перед глазами компьютерную распечатку.

– А что мы ищем, Гарри? – спросил Гектор, вместе с ним глядя в список.

– Сам не знаю. Тебе ничего не кажется здесь необычным?

Прошло довольно много времени, и Босх уже подумал, что Гектор скажет, мол, ничего необычного не видит. Тогда тупик. Но Босх ошибся.

– Так... насчет вот этого человека, думаю, ты обнаружишь, что он имел связи.

Имя человека было Нго Ван Бинь. Босху оно ничего не говорило, кроме того разве, что оно было из списка «В»; Бинь был из тех, кто не заявлял о пропаже из сейфа.

– Ты говоришь, связи?

– У него был какой-то блат, протекция, – пояснил Гектор. – Политические связи – думаю, ты бы это так назвал. Видишь ли, номер его дела имеет буквенную приставку «GL». Этими досье занималось наше Бюро по особым делам в Вашингтоне. Обычно они не занимаются простыми людьми. А только крупными шишками вроде шаха, Маркосов. Или русских невозвращенцев – если они являются учеными или артистами балета. Такой вот публикой. Этих дел я здесь никогда не видел. – Он кивнул головой и ткнул пальцем в распечатку. – Далее: опять же даты, они слишком близко друг от друга. Его переброска произошла слишком быстро, и это наводит меня на мысль, что не обошлось без подмазки. Я слыхом не слыхивал об этом парне, но вижу, что этот парень неплохо разбирался в человеческой породе. Взгляни на дату въезда: 4 мая 1975 года. Всего четыре дня после того, как он покинул Вьетнам. Если прикинуть: в первый день человек добирается до Манилы, в последний – до Штатов. У него оставалось всего два дня на то, чтобы в Маниле выправить разрешение и прокомпостировать билет на материк. А в это время – старина, вспомни –

они ведь прибывали в Манилу полными лодками. Невозможно оформить это за два дня, если только все не схвачено. То есть у этого самого Биня уже был оформленный пропуск. Он имел политические связи. Это не такое уж редкое явление, многие их имели. Когда дело накрылось медным тазом, мы вывезли оттуда множество людей. Кто-то из них принадлежал к элите. А кто-то просто имел деньги, чтобы с их помощью стать элитой.

Босх посмотрел на дату отъезда Биня из Вьетнама. Это было 30 апреля 1975 года. В тот же день уезжал из Вьетнама Медоуз. Тот самый день, когда под ударами армии Северного Вьетнама пал Сайгон.

– А это дата министерства обороны, – сказал Виллабона, указывая на другое число. – Четырнадцатое мая. Очень короткий срок для проверки документации и признания ее правильной. Всего через десять дней после прибытия этот человек получает въездную визу. Это слишком уж стремительно для простого Джо^[40]. Или, в данном случае, для простого Нго.

– И что ты об этом думаешь?

– Трудно сказать. Он мог быть тайным агентом. Он мог просто иметь достаточно денег, чтобы добиться посадки в вертолет. По сей день о тех временах бродит масса слухов. Как люди в одночасье становились богатыми. Место на военном самолете шло за десять штук. Бесспорно, визы стоили еще дороже. Но... ничего так и не было доказано.

– Ты мог бы достать досье этого парня?

– Да. Если бы был в Вашингтоне.

Босх пристально посмотрел на него, и Гектор наконец пояснил:

– Все дела с кодом «GL» находятся там, Гарри. Именно там сидят нужные люди, которые обеспечивают нужные связи. Понимаешь?

Босх ничего не ответил.

– Не сердись, Гарри. Я посмотрю, что можно предпринять. Сделаю пару звонков. Зайдешь попозже?

Босх дал ему фэбээровский номер телефона, однако не сказал, что он принадлежит ФБР. Потом они обменялись рукопожатием, и Босх ушел. В вестибюле первого этажа он посмотрел сквозь тонированное стекло, ища глазами Льюиса и Кларка. Увидев наконец, как черный «плимут» свернул за угол (это сыщики СВР совершали очередной объезд квартала), вышел и спустился по ступенькам к своей машине. Периферийным зрением заметил, как машина СВР замедлила ход и подрулила к тротуару – шпики ждали, пока он отъедет.

Босх сделал так, как они хотели. Потому что сам хотел того же самого.

Улица Вудро-Вильсон-драйв, закручиваясь против часовой стрелки, избегает по Голливудским холмам. При этом ни на одном участке растрескавшейся, залатанной асфальтовой дороги никогда не могли разъехаться две машины без того, чтобы на всякий случай не притормозить. Дома по левую сторону потихоньку взбираются по вертикальному склону горы. Это давние капиталовложения, солидные и надежные. Испанская черепица и лепнина. По правую сторону выросли уже более новые постройки, с деревянным фахверковым каркасом. Они бесстрашно нависают верхними комнатами над рыжими, поросшими колючками руслами высохших ручьев и ромашковыми каньонами. Дома балансируют на сваях, как на ходулях, и так же ненадежно держатся за склон горы, как их владельцы – за свои позиции на раскинувшихся далеко внизу киностудиях. Дом Босха был четвертым от конца, по правую руку.

Когда Босх объезжал на машине последний виток, дом возник перед глазами. Гарри посмотрел на темное дерево, на общий дизайн, напоминающий обувную коробку, ища признаки того, что дом каким-то образом изменился, – будто внешний облик дома мог сказать, не случилось ли каких-то неприятностей внутри. Потом посмотрел в зеркальце заднего вида и ухватил взглядом морду карабкающегося в гору черного «плимута» – точно нос пронырливого животного, вынюхивающего добычу. Босх въехал под автомобильный навес рядом с домом и вышел из машины. Он вошел в дом, не взглянув больше на тянущийся за ним «хвост».

Он ездил на причал, чтобы хорошенько осмыслить сказанное Рурком. И, размышляя об этом, вспомнил о телефонном звонке на своем автоответчике, когда звонивший повесил трубку, так и не проронив ни слова. Сейчас он вошел в кухню и заново «проиграл» телефонные сообщения. Первым шел тот самый неизвестно чей звонок – он поступил во вторник. Далее – сообщение от Джерри Эдгара, полученное сегодня в преддверные часы, когда Эдгар разыскивал Босха, чтобы вызвать его к стадиону «Голливуд-боул». Босх перемотал ленту назад и еще раз прослушал неизвестный вызов, жестоко коря себя за то, что не оценил его важности в первый раз. Кто-то позвонил, выслушал его записанное на пленку приветствие и, дождавшись звукового сигнала, повесил трубку. Этот звук положенной трубки записался на ленте. Большинство людей, если бы не хотели оставлять сообщение, просто повесили бы трубку, едва услышав записанные на автоответчике слова, что хозяина нет дома. Либо,

сочтя, что он все-таки дома, окликнули бы его после сигнала. Но этот абонент прослушал запись, дождался сигнала и затем повесил трубку. Почему? Тогда, в первый раз, Босх не обратил на это внимания, но теперь подумал, что этот звонок был проверкой работы передающего устройства.

Он подошел к стенному шкафу у двери и достал бинокль. Потом приблизился к окну гостиной и посмотрел сквозь щелку в шторах, ища «плимут». Тот стоял несколько выше по склону. Льюис и Кларк проехали мимо дома, развернулись и припарковались у обочины, лицом к спуску, готовые продолжать преследование, как только Босх выйдет. В бинокль ему был виден сидящий за баранкой Льюис, не спускающий глаз с дома. За ним виднелась голова Кларка, у этого глаза были закрыты. Ни на ком из них, похоже, не было наушников. Тем не менее, Гарри требовалась стопроцентная уверенность. Не отрывая глаз от бинокля, он приблизился к входной двери, приоткрыл ее на несколько дюймов и снова закрыл. Люди в машине никак не отреагировали. Глаза Кларка оставались закрытыми. Льюис продолжал ковырять в зубах визитной карточкой.

Босх решил, что даже если «жучка» подсунули они, то передача шла на какое-то приемное устройство. Тем лучше. Должно быть, чувствительная микропленка установлена снаружи дома. Они будут ждать, пока он не уедет, а затем один из них выскочит из машины и проворно заберет ролик, заменив его новым. Затем они легко смогут возобновить слежку, еще прежде, чем он спустится с горы на шоссе. Босх отошел от окна и произвел быстрый осмотр комнаты и кухни. Он обследовал нижнюю часть столов и электроприборов, но не обнаружил «жучка», да и не ожидал обнаружить. Он знал: важнейшим местом был телефон, который и приберег напоследок. Установка «жучка» в телефон позволяла бы слышать и то, что делается внутри дома, и то, что проходит через телефон.

Босх снял трубку и маленьким перочинным ножом, висевшим у него на цепочке вместе с ключами, отковырнул крышку с микрофона трубки. Там не было ничего лишнего. Затем он снял крышку с противоположного, прилегающего к уху конца трубки. «Оно» было там. Ножом он аккуратно приподнял громкоговоритель. Под ним виднелся прикрепленный при помощи маленького магнита маленький, плоский, круглый передатчик размером примерно с двадцатипятицентовик. Два проводка отходили от этого приспособления, которое, как он знал, было настроено на прием и усиление звука и называлось Т-9. Один такой проводок был обмотан вокруг одного из проводков телефонной трубки, подводя энергию для «жучка». Другой проводок уходил в глубь барабана телефонной трубки. Босх аккуратно потянул за него, и показался запасной источник питания:

маленький тонкий модуль, содержащий батарейку АА. «Жучок» был рассчитан на питание от того же источника, что и телефон, но если бы телефон отключили от розетки, батарейка могла бы снабжать его энергией еще часов восемь. Босх отсоединил устройство от телефона и положил на стол. Теперь оно работало от батарейки. Он смотрел на него, соображая, что делать дальше. Это было стандартное устройство, находящееся на вооружении у полиции, с диапазоном охвата от пятнадцати до двадцати футов. Оно предназначалось для того, чтобы подслушивать все, что происходило в комнате. Дальность передачи звука минимальная, самое большее ярдов^[41] двадцать пять – в зависимости от того, сколько металла было в здании.

Босх снова подошел к окну – посмотреть, что делается на улице. Льюис и Кларк по-прежнему не проявляли беспокойства или каких-то признаков того, что обнаружили удаление «жучка». Льюис закончил ковырять в зубах.

Босх включил стереопроигрыватель и поставил диск с записью Уэйна Шортера. Затем вышел через боковую кухонную дверь, выводящую под навес для машины. Отсюда его нельзя было заметить со стороны дороги. Он тотчас отыскал магнитофон – распределительная коробка под электросчетчиком на задней стене навеса. Двухдюймовые катушки вращались, записывая звук саксофона. Записывающее устройство системы «Награ» – как и прежде устройство Т-9 – было подключено к электрической линии, снабжающей дом, но имело и резервный элемент питания. Босх отсоединил магнитофон от сети, оставив подключенным к запасному элементу, и внес в дом, где поставил на стол, рядом с его собратом.

Шортер как раз заканчивал свой «Блюз 502». Босх сел в сторожевое кресло, зажег сигарету и устался на подслушивающее устройство, пытаясь составить план действий. Он протянул руку, перемотал пленку и нажал кнопку «Play». Первое, что он услышал, был его собственный голос, говорящий, что его нет дома, затем сообщение Джерри Эдгара насчет стадиона «Голливуд-боул». Следующими звуками были звук дважды открываемой и закрываемой двери и саксофон Уэйна. Им пришлось сменить катушки по крайней мере дважды с тех пор, как была произведена проверка слышимости по телефону. Затем ему пришло в голову, что визит Элинора Уиш тоже был записан. Он подумал над этим и спросил себя, уловил ли «жучок» то, что говорилось на заднем крыльце. Повествование Босха о себе и о Медоузе. Он разозлился, думая об этом насильственном вторжении, о чужих тайнах, украденных двумя людьми из черного

«плимута».

Гарри побрился, принял душ и переоделся в свежую одежду: рыжевато-коричневый летний костюм с розовой рубашкой и синим галстуком. Потом пошел в комнату и положил «жучок» и магнитофон в карманы пиджака. Еще раз посмотрел в полевой бинокль через занавески. В машине СВР по-прежнему не наблюдалось никакого движения. Он опять вышел через боковую дверь и осторожно спустился по земляной насыпи к основанию первой сваи – стальной двутавровой балки. Потом осторожно пробрался по скату горы за домом. По дороге он заметил, что высохший овраг под балконом усеян кусочками фольги от пивной бутылки, которые он отрывал, когда стоял там с Элинон.

Перебравшись на другую сторону своего участка, Босх начал осторожно продвигаться поперек склона, поочередно подныривая под следующие три дома на ходулях. Миновав третий, он вскарабкался чуть выше по склону и из-за угла переднего дома выглянул на улицу. Сейчас он находился сзади черного «плимута». Босх обобрал колючки, набившиеся в отвороты брюк, и небрежно зашагал по дороге.

* * *

Не замеченный, он подошел к машине со стороны пассажирской дверцы. Окно было опущено, и как раз перед тем, как рвануть на себя дверцу, Босх отметил, что слышит доносящийся из машины храп.

Рот Кларка был открыт, а глаза все еще закрыты, когда Босх, наклонившись внутрь машины, схватил обоих мужчин за шелковые галстуки. Правую ногу он для упора поставил на подножку и дернул обоих на себя. Хотя их было двое, преимущество было на стороне Босха. Кларк был захвачен врасплох, а Льюис имел немногим большее представление о том, что происходит. То, что Босх тащил их за галстуки, означало, что всякая борьба или сопротивление только ту же затягивали удавку на их шеях, перекрывая доступ кислорода. Оба вылезли из машины почти добровольно, спотыкаясь, как собаки на поводке, и шлепнулись рядом с пальмой, растущей в трех футах от обочины. Лица их были красными, они шипели и брызгали слюной, пытаясь что-то сказать. Руками они тянулись к шеям, вцеплялись в узлы галстуков, пытаясь глотнуть воздуха. Тем временем Босх свободной рукой отстегнул от их ремней наручники и изловчился сковать левую руку Льюиса с правой рукой Кларка. Затем захватил правую руку Льюиса в другой комплект наручников и стал

заводить ее за дерево. Но Кларк разгадал замысел Босха и попытался встать и оттащить напарника в сторону. Босх снова ухватил Кларка за галстук и рванул книзу. Голова шпики дернулась, и лицо врезалось в ствол пальмы. На миг он оказался оглушен, и Босх замкнул на его запястье последний металлический браслет. Оба детектива СВР принялись затем неуклюже барахтаться на земле, прикованные друг к другу вокруг пальмового дерева. Босх отстегнул у них кобуры и отступил на шаг, чтобы самому перевести дух.

– Ты покойник! – наконец хрипло выкрикнул Кларк.

Кое-как они вернулись в стоячее положение, при этом между ними по-прежнему находилась пальма. Они выглядели так, будто их, двоих взрослых мужчин, застали за игрой в «Каравай».

– Физическое насилие в отношении коллеги-офицера в количестве двух единиц, – сказал Льюис. – Поведение, несообразное со званием. Мы сможем прищучить тебя и за полдюжины других штучек, Босх. – Он натужно кашлянул, брызги слюны полетели в пиджак Кларка. – Отцепи нас, и, возможно, мы забудем про этот случай.

– Пусть не ждет! Ничего мы ему не забудем, ни единой гребаной выходки! – возразил напарнику Кларк. – Он загремит у нас как миленький!

Босх вынул из кармана подслушивающее устройство и выставил его на ладони для обзора.

– Так кто из нас загремит? – спросил он.

Льюис посмотрел на «жучка» узнающим взглядом и сказал:

– Мы ничего об этом не знаем.

– Понятное дело, – сказал Босх. Из другого кармана он вытащил записывающее устройство и тоже протянул вперед на ладони. – Звучувствительные устройства системы «Награ» – вот что вы, парни, применяете в своих спецзаданиях, будь то легальные или нет, верно? Я нашел это в своем телефоне. А одновременно заметил, как вы, два болвана, гоняетесь за мной по всему городу. Не кажется ли вам, что это вы насовали мне «жучков», чтобы иметь возможность не только следить за мной, но и подслушивать?

Ни Льюис, ни Кларк ничего не ответили, да Босх на это и не рассчитывал. Он заметил, что капелька крови повисла у ноздри Кларка. Какая-то машина, движущаяся по Вудро-Вильсон-драйв, замедлила было ход, но Босх показал полицейский значок, и машина проехала мимо. Ни тот, ни другой прикованный детектив не стали звать на помощь, что лишний раз заставило Босха убедиться, что он в безопасности. Этот раунд будет за ним. Их департамент снискал себе столь недобрую славу

нелегальным прослушиванием – своих офицеров, лидеров борьбы за гражданские права, даже кинозвезд, – что эти двое не собирались поднимать шум по нынешнему поводу. Уберечь собственную шкуру было для них важнее, чем освежевать Босха.

– У вас есть судебное предписание на установку подслушивающего устройства?

– Послушай, Босх, – сказал Льюис, – я же сказал тебе, мы...

– Вряд ли. Для того, чтобы получить такой ордер, нужно иметь доказательства совершения преступления. По крайней мере, так мне всегда говорили. Но служба внутренних расследований обычно не утруждает себя такими мелочами. Знаешь, как будет выглядеть ваше дело об оскорблении действием, Кларк? Пока вы двое соберетесь тащить меня в Комиссию по правам и добьетесь моего увольнения за то, что я выволок вас из машины и перемазал травой ваши залоснившиеся задницы, я уже потащу вас, вашего босса Ирвинга, СВР, начальника полиции и весь этот гребаный город в федеральный суд за нарушение Четвертой поправки^[42], нелегальный обыск и вторжение. Я напущу собак также и на мэра. Как вам эта перспектива?

Кларк сплюнул на траву, под ноги Босху. Капля крови из его носа упала на белую рубашку. Он сказал:

– Ты не сможешь доказать, что это наших рук дело, потому что это не так.

– Босх, чего ты хочешь? – выпалил Льюис. Лицо его от ярости побагровело еще больше, чем когда шею ему на манер лассо стягивал галстук.

Босх принялся медленно вышагивать вокруг дерева, и им, чтобы удержать его в поле зрения, то и дело приходилось крутить головами.

– Чего я хочу? Ну, учитывая то, как сильно я презираю вас обоих, я, честно говоря, не испытываю желания тащить ваши задницы в суд. Хватит и того, что я проволок их по асфальту. Чего я хочу...

– Босх, тебе надо проверить твою долбаную голову! – вспылил Кларк.

– Заткнись, Кларк! – сказал Льюис.

– Это ты заткнись! – огрызнулся Кларк.

– Кстати, я ее проверял, – сказал Босх. – И в любом случае предпочту иметь свою собственную, чем одну из ваших. Чтобы проверить ваши, потребуется проктолог.

Произнося это, он прошел вплотную за спиной Кларка. Затем отодвинулся на несколько шагов и продолжал описывать круги.

– Я вам вот что скажу. Кто старое помянет, тому глаз вон. Пусть прошлое остается в прошлом. Все, что от вас требуется, – это ответить на

несколько вопросов. И мы квиты, я вас освобожу. В конце концов, мы же часть одной большой семьи, верно?

– Какие вопросы, Босх? – спросил Льюис. – О чем ты толкуешь?

– Когда вы сели мне на хвост?

– Утром во вторник, мы засекли тебя, когда ты вышел из ФБР, – сказал Льюис.

– Не выдавай ему ничего, – сказал напарнику Кларк.

– Он и так знает.

Кларк посмотрел на Льюиса и покачал головой, словно не веря своим ушам.

– Когда вы поставили мне «жучка» в телефон?

– Мы не ставили, – сказал Льюис.

– Чушь! Ну да ладно. Вы видели в Бойтауне, что я разговаривал с мальчишкой. – Это было утверждение, а не вопрос. Босх хотел, чтобы они думали, будто ему известна большая часть обстоятельств и он просто нуждается кое в каких деталях, чтобы заполнить пробелы.

– Да, – ответил Льюис. – Это было в первый день нашего наблюдения. Значит, ты засек нас. Ну и какого хрена ты хочешь?

Гарри заметил, что Льюис тянется в карман пиджака, и проворным движением первый запустил туда руку. Он вытащил кольцо с ключами, на котором были также ключи от наручников, и забросил все это в машину. Стоя за спиной Льюиса, требовательно спросил:

– Кому вы рассказывали об этом?

– Кому рассказывали? – переспросил Льюис. – Про парня? Никому. Мы никому не говорили, Босх.

– Вы ведете ежедневные записи в вахтенном журнале, вы фотографируете, верно? Готов поспорить, что на заднем сиденье вон той машины лежит фотокамера. Если только вы не позабыли вынуть ее из багажника.

– Конечно, мы это делаем.

Босх закурил и опять начал свой обход.

– Куда все это поступает?

Прошло несколько секунд, прежде чем Льюис ответил. Босх видел, как он обменялся взглядами с Кларком.

– Мы сдали вчера первый материал и пленку. Положили в ящик заместителя начальника. Как всегда. Даже не знаем, смотрел он или нет. Это единственная бумага, которую мы пока составили. Так что, Босх, снимите с нас эти чертовы наручники. Это же неприлично. Люди смотрят, и все такое. Мы можем поговорить и после этого.

Босх подошел ближе, остановившись примерно посередине между ними, и, выпустив дым в их сторону, сказал, что наручники останутся до тех пор, пока разговор не закончится. Затем придвинулся почти вплотную к лицу Кларка.

– Кому отправлялись копии?

– Копии отчета о наблюдении? Никому не отправлялись, Босх, – ответил Льюис. – Это было бы нарушением внутренних правил нашей службы.

Босх рассмеялся, качая головой. Он знал, что они не согласятся признать никакой нелегалщины или нарушения официальной стратегии. Он повернулся и зашагал обратно к дому.

– Постой! погоди минутку, Босх! – крикнул Льюис. – Мы передали копию твоему лейтенанту. Доволен? Вернись!

Босх вернулся, и Льюис продолжал:

– Он хотел, чтобы его держали в курсе. У нас не было другого выхода. Шеф нашей службы, Ирвинг, дал «добро». Мы делали, что приказано.

– Что было в отчете насчет парня?

– Ничего. Просто упоминался некий парень... э... мол, был остановлен и вовлечен в разговор некий подросток. Который потом был отвезен в Голливудское отделение для официального допроса. Что-то в таком роде.

– Вы называли в отчете его имя?

– Никакого имени. Мы даже не знали, как его зовут. Честно, Босх. Мы просто вели за тобой слежку, только и всего. А теперь отвяжи нас.

– А что насчет приюта «Уютный дом»? Вы видели, как я его туда отвез. Это было в рапорте?

– Да... в журнале.

Босх опять придвинулся почти вплотную.

– Ну, а теперь самый главный вопрос. Из ФБР позвонили Паундзу и отозвали жалобу на меня. Если ФБР не имеет ко мне претензий, почему ваша служба по-прежнему продолжает за мной следить? Затем ваши люди сделали вид, будто сняли наблюдение, а на самом деле – нет. Почему?

Льюис начал было что-то говорить, но Босх оборвал его:

– Я хочу, чтобы Кларк ответил. Ты слишком быстро думаешь, Льюис.

Кларк не произнес ни слова.

– Кларк, подросток, с которым вы меня видели, убит. Кто-то его прикончил, потому что он поговорил со мной. А единственные люди, которые знали, что он со мной разговаривал, были ты и твой напарник. Здесь ведется грязная игра, и если я не получу ответов, то предам дело

гласности. И тогда уже вы сами окажетесь под внутренним расследованием.

– Пошел ты! – Кларк произнес свои первые два слова за последние пять минут.

Тут в разговор вмешался Льюис:

– Послушай, Босх, я же тебе говорю: ФБР тебе не доверяет. Вот в чем вся штука. Они говорят, что взяли тебя помочь в расследовании, но нам они сказали, что не до конца в тебе уверены. Сказали, что ты силой втесался в их расследование и они намерены держать тебя под контролем, чтобы ты не обвел их вокруг пальца. Вот и все. Поэтому нам было велено отойти в тень, но не спускать с тебя глаз. Мы так и делали. Вот и все. А теперь развяжи нас. Я еле дышу, и руки уже саднит от этих наручников. Ты уж слишком туго их застегнул.

Босх повернулся к Кларку:

– Где твой ключ от наручников?

– В переднем кармане, – ответил тот. Он вел себя хладнокровно, отказываясь смотреть на Босха. Гарри зашел ему за спину и обеими руками обхватил вокруг талии. Вытащив ключи из кармана, прошептал на ухо:

– Кларк, если ты еще раз сунешься ко мне в дом, я тебя убью.

Затем рванул вниз брюки и трусы сыщиков, спустив до самых лодыжек, и зашагал прочь. Кольцо с ключами он забросил в машину.

– Ты, ублюдок! – завопил Кларк. – Я первый убью тебя, Босх!

* * *

Пока при нем были «жучок» и «Награ», Босх мог быть в достаточной степени спокойным за то, что Льюис и Кларк не будут пытаться выдвинуть против него обвинение. Им было что терять – больше, чем ему. Судебный иск и публичный скандал поставят крест на их продвижении по служебной лестнице на шестой этаж. Босх сел в свою машину и поехал обратно, к Федерал-билдинг.

Пытаясь оценить ситуацию, он пришел к выводу, что слишком много людей знали о Шарки или имели возможность узнать. Было неясно, как обезвредить внутреннего осведомителя. Льюис и Кларк видели мальчика и передали информацию Ирвингу и Паундзу – и кто знает, кому еще? В ФБР о парне знали как минимум Рурк и клерк, собирающий отчеты. А в этот список еще не вошли люди на улице, которые могли видеть Шарки вместе с Босхом или слышать, что Босх его разыскивает. Босх знал, что ему остается

только ждать развития событий.

В правительственном здании, на этаже, занимаемом ФБР, рыжеволосая секретарша за стеклянной перегородкой в приемной попросила его подождать, пока она свяжется по телефону с опергруппой 3. Он снова принялся глазеть сквозь прозрачные занавеси на кладбище ветеранов и увидел, как несколько человек трудятся над вырытой в склоне холма траншеей. Они закладывали рану в земле блоками из черного камня, резко бликующими на солнце. И до Босха наконец дошло, чем они занимаются. Прожужжал за спиной замок отворяющейся двери, и он, отойдя от окна, вошел внутрь. Было половина третьего, и сотрудники опергруппы отсутствовали, за исключением Элинон Уиш. Она сидела за столом и ела сэндвич с яичным салатом – из тех, что в треугольных пластмассовых коробках продавали в кафетериях всех правительственных зданий, где Босху доводилось бывать. На столе стояли пластиковая бутылка с водой и бумажный стаканчик. Они обменялись беглыми приветствиями. Босх почувствовал, что отношения между ними изменились, но не знал насколько.

– Ты здесь с утра? – спросил он.

Она сказала, что нет. Сказала, что возила показывать фотографии Франклина и Дельгадо служащим хранилища Уэстлендского национального банка и одна из женщин определенно опознала Франклина как Фредерика Б. Рисли, арендатора одной из сейфовых ячеек. Того самого разведчика.

– Этого достаточно для получения ордера, но Франклина нигде нет, он исчез, – сказала она. – Рурк отправил две группы: к нему домой и к Дельгадо – по адресам, которые имелись в управлении автомобильного транспорта. Недавно ребята звонили. Либо те съехали, либо никогда не проживали по этим адресам.

– И что будем делать дальше?

– Не знаю. Рурк говорит о том, чтобы на этом временно приостановить следствие – до тех пор, пока мы их не поймем. Тебе, вероятно, придется вернуться в свой отдел. Когда мы схватим кого-нибудь из них, то привлечем тебя к его разработке в рамках дела об убийстве Медоуза.

– А также об убийстве Шарки. Не забывай об этом.

– Да, это тоже.

Босх кивнул. Все было кончено. ФБР собиралось закрыть дело.

– Да, кстати, для тебя есть сообщение, – сказала она. – Кто-то тебе звонил, назвался Гектором. Это все.

Босх сел за соседний стол и набрал прямой номер Гектора Виллабони

по выделенной линии. Тот поднял трубку после двух гудков.

– Это Босх.

– Эй, а чем это ты занимаешься в Бюро? – спросил Гектор. – Я позвонил по тому номеру, что ты мне дал, и там сказали, что это ФБР.

– Да, это долгая история. Потом расскажу. Откопал что-нибудь?

– Не так уж много, Гарри, и не собираюсь дальше копать. Не могу найти это досье. Тот тип, Бинь, кто бы он ни был, у него явно имеются связи. Как мы и предполагали. Его досье до сих пор засекречено. Я позвонил одному знакомому в Вашингтон и попросил переслать его мне. Он перезвонил и сказал, что не может этого сделать.

– С чего бы ему до сих пор быть засекреченным?

– Кто знает, что там может быть, Гарри? Засекречено, и все. Поэтому они не могут мне его достать.

– Ну что ж, спасибо. Теперь это уже не столь важно.

– Если у тебя есть какой-нибудь источник в государственном департаменте, кто-нибудь, имеющий доступ, им может повезти больше, чем мне. Мой номер всего лишь шестнадцатый. Но послушай, есть одна зацепка, о которой проболтался этот мой знакомый.

– Какая?

– Понимаешь, я назвал ему имя Биня, и когда он перезвонил, то сказал: «Извини, досье капитана Биня засекречено». Прямо так и сказал. Так что этот человек, видимо, из военных. Возможно, поэтому они так быстро перевезли его оттуда. Если он был военным, то они, конечно, должны были спасти его задницу.

– Да, – согласился Босх, поблагодарил Гектора и положил трубку.

Он повернулся к Элиноর и спросил, нет ли у нее каких связей в госдепартаменте. Она отрицательно покачала головой.

– Военная разведка, ЦРУ, что-нибудь в этом роде? – настаивал Босх. – Кто-нибудь, имеющий доступ к засекреченным компьютерным файлам.

Она на минутку задумалась, потом сказала:

– Ну, есть один человек, на том этаже, где офисы госдепа. Я немного знаю его со времен службы в Вашингтоне. А в чем дело, Гарри?

– Можешь ты ему позвонить и попросить об услуге?

– Он не станет разговаривать по телефону, о делах, во всяком случае. Нам придется просто к нему сходить.

Босх поднялся. Уже по выходе из комнаты, пока они ждали лифт, он рассказал ей о Бине, о его звании и о том, что он покинул Вьетнам в один день с Медоузом. Лифт открылся, они вошли, и Элинор нажала кнопку с цифрой 7. Они были одни.

– Значит, ты все время знала, что за мной следят? – сказал Босх. – Люди из СВР.

– Да, я их заметила.

– Но ты знала это еще раньше, верно?

– А это имеет значение?

– Думаю, да. Почему ты мне не сказала?

Она не сразу ответила. Лифт остановился.

– Я не знаю, – сказала она. – Извини. Я не сделала этого вначале, а потом когда хотела сказать, то уже не смогла. Я подумала, что это все испортит. Хотя, как я понимаю, уже испортило.

– Почему ты не сказала вначале, Элинора? Потому что все равно оставался вопрос: можно ли мне доверять?

Она упиралась взглядом в угол лифта, в полосу из нержавеющей стали.

– Поначалу – да, у нас не было уверенности в тебе. Я не стану лгать.

– А сейчас?

Дверь открылась на седьмом этаже. Элинора вышла из лифта, успев бросить:

– Но ведь ты все еще здесь, с нами, не так ли?

Босх вышел за ней, схватил за руку и остановил. Они подождали, пока двое мужчин в очень похожих серых костюмах пройдут мимо них в лифт.

– Да, я все еще здесь, но ты мне о них не сказала.

– Гарри, не могли бы мы поговорить об этом позже?

– Дело в том, что они видели нас с Шарки.

– Да, я думала об этом.

– Так почему же ты ничего не сказала, когда я говорил насчет информатора внутри ведомства? Когда спрашивал о том, кому ты говорила о мальчике?

– Не знаю.

Босх уронил взгляд на свои ботинки. Он чувствовал себя как единственный человек на планете, который не понимает, что происходит.

– Я разговаривал с ними, – сказал он. – Они заявляют, что просто видели нас с ним и больше ничего. Якобы они не стали разнюхивать, в чем тут дело. Сказали, что понятия не имели, кто он такой. В их рапортах не было его имени.

– И ты им веришь?

– Прежде никогда не верил. Но я не вижу, как они могут быть замешаны в этом деле. Это ни с чем не соотносится. Они просто следят за мной и пытаются собрать какой-то компромат, чтобы меня вышибли. Но

они не станут убирать свидетеля. Это бред.

– Может, они снабжают информацией того, кто замешан, и сами того не знают?

Босх снова подумал об Ирвинге и Паундзе.

– Как одна из возможностей – не исключено. Главное, что где-то в системе действует внутренний шпион. Вот все, что мы знаем. Он может быть как с моей стороны, так и с твоей. Поэтому нам надо быть очень осторожными в том, что мы говорим и что делаем. – Он посмотрел ей прямо в глаза и спросил: – Скажи, ты мне веришь?

Ответ на этот вопрос потребовал у нее долгого времени. Наконец она кивнула.

– Я не могу придумать никакого иного способа объяснить происходящее, – сказала она.

* * *

Элино́р сама подошла к служащему в приемной, тогда как Босх держался чуть поодаль. Через несколько минут открылась дверь, оттуда вышла молодая женщина и, проведя их по двум-трем коридорам, привела в маленький кабинет. За письменным столом никто не сидел. Они сели на стулья лицом к столу и стали ждать.

– Кто этот человек, к которому мы пришли? – шепнул Босх.

– Я тебя ему представлю, а он пусть сам скажет о себе то, что сочтет нужным, – ответила она.

Босх собрался уже спросить ее, что это значит, когда дверь отворилась и в комнату большими шагами вошел человек. С виду ему было лет пятьдесят; крепкого телосложения, синий блейзер, седина в тщательно ухоженных волосах. Серые глаза мужчины были так же холодны и тусклы, как угли от вчерашнего барбекю. Он сел, даже не посмотрев на Босха. Он смотрел исключительно на Элино́р Уиш.

– Элли, рад снова тебя увидеть, – сказал он. – Как поживаешь?

Она сказала, что прекрасно, обменялась с ним несколькими вежливыми репликами, затем перешла к представлению Босха. Человек поднялся с места и подошел к нему пожать руку.

– Боб Эрнст, помощник заместителя министра торговли и развития, рад с вами познакомиться. Так, значит, ты пришла по делу, а не просто заскочила повидать старого знакомого?

– Да, прости, Боб, но мы работаем над одним делом, и нам нужна твоя

помощь.

– Сделаю все, что в моих силах, Элли, – сказал Эрнст. Он раздражал Босха, а ведь тот был знаком с ним всего минуту.

– Боб, нам нужны биографические сведения о человеке, имя которого всплыло в ходе расследования, – сказала Уиш. – Мне кажется, положение, которое ты занимаешь, позволяет тебе раздобыть для нас такую информацию без больших неудобств и затрат времени.

– Суть вот в чем, – добавил Босх. – Мы расследуем дело об убийстве. Но не располагаем достаточным временем, чтобы действовать через обычные каналы. Ждать запрошенных данных из Вашингтона.

– Они касаются иностранца?

– Да, вьетнамца.

– Когда он въехал в страну?

– Четвертого мая 1975 года.

– А, сразу после разгрома! Понимаю. Поясните мне, над убийством какого рода могут работать совместно ФБР и полиция Лос-Анджелеса, так чтобы это дело было связано со столь давними событиями, да еще в другой стране?

– Боб, – сказала Элиноор, – я думаю...

– Нет, не отвечай! – рявкнул Эрнст. – Думаю, ты права. Будет правильнее всего, если мы проструктурируем эту информацию. Разобьем на части и вычленим главное.

Он принялся с демонстративной педантичностью выравнять на столе свой блокнот и производить другую мелкую уборку. Хотя все бумаги и предметы на его столе и без того были в большом порядке.

– Как скоро вам требуется информация? – спросил он наконец.

– Прямо сейчас, – ответила Элиноор.

– Мы подождем, – сказал Гарри.

– Вы, конечно, понимаете: я могу ничего и не найти, особенно в такой короткий срок.

– Конечно, – сказала Элиноор.

– Назовите мне имя.

Эрнст подтолкнул к ним через стол листок бумаги. Элиноор написала на нем имя Биня и подвинула листок обратно. Эрнст в течение нескольких мгновений смотрел на него и, не прикоснувшись к бумаге, встал.

– Посмотрю, что можно сделать, – сказал он и вышел из комнаты.

Босх посмотрел на Элиноор:

– Элли?

– Пожалуйста! Я никому не разрешаю так меня называть. Вот почему я

не отвечаю на его звонки и не перезваниваю.

– Ты имеешь в виду, до сегодняшнего дня. Теперь ты станешь его должницей.

– Так же, как и ты. Если, конечно, он что-нибудь найдет.

– Придется разрешить ему называть тебя «Элли».

Она не улыбнулась.

– А вообще-то откуда ты знакома с этим парнем?

Она не ответила.

– Возможно, он сейчас нас слушает, – заметил Босх.

Он обвел взглядом комнату, хотя было очевидно, что любые подслушивающие устройства должны быть спрятаны. Увидев на столе черную пепельницу, вытащил свои сигареты.

– Прошу тебя, не надо курить, – сказала Элиноор.

– Только половинку.

– Я познакомилась с ним, когда мы оба работали в Вашингтоне. Я сейчас уже даже не помню, по какому поводу. Там он тоже был заместителем кого-то в госдепе. Пару раз сходили вместе чего-то выпить. Вот и все. Через некоторое время он перевелся сюда. Когда встретил меня в лифте и узнал, что я тоже перевелась, начал названивать.

– Все время в ЦРУ, да? Или где-то близко?

– Более или менее. Так я предполагаю. Это не имеет значения, если он добудет то, что нам нужно.

– Более или менее. Я знал субчиков вроде него на войне. Сколько бы он нам сегодня ни сообщил, у него останется много больше. Такие субъекты... информация – их валюта. Они никогда не выдают ее сразу. Как он сказал, они ее структурируют. Тебя успеют убить, прежде чем они выдадут все целиком.

– Не могли бы мы сейчас помолчать?

– Конечно... Элли.

Босх провел остаток времени, куря и глаза на пустые стены. Этот тип не приложил больших усилий, чтобы сделать помещение похожим на кабинет. Не было ни флага в углу, ни даже портрета президента. Эрнст возвратился через двадцать минут, и к тому времени Босх уже курил свои вторые полсигареты. Когда помощник заместителя министра торговли и развития крупными шагами, но с пустыми руками подошел к своему столу, он первым делом сказал:

– Детектив, не могли бы вы не курить? Я нахожу это очень неприятным в закрытом помещении.

Босх загасил окурок о маленькое черное блюдечко на углу

письменного стола.

– Извините, – сказал он. – Я увидел пепельницу. Я подумал...

– Это не пепельница, детектив, – неприязненно ответил Эрнст. – Это чашка для риса, которой три сотни лет. Я привез ее домой после того, как кончился мой срок пребывания во Вьетнаме.

– Вы там тоже были кем-то по торговле и развитию?

– Прости, Боб, ты узнал что-нибудь? – вмешалась Элино́р. – Насчет имени.

Эрнсту потребовалось много времени, чтобы оторвать пристальный взгляд от Босха.

– Я узнал очень немного, но то, что я все-таки узнал, может оказаться полезным. Этот человек, Бинь, прежде служил в сайгонской полиции. Капитаном... Босх, вы ветеран конфликта?

– Вы имеете в виду войну? Да.

– Разумеется, да, – сказал Эрнст. – Тогда скажите, говорит ли что-нибудь вам эта информация?

– Не слишком много. Основную часть своего мобилизационного срока я провел в полевых условиях. Мало что видел в Сайгоне, кроме разве американских баров и тату-салонов. Этот человек был капитаном полиции – должно ли это говорить мне что-нибудь?

– Полагаю, что нет. Так позвольте вам рассказать. В качестве капитана Бинь возглавлял в полицейском ведомстве отдел нравов.

Босх поразмыслил над этим.

– Что ж, он был, вероятно, так же коррумпирован, как и все остальное, имевшее отношение к той войне.

– Не думаю, что, проведя большую часть времени в полевых условиях, вы достаточно разбираетесь в положении вещей. В том, как работала система в Сайгоне. Не так ли? – заметил Эрнст.

– Так расскажите нам об этом. Судя по всему, это было по вашей части. По моей было постараться выжить.

Эрнст проигнорировал этот выпад. Он предпочел впредь игнорировать и самого Босха. Рассказывая далее, он обращался только к Элино́р.

– На самом деле система была довольно простая, – сказал он. – Если вы занимались торговлей наркотиками либо человеческой плотью, игровым бизнесом или имели дело с любыми товарами черного рынка, от вас требовалась уплата местной пошлины – отстегивать небольшую долю в пользу заведения, так сказать. Эта дань отмазывала вас от местной полиции. Она практически гарантировала, что в ваш бизнес не будут вмешиваться – в определенных границах, конечно. Единственным

предметом беспокойства при этом становилась военная полиция США. Конечно, их тоже можно было подмазать, полагаю. Такие слухи всегда ходили. Как бы там ни было, эта система действовала годами, с самого начала и вплоть до вывода американских войск, то есть, как я себе представляю, до 30 апреля 1975 года, когда пал Сайгон.

Элинор кивнула, внимательно ожидая продолжения.

– Американское военное вмешательство длилось больше десяти лет, а до него было французское. Поэтому речь идет о многих годах интервенции.

– О миллионах, – подсказал Босх.

– О чем вы?

– Речь идет о миллионах долларов прибылей в виде взяток.

– Да, совершенно верно. Десятках миллионов, если сложить все годы.

– И какова роль во всем этом капитана Биня? – спросила Элинор.

– Видишь ли, – сказал Эрнст, – наша информация, касающаяся тех лет и событий, состоит в том, что вся коррупция в недрах сайгонской полиции организовалась и контролировалась одной триадой под названием «Дьявольская тройка». Или вы им платите, или не ведете бизнес. Вот так просто.

И вот по случайному совпадению – или, вернее, совсем не случайно – в сайгонской полиции состояли три капитана, чья, так сказать, подведомственная сфера точно совпадала со сферой деятельности этой триады. Один из этих капитанов возглавлял отдел нравов. Другой боролся с распространением наркотиков. Третий отвечал за полицейское патрулирование. По нашей информации, эти три капитана на самом деле и представляли собой ту триаду.

– Вы все время повторяете «по нашей информации». Это что, информация, касающаяся торговли и развития? Откуда она у вас?

Эрнст снова произвел движение, призванное упорядочить предметы на столе, а затем холодно посмотрел на Босха:

– Детектив, вы явились ко мне за информацией. Если вы хотите знать ее источник, тогда вы ошиблись адресом. Вы обратились не к тому человеку. Ваше право верить тому, что я говорю, или нет. Мне это совершенно безразлично.

Двое мужчин сцепились взглядами, но больше ничего сказано не было.

– Какова их дальнейшая судьба? – спросила Элинор. – Членов этой триады.

Эрнст оторвал взгляд от Босха и сказал:

– После того, как в 1973 году США вывели войска, источник доходов триады в значительной степени иссяк. Но, как в каждом ответственном

бизнесе, они предвидели такой расклад и заранее подумали, чем компенсировать потерю. И по нашим тогдашним сведениям, они существенно сменили направление деятельности. В начале семидесятых они перешли от обеспечения защиты операций с наркотиками в Сайгоне к тому, что, по существу, сами стали составной частью этой системы. Используя свои политические и военные связи и, конечно же, полицейский нажим, они закрепились в качестве брокеров всего потока неочищенного героина, который поступал из горной местности и переправлялся в Соединенные Штаты.

– Но это длилось недолго, – вставил Босх.

– Разумеется. Когда в апреле 1975 года Сайгон капитулировал, им пришлось выбираться. Они сколотили миллионы – по приблизительным оценкам, от пятнадцати до восемнадцати миллионов американских долларов каждый. В новом городе Хошимине^[43] это имело бы мало ценности. Да им было там и не выжить. Триаде пришлось уносить ноги, чтобы не попасть в руки расстрельных команд армии Северного Вьетнама. И уносить их вместе со своими деньгами...

– И как же они это проделали? – спросил Босх.

– Это были грязные деньги. Деньги, иметь которые ни один капитан вьетнамской полиции официально не имел ни права, ни возможности. На мой взгляд, деньги можно было бы перевести в Цюрих, но вы не должны забывать, что имеете дело с вьетнамским менталитетом. Менталитетом, родившимся из неразберихи и отсутствия доверия. Родившимся из войны. Эти люди привыкли не доверять банкам на своей родине. Кроме того, и денег-то уже не было.

– Как? – озадаченно спросила Элинон.

– Они их постоянно конвертировали. Вы представляете себе, как выглядят восемнадцать миллионов долларов? Они же, вероятно, займут целую комнату. Поэтому они нашли способ их спрессовать. Так, во всяком случае, мы полагаем.

– Драгоценные камни, – предположил Босх.

– Бриллианты, – уточнил Эрнст. – Говорят, что настоящие, качественные бриллианты стоимостью восемнадцать миллионов долларов легко поместятся в двух обувных коробках.

– А также в сейфовой ячейке банковского хранилища, – добавил Босх.

– Вполне возможно, но прошу вас! Я не хочу знать того, чего мне знать не нужно.

– Одним из этих капитанов был Бинь, – сказал Босх. – А кто были остальные двое?

– Как мне сказали, еще одного звали Ван Нгуен. И он считается погибшим. Известно, что он так и остался во Вьетнаме. Погиб от рук двух других или расстрелян северовьетнамцами. Но главное, что он не покидал пределов страны. Это было подтверждено нашими агентами в Хошимине после капитуляции. Двум другим это удалось. Они прибыли сюда, получив пропуск, – полагаю, с помощью своих связей и денег. Тут уж я вам не помощник... Один из них был Бинь, которого вы, похоже, нашли, а второго звали Нгуен Тран. Он приехал с Бинем. Куда они отправились потом и чем здесь занимались, – в этом я не могу вам помочь. Прошло пятнадцать лет. Как только они въехали сюда, они перестали быть в сфере нашего интереса.

– Почему вы позволили им въехать?

– Кто сказал, что мы позволили? Вы должны понять, детектив Босх, что значительная часть этих сведений была сведена воедино уже постфактум.

Эрнст поднялся с места. Это была вся информация, которую он отструктурировал для них на сегодняшний день.

* * *

Босх не хотел идти обратно в Бюро. Полученные от Эрнста сведения подействовали на его кровь, как амфетамин^[44]. Ему хотелось пройтись. Поговорить, побушевать, излить обуревавшие его чувства. Когда вошли в лифт, он нажал кнопку вестибюля и сказал Элинор, что они идут на улицу. Рабочие помещения ФБР сейчас казались ему тюрьмой. Он нуждался в большем пространстве.

В любом расследовании Босху всегда казалось, что информация должна поступать медленно, но верно – подобно тому, как песок медленно, но верно натекает сквозь узкую перемычку песочных часов. В какой-то момент в нижней части оказывается больше. И после этого песок в верхней половине как будто начинает двигаться быстрее, пока весь сразу, каскадом, не устремится в узкое отверстие.

Именно в этой точке расследования они находились сейчас с делом Медоуза, с делом об ограблении, со всей этой историей. Разрозненные факты начинали складываться в картину.

Через главный вестибюль они вышли из здания на зеленую лужайку, где на полукруглой площадке возносились девять флагштоков и восемь разных флагов плюс флаг штата Калифорния лениво полоскались на ветру. В этот день здесь не было никаких пикетчиков. Было тепло и не по сезону

душно.

– Нам обязательно говорить о деле именно здесь? – спросила Элино́р. – Я бы с большим удовольствием осталась наверху, где у нас под рукой были бы телефоны. Ты мог бы выпить кофе.

– Я хочу покурить.

Они двинулись в северном направлении, к бульвару Уилшир.

– Представь себе. Идет семьдесят пятый год. Сайгон вот-вот падет, к чертовой матери. Капитан полиции Бинь платит неким людям, чтобы те вывезли его из страны вместе с принадлежащей ему долей бриллиантов. Кому он заплатил – мы не знаем. Но мы точно знаем, что он обеспечил к себе постоянное отношение как к высокопоставленной персоне. Большинство людей спасаются по морю, бегут на судах и лодках – а он летит. Всего четыре дня ему понадобилось, чтобы добраться от Сайгона до Штатов. Его сопровождает американский военный советник на гражданской службе, для того, чтобы помочь уладить все формальности. Это Медоуз. Он...

– Возможно, сопровождает, – уточнила она. – Ты пропустил слово «возможно».

– Мы сейчас не в суде. Я буду излагать так, как я это вижу, о'кей? Потом, если моя версия тебе не понравится, ты расскажешь по-другому.

Она подняла руки, показывая, что сдается, и Босх продолжал:

– Итак, Медоуз и Бинь вместе. На дворе семьдесят пятый год. Медоуз выполняет функции кого-то вроде телохранителя при беженце. Понимаешь, он ведь тоже оттуда уезжает. Он мог знать, а мог не знать Биня по своей предыдущей деятельности, связанной с оборотом и распространением героина. Есть вероятность, что знал. Вполне возможно, что он вообще все время работал на Биня. Сейчас он опять-таки может знать, а может и нет, что именно Бинь везет с собой в Штаты. Не исключено, что, по крайней мере, догадывается.

Босх замолчал, чтобы привести в порядок мысли, и Элино́р нехотя подхватила нить:

– Бинь забирает с собой важную черту своей вьетнамской ментальности – неприязнь к банкам и банкирам. У него есть и еще одна проблема. Его деньги не кошерные. Его доходы нигде не задекларированы, официально они не существуют, и он не имеет права ими владеть. Он не может положить их в банк обычным путем, потому что тогда тайна всплывет и ему придется держать ответ. Поэтому он хранит свое немалое состояние самым удобным, после банковского вложения, способом – в сейфе банковского хранилища. А куда мы идем?

Босх не ответил: он был слишком поглощен своими мыслями. Сейчас спутники находились на Уилширском бульваре. Когда на светофоре зажегся зеленый, они вместе с потоком людей двинулись через дорогу. Оказавшись на другой стороне улицы, повернули на запад и двинулись вдоль живой изгороди, окаймлявшей ветеранское кладбище. Босх снова перехватил инициативу:

– Итак, Бинь помещает свою долю добычи в сейф. Теперь он в качестве беженца начинает воплощать великую американскую мечту. Правда, он богатый беженец. А тем временем возвратившийся оттуда же, с войны, Медоуз не может вписаться в мирную жизнь, не может найти свое место. Он не в силах преодолеть старых привычек и начинает заниматься кражами со взломом. Но здесь все не так просто, как в Сайгоне. Он попадает, проводит некоторое время в заключении. Выходит на свободу, вновь попадает в тюрьму, снова выходит, затем помаленьку переключается на более серьезные преступления и за пару банковских ограблений мотает сроки уже по федеральным тюрьмам.

В живой изгороди открылся проход, за которым шла вымощенная кирпичом дорожка. Босх свернул на нее, и теперь они оба стояли и смотрели на раскинувшееся перед ними пространство кладбища, на ряды надгробий с высеченными надписями. Отполированные и выскобленные непогодой, они белели среди моря травы. Высокая живая изгородь отгораживала это место от уличного шума. Неожиданно сделалось очень тихо.

– Здесь как будто в парке, – сказал Босх.

– Это кладбище, – прошептала Элинора. – Пойдем отсюда.

– Тебе вовсе не обязательно шептать. Давай пройдемся вокруг. Здесь тихо.

Элинора помедлила в нерешительности, затем все-таки направилась за ним по мощенной кирпичом дорожке, проходящей под раскидистым дубом, который осенял могилы павших в Первую мировую. Она снова подхватила эстафету:

– Итак, Медоуз отбывает срок в «Терминал-айленде». Каким-то образом он прослышал об этой реабилитационной программе для ветеранов Вьетнама – о «Чарли компани». О бывшем боевом полковнике, который ныне сделался чем-то вроде церковного проповедника и управляет этой общиной. Заручившись его поддержкой, Медоуз досрочно выходит из «Терминал-айленда» и уже в «Чарли компани» сходится с двумя старыми сослуживцами – по крайней мере, так мы предполагаем, – с Дельгадо и Франклином. Правда, для того, чтобы с ними сговориться, в его

распоряжении имеется только один день – когда все трое находились там одновременно. Только один день. Ты хочешь убедить меня, что они разработали это предприятие за день?

– Не знаю, – ответил Босх. – Могли бы, конечно, но я сомневаюсь. Должно быть, оно было спланировано позднее, а не тогда, когда они после длительного перерыва встретились на этой ферме. Важно то, что они вместе или в близком соседстве пребывали в семьдесят пятом году в Сайгоне. Затем их пути вновь пересеклись в «Чарли компани». После этого Медоуз выходит на свободу, для отвода глаз работает на каких-то легальных местах – до тех пор, пока не заканчивается его испытательный срок. После чего увольняется и исчезает из виду.

– Вплоть до...

– До ограбления Уэстлендского банка. Преступники делают подкоп, поочередно вскрывают ячейки, пока не обнаруживают ячейку Биня. Или, вполне вероятно, они уже знают, которая ячейка его. Должно быть, они следили за ним, планировали ограбление и выяснили, где он хранит оставшиеся бриллианты. Нам нужно опять обратиться к документации депозитария и проверить, не бывал ли Фредерик Б. Рисли там в один день с Бинем. Держу пари, мы обнаружим, что бывал. Он увидел, какая ячейка принадлежала Биню, потому что оказался с ним в хранилище в одно и то же время. Затем, проникнув в подвал, они вскрывают его ячейку, а заодно и множество других, забрав их содержимое для маскировки. Гениальность замысла состояла в том, что они знали: Бинь не станет заявлять о похищенном имуществе, потому что легально это имущество не существует. О гениальности свидетельствовало и то, что они забрали кучу постороннего барахла, чтобы прикрыть свою истинную цель – бриллианты.

– Идеальное преступление, – задумчиво проговорила она. – И оно было таковым, пока Медоуз не заложил браслет с нефритовыми дельфинами. Этим он накликал себе смерть. Что опять возвращает нас к вопросу, которым мы задавались несколько дней назад. Зачем он это сделал? И еще одна странность: почему, если Медоуз был участником грабежа, он продолжал жить в такой дыре? Он ведь был богатым человеком, а вел себя, как босяк.

Босх некоторое время шел в молчании. Это был вопрос, ответ на который он пытался сформулировать с середины их аудиенции у Эрнста. Он подумал о снимаемой Медоузом квартире. Она была арендована сроком на одиннадцать месяцев, за которые было уплачено вперед. Будь он жив, то должен был бы съехать как раз на следующей неделе. К концу их прогулки по саду надгробий все, наконец, встало на свои места. Больше песка в

верхней половине часов не оставалось. Босх наконец заговорил:

– Потому что идеальное преступление было доведено только до половины. Заложив в ломбард браслет, он слишком рано проболтался, он подвел своих соучастников. Поэтому ему надлежало сойти со сцены, а им надлежало убрать с глаз браслет.

Она остановилась и посмотрела на него. Они стояли на подъездной дорожке в том секторе кладбища, где были захоронены погибшие во Второй мировой войне. Босх заметил, что корни второго старого дуба кое-где повредили ровный строй выбеленных дождем и солнцем надгробий. Покосившиеся белые камни напоминали кривые зубы, ожидающие ортодонта.

– Объясни мне, что ты только что сказал, – попросила Элинор.

– Эти люди вскрыли множество сейфов для того, чтобы скрыть тот факт, что в действительности охотились только за сейфом Биня. Это понятно?

Она кивнула. Они по-прежнему не трогались с места.

– Хорошо. Значит, для того, чтобы не выдать своей истинной цели, что им надо было сделать? Избавиться от содержимого всех остальных ячеек, так чтобы это имущество никогда не обнаружилось. Я говорю не об укрывании краденого. Я имею в виду: избавиться по-настоящему – уничтожить, утопить, закопать навсегда в таком месте, где это никто никогда не обнаружит. Потому что в ту самую минуту, когда объявится некое украшение, или какие-то старые монеты, или паевой сертификат, у полиции в руках окажется ниточка и она начнет искать.

– Значит, ты думаешь, Медоуза убили, потому что он заложил браслет? – спросила она.

– Не только. Через все это дело проходят и другие течения. Если Медоуз получил свою долю бриллиантов Биня, то зачем ему вообще понадобилось возиться с браслетом стоимостью в несколько сотен баксов? Почему он вел такую нищенскую жизнь? Это бессмыслица.

– Я за тобой не поспеваю, Гарри.

– Я сам не поспеваю. Но давай попробуем. Представим себе, что злоумышленники знали местонахождение Биня и другого капитана, Нгуена Трана, а также то, где они припрятали вывезенные из Сайгона бриллианты. Представим себе, что это были два разных банка и в каждом из них бриллианты лежали в сейфе. И представим, что преступники задумали ограбить и тот и другой. Они начали с банка, где хранил свои ценности Бинь. А сейчас собираются взяться за банк Трана.

Уиш кивнула, показывая, что следит за его мыслью. Босх

почувствовал, как в нем нарастает воодушевление.

– О'кей. Но для планирования таких вещей требуется время – надо выработать стратегию, спланировать ограбление на то время, когда банк закрыт три дня кряду, чтобы вскрыть достаточное количество сейфов для прикрытия. А кроме того, нужно время, чтобы прокопать туннель.

Он забыл закурить. Теперь он понял это и сунул сигарету в рот, но продолжал говорить, не зажигая.

– Ты понимаешь?

Уиш кивнула. Он закурил.

– О'кей, тогда каков был бы оптимальный следующий шаг – после того, как вы взяли первый банк, но еще не успели взять второй? Залечь на дно и не выдавать себя ни шорохом. Одновременно избавиться от всего, что было захвачено для маскировки из других ячеек. Ничего не оставляя у себя. Вы не можете позволить себе пользоваться краденым, потому что это может привлечь внимание и загубить второй проект. При этом, скорее всего, у Биня есть свои агенты, которые тоже занимаются поиском пропавших камней. Я о том, что на протяжении всех этих лет он, несомненно, понемногу обращал бриллианты в деньги и, очевидно, был знаком с сетью скупщиков. Поэтому грабителям необходимо было следить также и за ним.

– Итак, Медоуз нарушил их правила, – сказала Элинора. – Он заложил браслет. Его сообщники узнали об этом и с ним разделались. Потом взломали ломбард и выкрали браслет. – Она покачала головой, восхищаясь замыслом. – Если бы не это, преступление было бы идеальным.

Босх кивнул. Они посмотрели друг на друга, потом обвели взглядом зеленое пространство кладбища. Босх бросил окурок и затушил ботинком. Так же одновременно они подняли глаза на холм и увидели выросшие черные крылья Мемориала ветеранов Вьетнама.

– Что там происходит? – спросила она.

– Не знаю. Кажется, это точная копия Мемориала ветеранов Вьетнама. Уменьшенная в два раза. Искусственный мрамор. Я думаю, ее возят по всей стране – на тот случай, если кто-то не имеет возможности съездить в Вашингтон, увидеть оригинал.

У Элинора резко перехватило дыхание. Она повернулась к нему.

– Гарри, на этот понедельник приходится День памяти павших.

– Я знаю. Банки закрываются на два дня, некоторые – даже на три. Мы должны найти Трана.

Она повернулась и зашагала обратно. Босх бросил последний взгляд на мемориал. Длинные плиты искусственного мрамора со всеми

выгравированными на них именами были вделаны в склон горы. Человек в серой униформе подметал перед ними дорожку. Тут же лежала кучка фиолетовых цветов от палисандрового дерева.

Гарри и Элинор молчали, пока не вышли за пределы кладбища и по бульвару Уилшир не зашагали к Федерал-билдинг. Тогда она задала вопрос, который Босх и без того всячески вертел в голове, но так и не находил подходящего ответа.

– Почему сейчас? Почему так долго? Ведь прошло пятнадцать лет.

– Я не знаю. Просто настало подходящее время. Просто время от времени люди, вещи, невидимые силы сходятся вместе, неизвестно почему. Так я думаю. Кто знает? Может, Медоуз напрочь забыл о Бине, а однажды повстречал на улице, и вся эта история всплыла у него в памяти. Идеальный план... Может, это был даже не его, а чей-то еще план или он родился в тот день, когда все трое оказались вместе в «Чарли компани». Никогда не узнать ответа на все эти «Почему?». На самом деле тут важны только «Как?» и «Кто?».

– Знаешь, Гарри, если они сейчас где-то под землей, роют новый туннель, тогда у нас меньше двух дней для того, чтобы его найти. Надо отправить несколько групп в систему коммуникаций и искать их.

Он подумал, что отправлять опергруппу в городские подземные сети, чтобы отыскать вход в воровской туннель, было бы проектом из области фантастики. Она сама говорила, что под одним только Лос-Анджелесом проходит более полутора тысяч миль туннелей. Можно не отыскать подкоп даже за месяц. Ключом к загадке должен стать Тран. Выйти на третьего капитана, а через него выйти на его банк. Там и надо искать грабителей и бандитов. Они же убийцы Билли Медоуза. А также убийцы Шарки.

– Как ты думаешь, Бинь выдаст нам Трана? – спросил он.

– Он не заявил о пропаже имущества, так что вряд ли он тот человек, который станет рассказывать о Тране.

– Верно. Я думаю, прежде нам надо попытаться найти его самим. Пусть Бинь станет нашей последней надеждой, на крайний случай.

– Я пойду запущу компьютер.

– Правильно.

* * *

Фэбээровский компьютер и те ресурсы, к которым он имел доступ, не обнаружили местонахождения Нгуена Трана. Босх и Уиш не нашли

упоминаний о нем ни в архивах управления автомобильного транспорта, ни службы иммиграции и натурализации, ни службы социального обеспечения, ни в анналах информационно-поисковой службы. Не помогла и база данных окружного архива Лос-Анджелеса о смененных именах, не было никакого следа в архивах департамента водо- и электроснабжения, а также в списках избирателей и лиц, облагаемых налогом с недвижимого имущества. Босх позвонил Гектору Виллабоне и получил подтверждение, что Тран въехал в США в тот же самый день, что и Бинь, но дальнейший след терялся. После трех часов взгляды в янтарные буквы дисплея Элино́р выключила компьютер.

– Ровно ничего, – сказала она. – Он живет под другим именем. Но он не менял его легально – во всяком случае, в этом округе. Ни в каких списках этого человека нет.

Они сидели подавленные и молчаливые. Босх допил последний глоток кофе из пластиковой чашки. Шел уже шестой час, и помещение опергруппы вновь опустело. Рурк тоже ушел домой – после того, как его проинформировали о последних продвижениях в расследовании и было принято решение никого не отправлять в подземные сети.

– Вы себе представляете, сколько миль подземных каналов существует в Лос-Анджелесе? – спросил он. – Это все равно как система шоссе́йных дорог. Эти ребята, если они действительно находятся там, могут быть где угодно. Мы будем тыкаться впотьмах. Они обладают заведомым преимуществом, и кто-то из наших может пострадать.

Босх и Уиш понимали, что он прав. Они не стали спорить и налегли на поиски Трана. И вот потерпели фиаско.

– Итак, мы идем к Биню, – допив кофе, сказал Босх.

– Ты думаешь, он станет сотрудничать? – усомнилась она. – Он поймет, что если нам нужен Тран, значит, мы знаем об их прошлом. О бриллиантах.

– Я не знаю, как он поступит. Завтра я иду к нему. Ты хочешь есть?

– Мы завтра идем к нему, – поправила она, улыбнувшись. – Да, хочу. Пойдем отсюда.

Они поели в гриль-баре на Бродвее, в Санта-Монике. Место выбрала Элино́р, и поскольку оно было недалеко от ее дома, настроение у Босха было приподнятое, и одновременно он испытывал душевный покой. В углу зала, на деревянных подмостках, играло джазовое трио, но кирпичные стены заведения приглушали звук и делали его практически фоновым. После ужина Гарри и Элино́р сидели в уютном молчании, крутя в руках чашки с эспрессо. Между ними присутствовала какая-то задушевность,

которую Босх чувствовал, но не мог себе объяснить. Он совершенно не знал эту женщину с непроницаемыми карими глазами, сидевшую сейчас напротив него. Он хотел бы знать, что она думает. Да, они занимались любовью, но он хотел быть влюбленным. Он хотел ее.

Элинор же, похоже, всегда знающая, что творится у него в голове, спросила:

– Ты идешь ко мне сегодня?

* * *

Льюис и Кларк находились через дорогу, на втором этаже парковочного гаража, чуть дальше от заведения «Бар и гриль», на Бродвее. Льюис был не в машине, а стоял, скрючившись у ограждения, ведя наблюдение сквозь объектив фотокамеры. Камера с далеко выдвинутым телескопическим объективом была установлена на треноге и нацелена на парадную дверь ресторанчика, в сотне ярдов от них. Льюис надеялся, что света от ламп над дверью, где стоял швейцар, будет довольно. В камеру была заряжена высокочувствительная пленка, но мигающая красная точка на видоискателе говорила о том, что снимать темно. Света отчаянно не хватало. Он решил, что все равно попытается снять – с треноги, с максимальной выдержкой.

– У тебя ничего не выйдет, – сказал стоявший у него за спиной Кларк. – При таком освещении.

– Не мешай мне выполнять мою работу. Не выйдет так не выйдет. Кому какое дело?

– Ирвингу.

– Да хрен с ним! Он сам талдычит, что ему нужно больше документальных подтверждений. Вот пусть и получает. Я пытаюсь сделать только то, что требует от нас этот человек.

– Нам лучше попробовать спуститься поближе, вон к тому магазину деликатесов.

Кларк захлопнул рот и обернулся на звук шагов. Льюис по-прежнему стоял, прильнув глазом к фотокамере. Он был целиком поглощен этим занятием, ожидая, когда можно будет сделать снимок дверей ресторана. Шаги принадлежали мужчине в синей форме охранника.

– Могу я спросить, парни, что вы здесь делаете? – спросил страж.

Кларк предъявил ему свои полицейские регалии.

– Мы на службе, – сказал он.

Молодой чернокожий охранник подошел поближе взглянуть на значок и удостоверение и поднял руку, чтобы поднести их ближе к глазам. Кларк резко выдернул их у него из-под носа.

– Не трожь, приятель! Никому не дозволяется трогать мой значок.

– Там написано – управление полиции Лос-Анджелеса. А вы ведете слежку в Санта-Монике^[45]. Полиция Санта-Моники знает, что вы здесь работаете?

Кларк резко обернулся. Видя, что охранник все равно не уходит, он обратился к нему со словами:

– Сынок, тебе что здесь надо?

– В этом гараже мой пост, детектив Кларк. Я могу в нем находиться где захочу.

– С таким же успехом можешь валить отсюда на фиг! А то я...

Кларк услышал, как щелкнул затвор фотообъектива, и звук автоматической перемотки. Он повернулся к Льюису, который выпрямился с ликующей улыбкой.

– Я сделал это! Снимок с ручной выдержкой!

Они снялись с места. Льюис сложил раздвижные подставки треноги и быстро забрался на пассажирское сиденье «каприса», которым они заменили свой черный «плимут».

– До встречи, браток! – садясь за баранку, бросил Кларк охраннику.

Машина резко подала назад, вынуждая охранника отпрыгнуть. Кларк, улыбаясь, посмотрел в зеркало заднего вида и выехал на пандус. Он увидел, как охранник говорит что-то по ручной рации.

– Болтай себе, приятель, – сказал он.

Машина СВР подъехала к будке на выезде из гаража. Кларк вручил человеку в будке парковочный жетон и два доллара. Тот взял все это, но не поднял черно-белую трубу, служившую в качестве шлагбаума.

– Бенсон велел вас задержать, парни, – сказал человек в будке.

– Что? Какой еще Бенсон, блин?

– Охранник. Он велел задержать вас на минутку.

Как раз в этот момент детективы из СВР увидели, что Босх и Уиш проехали мимо гаража, держа путь на Четвертую улицу. Они их упустят! Кларк сунул под нос сторожу вытянутую руку с полицейским значком.

– Мы на службе! Открывай свои чертовы ворота! Быстро!

– Он сейчас подойдет. Я должен делать, что он мне приказывает. А то потеряю работу.

– Открывай ворота, а то потеряешь их, дубина! – заревел Кларк.

Он поставил ногу на газ и прибавил оборотов, давая понять, что не

шутит и впрямь собирается ехать напролом.

– Ты думаешь, у нас тут деревяшка? Давай, жми! Труба снесет тебе ветровое стекло вместе с крышей, мистер. Поступай как хочешь, но он уже идет.

В зеркальце заднего вида Кларк увидел охранника, тот спускался по пандусу. Лицо Кларка от ярости пошло красными пятнами. Он почувствовал на плече руку Льюиса.

– Остынь, напарник, – сказал Льюис. – Мы их не потеряем. Когда вышли из ресторана, они держались за руки. Они всего-навсего поехали к ней домой. Готов неделю отпахать за баранкой, если мы их там не подхватим.

Кларк стряхнул с себя его руку и испустил долгий выдох.

– Да плевать я хотел! – бросил он. – Мне дела нет до всего этого дерьма, блин!

* * *

На бульваре Оушн-парк Босх отыскал местечко для парковки на противоположной стороне от дома Элинора. Он въехал туда и заглушил мотор, но не сделал движения, чтобы выйти. Он смотрел на нее, до сих пор ощущая тот жар, согревавший и воодушевлявший его несколько минут назад, но не представляя, к чему все это может привести. Кажется, она понимала его чувства, быть может, даже разделяла их. Она накрыла его руку своей ладонью и, наклонившись к нему, поцеловала.

– Идем ко мне, – прошептала она.

Он вышел и, обойдя вокруг, подошел к машине с ее стороны. Элинора уже была снаружи, и он закрыл за ней дверцу. Они обогнули автомобиль спереди и остановились возле него, пережидая, когда проедет приближающаяся машина. У нее был включен дальний свет, и Босх повернулся к Элинора. Поэтому именно она первой заметила, что огни движутся прямо на них.

– Гарри?

– Что?

– Гарри!

Тогда и Босх обернулся навстречу приближающейся машине и увидел мчащиеся прямо на них огни – четыре луча от прямоугольных блок-фар. За оставшиеся несколько секунд Босх ясно понял, что машина не собирается сворачивать, а, напротив, летит прямо на них. Времени не оставалось, и

вместе с тем время как будто зависло. Замедленным, точно в кино – как показалось Босху, – движением он повернулся к Элинон. Но ей не требовалась помощь. Дружно, в унисон, они бросились на капот его машины. Босх перекатился через Элинон, и оба кубарем скатились в сторону тротуара. Одновременно его машина накренилась, раздался пронзительный и скорбный звук раздираемого металла. Боковым зрением Гарри увидел рассыпавшийся каскад голубых искр в месте удара. В следующий момент он приземлился на Элинон, на узкую полосу дерна между бордюрным камнем и тротуаром. Насколько он мог судить, они оба были живы. Оглушены, перепуганы, но на данный момент целы и невредимы.

Он тут же вскочил, выхватив револьвер, сжимая его обеими руками. Машина и не думала останавливаться. Она была уже на расстоянии пятидесяти ярдов и стремительно удалялась к востоку, набирая скорость. Босх выпустил ей вслед целую обойму, которая, как ему показалось, срикошетила от заднего стекла, но на таком расстоянии силы выстрелов не хватало, чтобы пробить стекло. Он услышал, как сбоку от него дважды выстрелил «ругер» Элинон, но не увидел никакого повреждения в скрывшейся с места ДТП машине.

Не говоря ни слова, оба ввалились в машину Босха через дверь со стороны пассажирского места. Босх с замиранием сердца поворачивал ключ в гнезде зажигания, но мотор завелся, и машина, протестуяще вскрикнув, оторвалась от обочины. Босх яростно дергал и накручивал рулевое колесо, набирая скорость. Подвеска казалась немного расшатанной и плохо слушалась. Он не имел представления, насколько поврежден автомобиль. Когда он попытался заглянуть в боковое зеркало, то увидел, что оно отсутствует. Когда включил габаритные огни, то понял, что они действуют только со стороны пассажирского сиденья.

Машина-убийца ушла вперед по меньшей мере на пять кварталов: она маячила возле гребня подъема, на который взбегают, а потом исчезает из виду бульвар Оушн-парк. В следующий момент она нырнула вниз, под горку, и габаритные огни исчезли. Держит путь к Банди-драйв, подумал Босх. Оттуда только один короткий перегон до 10-й магистрали. А там он затеряется, и его уже не поймать. Босх схватил рацию и позвонил в службу содействия полиции. Но он не смог дать описание машины, только направление преследования.

– Гарри, он гонит к автостраде! – крикнула Элинон. – Ты в порядке?

– Да. А ты? Заметила марку?

– Я нормально. Испугалась – только и всего. Марку не заметила.

Кажется, американская. Э... прямоугольные фары. Цвет не знаю, просто темная. Я не заметила цвет. Если он доберется до автострады, мы его упустим.

Они мчались по Оушн-парк к востоку, параллельно автостраде 10, которая пролежала примерно десятью кварталами севернее. Они приблизились к вершине гребня, откуда дорога шла вниз, и Босх отключил единственную действующую фару. Когда миновали гребень холма, он увидел силуэт машины-нарушителя, которая проезжала через освещенный перекресток у Линкольн-авеню. Да, водитель спешил на Банди-драйв. У Линкольн-авеню Босх взял влево и навалился на педаль газа. Он снова включил габаритные огни. И вместе с нарастанием скорости нарастал и тяжелый, глухой звук. Шина переднего колеса была повреждена и балансировка нарушена.

– Куда ты едешь? – спросила Элинора.

– Сначала на автостраду.

Не успел Босх проговорить это, как появились указатели съезда на автостраду и машина сделала широкую дугу, заворачивая вправо, на эстакаду. Взвизгнули шины. Превышая допустимую скорость, они с разгону пронеслись по пандусу и влились в поток машин на шоссе.

– Как мы ее узнаем? – крикнула Элинора. Стук от колес сейчас был очень громким, почти непрерывная угрожающая вибрация.

– Не знаю. Ищу прямоугольные фары.

Уже через одну минуту они подъезжали к въезду на Банди-драйв, но Босх понятия не имел, нагнали они ту машину или же она по-прежнему была далеко впереди. Какая-то машина въезжала вверх по пандусу, затем влилась в крайний ряд автострады. Машина была белая, иностранной марки.

– Нет, вряд ли это она, – покачала головой Элинора.

Босх снова поддал газу и ринулся вперед. Сердце его стучало в таком же бешеном темпе, как и поврежденное колесо: наполовину охваченное азартом гонки, наполовину – возбуждением от того, что он жив, а не лежит искалеченный перед домом Элинора. Он сжимал руль, вцепившись в его верхнюю половину, сжимал с такой силой, что побелели костяшки на пальцах, и гнал машину, будто посылая лошадь в бешеный галоп. Они мчались в неплотном потоке машин со скоростью девяносто миль в час и оба вглядывались в передние части обгоняемых автомобилей, пытаясь отыскать прямоугольные фары или поврежденную правую сторону.

Через полминуты такой гонки они неожиданно нагнали темно-красный «форд», мчащийся по правой полосе со скоростью по меньшей

мере миль семьдесят. Босх выскочил у него из-за спины и пристроился бок о бок, почти вплотную. В руках у Элинора был наготове пистолет, но она держала его ниже окна – так, чтобы нельзя было заметить снаружи. Водитель автомобиля, белый мужчина, даже не взглянул в их сторону и не подал вида, что их заметил. Когда они выехали вперед, Элинор крикнула:

– Прямоугольные блок-фары.

– Это та машина? – Босх сузил глаза.

– Я не могу... не знаю... Правую сторону не видно. Не пойму, есть ли повреждение. Может, и та. Водитель не реагирует.

Теперь они были на три четверти корпуса впереди. Босх вытащил портативную мигалку и через окно закинул ее на крышу машины. Включил вращающийся синий свет и медленно начал подрезать «форд», подталкивая его к обочине. Элинор высунула руку из окна и просигналила преследуемой машине. Водитель начал послушно сбавлять ход, подгоняя вправо. Резко нажав на тормоза, Босх позволил другой машине проскочить чуть вперед и первой въехать на обочину. Затем въехал вслед за ней. Когда оба автомобиля выстроились вдоль ограждающего автостраду звукоизоляционного барьера, Босх понял, что у него проблема. Он включил дальний свет, но, как и прежде, отреагировали фары только с правой стороны. Передняя же машина стояла слишком близко к барьеру, чтобы Босх и Уиш могли разглядеть, повреждена ли ее правая сторона. Между тем сидевший за рулем водитель был почти полностью погружен в тень.

– Черт! – ругнулся Босх. – Ладно, не подходи, пока я не дам знак, что все в порядке, о'кей?

– Ясно, – сказала она.

Босху пришлось всем весом навалиться на поврежденную дверь, чтобы открыть ее. Он вышел из машины, с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Фонарь он держал на отлете, подальше от тела, направляя его на водителя стоящей впереди машины. В ушах стоял рев от проносящихся по трассе машин, поэтому Босх выкрикнул команду, но голос потонул в гудке дизельного трейлера, и порыв ветра от проезжавшего полуприцепа отнес его вперед. Босх попытался снова, веля водителю выставить обе руки в окно. Никакого эффекта. Он снова выкрикнул приказ. Спустя изрядное время, в течение которого Босх держался чуть в стороне от левого заднего буфера темно-красной машины, водитель наконец подчинился. Гарри посветил фонарем сквозь заднее окно и не обнаружил внутри пассажиров. Подбежал и, направив свет на водителя, приказал ему медленно выходить из машины.

– В чем дело? – запротестовал мужчина. Он был маленького роста, с

бледной кожей, рыжеватыми волосами и бесцветными усами. Открыл дверь машины и с поднятыми руками шагнул на землю. На нем были белая рубашка с пуговицами и бежевые брюки на подтяжках. Он взглянул на движущееся море машин, словно пытаясь подыскать свидетеля своего кошмарного ночного приключения на пригородной автостраде.

– Могу я увидеть ваш значок? – запинаясь проговорил он.

Босх налетел на него, развернул и с силой распластал по борту машины, так что голова и руки вжались в крышу. Одной рукой надавливая мужчине на затылок, он другой уткнул пистолет ему в ухо и крикнул Элино́р, что все чисто.

– Проверь правую сторону.

Человек под тяжестью Босха издал жалобный звук, точно испуганное животное, и Гарри почувствовал, что он весь дрожит. Шея мужчины покрылась потом. Босх ни на секунду не отрывал от него глаз и не имел возможности посмотреть, как там дела у Элино́р. Внезапно ее голос раздался прямо у него за спиной:

– Отпусти его. Это не он. Повреждений нет. Мы задержали не ту машину.

Часть VI

Пятница, 25 мая

Их допрашивали полицейские из отделения Санта-Моники, из дорожной полиции штата Калифорния, из управления полиции Лос-Анджелеса, а также агенты ФБР. Были вызваны эксперты из службы борьбы с вождением в состоянии алкогольного опьянения, и те проверили Босха на содержание алкоголя в крови. Он успешно выдержал проверку. К двум часам ночи он сидел в комнате для допросов в полицейском участке Западного Лос-Анджелеса усталый, как собака и думал, кто следующий: береговая охрана или налоговая служба. Их с Элинон допрашивали порознь, и он не видел ее с тех пор, как они прибыли в полицию три часа назад. Его злило и мучило, что он не может быть рядом с ней, чтобы защитить от допрашивающих. Затем в комнату вошел лейтенант Харви Паундз и объявил Босху, что на данном этапе допрос окончен. Было видно, что «шеф-повар» зол – и не только потому, что его среди ночи вытащили из дома.

– Что это за коп, который не может рассмотреть марку машины, чуть его не переехавшей? – спросил он.

Босх был привычен к предвзятому, полуобвинительному тону всех этих вопросов, когда допрашивающий уже заранее подозревает худшее.

– Как я уже объяснил по очереди каждому из тех, что были перед вами, я был в тот момент немного занят – старался спасти свою задницу.

– А этот человек, которого вы остановили! – перебил его Паундз. – Боже правый, Босх, вы схватили его прямо на обочине автострады. Любой осел с телефоном в машине, увидев такое, может позвонить в службу девять-один-один, чтобы сообщить о похищении, убийстве, черт знает о чем! Неужели вы не могли постараться рассмотреть правую сторону его машины прежде, чем его останавливать?

– Это было невозможно. Все это отражено в отчете, в отпечатанном виде, лейтенант. Я объяснял это сегодня уже раз десять.

Паундз продолжал – словно бы и не слышал.

– А он, к вашему сведению, не больше и не меньше, как адвокат.

– Ну и что теперь? – спросил Босх, уже теряя терпение. – Перед ним извинились. Произошла ошибка. Машина выглядела точно так же. А если он вздумает привлечь кого-нибудь к суду, так это все равно будет ФБР. У

них карманы глубже. Так что не переживайте об этом.

– Нет, ради всего святого! Он подаст на оба наши ведомства! Он уже толкует об этом. И сейчас совсем не время острить по этому поводу.

– Сейчас также не время дергаться по поводу того, что мы сделали верно, а что нет. Похоже, никого из этих разодетых молодцев, которые съехали меня допрашивать, не заботит, что кто-то пытался нас убить. Единственное, что их интересует, – это на каком расстоянии я был, когда выстрелил, и почему и представлял ли опасность для очевидцев. Я задержал ту машину без достаточных оснований! Да, черт подери! Кто-то специально мчался, чтобы убить меня и моего партнера! Простите, что не испытываю большой жалости к этому адвокату, у которого перекрутились подтяжки.

Паундз был готов к этому аргументу.

– Босх, судя по всем признакам, то мог быть просто какой-то пьяница. И что вы подразумеваете под словом «партнер»? Вы просто на подхвате в этом расследовании. Вы просто откомандированы на время им в помощь. И после событий сегодняшней ночи, думаю, эта командировка будет отменена. Вы сидите на этом деле битых пять дней, а из того, что рассказал мне Рурк, я понял, что вы пока ничего не добились.

– Это был не пьяница, Паундз. Он охотился именно за нами. И мне наплевать, что говорит о нашей работе Рурк, я намерен раскрыть это дело. И если бы вы хоть раз поверили в собственных людей и перестали вставлять нам палки в колеса – например, сняли бы у меня с хвоста этих придурков из СВР, – то могли бы записать и на свой счет часть славы, когда оно будет раскрыто.

Брови Паундза полезли вверх, округлившись, словно морские буруны.

– Да, я знаю о Льюисе и Кларке, – сказал Босх. – И знаю, что вам поступали копии их отчетов. Они, конечно, не рассказали вам о той маленькой беседе, которую я с ними провел. Я застукал их, когда они решили малость вздремнуть возле моего дома.

По выражению лица Паундза было ясно, что он об этом ничего не знает. Льюис и Кларк занимали весьма скромное место в иерархии, и Босху не грозило быть взятым в оборот за то, что он круто с ними обошелся. Он поинтересовался, где были эти два детектива СВР, когда их с Элинор едва не угробили.

Слушая его, Паундз долгое время молчал. Он, как рыба, кругами ходил вокруг заброшенной Босхом наживки – похоже, понимая, что внутри скрывается крючок, но надеясь найти способ схватить приманку, не напоровшись. Наконец он велел Босху дать ему краткую сводку результатов

недельного расследования. Теперь лейтенант был на крючке. Босх кратко изложил ему положение вещей, и хотя на протяжении следующих двадцати минут Паундз не проронил ни слова, по его вздымающимся, как девятые валы, бровям Босх смог точно определить, в каких местах его начальник слышит то, о чем Рурк не счел нужным ему сообщить.

Когда рассказ был окончен, Паундз уже больше не заикался об отстранении Босха от расследования. Однако Гарри чувствовал от всего этого смертельную усталость. Он хотел спать, а у Паундза все еще оставались вопросы.

– Если ФБР не собирается посылать своих людей в подземные сети, не следует ли нам это сделать? – спросил он.

Босх понял подспудное желание шефа: оказаться главным в операции по захвату преступников, если таковая будет иметь место. Если Паундз отправит своих людей в подземные каналы, то ФБР не сможет потом в обход полицейского управления приписать все заслуги себе. Сумев разрушить дьявольские планы грабителей, Паундз заработает от начальства поощрительное похлопывание по спине. Но Босх еще раньше признал доводы Рурка разумными и правильными. Отряд, отправленный в подземелье вслепую и наудачу, подвергся бы серьезному риску случайно наткнуться на бандитов и, возможно, погибнуть.

– Нет, – ответил детектив. – Давайте сначала посмотрим, нельзя ли установить местонахождение Трана и его тайника. Из того, что нам известно, это вовсе не обязательно должен быть банк.

Паундз встал, сочтя, очевидно, что узнал достаточно. Он сказал, что Босх может идти. Уже направившись к дверям комнаты, лейтенант добавил:

– Босх, думаю, у вас не будет проблем с нынешним ночным инцидентом. Мне кажется, вы сделали все, что было в ваших силах. Адвокату, конечно, пощипали перышки, но он угомонится. Или уже угомонился.

Босх ничего не ответил и не улыбнулся этой худосочной шутке.

– Только вот еще что, – продолжал Паундз. – Тот факт, что это произошло перед домом агента Уиш, несколько неприятен, поскольку производит впечатление некоторой неуместности. Легкий оттенок, согласитесь. Вы ведь просто подвозили ее до дому, не так ли?

– Мне безразлично, какое это производит впечатление, лейтенант, – ответил Босх. – Это было во внеслужебное время.

Паундз несколько секунд смотрел на Босха, потом покачал головой, как если бы Босх отверг его дружески протянутую руку, и вышел из маленькой комнаты.

Босх нашел Элинон сидящей в одиночестве в соседнем помещении для допросов. Глаза ее были закрыты, она подпирала голову руками, поставив локти на исцарапанный деревянный стол. При его появлении она открыла глаза и улыбнулась, и Босх вмиг почувствовал себя исцеленным от смертельной усталости, злости и разочарования. Это была улыбка, которой обмениваются дети, когда им удастся легко отделаться после какой-нибудь каверзы.

– Все закончилось? – спросила она.

– Да. А у тебя?

– Уже больше часа. Это они тебя хотели поджарить.

– Как обычно. Рурк ушел?

– Да, в ярости, мы вдрызг разругались. Сказал, что хочет, чтобы я завтра расписала ему каждый свой час накануне. После случившегося он чувствует, что не все нити у него в руках и он уже не так твердо рулит этим делом.

– Или тобой.

– Да. Похоже, этот фактор тоже присутствовал. Он хотел знать, что мы делали возле моего дома. Я сказала, что ты просто подвез меня.

Босх устало опустил на стул по другую сторону стола и запустил руку в пачку в поисках последней сигареты. Сунул ее в рот, но зажигать не стал.

– Если отвлечься от того, что Рурк заинтригован или ревнует, что он думает об этом происшествии? – спросил он. – Тоже сваливает на пьяного водителя? Как и мое начальство?

– Да, он тоже упоминал версию с нетрезвым водителем. Еще он спросил, нет ли у меня отвергнутого ревнивого бойфренда. В остальном не сказать чтобы кто-то озаботился этим происшествием или счел, что оно может иметь отношение к нашему делу.

– Я не подумал насчет отвергнутого дружка. И что ты ему ответила?

– Ты такой же продувной дипломат, как и он, – ослепительно улыбнулась она. – Я ответила, что это не его дело.

– Отлично сказано. А мне ты что бы ответила?

– Нет. – Он смешался, и она, подержав его в таком состоянии несколько секунд, добавила: – Я имею в виду: нет ревнивых поклонников. Так что не пора ли уйти отсюда и вернуться к тому, на чем мы остановились... – она взглянула на часы, – примерно четыре часа назад?

Босх проснулся в постели Элинон Уиш задолго до того, как первые рассветные лучи проникли сквозь занавеску на стеклянной раздвижной двери. Не в силах побороть бессонницу, он в конце концов встал и принял душ в нижней ванной комнате, на первом этаже. Произведя ревизию кухонных шкафов и холодильника, начал сооружать завтрак – из кофе, яичницы и рогаликов с изюмом и корицей. Бекон он так и не смог найти.

Услышав, как наверху выключился душ, он понес туда стакан апельсинового сока и застал ее перед зеркалом ванной. Она стояла нагишом и заплетала волосы, поделив их на три толстые пряди. Завороженный, он наблюдал, как Элинон ловко укладывает волосы во французскую косу. Затем она приняла от него сок вместе с долгим поцелуем. Потом накинула свой коротенький халат, и они спустились завтракать.

Чуть позже Гарри, оставив кухонную дверь открытой, стоял снаружи и курил.

– Ты знаешь, – сказал он. – Я просто счастлив, что все обошлось.

– Ты имеешь в виду вчера вечером, на улице?

– Да. Что с тобой ничего не случилось. Не знаю, как бы я с этим справился. Я понимаю, мы совсем мало знакомы и все такое, но... м-м... ты мне небезразлична. Понимаешь?

– И ты мне.

Хотя Босх и принял душ, однако одежда на нем была не свежее пепельницы в подержанной машине. Через некоторое время он сказал, что ему надо уйти – съездить домой и переодеться. Элинон решила, что поедет в Бюро – проверить последствия вчерашних ночных событий и получить все, что еще поступило относительно Биня. Они договорились встретиться в Голливудском участке, на Уилкоккс-авеню, потому что это было ближе всего к офису Биня, а Босху требовалось сдать свою поврежденную машину. Элинон проводила его до двери, и они поцеловались – так, словно она провожала его на службу в какую-нибудь бухгалтерскую контору, где ему предстояло пробыть до вечера.

Добравшись до дома, Босх не обнаружил никаких сообщений на автоответчике и никаких признаков проникновения в дом. Он побрился и сменил одежду, а затем спустился с холма, держа путь через Николс-каньон на Уилкоккс. Он сидел за рабочим столом, заполняя отчетные формы свежими данными, когда в десять часов появилась Элинон. Помещение с утра было битком набито, и большинство мужчин-детективов прервали свои занятия, чтобы проводить ее взглядом. Она опустилась на железный стул рядом с его рабочим местом, и на лице ее играла немного смущенная улыбка.

– Мне показалось, что я прошла по «Бискайлусу», – обронила она в ответ на его вопросительный взгляд, имея в виду шерифскую тюрьму в центре города.

– Да, эти ребята умеют поедать женщину глазами почище любых вуайеристов. Хочешь воды?

– Нет, все в порядке. Ты готов?

– Поехали.

Они взяли новую машину для Босха, которой на самом деле было по меньшей мере года три и которая имела пробег в семьдесят семь тысяч миль. Заведовавший автопарком офицер, навечно приговоренный к канцелярскому столу с тех пор, как ему оторвало четыре пальца самодельной бомбой (он имел глупость поднять ее как-то на празднике Хэллоуин), сказал, что эта машина лучшее, что у него есть. Бюджетные ограничения сдерживали обновление автопарка, хотя фактически ремонт старых машин обходился департаменту дорожке. Заводя машину, Босх обнаружил, что, во всяком случае, кондиционер работает прилично. Начинал потихоньку дуть ветер с Санта-Аны, и прогноз предрекал не по сезону теплый праздничный уик-энд.

Изыскания Элинора относительно Биня показали, что у него имеется свое дело и офис на Вермонт-авеню, в районе Уилшира. В этом месте было больше корейских лавок, чем вьетнамских, но те и другие сосуществовали. Насколько Уиш смогла выяснить, Бинь заправлял рядом предприятий, которые импортировали дешевую одежду, а также электронику и видеоаппаратуру из восточных стран, а затем сбывали их в Южной Калифорнии и Мексике. Многие из тех изделий, которые туристы задешево приобретали в Мексике и привозили в Штаты, уже однажды здесь побывали. На бумаге этот мелкий бизнес выглядел вполне успешным, и Босх задался вопросом, нуждался ли Бинь в своих бриллиантах. Или имел ли их когда-нибудь вообще.

Бинь владел зданием, в котором размещался его офис и дисконтный магазин продажи видеооборудования. В 30-х годах это был демонстрационный зал автомобилей, который был преобразован за многие годы до того, как Бинь его снял. Бетонный куб, украшенный с фасада широкими витринами и гарантированно обещавший обрушиться при скромном землетрясении. Но для того, кто, подобно Биню, сумел выбраться из Вьетнама, землетрясения, пожалуй, представляли собой лишь мелкое неудобство, а отнюдь не риск.

Детективы отыскали свободное местечко для парковки – как раз через дорогу от магазина «Бенз электроникс», – и Босх попросил Элинора повести

эту беседу, хотя бы на первых порах. Гарри пояснил, что Бинь может оказаться более разговорчив с федеральными органами, чем с местными. Они договорились усыпить его бдительность разговорами о том, о сем, а уже затем спросить о Тране. Босх не сказал партнерше, что держит в голове и другой план.

– Что-то не тянет этот магазин на заведение, которым заправляет человек, имеющий кучу бриллиантов, – заметил Босх, когда они вышли из машины.

– Имевший, – поправила его Элиноор. – И, не забывай, ему нельзя было выставлять этот факт напоказ. Он всегда должен был выглядеть как обычный средний иммигрант, который живет день ото дня, едва сводя концы с концами. Бриллианты, если они были, играли подсобную роль по отношению к истории его американского успеха. Все должно было выглядеть так, будто он купил их на заработанные деньги.

– Подожди секунду, – сказал Босх, когда они перешли улицу. Он сказал Элиноор, что забыл попросить Джерри Эдгара появиться вместо него в суде сегодня во второй половине дня. Он указал в сторону телефона-автомата на заправочной станции рядом с заведением Биня и быстрым шагом двинулся туда. Элиноор осталась на месте и принялась разглядывать магазинную витрину.

Босх позвонил Эдгару, но не стал ничего говорить ему насчет присутствия в суде.

– Джед, окажи мне маленькую услугу. Тебе даже не придется подниматься из-за стола.

Эдгар замялся, чего Босх вполне ожидал.

– Какую услугу?

– Ты не должен так отвечать. Тебе положено сказать: «Конечно, Гарри, что я должен сделать?»

– Да ладно, Гарри, мы же оба знаем, что находимся под колпаком. Нам надо быть осторожными. Скажи, что тебе требуется, и я отвечу, смогу ли это сделать.

– Все, что мне от тебя нужно, – это чтобы ты через десять минут позвонил мне на пейджер. Я хочу иметь повод на время покинуть одно собрание. Просто дай сигнал перезвонить, а когда я перезвоню, положи трубку рядом с телефоном на пару минут. Если я не перезвоню, через пять минут прожужжи снова. Вот и все.

– Это все, что тебе требуется? Просто позвонить на пейджер?

– Точно. Через десять минут, считая от этой.

– О'кей, Гарри, – облегченно выдохнул Эдгар. – Эй, я слышал о твоём

приключении вчера вечером. Эта информация держится здесь в секрете. А слухи ходят, что это был вовсе не пьяный водитель. Ты береги там свою задницу.

– Всегда так и делаю. Что там с делом Шарки?

– Ничего. Я разыскал его команду, как ты мне велел. Двое сказали, что были с ним в тот вечер. Думаю, они занимаются тем, что обирают голубых. Сказали, что потеряли его из виду, когда он сел в машину. Это было всего за пару часов до того, как в участок позвонили и сказали, что он в туннеле у стадиона. Я думаю, тот, кто сидел в машине, его и порешил.

– Описание?

– Машины? Не слишком внятное. Американский седан темного цвета. Вроде бы новая. Вот и все.

– Какие фары?

– Ну, я показал им каталог автомобилей, и задние габариты они выбрали разные. Один парень указал на круглые, другой говорит – прямоугольные. Но вот что касается передних фар, оба утверждают...

– Квадратные блок-фары.

– Точно. Эй, Гарри, ты что, думаешь, это та самая машина, которая покушалась на тебя и женщину из ФБР? Мать честная! Нам надо это обсудить.

– Позже. Может быть. А пока – позвони мне через десять минут.

– Десять минут, хорошо.

Босх повесил трубку и вернулся к Элино, которая разглядывала выставленные в витрине переносные стереопроигрыватели. Они вошли в магазин, отогнали двоих продавцов, обогнули штабель коробок с портативными видеокамерами, по 500 долларов штука, и сказали женщине, стоящей за кассовым аппаратом в дальней части зала, что хотели бы видеть Биня. Женщина уставилась на них бессмысленным взором и так пялилась, пока Элино не показала ей значок и удостоверение сотрудника ФБР.

– Вы ждате здесь, – сказала кассирша и скрылась за дверью, которая находилась за кассой. На двери было маленькое зеркальное окошко, напомнившее Босху о комнате для допросов на Уилкоккс-авеню. Он взглянул на часы. У него оставалось в запасе еще восемь минут.

* * *

Человек, появившийся из-за двери позади кассы, выглядел лет на шестьдесят. Он был с совершенно седыми волосами и невысокого роста, но

Босх заключил, что когда-то он был физически силен для своих габаритов. Приземистый и крепко сбитый, он сейчас внешне размягчился и облагородился благодаря более легкой жизни, чем на родине. На нем были очки розоватого оттенка в серебряной оправе, рубашка с открытым воротом и свободные брюки для гольфа. Нагрудный карман провисал под тяжестью десятка ручек и карманного фонарика на прищепке. Нго Ван Бинь производил впечатление самого заурядного человека.

– Мистер Бинь? Меня зовут Элинон Уиш. Я из ФБР. А это детектив Босх из полиции Лос-Анджелеса. Мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

– Да, – ответил он, причем строгое и сдержанное выражение его лица не изменилось.

– Это по поводу ограбления банковского хранилища, где вы арендовали сейф.

– Я уже заявлял, что у меня не пропало ничего ценного, в моей сейфовой ячейке хранились только предметы сентиментального характера.

Бриллианты занимают высокое место в сентиментальной иерархии, подумал Босх.

– Мистер Бинь, не могли бы мы пройти к вам в кабинет и поговорить конфиденциально? – произнес он вместо этого.

– Да, но я не понес никакого ущерба. Посмотрите в отчетах. Там это указано.

Элинон вытянула вперед руку, побуждая Биня показать им дорогу. Вслед за хозяином через дверь с зеркальным окошком они вошли в подсобное помещение, напоминающее пакгауз. Здесь на доходящих до потолка стальных полках стояли сотни коробок с электроникой. Миновав склад, они попали в комнату поменьше, являвшуюся то ли ремонтной, то ли сборочной мастерской. На подставке для инструментов сидела женщина, держа у самого рта миску с супом. Когда они вошли, она даже не подняла глаз. В задней части мастерской было две двери, и через одну из них процессия попала, наконец, в кабинет Биня. Именно здесь он отбрасывал свою показную скромность. Кабинет был большим и роскошным. Направо стояли письменный стол и два стула, налево – обитый темной кожей угловой диван, впритык к которому расстился восточный ковер – на нем был изображен трехглавый дракон, изготовившийся к нападению. Напротив дивана стояли два стеллажа с книгами, стерео– и видеоаппаратурой – гораздо более изысканной, чем та, что продавалась в магазине. Надо было прижать его дома, подумал Босх. Посмотреть, в каких условиях он живет.

Он быстро обвел глазами комнату и увидел на столе белый телефон. Телефон был антикварный, из тех, где рычажки для телефонной трубки возвышаются над старомодным вращающимся диском. Бинь двинулся было к столу, но Босх поспешно произнес:

– Мистер Бинь! Не возражаете, если мы присядем вот здесь, на диване? Нам бы хотелось, чтобы наша беседа носила как можно более непринужденный характер. Сказать по правде, мы и без того целыми днями сидим за столом.

Бинь пожал плечами, давая понять, что для него нет разницы и что они причиняют ему неудобство, где бы ни сидели. Это был, несомненно, американский жест, и Босх был уверен, что кажущиеся трудности Биня с английским были тоже для внешнего употребления, чтобы не пускать в свой мир посторонних.

– Славный кабинет, – сказал Босх, оглядывая комнату. Никакого другого телефона он в ней не заметил.

Бинь кивнул. Он не предложил им ни чая, ни кофе, не завел и учтивой светской беседы. Он просто сказал:

– Что вам угодно?

Босх посмотрел на Элинора.

– Мистер Бинь, – начала она, – мы просто заново проходим по старым следам, еще раз уточняем картину событий. Вы заявили, что не понесли финансового ущерба при ограблении хранилища. Мы...

– Именно так. Никакого ущерба.

– Все верно. Что у вас хранилось в сейфе?

– Ничего.

– Ничего?

– Бумаги и все в таком роде, не представляющее ценности. Я уже всем это рассказывал.

– Да, мы знаем. Простите, что снова приходится вас беспокоить. Но дело остается открытым, и мы вынуждены возвратиться к тем событиям, проверить, не было ли что-то упущено. Не могли бы вы рассказать мне в мельчайших подробностях, какие бумаги были вами утрачены? Это могло бы очень помочь, если пропавшая собственность обнаружится – мы бы сразу установили ее источник.

Элинора достала из сумочки маленькую записную книжку и ручку. Бинь взирал на двух своих визитеров так, словно не мог взять в толк, каким образом его информация может помочь делу. Босх добавил:

– Вы бы удивились, если бы узнали, как порой самые незначительные вещи...

Заверещал его пейджер, и Босх, отстегнув аппарат, посмотрел на дисплей. Потом встал и огляделся, будто видел комнату впервые. «Интересно, не перебарщиваю ли я», – подумал он.

– Мистер Бинь, не мог бы я от вас позвонить? Это местный звонок, не междугородный.

Бинь кивнул, и детектив подошел к письменному столу с лицевой стороны, наклонился над ним и снял трубку. Изобразил, что снова сверяется с пейджером, затем набрал номер Джерри Эдгара. Он продолжал стоять к Элинон и Биню спиной. Устремил взгляд вверх, на стену, как если бы разглядывал висевший там шелковый гобелен. Он услышал, как Бинь начал описывать Элинон иммиграционные документы и документы, касавшиеся оформления гражданства, украденные из его депозитной ячейки. Гарри положил пейджер в карман пиджака, а когда вытащил руку обратно, в ней были маленький перочинный ножик, а также телефонный «жучок» Т-9 и маленькая батарейка, которые он ранее извлек из собственного телефона.

– Это Босх, кто звонил мне на пейджер? – спросил он в трубку, услышав на том конце голос Эдгара. После того как Эдгар отложил трубку в сторону, прибавил: – Я подожду несколько минут, но скажи ему, что у меня сейчас в самом разгаре допрос свидетеля. Там что-то срочное?

Стоя по-прежнему спиной к кушетке и слыша голос отвечающего на вопросы Биня, Босх чуть развернулся вправо и склонил голову набок, одновременно будто прижимая трубку к левому уху, где Бинь не мог ее видеть. На самом же деле он опустил трубку на уровень живота, затем с помощью перочинного ножа поддел крышку наушника – при этом пару раз кашлянув для маскировки – и вытащил из трубки устройство приема звука. Одной рукой он присоединил «жучок» к батарейке – в исполнении этого трюка он потренировался заранее, пока ждал получения новой машины в гараже. Пропихнул «жучок» с батарейкой в глубь телефонной трубки, затем вернул туда же звукоприемное устройство и щелкнул крышкой, снова громко кашлянув, чтобы заглушить звук.

– О'кей, – произнес Босх в трубку. – Тогда скажи ему, что я перезвоню, когда здесь закончу. Спасибо, дружище.

Он положил трубку, одновременно возвращая в карман перочинный нож, и вернулся к дивану, где Элинон что-то заносила в записную книжку. Закончив, она посмотрела на Босха, и тот без всякого знака с ее стороны понял, что с этой минуты беседа потечет по другому руслу.

– Мистер Бинь, – сказала Элинон, – вы уверены, что в вашей ячейке содержалось только это?

– Да, конечно, почему вы так много раз меня спрашиваете?

– Мистер Бинь, нам известно, кто вы, а также обстоятельства вашего прибытия в нашу страну. Мы знаем, что вы были офицером полиции.

– Да, ну и что? Что вы хотите сказать?

– Нам известны также и другие вещи...

– Мы знаем, – вмешался Босх, – что в Сайгоне вы были высокооплачиваемым полицейским чином, мистер Бинь. Мы знаем, что кое за какую вашу работу вам платили бриллиантами.

– Что это означает? Что он говорит? – произнес Бинь, вопросительно глядя на Элинора и указывая в сторону Босха. Он изменил прежней тактике и опустился до того, что стал укрываться за языковым барьером. По мере того, как продвигался допрос, возникало ощущение, что он забывает английский язык на ходу.

– Это означает то, что он сказал, – ответила она. – Мы знаем о бриллиантах, которые вы привезли сюда из Вьетнама, капитан Бинь. Мы знаем, что бриллианты и были движущим мотивом взлома банковского депозитария.

Новость не потрясла его. Скорее всего, он уже рассматривал возможность такого поворота. Он остался совершенно спокоен и неподвижен.

– Это неправда, – сказал он.

– Мистер Бинь, у нас полный комплект ваших биографических данных, – продолжал Босх. – Нам все о вас известно. Мы знаем, кем вы были в Сайгоне и чем занимались. Знаем, что вы привезли с собой, когда приехали сюда. Я не знаю, чем вы занимаетесь сейчас – эта ваша деятельность представляется вполне законной, – но нас это, в сущности, и не интересует. А интересует нас, кто вскрыл тот банк. А вскрыли его из-за вас. Ради маскировки злоумышленники прихватили много сопутствующих ценностей, а также все остальное из вашего сейфа. Знаете, я уверен, что не сообщая вам ничего такого, о чем бы вы сами не догадались или над чем не задумывались. Вполне возможно, вы даже решили, что за всем этим стоит ваш старинный партнер Нгуен Тран. Поскольку он знал, чем вы обладаете и где это спрятано. Неглупая, в сущности, мысль, но мы ее не разделяем. На самом деле мы считаем, что он следующий на очереди.

Все так же ни один мускул не дрогнул на неподвижном, словно каменном, лице Биня.

– Мистер Бинь, – сказал Босх, – мы хотим поговорить с Траном. Где его найти?

Сквозь стоящий перед ним стеклянный кофейный столик Бинь уперся

взглядом в трехглавого дракона на ковре. Потом сложил ладони вместе на коленях, покачал головой и сказал:

– Кто такой этот Тран?

Элино́р стрельнула на Босха глазами и попыталась вновь наладить то взаимопонимание, что царило между ней и допрашиваемым ранее, пока не вмешался ее партнер.

– Капитан Бинь, мы не заинтересованы в каких-либо действиях против вас. Мы просто хотим предотвратить взлом и ограбление еще одного банковского хранилища. Не могли бы вы нам помочь?

Бинь не ответил. Он смотрел вниз, на свои руки.

– Послушайте, Бинь, – снова вступил Босх, – я не знаю, что вы сами собираетесь предпринять по этому поводу. Возможно, у вас есть свои люди, которые пытаются отыскать тех самых злоумышленников, что ищем мы. Но заявляю вам прямо: вы не фигурируете в этом деле, как подозреваемый. Поэтому скажите нам, где Тран.

– Я не знаю этого человека.

– Мы ваша единственная надежда. Мы все равно будем искать Трана. Те люди, которые ограбили вас, опять под землей, они роют новый подкоп. Прямо сейчас. Если в этот уик-энд мы не выйдем на Трана, ни вам, ни ему уже ничего не вернуть.

Но, как и ожидал Босх, Бинь оставался живой моделью каменного изваяния.

Элино́р поднялась.

– Спасибо за беседу, мистер Бинь, – сказала она.

– У нас уже почти не остается времени – как и у вашего бывшего партнера, – бросил Босх, когда оба уже шагали к двери.

* * *

Выйдя из дверей бывшего демонстрационного зала на улицу, Босх, быстро оглянувшись по сторонам, перешел Вермонт-стрит. Элино́р пересекла улицу шагом. От кипевшего в ней гнева она двигалась резкой, напряженной походкой, точно на деревянных ногах. Босх сел в машину и потянулся за сиденье, где на полу лежала «Награ». Он включил ее и поставил на самую высокую скорость записи. Гарри знал, что ждать придется недолго. Он только молил Бога, чтобы вся находящаяся в магазине электроаппаратура не повлияла на прием. Элино́р негодуяще плюхнулась рядом.

– Великолепно! – воскликнула она. – Теперь мы уже никогда ничего не выжмем из этого типа. Он сейчас позвонит Трану и... Что это еще за чертовщина?

– Кое-что оставшееся от шпигов и подобранное мной. Они запустили «жучка» в мой телефон. Древнейший фокус в арсенале СВР.

– И ты, что же... поставил его в... – Она показала пальцем через улицу, и Босх утвердительно кивнул.

– Босх, ты понимаешь, что это означает? Что нам может за это быть? Я сейчас же иду обратно и достаю...

Она открыла дверь машины, но он потянулся и захлопнул ее.

– Ты не станешь этого делать. Это наш единственный шанс добраться до Трана. Бинь не собирался нам ничего говорить – как бы мы ни повели допрос. И несмотря на эти сердитые глаза, ты и сама это прекрасно понимаешь. Так что либо так – либо никак. Бинь предупредит Трана, а мы либо вообще не узнаем, где тот находится, либо сумеем использовать их разговор. Скоро все будет ясно.

Элинор смотрела прямо перед собой, возмущенно трясая головой.

– Босх, это может стоить нам работы. Как ты мог пойти на это, не посоветовавшись со мной?

– Именно по этой причине. Потому что сейчас это может стоить работы только мне одному. Ты ничего об этом не знала.

– Я никогда не смогу этого доказать. Все это выглядит, как подстава. Я отвлекала его внимание, пока ты разыгрывал свой маленький фокус.

– Это и была подстава, только ты не знала. Кроме того, Бинь и Тран не являются объектами нашего расследования. Мы собираем сведения не против них, а от них. Это ни в коем случае не пойдет в отчет. А если он и обнаружит «жучок», то никак не сможет доказать, что его поставил я. Регистрационного номера на нем нет, я проверил. Эти начальники не дураки, чтобы такую аппаратуру можно было идентифицировать. Мы чисты. Ты чиста. Не волнуйся.

– Гарри, едва ли это убеди...

На «Нагре» мигнула красная лампочка. Кто-то набирал номер на телефонном аппарате вьетнамца. Босх удостоверился, что пленка на магнитофоне вращается.

– Элинор, принимай решение, – сказал Босх, держа записывающее устройство на ладони. – Выключи его, если хочешь. Твой выбор.

Элинор повернулась и посмотрела на магнитофон, затем – на Босха. Как раз в этот момент набор номера кончился, и в машине воцарилась тишина. На другом конце линии раздались длинные гудки. Она

отвернулась. Кто-то снял трубку. Говорящие обменялись несколькими словами по-вьетнамски, затем вновь наступило молчание. Потом послышался еще один, новый, голос, и опять пошел разговор по-вьетнамски. Босх смог определить, что один из голосов принадлежит Биню. Другой, судя по тембру, – мужчине примерно одного с ним возраста. Бинь и Тран, снова вместе. Элинон качнула головой и выдавила короткий смешок.

– Блестяще, Гарри! И где ты теперь возьмешь переводчика? Нам нельзя никого привлекать. Мы не можем пойти на такой риск.

– Я и не собираюсь ничего переводить. – Он выключил звукозаписывающее устройство и перемотал пленку. – Доставай свою книжечку и ручку.

Босх переключил магнитофон на самую маленькую скорость воспроизведения и нажал кнопку «Play». Когда послышался набор номера, то он был таким медленным, что можно было сосчитать щелчки. Босх стал называть цифры, Элинон их записывала. Теперь у них был телефонный номер, который набирал Бинь.

Номер начинался с цифр 714. Округ Ориндж. Босх снова включил устройство на прием: телефонный разговор между Бинем и неизвестным человеком продолжался. Босх выключил аппарат и взял в руки рацию. Дал диспетчеру телефонный номер и попросил узнать имя и адрес. Прошло несколько минут, прежде чем кто-то отыскал номер в обратной директории компьютера. Тем временем Босх завел машину и двинулся в южном направлении, к соединяющей штаты автостраде 10. Он уже съехал на шоссе 5 и двигался в направлении округа Ориндж, когда снова услышал по рации голос диспетчера.

Телефонный номер принадлежал заведению под названием «Пагода Тан Пху» в Вестминстере. Босх бросил взгляд на Элинон, которая отвернулась.

– «Маленький Сайгон», – сказал он.

* * *

Босх и Уиш добрались от магазина Биня до «Пагоды Тан Пху» за час. «Пагода» представляла собой торгово-развлекательную зону на Боулс-авеню, и здесь не имелось ни одной вывески, написанной по-английски. Комплекс представлял собой светлое оштукатуренное здание с фасадом, составленным из полудюжины застекленных магазинчиков, перед которым

вытянулась парковочная площадка. В каждой из этих лавочек продавалось главным образом разное малоценное барахло, вроде дешевой электроаппаратуры или футболок. С противоположных концов здания располагались конкурирующие вьетнамские ресторанчики. Около одного из ресторанчиков была стеклянная дверь, ведущая в какой-то офис или магазин, не имеющий витрины. Хотя ни Босх, ни Уиш не могли расшифровать на этой двери ни слова, они тотчас вычислили, что это вход в контору торгового центра.

– Нам нужно войти туда и получить подтверждение, что бизнес принадлежит именно Трану, узнать, там ли он и есть ли отсюда другие выходы.

– Мы даже не знаем, как он выглядит, – напомнила Элиноор.

Босх задумался. Если Тран не пользуется своим настоящим именем, то его сразу насторожит, если кто-то станет его называть.

– У меня идея, – сказала Уиш. – Найди платный таксофон. Затем я войду в контору. Ты наберешь номер, который считал с пленки, а я, когда буду внутри, посмотрю, звонит ли телефон. Если услышу телефонный звонок, значит, мы попали по адресу. Я также попытаюсь приметить Трана и проверить, есть ли дополнительные выходы.

– Телефоны там могут звонить каждые десять секунд, – возразил Босх. – Там может оказаться бойлерное помещение или мастерская. Как ты узнаешь, что это я звоню?

Она некоторое время молчала.

– Есть шанс, что они не говорят по-английски или, по крайней мере, не очень хорошо, – сказала она. – Поэтому ты попросишь того, кто ответит, говорить по-английски или позвать кого-то, кто говорит. Когда тот подойдет, скажи что-нибудь необычное, чтобы я смогла заметить реакцию.

– Если телефон зазвонит в таком месте, где ты сможешь его увидеть, – уточнил он.

Она пожала плечами, показывая: ей надоело, что он разбивает в пух и прах каждое ее предложение.

– Послушай, это единственное, что мы можем сделать. Давай. Вон там телефон, у нас мало времени.

Он выехал с парковки и проехал с четверть квартала, до телефонной будки перед винным магазином. Уиш пешком отправилась обратно к «Пагоде Тан Пху», и детектив подождал, пока она достигла двери в контору. Затем бросил в автомат двадцатипятицентовик и набрал номер, который занес в блокнот перед магазином Биня. Линия была занята. Элиноор уже скрылась из виду. Он набрал снова. Опять занято. Босх

торопливо проделал так еще два раза и лишь тогда услышал длинные гудки. Сначала он даже решил, что случайно набрал не тот номер, но в этот момент на том конце сняли трубку.

– «Тан Пху», – произнес мужской голос. Азиат, молодой, может, чуть за двадцать, подумал Босх.

– «Тан Пху»? – переспросил Босх.

– Да, пожалуйста.

Босх не мог придумать, что бы такое сказать. Он свистнул. Ответом ему была быстрая, отрывистая шквалообразная словесная отповедь, из которой Босх не разобрал ни слова и даже ни звука. Затем на том конце с грохотом швырнули трубку. Босх вернулся к машине и поехал обратно, на узкую стоянку перед торговой зоной. Он медленно пересекал ее, когда из стеклянных дверей появилась Уиш вместе с каким-то мужчиной. Тоже азиатом. Как и у Биня, у него были седые волосы, а еще определенная аура власти – скрытая внутренняя сила в дополнение к крепким мышцам. Он придержал дверь, пропуская Элинора, и кивнул, когда она поблагодарила. Некоторое время мужчина наблюдал, как она удаляется, затем опять скрылся внутри.

– Гарри, – сказала она, садясь в машину, – что ты сказал по телефону?

– Ни слова. Значит, это была их контора?

– Да. Думаю, тот человек, что придержал мне дверь, и был наш мистер Тран. Приятный мужчина.

– И чем же ты заслужила такое его расположение?

– Я сказала, что я из фирмы по операциям с недвижимостью. Когда я вошла, то спросила, как можно увидеть босса. Тогда из офиса в глубине вышел мистер Седовласый. Он сказал, что его зовут Джимми Бок. Я сказала, что представляю японских инвесторов, и спросила, не заинтересован ли он принять предложение по размещению здесь торгового центра. Он сказал, что нет. Он произнес на прекрасном английском: «Я не продаю, я покупаю». Потом проводил меня до выхода. Но мне кажется, это был Тран. Что-то в нем есть такое.

– Да, я видел, – кивнул Босх. Потом взял рацию и попросил диспетчера пропустить имя Джимми Бока через компьютерную базу данных Национальной службы криминальной разведки и управления автотранспорта.

Элинора описала внутренность офиса. Центральная зона, где располагается приемная, за ней коридор с четырьмя дверьми, одна из них – в самом дальнем конце, и, судя по двойному замку, там находится выход. Никаких женщин, но по крайней мере еще четверо мужчин, помимо Бока.

Двое из них крепкие парни, похожи на охранников или вышибал. Сидели в приемной на диване, и когда Бок вышел из средней двери, вскочили.

Гарри выехал со стоянки и двинулся в объезд квартала. Он въехал на дорожку, которая пролежала позади торгового центра. Проехал некоторое расстояние и остановился, увидев удлинённый золотистый «мерседес», припаркованный перед задней дверью комплекса. В двери стоял двойной замок.

– Очевидно, это его авто, – сказала Уиш.

Они решили, что будут наблюдать за машиной. Босх проехал мимо, до конца аллеи, и остановил машину за мусорным ящиком. Потом сообразил, что ящик полон отходов из ресторана. Он подал назад и припарковался в боковой улочке – так что из пассажирского окна им был виден бампер «мерседеса». Босх при этом имел возможность одновременно смотреть на Элинора.

– Итак, мы ждем, как я понимаю, – сказала она.

– Получается, да. Нет никакой возможности определить, будет ли он предпринимать что-нибудь после предостережения Биня. Может, он уже куда-то дел свои бриллианты после того, как Биня выпотрошили в прошлом году, и мы просто зря теряем время.

Вскоре Босх получил от диспетчера ответ на свой запрос: Джимми Бок не имел нарушений по линии автоинспекции; он проживает в Беверли-Хиллз и не имел также никаких неприятностей с законом. Больше на него ничего не было.

– Я иду обратно, звонить, – объявила Элинора. Босх вопросительно посмотрел на нее. – Мне нужно отметить. Я скажу Рурку, что мы установили наблюдение за этим человеком и стоим здесь лагерем. И нельзя ли подрядить кого-то, кто свободен, обзвонить банки и прогнать его имя через банковскую поисковую систему. Узнать, нет ли его в списке клиентов. Мне бы также хотелось, чтобы его имя прогнали через реестр крупных владельцев собственности. Он сказал: «Я не продаю, я покупаю». Мне бы хотелось узнать, что именно.

– Выстрели в воздух, если я тебе понадоблюсь, – сказал Босх, и она, открывая дверь, улыбнулась.

– Хочешь чего-нибудь поесть? – спросила она. – Я подумываю взять ланч навынос в одном из тех ресторанов при входе.

– Только кофе, – ответил он. Вьетнамской пищи он не ел уже лет двадцать. Он смотрел, как она удаляется и заворачивает к фасаду торгово-развлекательного центра.

Минут через десять после ее ухода наблюдавший за «мерседесом»

Босх заметил другую машину, которая проехала мимо дальнего конца дорожки. Он тотчас определил ее как полицейский седан. Белый «форд» без декоративных крышек на колесах, просто с дешевыми колпаками, демонстрирующими такие же белые колеса. Автомобиль был слишком далеко, чтобы разобрать, кто в нем сидит. Босх поочередно смотрел на «мерседес» и в зеркало заднего вида – заворачивает ли «форд» за торговый комплекс. Но вскоре машина совсем пропала из виду и больше не появлялась.

Уиш вернулась через десять минут после этого. Она несла в руках коричневый бумажный пакет в пятнах жира, из которого вынула один стаканчик кофе и две картонные упаковки. Паровой рис и крабовый салат, сказала она. Он отказался от ее предложения и опустил окно. Пригубил принесенный кофе и скривился.

– У него такой вкус, будто он был сварен в Сайгоне и доставлен сюда по морю. Дозвонилась до Рурка?

– Да. Он обещал поручить кому-нибудь проверить Бока и позвонить мне на пейджер, если что-нибудь обнаружится. Он хочет, чтобы ему передали по рации точное, до минуты, время, когда «мерседес» тронется.

За приятной, легкой болтовней и обзреванием шикарного «мерседеса» незаметно пролетело два часа. В конце концов Босх объявил, что собирается для разнообразия сняться с места и объехать вокруг комплекса – просто чтобы размяться. Чего он не упомянул, так это что у него затекло тело, его клонит в сон и ему хочется поискать белый «форд».

– Тебе не кажется, что нам следует позвонить еще раз, чтобы выяснить, там ли он, а если отзовется – повесить трубку? – спросила она.

– Если Бинь его предупредил, то такой звонок может его насторожить. Он может догадаться, что вокруг него что-то происходит, тогда нам будет труднее.

Босх завернул за угол и повел машину вдоль фасадной стороны торгового центра. Ничто необычное не привлекло его внимания. Он объехал комплекс и припарковался на старом месте. «Форда» он так и не увидел.

Как только они опять заняли прежнюю позицию, у Элинора зазвенел пейджер, и она снова пошла звонить. Босх сосредоточился на золотистом «мерседесе» и на некоторое время забыл о «форде». Однако после того, как прошло двадцать минут, а Элинора все не возвращалась, он начал нервничать. Шел уже четвертый час дня, а Бок, он же Тран, не выходил, как они рассчитывали. Что-то, очевидно, было не так. Но что? Босх опять устремил внимательный взгляд на передний угол торгового центра,

высматривая Элинора, чтобы вместе с ней еще раз объехать вокруг оштукатуренных стен. Тут он услышал звук, похожий на приглушенный хлопок. И даже не один... Два или три... Выстрелы? Он подумал об Элиноре, и сердце подскочило к горлу. Или же этот звук означал, что где-то захлопнулась дверь? Он взглянул на «мерседес», но ему был виден только багажник и задние габаритные огни. Около машины он никого не заметил. Босх снова бросил взгляд на передний угол комплекса – Элинора не было. Затем – опять на «мерседес», и на сей раз увидел, что включились тормозные сигналы. Бок отъезжал. Гарри завел мотор и ринулся к углу – из-под задних шин вылетели брызги гравия, когда он на полном газу бросил машину вперед. На углу он увидел Элинору, идущую к нему по дорожке. Он сделал ей знак поторопиться. Элинора поспешила к машине и уже садилась в нее, когда в зеркале заднего вида появился выезжающий из-за угла «мерседес».

– Пригнись! – скомандовал он и потянул ее вниз, на сиденье.

«Мерседес» проплыл мимо и свернул на Боулс-авеню. Босх снял руку с ее шеи.

– Какого черта? – сердито спросила она, выпрямляясь.

Босх указал на удаляющийся «мерседес».

– Они ехали мимо. Он бы тебя узнал, ты же сегодня туда заходила. Почему так долго?

– Рурка не было на месте. Ходили его разыскивать.

Гарри тронулся с места и пристроился за «мерседесом» на расстоянии примерно двух кварталов. Элинора потребовалось довольно продолжительное время, чтобы прийти в себя.

– Он был один? – спросила она наконец.

– Не знаю. Я не заметил, как он садился. Я высматривал тебя на углу. Мне кажется, захлопнулось больше одной двери. Уверен, что так.

– Но ты не знаешь, садился ли в машину Тран?

– Верно, не знаю. Но уже становится поздно. По моему разумению, это должен быть он.

Однако Босх тут же осознал, что вполне мог поддаться на старейшую уловку из учебника по ведению слежки. Бок, или Тран, мог запросто отправить одного из своих подручных, какую-нибудь мелкую сошку, вместо себя в стотысячедолларовой машине, чтобы увести «хвост».

– Что предлагаешь? Может, вернуться?

Уиш не отвечала, пока он вопросительно не посмотрел на нее.

– Нет, – сказала она. – Действуй, как наметил. Не сбивай себя с толку запоздалыми сомнениями. Ты прав насчет времени. Многие банки перед

праздничным уик-эндом закрываются в пять. Если он хочет туда успеть, ему необходимо было выехать сейчас... Ведь Бинь его предупредил... Я думаю, что это он.

Босх почувствовал себя несколько лучше. «Мерседес» повернул на запад, затем опять на восток – на автостраду Голден-Стейт, к Лос-Анджелесу. Поток машин медленно полз в сторону центра; но затем золотистое авто свернуло к западу, на магистраль Санта-Моника, без двадцати пять съехав на Робертсон-стрит. Теперь они держали путь в Беверли-Хиллз. Бульвар Уилшир был буквально уставлен банками от центра города до самого океана. Как только «мерседес» повернул на запад, Босх почувствовал, что им надо нагнать его и держать ухо востро. Скорее всего, Тран хранит свое сокровище в банке, который поближе к дому. Значит, они поступили правильно. Гарри немного расслабился и даже стал расспрашивать Элинора, что сказал ей по телефону Рурк.

– Он получил подтверждение от администрации округа Ориндж, что Джимми Бок – это Нгуен Тран. У них в архивах зафиксирована смена имени. Он сменил его девять лет назад. Нам следовало бы сразу проверить округ Ориндж. Я позабыла о «Маленьком Сайгоне». А кроме того, – продолжала она, – если этот человек, Тран, имел бриллианты, он мог уже все их пустить в оборот. Регистрационные данные по недвижимости показывают, что он владеет еще двумя торговыми центрами вроде этого. В Монтерей-Парк и Даймонд-Бар.

Босх подумал, что наличие у Трана драгоценных камней все-таки нельзя исключить. Бриллианты, как и в случае с Бинем, могли занимать лишь подсобное положение по отношению к основному бизнесу, к этой империи недвижимости. Детектив не спускал глаз с «мерседеса», от которого отставал сейчас только на один квартал, потому что час пик был в полном разгаре и не хотелось его потерять. Босх смотрел, как движутся по шикарной улице черные окна машины, и сказал себе, что она едет за бриллиантами.

– А самое лучшее я поберегла на закуску, – объявила Уиш. – Мистер Бок, известный также как мистер Тран, управляет своими многочисленными холдингами через корпорацию. Название указанной корпорации, согласно регистрационным записям, которые в ходе поиска выявил спецгент Рурк, звучит не иначе, как «Бриллиантовые холдинги, инкорпорейтед».

Они миновали Родео-драйв и находились сейчас в самом сердце финансового района. Здания, выстроившиеся вдоль бульвара Уилшир, демонстрировали блеск и горделивое достоинство, словно понимая, что

заклучают в себе больше денег, шика и качества, чем прочие. Транспортный поток замедлился, на некоторых участках он двигался почти ползком, и Босх подтянулся к «мерседесу» уже на расстояние не более двух корпусов, не желая упустить его на светофоре. Они почти достигли бульвара Санта-Моника, и Босх начал подозревать, что они держат путь в Сенчури-Сити. Он посмотрел на часы. Было четыре пятьдесят.

– Если этот парень хочет попасть в банк Сенчури-Сити, не думаю, что он успеет.

Как раз в этот момент «мерседес» сделал правый поворот к парковочному гаражу. Босх притормозил у обочины, и, не говоря ни слова, Уиш выпрыгнула и зашагала в сторону гаража. Босх взял следующий поворот направо и стал объезжать квартал вокруг. Машины выезжали со стоянок и из гаражей близлежащих офисов, вновь и вновь подсекая его на пути. Когда же он наконец завершил круг, Элинон стояла на тротуаре на том же самом месте, где спрыгнула. Он подъехал, и она наклонилась к окну.

– Паркуйся, – сказала она и указала на другую сторону улицы, чуть дальше по ходу. Там высилось многоэтажное офисное здание, первый этаж которого полукругом выдавался на улицу. Стены этой полукруглой конструкции были сплошь стеклянные. И внутри этой громадной стеклянной комнаты Босх увидел отполированную и блестящую стальную дверь депозитария. Вывеска снаружи здания гласила: «Беверли-Хиллз сейф энд лок». Он взглянул на Элинон, та улыбалась.

– В машине был Тран? – спросил он.

– Конечно. Ты не допускаешь подобных грубых ляпов.

Он улыбнулся ей в ответ. Затем увидел освободившееся местечко в метре перед собой. Босх подъехал туда и заглушил мотор.

* * *

– С тех пор, как мы стали подозревать, что готовится ограбление еще одного хранилища, у меня в голове рисовались только банки, – говорила Элинон Уиш. – Ты понимаешь, Гарри? Ну, может, ссудные и сберегательные кассы. А ведь я проезжаю мимо этого места по два раза в неделю. И тем не менее, даже не принимала его в расчет.

Они уже прошли вниз по Уилширскому бульвару и стояли через дорогу от депозитария «Беверли-Хиллз сейф энд лок». Или, точнее, Элинон стояла за спиной Босха и смотрела на хранилище, выглядывая у него из-за плеча. Тран, или Бок, как его теперь называли, видел Уиш ранее, и нельзя

было допустить, чтобы он заметил ее здесь. Улица была запружена окончившими работу конторскими служащими, которых выплевывала наружу стеклянная дверь-вертушка офисного здания. Они спешили в парковочные гаражи, стремясь в эту предпраздничную пятницу хоть на пять минут пораньше влиться в поток машин.

– Хотя это вполне укладывается в схему, – сказал Босх. – Человек обращается в это учреждение, потому что не доверяет банкам, о чем и толковал твой приятель из госдепартамента. Именно поэтому он находит хранилище без банка. Вот оно. Но такой вариант даже удобнее. Пока у тебя есть деньги, чтобы платить, этим заведениям не важно, кто ты такой. Никаких общегосударственных банковских правил и уставов, потому что это не банк. Ты можешь арендовать сейфовую ячейку и вместо имени проставить только букву или цифровой код.

«Бeverли-Хиллз сейф энд лок» имел все внешние признаки банка, но по сути сильно от такового отличался. Тут не было сберегательных счетов или счетов до востребования, когда деньги вносятся и снимаются по чекам клиента. Ни ссудных отделов, ни кассиров. Все, что предлагали владельцы этого учреждения, они демонстрировали в витрине. А именно – свое сияющее хранилище из нержавеющей стали. Это было заведение, охраняющее ценности, а не деньги. В таком городе, как Беверли-Хиллз, это был бесценный сервис. Богатые и знаменитые хранили здесь свои ювелирные украшения, свои меха, свои брачные имущественные контракты.

И все это размещалось прямо здесь, на виду, можно сказать, снаружи. За стеклом. Фирма располагалась на нижнем этаже четырнадцатизэтажного здания Джей-Си Сток-билдинг – строения, которое было бы ничем не примечательно, если бы не выдающийся вперед застекленный полукруг депозитария на первом этаже. Вход в «Бeverли-Хиллз сейф энд лок» находился с той стороны здания, которая выходила на Рикон-стрит, где в коротких желтых пиджаках стояли мексиканцы, готовые по первому знаку обслужить и присмотреть за автомобилем клиента.

После того, как Босх высадил Элинора и стал объезжать квартал, она увидела, что Тран в сопровождении двух телохранителей вышел из золотистого «мерседеса» и двинулся к хранилищу. Если они и заметили, что за ними следят, то этого не показали. Они ни разу не оглянулись. Один из телохранителей нес стальной атташе-кейс.

– Мне кажется, я запомнила по крайней мере одного телохранителя – который нес кейс, – сказала Элинора. – А на другом чересчур мешковатый пиджак. Это он? Да, вон он.

Человек в темно-синем костюме банковского служащего как раз препровождал Трана в помещение, окружающее хранилище. Следом шел телохранитель со стальным кейсом. Босх увидел, как здоровяк обводит глазами тротуар перед фасадом – до тех самых пор, пока Тран и человек в строгом костюме не скрылись за дверью хранилища. Человек с чемоданчиком остался ждать. Босх и Уиш также ждали, наблюдая. Прошло минуты три, прежде чем Тран вышел, в сопровождении того же самого служащего. Этот последний нес металлический сейфовый ящик размер примерно с коробку от женских туфель. Телохранитель занял место в арьергарде, и вся процессия, покинув стеклянную комнату, скрылась из виду, перейдя, очевидно, в какое-то другое помещение в глубине.

– Классно, персональное обслуживание, – сказала Уиш. – Беверли-Хиллз как-никак. Вероятно, он понес ячейку в отдельную комнату, чтобы осуществить перевод.

– Что, если тебе связаться с Рурком и попросить, чтобы он выслал сюда группу сопровождать Трана, когда он выйдет? – спросил Босх. – Только по телефону. Нам лучше избегать переговоров по рации – на тот случай, если эти грабители держат кого-то из своих на поверхности, чтобы прослушивать наши частоты.

– А мы, как я понимаю, остаемся здесь, у депозитария? – спросила Уиш, и Босх кивнул. Она с минутку поразмыслила. – Да, я позвоню. Он будет рад узнать, что мы нашли это место. Мы сумеем прижать эту туннельную команду.

Она огляделась, увидела платный таксофон на ближайшем углу рядом с автобусной остановкой и уже тронулась было в ту сторону, но Босх удержал ее за руку.

– Я собираюсь войти внутрь, посмотреть, как обстоят дела. Помни, они тебя знают, так что держись вне зоны видимости, пока они не уедут.

– А если они уедут прежде, чем придет подкрепление?

– Я остаюсь у депозитария. Мне наплевать на Трана. Хочешь, возьми машину и следуй за ними. Дать тебе ключи?

– Нет, я останусь рядом с хранилищем. С тобой.

Она отправилась к телефону, а Босх пересек бульвар и вошел в офис депозитария.

– Мы уже закрываемся, сэр, – хрипло и неприветливо осадил его шедший к дверям со связкой ключей вооруженный охранник. Гарри узнал самодовольную и чванливую манеру бывшего копа.

– Я на минуту, – не останавливаясь, бросил Босх.

Пол помещения офиса выстилал пушистый серый ковер. Как выяснилось, светловолосый клерк в строгом костюме, сопровождавший Трана в хранилище, был здесь не единственным служащим. За антикварного вида письменными столами, кроме него, сидели еще два таких же вышколенных белокурых молодых человека. Первый поднял голову от лежащих перед ним на столе бумаг, посмотрел на Босха, прикидывая, что это за птица, и, оценив внешность, обратился к младшему из коллег:

– Мистер Грант, вы не могли бы помочь этому джентльмену?

Хотя тот, кого называли Грантом, не испытывал ни малейшего желания заниматься указанным джентльменом, он встал, обошел вокруг стола и с притворной улыбкой наивысшей пробы приблизился к Босху.

– Да, сэр? – произнес он. – Подумываете о том, чтобы стать нашим клиентом?

Босх собрался уже задать встречный вопрос, когда человек выбросил вперед руку и представился:

– Джеймс Грант. Спрашивайте, что вас интересует. Хотя у нас остается маловато времени. Через несколько минут мы закрываемся.

И Грант поддернул рукав пиджака, чтобы взглянуть на часы и подтвердить, что время истекает.

– Харви Паундз, – ответил Босх, пожимая протянутую руку. – А откуда вы знаете, что я уже не являюсь вашим клиентом?

– Безопасность, мистер Паундз. Наш товар – безопасность. Именно это мы здесь продаем. Я знаю в лицо каждого клиента депозитария. Точно так же – мистер Эвери и мистер Бернارد. – Он слегка повернулся и кивнул своим коллегам. Оба коммерческих агента безопасности с видом мрачной торжественности кивнули в ответ.

– А в выходные вы не работаете? – спросил Босх, стараясь, чтобы в голосе звучало разочарование.

Грант улыбнулся:

– Нет, сэр. Мы полагаем, что наши клиенты – это люди, имеющие упорядоченную, хорошо распланированную жизнь. В свой заслуженный уик-энд они приятно отдыхают, а не суетятся, как другие, кого мы видим. Никакой беготни по банкам, банкоматам и так далее. Наши клиенты на ступень выше всего этого, мистер Паундз. Так же как и мы. И это следует ценить.

В его голосе, когда он это произносил, чувствовалась презрительная насмешка. Однако Грант был прав. Это учреждение отдавало тем же лоском и высокомерием, что и какая-нибудь юридическая контора,

специализирующаяся на корпоративном праве, – с теми же часами работы и такими же неисполненными самонадеянностями служащими.

Босх обвел взглядом просторное помещение. Направо, в широком алькове, располагались в ряд восемь дверей, там же он увидел двух телохранителей Трана, стоящих по обеим сторонам третьей двери. Босх кивнул Гранту и улыбнулся:

– Что ж, вижу, у вас на каждом шагу охрана. Именно такая степень безопасности мне и требуется, мистер Грант.

– Прошу прощения, мистер Паундз, те люди просто ждут клиента, который находится в одном из специальных, изолированных кабинетов. Но могу вас заверить: наши меры и степень безопасности невозможно скомпрометировать. Вы желаете арендовать сейф в нашей депозитарии, сэр?

В этом человеке было больше вкрадчивой слащавости, чем у проповедника. Босху не нравились ни он сам, ни его манера.

– Безопасность и надежность, мистер Грант. Мне требуется надежность. Я хочу арендовать сейф, но я хочу быть уверенным в защищенности хранилища как снаружи, так и изнутри, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Разумеется, мистер Паундз, но имеете ли вы представление о стоимости наших услуг – тех самых надежности и безопасности, которые мы обеспечиваем?

– Не имею и не интересуюсь этим, мистер Грант. Видите ли, вопрос не в деньгах. Вопрос в спокойствии души. Вы согласны? На прошлой неделе мой сосед – я говорю о человеке, который проживает всего за три дома от бывшего президента – стал жертвой кражи со взломом. Система сигнализации не явилась препятствием для грабителей. Они похитили очень ценные вещи. Я не хочу ждать, пока это случится со мной. Никакое место не является надежным в наши дни.

– Поистине прискорбно, мистер Паундз, – сказал Грант, не в силах скрыть оттенок волнения в голосе. – Я и не подозревал, что в Бель-Эйр ^[46] дела приняли такой оборот. Но я всецело одобряю ваш план действий. Присядьте к моему столу, и мы сможем побеседовать об этом. Не желаете ли кофе или, быть может, бренди? Разумеется, приближается час коктейля. Это одна из тех маленьких услуг, которые мы предоставляем и которые не может предоставить банковское учреждение.

Тут Грант беззвучно рассмеялся – просто голова задергалась вверх-вниз. Босх отклонил предложение, и дилер сел, подтягивая под себя стул.

– Что ж, позвольте изложить вам принципы нашей работы. Мы не

подконтрольны никакому государственному учреждению или организации. Думаю, ваш сосед был бы рад это услышать.

Он подмигнул Босху, который переспросил:

– Мой сосед?

– Бывший президент, разумеется. – Босх кивнул, и Грант продолжал: – Мы предоставляем длинный перечень услуг по обеспечению безопасности как здесь, так и у вас на дому, даже вооруженный конвой, если потребуется. Мы являемся полным и квалифицированным охранителем вашей безопасности. Мы...

– Как насчет сейфового хранилища? – перебил его Босх. Он знал, что Тран в любую минуту может выйти из кабинета. К тому времени он тоже хотел оказаться в хранилище.

– Да, конечно, хранилище. Как вы заметили, оно полностью на виду. Окружающая его стена из стекла – стеклянный круг, как мы его называем, – это, пожалуй, наше самое остроумное изобретение. Кто отважится ее разбить? Ведь она на виду двадцать четыре часа в сутки. Прямо посреди Уилширского бульвара. Разве что бесплотный дух или гений?

Грант торжествующе улыбнулся и легонько кивнул, как бы побуждая слушателя согласиться с правотой его доводов.

– А если снизу? – спросил Босх, и уголки рта его собеседника тотчас опустились, а рот снова вытянулся в прямую линию.

– Мистер Паундз, вы не вправе ожидать, что я обрисую вам наши строительно-технические меры безопасности, но будьте уверены: хранилище неприступно. Между нами говоря, вы не найдете банковского хранилища с большим количеством бетона и стали в полу, в стенах и в потолке. А электрическая и электронная часть? В той круглой комнате вокруг хранилища невозможно, простите меня, кашлянуть без того, чтобы не включились датчики, реагирующие на звук, движение и нагрев.

– Можно мне его осмотреть?

– Хранилище?

– Разумеется.

– Конечно!

Грант одернул пиджак и повлек Босха непосредственно к хранилищу. Стеклянная перегородка и кабинка-ловушка отделяли полукруглое помещение собственно хранилища от остальной части депозитария «Бeverли-Хиллз сейф энд лок». Грант взмахнул рукой в сторону стекла:

– Двухслойное закаленное стекло. Чувствительная к вибрации пленка между слоями стекла, чтобы исключить возможность проникновения. Ту же конструкцию вы найдете и на наружных стеклах. Другими словами,

помещение хранилища окружено и запечатано двумя стеклянными оболочками толщиной в три четверти дюйма каждая.

Жестом шоумена, демонстрирующего призы в викторине, Грант указал на устройство в виде коробки рядом с дверью кабины-ловушки. Приспособление было размером с офисный питьевой фонтанчик, и в крышку его был вделан белый пластмассовый кружок, на котором чернел абрис ладони с растопыренными пальцами.

– Для того, чтобы вы могли проникнуть в помещение хранилища, параметры вашей руки должны быть в базе данных. Строение костей. Позвольте, я вам покажу.

Он положил свою правую руку на черный силуэт. Устройство начало приглушенно жужжать, и белая пластиковая накладка изнутри осветилась. Луч света омывал пластину и ладонь Гранта, как это бывает в ксероксе.

– Рентгеновский луч, – пояснил Грант. – Более прогрессивный метод, чем идентификация по отпечаткам пальцев, и компьютер может обработать данные за шесть секунд.

Через шесть секунд устройство издало короткий телеметрический сигнал, и электронный замок на первой двери кабинки-ловушки щелкнул, открываясь.

– Видите, ваша рука выполняет здесь роль вашей личной подписи, мистер Паундз. Никакой необходимости в именах. Вы даете вашей ячейке код, а компьютер заносит структуру вашей руки в файл, прилагаемый к сейфовой ячейке. Шесть секунд вашего времени – вот все, что нам требуется.

У себя за спиной Босх услышал голос, в котором узнал голос первого клерка в строгом костюме банкира – того, которого Грант назвал мистером Эвери:

– А, мистер Лонг, вы закончили?

Босх быстро оглянулся и увидел, что из алькова, где располагались двери изолированных кабинетов, появился Тран. Теперь кейс был уже у него в руках, а один из телохранителей нес депозитный ящичек от сейфа. Другой здоровяк посмотрел прямо на Босха.

– Мы можем войти? – спросил Босх, вновь поворачиваясь к Гранту.

И он последовал за Грантом в кабинку-ловушку. Дверь за ними закрылась. Они оказались в комнатке из стекла и нержавеющей стали размером примерно с две телефонные будки. С другой ее стороны была вторая дверь. За ней стоял еще один охранник в форме.

– Эту идею мы позаимствовали из арсенала лос-анджелесской окружной тюрьмы, – сказал Грант. – Дверь впереди нас не может

открыться, пока та, что позади нас, не будет закрыта и заперта. Мори, наш вооруженный охранник, осуществит последнюю визуальную проверку и откроет последнюю дверь. Вы видите, у нас здесь комбинация электроники и человеческого фактора, мистер Паундз. – Он кивнул Мори, который вслед за этим отпер последнюю дверь. Босх с Грантом вышли из ловушки в помещение хранилища. Босх промолчал о том, что он с помощью хитрости только что успешно преодолел все дотошно продуманные и искусно возведенные преграды, лишь сыграв на жадности Гранта и рассказав байку с упоминанием некоего адреса в Бель-Эйр.

– Ну, а теперь – в хранилище, – сказал Грант, сделав рукой гостеприимный жест.

Депозитарий оказался больше, чем Босх себе представлял. Он был нешироким, но простирался далеко в глубь здания Джей-Си Сток-билдинг. Сейфовые ячейки располагались вдоль обеих боковых стен и в стальном сооружении, протянувшемся вдоль центральной части. Хозяин и гость зашагали по левому проходу, а тем временем Грант объяснял, что сейфы в средней части предназначены для хранения более крупных предметов. Босх заметил, что их дверцы такого размера, что в них свободно может пройти человек. Заметив его удивление, Грант улыбнулся.

– Меха, – пояснил он. – Норка. Мы делаем очень хороший бизнес на хранении дорогих мехов, вечерних платьев, всего прочего в таком роде. Дамы из Беверли-Хиллз хранят их здесь в несезонное время. Колоссальная экономия на страховке, не говоря уже о душевном спокойствии.

Босх мысленно отключился от этих коммерческих восторгов и стал наблюдать, как в хранилище входит Тран, а следом – сопровождающий его Эвери. Тран по-прежнему держал в руках атташе-кейс, и Босх заметил на его запястье тонкий блестящий обруч из отполированной стали. Он был словно прикован наручником к своему чемоданчику. Адреналин у Босха подскочил. Эвери приблизился к открытой дверце сейфа под номером 237 и вставил туда ящичек. Потом закрыл дверцу и вставил ключ в одну из двух находящихся на ней замочных скважин. Подошедший Тран вложил уже свой собственный, отдельный ключ в другую скважину и тоже повернул. Затем он кивнул Эвери, и оба вышли из помещения хранилища, при этом Тран даже ни разу не взглянул на Босха.

Как только Тран удалился, Босх объявил, что увидел все, что хотел, и тоже направился к выходу. Подойдя к двухслойному стеклу, взглянул на бульвар Уилшир и увидел, что Тран в сопровождении двух массивных телохранителей по бокам шагает к парковочному гаражу, где оставил свой «мерседес». Никто за ними не следовал. Босх посмотрел по сторонам, но

Элино́р нигде не увидел.

– Что-то не так, мистер Паундз? – спросил стоящий у него за спиной Грант.

– Да, – ответил Босх. Он сунул руку в карман пиджака и вытащил свой футляр с полицейским значком. Подняв его над плечом, не оборачиваясь, предъявил значок стоящему сзади Гранту. – Вам лучше пригласить сюда управляющего этим заведением. И не называйте меня больше мистером Паундзом.

* * *

Льюис стоял в телефонной будке перед закусочной под названием «Дарлингз». Он находился за углом и примерно на расстоянии квартала от депозитария «Беверли-Хиллз сейф энд лок». Прошло уже больше минуты с тех пор, как полицейский офицер Мэри Гроссо ответила на его звонок и сказала, что позовет к телефону заместителя начальника Ирвинга. Льюис подумал, что если ему требуются почасовые оперативные отчеты – причем именно по телефону, а не по рации, – то он мог бы устроить так, чтобы оперативно их принимать. Он перекинул телефонную трубку к другому уху и стал рыться в кармане пиджака в поисках того, чем бы поковырять в зубах. Заболело задевшее за карман ободранное запястье. Но воспоминание о том, как Босх приковал их к дереву, только разозлило его, поэтому он постарался сосредоточиться на расследовании. Он не имел ни малейшего представления о том, что происходит, что затевает Босх вместе с женщиной из ФБР. Но Ирвинг был убежден, что готовится ограбление, того же мнения был и Кларк. Если все именно так, то тогда именно он, Льюис, будет тем человеком, который защелкнет наручники на руках Босха. Такое слово дал он себе сейчас, стоя в телефонной будке.

Какой-то бродяга с седыми волосами и затравленным взглядом прошаркал к соседней телефонной будке и проверил, нет ли в щели монетки. Там было пусто. Тогда он потянулся пальцем к щели того таксофона, с которого звонил Льюис, но детектив службы внутренних расследований отшвырнул его руку.

– Это мое, папаша, – отрезал он.

Не обескураженный отпором, бродяга спросил:

– У вас не будет четвертачка, чтобы я мог купить себе поесть?

– Пошел вон! – шуганул его Льюис.

– Что? – спросил голос.

– Что? – переспросил Льюис и тут же сообразил, что голос исходит из телефонной трубки и принадлежит Ирвингу. – О, это я не вам, сэр. Я не знал, что вы уже подошли... э... я тут разговаривал... э... у меня проблема кое с кем. Я...

– Вы в таких выражениях разговариваете с гражданами?

Льюис потянулся в карман брюк и вытащил оттуда долларовую бумажку. Сунул ее седоволосому бомжу и сделал ему знак убираться.

– Детектив Льюис, вы на линии?

– Да, шеф. Извините. Я уже все уладил. Я хотел отчитаться. Произошли важные изменения в развитии событий.

Он надеялся, что эта последняя реплика отвлечет внимание Ирвинга от его оплошности.

– Расскажите, что у вас, – потребовал Ирвинг. – Вы все еще держите Босха в поле зрения?

Льюис облегченно вздохнул.

– Да, – сказал он. – Детектив Кларк продолжает наблюдение, тем временем как я пошел сдавать рапорт.

– Хорошо, тогда рапортуйте. Сегодня пятница и уже конец дня, детектив. Мне бы хотелось попасть домой в приемлемое время.

Следующие пятнадцать минут Льюис провел, информируя Ирвинга о том, как Босх, сидя на хвосте у золотистого «мерседеса», проследовал за ним от округа Ориндж до депозитария «Бeverли-Хиллз сейф энд лок». Он сказал, что слежка была снята у здания хранилища, которое, по-видимому, и являлось конечной целью наблюдателей.

– Что они сейчас делают? Босх и женщина из Бюро?

– Они еще там. Судя по всему, сейчас они беседуют с управляющим. Что-то явно затевается. Впечатление такое, что они вроде бы сами не знали, куда едут, но как только добрались до места, то поняли, что это оно и есть.

– Что это? Есть что?

– Что это их цель. Я не знаю... Они что-то замышляют, хотя и непонятно что. Мне кажется, человек, за которым они следили, что-то положил в сейф. Там большое сейфовое хранилище, прямо за витриной.

– Да. Я знаю, о чем вы говорите.

Ирвинг надолго замолчал, и Льюис, отчет которого был исчерпан, счел за лучшее ему не мешать, не прерывать его размышлений. Вместо этого он начал мечтать о том, как скует наручниками за спиной руки Босха и проконвоирует его мимо строя телекамер. Он услышал, как Ирвинг кашлянул, прочищая горло.

– Я не знаю, в чем состоит их план, – произнес заместитель

начальника. – Но я хочу, чтобы вы оставались поблизости от них. Если они вечером не поедут домой, то и вы не поедете. Ясно?

– Да, сэр.

– Если они отпустили «мерседес», значит, им, очевидно, нужно было хранилище. Они будут за ним следить. А вы будете продолжать следить за ними.

– Есть, шеф, – сказал Льюис, хотя по-прежнему терялся в догадках.

Следующие десять минут Ирвинг провел, инструктируя детектива и излагая свою версию того, что должно произойти с депозитарием «Беверли-Хиллз сейф энд лок». Льюис вытащил ручку и блокнот и сделал несколько кратких заметок. В конце этого монолога Ирвинг доверил Льюису номер своего домашнего телефона и сказал:

– Не входите в здание без моей предварительной санкции. Можете звонить мне по этому номеру в любое время дня и ночи. Все ясно?

– Да, сэр! – ревностно отозвался Льюис.

Не говоря больше ни слова, Ирвинг дал отбой.

* * *

Босх дожидался в приемной прихода Уиш и, пока она не подошла, не сказал больше ни слова Гранту и другим служащим фешенебельного учреждения. Те стояли за своими антикварными письменными столами, разинув рты. Когда Элинора подошла к дверям, они были закрыты. Федеральный агент постучала, показала охраннику свой значок, и тот впустил ее в приемную.

Сотрудник по фамилии Эвери уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Босх опередил его:

– Это агент ФБР Элинора Уиш. Она со мной. Мы бы хотели пройти в один из частных кабинетов ваших клиентов, чтобы обсудить кое-что без свидетелей. Только вот еще что. Если в этих стенах находится глава фирмы, мы бы после этого хотели поговорить с ним.

Грант, все еще возбужденный произошедшим, молча указал им на вторую дверь в алькове. Но Босх двинулся к третьей двери, и Уиш последовала за ним. Он закрыл дверь перед носом всех троих служащих и запер ее за собой.

– Итак, что мы имеем? Я не знаю, что им сказать, – прошептал он и обвел глазами стоящие в комнате стол и два стула в поисках клочка бумаги либо чего-то еще. Тран мог случайно оставить здесь что-нибудь. Но ничего

не оказалось. Босх выдвинул ящики стола из красного дерева. Он нашел ручки, карандаши, конверты и стопку высокосортной бумаги – больше ничего. У стены напротив входа стоял на столе факсовый аппарат, но он был выключен.

– Мы ведем наблюдение и ждем, – быстро проговорила она. – Рурк говорит, что собирает опергруппу для спуска в туннель. Они войдут туда и осмотрятся, что и как. Они собираются связаться с сотрудниками департамента водо- и электроснабжения, чтобы уяснить, что там за обстановка. Им нужно иметь данные, чтобы определить, где может располагаться наиболее удачное место для туннеля, и оттуда они уже двинутся. Гарри, ты действительно думаешь, что это то самое ограбление?

Босх кивнул. Он хотел улыбнуться, но не смог. Ее волнение перекинулось и на него.

– Рурк успел установить слежку за Траном? – спросил он. – Кстати, здесь он известен, как мистер Лонг.

В дверь постучали, и чей-то голос произнес:

– Извините! Извините!

Босх и Уиш его проигнорировали.

– Тран, Бок, а вот теперь Лонг, – проговорила Уиш. – Я не знаю насчет слежки. Рурк сказал, что постарается. Я дала ему номер машины и сказала, где припаркован «мерседес». Думаю, мы узнаем это позже. Он сказал, что также вышлет группу нам в помощь, чтобы вместе вести наблюдение за хранилищем. В восемь часов в гараже через дорогу состоится общее собрание группы слежки. Что они тут говорят?

– Я еще не рассказывал им, что происходит.

В дверь опять постучали, на сей раз громче.

– Что ж, давай тогда переговорим с тем, кто здесь за главного.

Владельцем и главным менеджером «Бeverли-Хиллз сейф энд лок» оказался отец мистера Эвери, Мартин Б. Эвери-третий. Он был из той же породы, что и большинство его клиентов, и хотел, чтобы все знали об этом. Его кабинет находился в дальнем конце алькова. На стене позади его стола красовалась коллекция оправленных в рамки фотографий, подтверждающих тот факт, что он не какой-то там безродный мошенник из тех, что просто кормятся за счет богатых. Он с ними одной крови. На снимках был изображен Эвери-третий в обществе пары-тройки президентов, крупной шишки из мира кино, представителей британской королевской семьи. Одна фотография запечатлела мистера Эвери в компании принца Уэльского, в полном облачении для игры в поло. Хотя он выглядел несколько полноватым в окружности и с чересчур обвислыми

щеками и подбородком для того, чтобы быть хорошим наездником.

Детективы вкратце обрисовали ему ситуацию, и он тут же выразил скептическое отношение к их рассказу, заявив, что его хранилище неприступно. Они посоветовали ему поберечь свой рекламный запал для клиентов и попросили разрешения ознакомиться с архитектурно-строительной и технологической документацией. Эвери-третий перевернул перед ними обратной стороной свой 60-долларовый журнал регистрации, и там на обороте был представлен схематический план хранилища. Было ясно, что Эвери-третий и его напыщенные помощники-коммерсанты переоценивают свое детище. Оболочка хранилища представляла собой многослойный пирог: внешний слой стали толщиной в дюйм, за ним следовал футовый слой армированного бетона, а потом – еще один слой стали. Сверху и снизу хранилища толщина оболочки была больше: к вышеуказанным слоям добавлялся еще один двухфутовый слой бетона. Как и во всех хранилищах, самой впечатляющей частью была толстая стальная дверь, но это была вещь, рассчитанная на внешний эффект. Вроде просвечивания ладони рентгеновским лучом или кабинки-ловушки. Это было всего-навсего шоу. Босх знал, что, если бандиты действительно находятся под зданием, им не составит большого труда пробиться на поверхность.

Эвери-третий сказал, что в предыдущие две ночи в хранилище срабатывала охранная сигнализация, при этом в ночь на четверг это происходило дважды. Каждый раз ему домой звонили из полиции Беверли-Хиллз. Он, в свою очередь, звонил своему сыну, Эвери-четвертому, и поручал ему встретить на месте офицеров полиции. Полицейские в сопровождении наследника входили в помещение хранилища, не обнаруживали никаких признаков вторжения и затем выключали и заново включали сигнализацию.

– Нам и в голову не могло прийти, что в канализационной системе под нами может кто-то быть, – сказал Эвери-третий. Он сказал это таким тоном, словно то, что обозначалось словом «канализационный», целиком находилось вне сферы его внимания. – С трудом верится, с трудом верится.

Босх задал более подробные вопросы о функционировании хранилища и его охранных систем. Не осознавая важности произносимого, Эвери невзначай упомянул, что в отличие от обычных банковских подвалов его хранилище имеет систему отмены действия часового механизма, запирающего дверь. У управляющего имелся код, который он мог ввести в компьютерную систему замка, и этот код стирал часовые координаты запорного механизма. Таким образом, он имел возможность открыть дверь

в любое время.

– Мы должны приспособливаться к нуждам наших клиентов, – пояснил он. – Если какая-то леди из Беверли-Хиллз вдруг позвонит в воскресенье, потому что ей потребовалась ее тиара для благотворительного бала, я должен иметь возможность выдать ей эту тиару. Видите ли, именно эксклюзивное обслуживание и составляет наш бизнес. За это мы и берем деньги.

– А все ваши клиенты знают об этой воскресной услуге? – спросила Уиш.

– Конечно, нет, – ответил Эвери-третий. – Только несколько избранных. Видите ли, мы взимаем за это немалую плату. Мы должны доставить сюда охранника, который обеспечит эскорт.

– А сколько требуется времени, чтобы отключить часовой механизм и открыть дверь? – спросил Босх.

– Совсем немного. Я набиваю код отмены на клавиатуре рядом с дверью в хранилище, и затем все происходит в течение секунд. Вы вводите код, отпирающий хранилище, поворачиваете колесо, и дверь открывается под действием собственного веса. Тридцать секунд – ну, может, минута или чуть меньше.

Слишком долго, подумал Босх. Сейф Трана был расположен в передней части хранилища, рядом с входом. Там бандиты и будут орудовать. Они увидят, а вероятно, и услышат, как открывается дверь. Будет отсутствовать элемент неожиданности.

Час спустя Босх и Уиш снова сидели в машине. Они перебазировались на второй уровень гаража по другую сторону бульвара Уилшир, на полквартала восточнее «Беверли-Хиллз сейф энд лок». Оттуда им открывался хороший обзор здания. После того, как они расстались с Эвери-третьим и заняли наблюдательную позицию, они имели возможность лицезреть, как Эвери-четвертый вместе с Грантом запирают громадную, из нержавеющей стали, дверь хранилища. Служащие повернули колесо и набрали на клавиатуре запирающий код. После этого огни в офисе погасли – повсюду, кроме стеклянной комнаты, окружающей хранилище. Там свет оставался гореть, демонстрируя непосредственный символ той самой надежности, которая и составляла товар данного заведения.

– Ты думаешь, они вломятся сегодня ночью? – спросила Уиш.

– Трудно сказать. Без Медоуза у них на одного человека меньше. Они могут выбиваться из графика.

Ранее они велели Эвери-третьему идти домой и быть готовым к тому, что его могут вызвать. Владелец согласился, но продолжал источать

скепсис по поводу той картины, которую нарисовали ему Босх и Уиш.

– Нам нужно настраиваться на то, чтобы захватить их под землей, – сказал Босх, держа руки на руле, словно вел машину. – Мы не сможем достаточно быстро открыть ту дверь.

Он лениво повел взглядом налево, вдоль Уилшира. Он увидел белый «форд» с полицейскими колесами, припаркованный у тротуара чуть поодаль от них. Автомобиль стоял возле пожарного гидранта, и в нем виднелись две фигуры. Босх по-прежнему был не один.

* * *

Гарри и Элинора стояли возле машины, у стены, на втором уровне гаража. Гараж практически пустовал уже более часа, но тусклое желтовато-серое бетонное помещение пахло выхлопными газами и пережженными тормозами. Босх был уверен, что запах тормозов доносится от его тачки. Марш-бросок от «Маленького Сайгона», с его многочисленными остановками, стал лебединой песней этой машины, выданной взамен прежней, пострадавшей от наезда. С этого сторожевого пункта детективам открывался вид на противоположную сторону бульвара, где чуть западнее виднелся застекленный демонстрационный зал депозитария «Бeverли-Хиллз сейф энд лок». В конце Уилшира виднелся кусок розового закатного неба с ярко-оранжевым солнцем. В вечернем городе зажигались огни, и поток машин редел с каждой минутой. Босх посмотрел в восточный конец Уилшира и опять увидел стоящий у обочины белый «форд» с двумя темными силуэтами за тонированным стеклом.

В восемь часов процессия из трех машин, последней из которых был патрульный автомобиль полиции Беверли-Хиллз, въехала по въездному пандусу в гараж и, срезав путь по пустым парковочным местам, приблизилась к той стене, где стояли Босх и Уиш.

– Если у наших грабителей в одной из этих многоэтажек сидит дозорный, – заметил Босх, – то, увидев такой парад, он наверняка даст им команду «отбой».

Рурк и еще четверо мужчин вышли из двух обычных, без опознавательных знаков, полицейских машин. Костюм четвертого был немного более потертым, чем у остальных, а карманы более мешковатыми – примерно как у Босха. Он нес в руке картонный тубус. Гарри догадался, что это специалист из ДВЭ, о котором говорила Уиш. Из патрульной машины вышли трое одетых в форму полицейских из Беверли-Хиллз, один

из которых был с капитанскими нашивками на воротничке. Капитан тоже нес свернутую трубкой бумагу.

Все собрались у машины Босха и использовали ее капот в качестве стола заседаний. Рурк наскоро представил всех друг другу. Трое из полиции Беверли-Хиллз прибыли сюда, потому что операция проводилась на подведомственной им территории. «Межведомственная политкорректность», – пояснил Рурк. А также потому, что фирма «Беверли-Хиллз сейф энд лок» выдвинула план защиты с участием местного полицейского подразделения по коммерческой безопасности. Рурк сказал, что они присутствуют на этом собрании только в качестве наблюдателей и будут призваны позднее, если возникнет необходимость в их подмоге. Два агента ФБР, Хэнлон и Хаук, должны будут вести наблюдение всю ночь вместе с Босхом и Уиш – Рурк хотел иметь обзор «Беверли-Хиллз сейф энд лок» по меньшей мере с двух точек. Третий агент ФБР был координатором группы спецназа. И наконец, последним в списке шел Эд Гирсон, инспектор департамента водо- и электроснабжения.

– Итак, давайте разработаем план сражения, – покончив с вводной частью, провозгласил Рурк. Без словесных церемоний он забрал из рук Гирсона тубус и вытащил оттуда сероватый рулон. – Это схема подземных каналов данного района. На ней нанесены все коммунальные сети, туннели и водопропускные трубы. По ней можно точно себе представить, где и что проходит внизу.

Он развернул на капоте карту со смазанными синими линиями. Трое полицейских из Беверли-Хиллз руками прижали ее с другого конца, удерживая в развернутом состоянии. В гараже становилось темно, и человек из спецназа по имени Хеллер включил над чертежом маленький, в форме карандаша, фонарик, дающий на удивление широкий и яркий луч. Рурк достал из кармана рубашки ручку, потянул за конец, и та превратилась в указку.

– О'кей, мы находимся... прямо... – Прежде чем он успел отыскать нужное место, Гирсон протянул руку к световому пятну от фонаря и ткнул пальцем в схему. Рурк поставил кончик своей указки на это место. – Да, прямо вот здесь, – сказал он, бросив на Гирсона уничтожающий взгляд, говоривший: «Только еще попробуй!» После чего плечи коммунальщика под его вытертым пиджаком, казалось, поникли еще больше.

Собравшиеся вокруг машины наклонились ниже над капотом, чтобы уяснить месторасположение.

– Депозитарий «Беверли-Хиллз сейф энд лок» находится здесь, – сказал Рурк. – Само хранилище – вот здесь. Можно взглянуть на вашу

светокопию, капитан Ороско?

Ороско, чья фигура напоминала перевернутую пирамиду – широкие плечи над узкими бедрами, – развернул свой чертеж поверх чертежа коммунальной службы. Это была копия той схемы, которую ранее Эверит третий демонстрировал Босху и Уиш.

– Три тысячи квадратных футов площади хранения, – сказал Ороско, обводя рукой участок под хранилищем. – Маленькие частные сейфы вдоль двух боковых стен и отдельно стоящие шкафы вдоль средней линии. Если грабители находятся внизу, они могут проникнуть через пол в любом месте этих двух проходов. Следовательно, мы говорим о диапазоне примерно в шестьдесят футов, на всем пространстве которого они могут взломать пол.

– Ну, а сейчас, капитан, – сказал Рурк, – если вы уберете это и мы снова посмотрим на схему управления коммунальных сетей, мы сможем определить эту зону возможного взлома также и на ней. – Ярким желтым маркером он очертил на этой карте пол хранилища. – Руководствуясь вот этим, мы можем увидеть подземные сооружения, которые находятся в непосредственной близости. Что вы скажете, мистер Гирсон?

Гирсон еще чуть ниже склонился над капотом и стал всматриваться в схему подземных сетей. Босх также приблизил лицо. Он увидел толстые линии, которые, видимо, обозначали главные дренажные каналы, ориентированные с востока на запад. Те самые, которые, очевидно, и являлись целью копателей. Он также заметил, что они соотносились с проходящими по поверхности крупными улицами: бульварами Уилшир, Олимпик, Пико. Гирсон обратил внимание на Уилширскую линию, сказав, что она проходит на глубине тридцать футов и достаточно широка для того, чтобы по ней мог проехать грузовик. Инспектор управления коммунальных сетей прочертил пальцем по Уилширской линии десять кварталов к востоку – до пересечения с линией под Робертсон-стрит, крупной подземной магистралью ливневой канализации, проходящей с севера на юг. От этого пересечения, сказал он, всего миля к югу до открытой дренажной водопропускной трубы, которая тянется вдоль автострады Санта-Моника. Выход наружу из этой водопропускной магистрали – размером с дверь гаража и блокируется только воротами, запирающимися на висячий замок.

– Вот где, по моему разумению, они могли бы проникнуть внутрь, – сказал Гирсон. – А там уже все равно, что двигаться по улицам на поверхности. По Робертсоновской линии доходишь до Уилширской. Поверни налево – и ты практически вот здесь, возле вашей желтой линии. У самого хранилища. Но я не думаю, что они стали бы рыть подкоп от Уилширской линии.

– Нет? – спросил Рурк. – А почему?

– Слишком уж хлопотно, – ответил Гирсон, почувствовав себя в центре внимания девяти пар глаз. – Мы регулярно посылаем своих людей для осмотра этих магистралей. Обследуем на предмет трещин, закупорок, любых других неприятностей. А Уилшир – это главная магистраль, проходящая с запада на восток. Точь-в-точь как здесь, наверху. Если бы кто-то пробил в ней дыру, ее бы заметили. Понимаете?

– Что, если они сумели замаскировать эту дыру?

– Вы говорите о том, как это было год назад, во время того ограбления в центре города? Да, это могло бы сработать еще где-нибудь, но на Уилширской линии маловероятно, что ее не заметили бы. Мы теперь специально отслеживаем такие вещи. И, как я уже сказал, на этой линии очень интенсивное движение.

На некоторое время воцарилось молчание – все переваривали эту информацию. Моторы машин приглушенно постукивали, выделяя тепло.

– Тогда где бы они стали копать, мистер Гирсон, для того, чтобы проникнуть в хранилище? – вымолвил наконец Рурк.

– У нас там внизу есть все виды стыковок. Не думайте, что мы постоянно не размышляем об этом, когда работаем под землей. Идеальное преступление и все такое. Я не раз обсуждал этот вопрос со своими, особенно когда прочитал в газетах о прошлогоднем ограблении. Я думаю, если, как вы говорите, их цель – проникнуть именно в хранилище, они сначала сделают так, как я сказал: пройдут по линии под Робертсон-стрит и повернут на Уилширскую. Но затем, я думаю, они пойдут по одному из служебных туннелей для технического обслуживания – так чтобы остаться незамеченными. Ширина технических туннелей от трех до пяти футов. Они круглые. Уйма места, чтобы работать и перетаскивать оборудование. Эти туннели соединяют главные каналы с уличными дренажными сетями и канализационными системами стоящих вот здесь зданий.

Он снова протянул руку к пятну света и провел пальцем вдоль более мелких линий на карте коммунальных сетей.

– Если они проделали все правильно, – добавил он, – то это значит, что им требовалось только въехать на машине через ворота у автострады и протащить свое снаряжение и все прочее до Уилширской линии, а потом через нее – к нужному участку. Дальше они выгружают свой груз и прячут его в одном из служебных туннелей. Черт, да они могли бы проработать в нем недель пять или шесть, прежде чем нам бы понадобилось зайти в этот конкретный отсек.

Босху все-таки казалось, что все это звучит слишком просто.

– А что скажете насчет вот этих каналов ливневой канализации? – спросил он, показывая на линии под бульварами Олимпик и Пико. От них к северу, в направлении хранилища, отходила сетка более мелких служебных туннелей. – Что, если они использовали один из этих ходов и подошли к хранилищу с тыльной стороны?

Гирсон поскреб пальцем нижнюю губу и сказал:

– Это неплохая возможность. Она тоже не исключена. Но дело в том, что по этим ходам не подойдешь так близко к хранилищу, как по тем, что ответвляются от Уилширской магистрали. Понимаете, о чем я? Зачем им рыть там стоярдовый туннель, когда они могут вырыть вот здесь стофутový?

Гирсону нравилось быть главным докладчиком, приятно было, что он знает больше, чем все эти шикарно одетые федеральные агенты и полицейские, что сгруппировались вокруг него. Закончив свою речь, он качнулся на каблуках с выражением удовлетворения на лице. Босх чувствовал, что, пожалуй, этот человек абсолютно корректно изложил все детали.

– А как насчет утилизации грунта? – спросил его Босх. – Эти парни роют проход сквозь грунт, камни, бетон. Куда они все это девают? Как?

– Босх, мистер Гирсон не детектив, – вмешался Рурк. – Я сомневаюсь, что он знает каждый нюанс этого...

– Легко, – ответил Гирсон. – Дно главных каналов, таких, как под Уилширом и Робертсон-стрит, имеет уклон в три градуса в направлении центра. В сторону центра всегда течет вода, даже почти всегда в засуху. Наверху дождя, может, и нет, но здесь вода все равно течет, знаете ли. Вы не поверите, в каком количестве. Это сток или от резервуаров, или от промышленного потребления, или от того и другого вместе. Когда пожарные приезжают на вызов, куда, вы думаете, девается вода после того, как они потушат огонь? Поэтому я говорю – раз есть достаточно воды, почему не использовать ее для утилизации грунта, или как вы это называете?

– Это же, наверное, тонны, – заметил впервые вступивший в разговор Хэнлон.

– Но не за один раз. Вы же говорите, они рыли подкоп много дней. Распределите понемногу на каждый день, и объем воды с этим справится. Ну вот, а если они в одном из служебных туннелей, то им нужно было выдумать способ прогнать воду через него до главной магистрали. Я бы на вашем месте проверил пожарные гидранты в этом районе. Если увидите, что один подтекает, или были донесения, что какой-то хулиган открутил кран, – так это и будут ваши ребята.

Один из патрульных подался к Ороско и зашептал что-то ему на ухо. Ороско ниже наклонился над картой и, подняв палец, через некоторое время ткнул в одну из синих линий.

– У нас вот здесь в позапрошлую ночь кто-то баловался с гидрантом.

– Кто-то его открыл, – пояснил шептавшийся с капитаном патрульный, – да еще режущим инструментом распилил цепь, которая держит заглушку. Заглушку они унесли с собой, и пожарным понадобился час, чтобы приехать и заменить ее.

– Это уйма воды, – сказал Гирсон. – Думаю, таким количеством можно утилизировать немало грунта.

Он посмотрел на Босха и улыбнулся. А Босх улыбнулся ему. Он любил, когда кусочки головоломки начинали складываться в картину.

– Перед этим... дайте подумать... ночью в субботу у нас был пожар, – добавил Ороско. – Маленький бутик за Сток-билдинг, на Ринкон-стрит.

Гирсон взглянул, куда указывал Ороско. Потом поставил свой палец на точку месторасположения гидранта.

– Вода от обеих этих точек должна была уйти в три уличных водосборника – здесь, здесь и здесь, – сказал он, ловко двигая пальцем по сероватой бумаге. – Вода из этих двух стекает в эту линию. Из третьего – вот сюда.

Сыщики посмотрели на две указанные линии. Одна шла параллельно Уилширской, как раз позади здания Джей-Си Сток-билдинг. Другая – перпендикулярно Уилширу, прямое ответвление от первой, и тоже рядом со зданием.

– Если взять любую из них, то все равно получается подкоп... ярдов в сто, – сказала Уиш.

– Никак не меньше, – ответил Гирсон. – Это если по прямой. А они ведь могли наткнуться на подземные сооружения или на твердую породу, и тогда им пришлось бы их обходить. Сомневаюсь, что там можно прорыть какой-нибудь ход по прямой.

Эксперт из спецназа потянул Рурка за рукав, и оба отошли в сторону от группы, чтобы пошептаться без помех. Босх посмотрел на Уиш и тихо сказал:

– Спецназ не пойдет в туннель.

– Что ты хочешь сказать?

– Здесь не Вьетнам. Если Франклин и Дельгадо или кто-то еще находятся в одном из этих каналов, то нет никакого шанса проникнуть туда незаметно и остаться целыми. На их стороне все преимущества. Они сразу узнают о нашем приближении.

Она посмотрела ему в лицо, но ничего не сказала.

– Это был бы неверный шаг, – продолжал Босх. – Мы знаем, что они вооружены и, скорее всего, накачаны наркотиками. Знаем, что они убийцы.

Рурк вернулся к группе совещающихся и попросил Гирсона подождать в одном из фэбээровских автомобилей, пока он не закончит разговор с детективами. Коммунальщик нехотя поплелся к машине, огорченный, что уже больше не является частью команды.

– Мы не станем спускаться и преследовать их вниз, – сказал Рурк после того, как Гирсон закрыл дверь машины. – Слишком опасно. У них оружие, взрывчатка. На нашей стороне не будет элемента неожиданности. Это приведет к тяжелым потерям в личном составе... Поэтому мы запрем их в ловушку. Мы позволим событиям развиваться своим ходом, а сами будем в безопасности поджидать их там, откуда они выйдут. Тогда на нашей стороне будет преимущество – мы захватим их врасплох. Сегодня ближе к ночи отряд спецназа совершит разведывательный рейд по Уилширскому туннелю – для этого мы позаимствуем в ведомстве Гирсона несколько комплектов спецодежды их обходчиков и поищем то место, откуда злоумышленники начали рыть. Затем мы подготовимся к засаде и будем поджидать их в самом подходящем месте. В самом для нас безопасном.

На несколько секунд наступила тишина, прерываемая только гудками машин с улицы. До тех пор, пока не раздался протестующий голос Ороско:

– Погодите, погодите минутку! – Капитан полиции подождал, пока лица всех обратились к нему. Кроме разве что лица Рурка. Тот вообще не стал смотреть на Ороско. – Не можем мы на этом строить планы! Вы что, собираетесь сидеть на хвосте и ждать, пока эти люди будут подкапываться? – возмущенно говорил он. – Позвольте им взорвать пол и взломать пару сотен сейфов, а затем спокойно выйти обратно? Моя обязанность – защищать собственность граждан Беверли-Хиллз, которые составляют девяносто процентов клиентов депозитария. Я против.

Рурк сложил свою ручку-указку, вернул ее во внутренний карман и только потом заговорил. Он по-прежнему не смотрел на Ороско.

– Ороско, ваше особое мнение будет отражено в протоколе, но мы не просим вас с нами идти.

Босх заметил, что наряду с отказом обращаться к Ороско, упоминая звание, Рурк отбросил и все прочие претензии на межведомственную или другую политкорректность.

– Это федеральная операция, – продолжал Рурк. – Вас сюда пригласили только в порядке профессиональной этики. К тому же, если моя

догадка верна, грабители вскроют только один сейф. Когда они увидят, что он пуст, они отменят всю операцию и покинут хранилище.

Ороско был растерян. Это ясно читалось на его лице. Босх понял, что его, видимо, не посвятили во многие подробности дела. Он посочувствовал этому человеку, которого Рурк публично осадил и выставил дураком.

– Есть моменты, которые мы не можем сейчас обсуждать, – сказал Рурк. – Однако мы уверены, что целью взломщиков является только одна определенная сейфовая ячейка. У нас есть основания полагать, что сейчас она пуста. Когда преступники проникнут в хранилище, откроют этот конкретный сейф и обнаружат, что он пуст, то они, как мы полагаем, спешно ретируются. Наша задача – быть к этому готовыми.

Босх испытывал сомнения насчет предположения Рурка. Ретируются ли воры? Или же решат, что перепутали сейф, и продолжают сверлить в поисках бриллиантов Трана? Или же разграбят другие сейфы в надежде похитить достаточно ценностей, чтобы оправдать свои труды? Босх не знал ответа. Но он определенно не питал такой же уверенности, как Рурк. С другой стороны, он понимал, что, возможно, фэбээровец просто старается вывести Ороско из игры, чтобы тот не путался под ногами.

– А если они не уйдут? – спросил Босх. – Если продолжают сверлить?

– Тогда нам всем предстоит напряженный уик-энд, – ответил Рурк. – Потому что мы намерены все-таки дождаться, пока они выйдут.

– В любом случае вы выведете фирму из строя, загубите бизнес, – сказал Ороско, указывая в сторону Сток-билдинг. – Как только станет известно, что кто-то пробил дыру в хранилище, которое стоит в витрине, как символ неприступности, это подорвет доверие клиентов. Никто не станет хранить здесь свое имущество.

Рурк только молча смотрел на него. Призыв капитана полиции попал на бесплодную почву.

– Если можно схватить их после того, как они ворвутся, то почему нельзя до? – спросил Ороско. – Что, если открыть депозитарий, включить сирены, произвести некоторый шум, может, даже выслать вперед патрульную машину? Дать им понять, что мы здесь и знаем об их планах. Это отпугнет их прежде, чем они взорвут перекрытие. Мы берем преступников и спасаем фирму. Если же не удастся их схватить, все равно мы спасаем фирму, а их возьмем на несколько дней позже.

– Капитан, – сказал Рурк, вернувшись к корпоративной корректности, – если дать им понять, что мы здесь, то мы лишаемся единственного нашего козыря – неожиданности. Кроме того, это спровоцирует перестрелку в туннелях и, возможно, на улице, во время

которой их не будет волновать, кто пострадает или будет убит. Включая их самих и случайных прохожих. После этого с какими глазами мы станем объяснять общественности, да и себе самим, что стремились спасти бизнес?

Рурк подождал секунду, чтобы его слова уложились в сознании, затем сказал:

– Видите ли, капитан, я не собираюсь пренебрегать требованиями безопасности при проведении операции. Я просто не могу этого сделать. Эти люди, там, под землей, они не пугают. Они убивают. На их совести уже двое, включая свидетеля, – это только те, о которых нам известно. И только за последнюю неделю. Мы ни в коем случае не должны дать им выйти сухими из воды. Ни в коем случае, черт подери!

Ороско забрал и свернул свою синьку. Засовывая ее в картонный тубус, он сказал:

– Господа, смотрите не обмишурьтесь. Если погорите, мое ведомство не пожалеет критики и не станет держать в секрете детали нынешнего совещания. Спокойной ночи.

Он повернулся и зашагал к патрульной машине. Двое полицейских, не говоря ни слова, последовали за ним. Остальные просто смотрели. Когда патрульная машина покатила вниз по пандусу, Рурк сказал:

– Что ж, вы слышали слова этого человека. Мы не имеем права провалить операцию. Кто-нибудь еще хочет что-нибудь предложить?

– А что, если прямо сейчас отправить людей в помещение хранилища, чтобы они поджидали бандитов там? – сказал Босх. Он не рассматривал раньше такой возможности, а высказал спонтанно пришедшую мысль.

– Нет, – ответил человек из спецназа. – Тогда они окажутся загнанными в угол. Не будет возможности маневра. Я не стану посылать своих людей и даже не стану вызывать добровольцев.

– К тому же они могут пострадать от взрыва, – прибавил Рурк. – Никто не знает, когда и в каком месте преступники пробьют пол.

Босх кивнул. Они были правы.

– А не можем мы открыть хранилище и войти, как только услышим, что они уже там? – спросил один из агентов. Босх сейчас уже не мог вспомнить, кто это: Хэнлон или Хаук.

– Да, есть способ открыть дверь во внеурочное время, – поддержала его Уиш. – Потребуется только вызвать сюда Эвери, владельца.

– На это уйдет много времени, – сказал Босх. – Дверь открывается слишком медленно. Эвери может снять с замка кодировку, но это двухтонная дверь, которая открывается под действием собственного веса. В

лучшем случае она будет открываться полминуты. Может, чуть меньше, но они все равно успеют нас уложить, те люди, которые будут внутри. Тот же риск, что пытаться взять их в туннеле.

– А если их оглушить? – спросил один из агентов. – Мы приоткрываем дверь в хранилище и бросаем внутрь осветительную гранату. Затем врываемся и берем их.

Рурк и человек из спецподразделения дружно покачали головами.

– По двум причинам, – пояснил спецназовец. – Если, как мы предполагаем, у них на всякий случай заложена взрывчатка и подведены провода, тогда граната может вызвать детонацию. На наших глазах бульвар Уилшир может провалиться, к чертям, футов на тридцать, а нам этого не надо. Замучимся писать объяснительные.

Когда никто не улыбнулся, он продолжал:

– А во-вторых, мы с вами говорим о стеклянной комнате. Наше с вами положение там будет очень уязвимым. Если они держат кого-то снаружи, на стреме, то нам крышка. Да, мы предполагаем, что, заложив взрывчатку, они не станут пользоваться радиосвязью. А если это не так и этот дозорный сообщит им, что мы там? Они могут опередить нас и метнуть что-нибудь первыми.

Рурк прибавил к этому свои собственные соображения:

– Дело даже не в дозорном. Мы отправим спецназ в помещение со стеклянными стенками, и преступники смогут увидеть все это по телевизору. Каждая телестанция в Лос-Анджелесе выставит свою телекамеру на тротуаре, и на дороге в Санта-Монику возникнет пробка. Это будет форменный цирк. Так что забудьте об этом. Спецназ свяжется с Пирсоном, произведет рекогносцировку на местности и перекроет выходы на поверхность вдоль автострады. Мы будем поджидать их внизу, и мы возьмем их на наших условиях. Вот так.

Человек из спецназа кивнул, и Рурк продолжал:

– Приступив сегодня вечером, мы получаем двадцать четыре часа наблюдения. Я хочу, чтобы Уиш и Босх следили за зданием со стороны витрины депозитария, Хэнлон и Хаук – со стороны Ринкон-стрит, чтобы видеть дверь. Если покажется или послышится что-то подозрительное, прошу тотчас меня известить, а я подниму по тревоге спецназ. Пользоваться по возможности телефонными линиями. Мы не знаем, быть может, они отслеживают наши частоты. Тем, кто будет вести слежку, для общения по рации придется выработать код. Все ясно?

– Что, если в хранилище сработает охранная сигнализация? – спросил Босх. – На этой неделе это случилось уже трижды.

Рурк на минуту задумался.

– Отреагируйте на это стандартным способом. Встретьте того начальника, который придет по вызову – Эвери или кого-то еще, – а потом, как обычно, отключите сигнал и отправьте его восвояси. Я свяжусь с Ороско и велю ему выслать на место тревоги свои патрульные машины, но события будем контролировать мы.

– На вызовы будет приезжать Эвери, – сказала Уиш. – Он уже знает, что, по-нашему мнению, здесь должно произойти. Что, если он захочет открыть само хранилище, проверить, как там внутри?

– Не разрешайте ему. Все очень просто. Да, он хозяин, но, если он войдет, его жизнь окажется в опасности. Мы можем и обязаны это предотвратить.

Рурк обвел взглядом лица собравшихся. Больше вопросов не было.

– Тогда на этом все. Я хочу, чтобы те, кто будет дежурить всю ночь, заняли свои наблюдательные посты через девяносто минут. Это позволит людям поехать, сходить в туалет, выпить кофе. Уиш, регулярно докладывайте мне по телефону о положении дел – в полночь и в шесть ноль-ноль. Ясно?

– Ясно.

Рурк и агент из спецназа сели в машину, где уже сидел Гирсон, и машина покатила по пандусу вниз. После этого Босх, Уиш, Хэнлон и Хаук выработали код, чтобы использовать в радиосообщениях. Они решили поменять названия улиц в зоне наблюдения на названия улиц в центре города. Идея состояла в том, что если кто-то подслушивает симплексные частоты службы общественной безопасности, то подумает, что слышит донесения о слежке на Бродвее и Первой улице, а не на Уилшире и Ринкон-стрит. Они также решили в сообщениях именовать депозитарий ломбардом. Когда с этим было покончено, детективы опять разделились на две команды и договорились выйти на связь по заступлению на вахту. Когда машина Хэнлона и Хаука двинулась к выезду из гаража, Босх спросил Уиш, что она обо всем этом думает. Они остались наедине впервые после того, как был разработан план действий.

– Я не знаю. Мне не нравится затея позволить бандитам проникнуть в хранилище, а затем без помех выйти оттуда. Я спрашиваю себя, справится ли спецназ, сможет ли действительно все предусмотреть.

– Думаю, скоро мы это узнаем.

По пандусу въехала машина и двинулась прямо к ним. Фары ослепили Босха, и на какой-то момент он вспомнил о той машине, что мчалась на них накануне вечером. Но тут машина отклонилась от прямого пути и

остановилась. Это были Хэнлон и Хаук. Окно со стороны пассажира опустилось, и Хаук протянул из окна толстый конверт из плотной желтоватой бумаги.

– Почта, Гарри, – сказал агент. – Совсем забыл, нас просили передать вам вот это. Кто-то из вашего офиса сегодня занес это в Бюро. Якобы вы ждете эту почту, но так и не выбрали времени заехать на Уилкокс-авеню ее забрать.

Босх взял конверт, однако старался держать его от себя подальше. Хаук заметил выражение дискомфорта на его лице.

– Черный парень по имени Эдгар сказал, что вы с ним раньше были напарниками, – пояснил Хаук. – Сказал, что эта штука валяется в вашем почтовом ящике уже два дня, и он подумал, вдруг что-то важное. Сказал, что едет показывать дом в Уэствуде и решил по дороге закинуть конверт нам. Такое объяснение вас устраивает?

Босх кивнул, и агенты ФБР умчались. Тяжелый конверт был запечатан, но в качестве обратного адреса значился Сент-Луис, архив личных дел вооруженных сил США. Босх оторвал край конверта и заглянул внутрь. Там была толстая пачка архивных документов.

– Что это? – спросила Уиш.

– Пакет с материалами личного дела Медоуза. Я совсем забыл, что его заказывал. Это было в понедельник, еще до того, как я узнал, что ваша команда тоже занимается этим делом. Так или иначе, я уже видел эти документы.

Через открытое окно он швырнул конверт на заднее сиденье.

– Голоден? – спросила она.

– Хотелось бы по крайней мере выпить кофе.

– Я знаю тут одно местечко.

* * *

Босх прихлебывал из пластикового стаканчика дымящийся черный кофе, принесенный из итальянского ресторанчика на бульваре Пико, позади Сенчури-Сити. Он сидел в машине все там же, на втором уровне парковочного гаража, по другую сторону бульвара от депозитария. Подошла Уиш, ходившая звонить Рурку – как и было приказано, в полночь, – открыла дверь и села рядом.

– Они нашли джип.

– Где?

– Рурк сказал, что спецназ провел разведывательный рейд по Уилширскому канализационному туннелю, но не обнаружил там признаков чужаков и никакого входа в подземный лаз. Похоже Гирсон был прав. Они забились в один из мелких, второстепенных каналов. Так или иначе, парни из спецназа спустились затем в дренажную систему, что у автострады, чтобы расставить ловушки. Они стали окапываться у трех выходов из туннелей и наткнулись на джип. Рурк сказал, что там у шоссе есть большая автостоянка. Так вот на ней оказался припаркован бежевый джип с прицепленным к нему закрытым трейлером. В трейлере три синих вездехода. Это их.

– Он оформляет ордер?

– Да, он кого-то отправил найти судью. Так что ордер они получают. Но они не хотят там светиться, пока не начнут операцию. На тот случай, если по плану бандитов один должен выбраться на поверхность и отогнать вездеходы. Или находящийся снаружи сообщник должен появиться и увезти их.

Босх кивнул и прихлебнул кофе. Это был разумный образ действий. Он вспомнил, что в пепельнице у него догорает сигарета, и вышвырнул ее в открытое окно.

Словно догадавшись, о чем он думает, она добавила:

– Рурк сказал, что, насколько они могли заметить, на заднем сиденье джипа не было одеяла. Но если это тот джип, в котором привезли к резервуару тело Медоуза, то там должны остаться улики в виде волокон.

– Что насчет клейма, которое Шарки видел на двери машины?

– Рурк сказал, что там нет никакого клейма. Но оно могло быть раньше, и они просто удалили его, когда оставляли джип на стоянке.

– Угу, – отозвался Босх. Некоторое время он находился в раздумье, потом сказал: – Тебя не беспокоит то, как все удачно складывается, одно к одному?

– А должно беспокоить?

Босх пожал плечами. Он бросил взгляд на Уилшир. Тротуар перед пожарным краном был пуст. С тех пор, как они вернулись с обеда, Босх не видел белый «форд», который, по его убеждению, принадлежал СВР. Он не знал, ошиваются ли Льюис и Кларк где-то поблизости или на ночь отправились спать.

– Гарри, хорошая детективная работа как раз и сказывается в тех делах, где все вдруг начинает укладываться в схему, – сказала Элинор. – Я имею в виду: нельзя сказать, что в этом деле нам как-то подозрительно быстро повезло. Мы долго бродили впотьмах, прежде чем картина начала

проясняться. Но мне кажется, сейчас мы обрели некий контроль над ситуацией. Сейчас дела обстоят гораздо лучше, чем три дня назад. Так что же беспокоиться, если несколько фактов вдруг начали подходить друг к другу?

– Три дня назад Шарки был еще жив.

– Ну, если ты берешь на себя вину за его смерть, почему тогда не винить себя за смерть всякого, кто однажды сделал выбор и кого этот выбор привел к гибели? Ты не в силах изменить эти вещи, Гарри. И тебе не нужно быть мучеником.

– Что ты подразумеваешь под словами «сделал выбор»? Шарки не делал никакого выбора.

– О нет, делал. Когда он выбрал жизнь на улице, он понимал, что может и умереть на улице.

– Ты сама не веришь в то, что говоришь. Он был ребенком.

– Я верю в то, что в мире происходят чудовищные вещи. Я верю в то, что лучшее, что можно сделать на этой работе, – это остаться уравновешенным. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Нам остается только надеяться, что в половине случаев побеждают хорошие парни. И это мы, Гарри.

Босх осушил свой стаканчик, и после этого они некоторое время сидели молча. Со своего места им было прекрасно видно хранилище, словно трон, красующийся в центре стеклянной комнаты. Босху подумалось, что здание, выставленное на всеобщее обозрение, блестящее и сияющее в ярких лучах льющегося с потолка света, будто говорит: «Возьми меня». И вот кто-то собирается это сделать. «А мы собираемся им это позволить».

Уиш взяла в руки рацию, дважды щелкнула и проговорила:

– Первая улица, я Бродвей-один, вы меня слышите?

– Бродвей, мы вас слышим, – послышался в ответ голос Хаука. – Что у вас? Есть новости? – В эфире было много помех, так как радиоволны рикошетили от окружающих высотных зданий.

– Просто проверка. Где вы стоите?

– Мы точно к югу от входа в ломбард. Ясно видим, что ничего не происходит.

– Мы к востоку. Видим отсюда... – Она щелкнула, отключая микрофон, и посмотрела на Босха. – Мы забыли придумать код для хранилища. Есть идеи?

Босх покачал головой, но потом сказал:

– Саксофон. Я видел, как в витринах ломбардов развешаны

саксофоны. Вообще музыкальные инструменты, масса.

Она снова включила микрофон.

– Извините, Первая улица, у нас техническая заминка. Мы с восточной стороны ломбарда, видим прямо перед собой пианино. Внутри ломбарда все спокойно.

– Продолжайте наблюдение.

– Бродвей, конец связи.

Босх усмехнулся и покачал головой.

– Что? – спросила она. – Что такое?

– Я видел в ломбардах много музыкальных инструментов, но ни разу не встречал пианино. Кто потащит в ломбард пианино? Понадобится грузовик. Вся наша маскировка теперь полетела к черту.

Он взял микрофон, но не стал щелкать по кнопке передачи, а просто сказал:

– Э... Первая улица, вносим поправку. Это не пианино в витрине. Это аккордеон. Мы ошиблись.

Она шутливо двинула его кулаком в плечо и велела не брать в голову. Они погрузились в уютное молчание. Дежурства с наблюдением были бичом большинства детективов. Но за пятнадцать лет службы Босху не было в тягость ни одно такое дежурство. В сущности, много раз он даже получал от них удовольствие, когда был в хорошей компании. Он определял хорошую компанию не по беседе, а по ее отсутствию. Если не было нужды болтать, чтобы чувствовать себя комфортно, это была подходящая компания. Наблюдая, как проносятся машины мимо депозитария, Босх думал о нынешнем деле. Он восстанавливал в уме события в том порядке, как они происходили, с самого начала и до настоящего времени. Мысленно возвращался к местам преступлений, заново воспроизводил диалоги. Он обнаружил, что нередко такая ревизия помогала сделать следующий шаг. О чем он вновь думал сейчас – точно раскачивал языком больной зуб, – так это о вчерашнем наезде. О машине, которая мчалась на них. Кому это понадобилось? Что такое важное узнали они на тот момент? Такое, что делало их опасными? Глупый шаг – убить копа и агента ФБР. Ради чего кто-то пошел на это? Потом мысли Босха перенесли к той ночи, что они провели вместе, – после того, как ответственные лица наконец оставили их в покое. Элинор была сама не своя, она очень нервничала. Больше, чем он. Лежа рядом с ней и держа ее в объятиях, он чувствовал себя так, словно успокаивал испуганное животное. Он обнимал ее и ласково гладил, а она, прижавшись, дышала ему в шею. В этот раз они не занимались любовью. Просто лежали обнявшись. В каком-

то смысле в этом было даже что-то более интимное.

– Ты думаешь о прошлой ночи? – спросила она.

– Откуда ты знаешь?

– Просто догадка. Есть интересные мысли?

– Что ж, я думаю, это было славно. Я думаю, мы...

– Я говорю о том, кто пытался убить нас вчера.

– О!.. Никаких. Я думал о том, что было потом.

– О!.. Знаешь, Гарри, я ведь не поблагодарила тебя за то, что ты был так добр ко мне и ничего не требовал.

– Это мне следует тебя поблагодарить.

– Ты славный.

Они снова унеслись мыслями каждый в свою сторону. Привалившись к дверце и положив голову на стекло, Босх сидел, почти не отрывая взгляда от депозитария. Движение на Уилшире было слабым, но равномерным. Люди ехали в клубы или из клубов, которыми изобиловали бульвар Санта-Моника и улица Родео-драйв. В близлежащем «Академик-холле», очевидно, была премьера. Босху казалось, что все лимузины Лос-Анджелеса тянулись в эту ночь к Уилширу. Удлиненные машины всех марок и цветов, шурша шинами, катились мимо одна за другой. Они двигались так плавно, что, казалось, не ехали, а плыли. Они были красивы и загадочны со своими черными стеклами. Словно экзотические женщины в темных очках. Автомобили, созданные именно для большого города, думал Босх.

– Медоуза похоронили?

Вопрос его удивил. Интересно, какой поворот мысли привел к нему?

– Нет, – ответил он. – В понедельник, на кладбище ветеранов.

– Похороны в День памяти павших – это звучит вполне подходяще. Так, значит, его преступная жизнь не лишила его права быть похороненным в такой священной земле?

– Нет. Он заслужил это своими делами там, во Вьетнаме. Ему приберегли там место. Там, вероятно, есть местечко и для меня. Почему ты спросила?

– Не знаю. Просто подумала. Ты пойдешь?

– Если не буду сидеть здесь, наблюдая за этим хранилищем.

– С твоей стороны будет правильно, если ты пойдешь. Я знаю, что он кое-что для тебя значил. В определенный момент твоей жизни.

Он оставил это без ответа, но она продолжала:

– Гарри, расскажи мне о черном эхе. О том, что ты упоминал на днях. Что ты имел в виду?

Впервые он оторвал взгляд от хранилища и посмотрел на Элинора. Ее лицо находилось в тени, но проносящиеся за окном огни осветили на миг внутреннее пространство машины, и он увидел ее глаза, устремленные прямо на него. Потом Гарри опять принялся смотреть на хранилище.

– Тут, в сущности, нечего рассказывать. Просто так мы называли одну из тамошних непостижимостей.

– Непостижимостей?

– Этому не существует названия, мы сами его изобрели. Этими словами у нас обозначалась темнота, сырая пустота, мертвое ничто, которое ты ощущал, когда находился там, один в этих туннелях. Но при этом ты был жив. И тебе было очень страшно. Будто твое собственное дыхание эхом отдавалось в темноте – достаточно громко, чтобы тебя выдать. По крайней мере, тебе так казалось. Я не знаю... Это трудно объяснить. Просто... черное эхо.

Она переждала несколько мгновений, потом сказала:

– Я думаю, это хорошо, что ты собираешься пойти на погребение.

– А в чем дело? Что-то не так?

– В каком смысле?

– В прямом. То, как ты говоришь... Как будто так и не пришла в себя со вчерашнего вечера. Как будто... да нет, забудь.

– Я сама не понимаю, Гарри. Наверное, после того, как адреналин схлынул, я просто испугалась. И теперь это побуждает меня задуматься о разных вещах.

Босх кивнул, но ничего не сказал. Мысли его опять переключились. Он вспомнил один случай в «Железном треугольнике»^[47], когда отряд, который понес тяжелые потери от снайперов, случайно натолкнулся на вход в подземный лабиринт. Босх, Медоуз и пара других «крыс», Джарвис и Ханрахан, были сброшены с вертолета в ближайшей зоне приземления и проведены к норе. Первое, что они сделали, бросили в дыру парочку сигнальных ракет, какими пользуются в зоне посадки – синюю и красную, – и вентилятором вдули внутрь дым, чтобы обнаружить другие входы в лабиринт. Очень скоро по всем направлениям в радиусе двухсот ярдов из-под земли в десятке точек начали виться струйки дыма. Дым выходил наружу через «паучьи норы», которые использовались снайперами как огневые позиции и для того, чтобы перемещаться в туннелях. Этих точек было так много, что джунгли окрасились пурпурным цветом. Медоуз был под кайфом. Он зарядил кассету в переносной магнитофон, который всегда таскал с собой, и начал оглашать лабиринт композицией Хендрикса «Пурпурный туман». Это было одним из самых отчетливых и интенсивных

воспоминаний Босха, если не считать его снов о войне. Он никогда после этого не любил рок-н-ролла. Сотрясающая мощь этой музыки слишком сильно напоминала ему о тех временах.

– Ты когда-нибудь видел мемориал? – спросила Элинора.

Ей не требовалось уточнять, какой именно. Существовал единственный, в Вашингтоне. Но потом он вспомнил длинную черную копию, которую устанавливали на кладбище, рядом с Федерал-билдинг.

– Нет, – ответил он, помолчав. – Я никогда его не видел.

После того, как воздух в джунглях очистился и кассета с Хендриксом отзвучала, их четверка вошла в туннель, а тем временем остальные члены отряда сидели на вещевых мешках, перекусывали и ждали. Час спустя наружу вышли только Босх и Медоуз. Медоуз нес с собой три скальпа вьетконговцев. Он выставил их над землей, демонстрируя сидящим, и завопил:

– Вы видите перед собой самого паршивого братана во всем черном эхе!

Вот откуда пошло это название. Позднее они нашли в туннелях и Джарвиса с Ханраханом. Те попались в капканы. Они были мертвы.

Элинора сказала:

– Однажды я посетила его, когда жила в Вашингтоне. Я не могла заставить себя пойти на его открытие в восемьдесят втором. Но много лет спустя наконец набралась храбрости. Мне хотелось увидеть имя моего брата. Я подумала, что это как-то поможет мне разложить все по полочкам, правильно осмыслить то, что с ним произошло, понимаешь?..

– И как, помогло?

– Нет. Стало только хуже. Это наполнило меня яростью. Породило во мне жажду справедливости – если вообще можно понять, о чем я говорю. Я хотела для своего брата торжества справедливости.

Тишина вновь повисла в машине, и Босх подлил еще кофе себе в чашку. Он уже начинал чувствовать дрожь возбуждения, вызванную действием кофеина, но не мог остановиться. Он был кофеманом. Он заметил двоих пьянчуг, которые, споткнувшись, повалились с ног перед хранилищем. Один из мужчин выбросил руки вперед и вверх, словно стараясь дотянуться до громадной двери хранилища. Через некоторое время они двинулись дальше. Он подумал о той ярости, которую пришлось испытать Элинора из-за своего брата. Об испытанной ею беспомощности. Он подумал о своей собственной ярости. Ему было знакомо это чувство – быть может, не совсем такое, но зато переживаемое в другой перспективе, в другом ракурсе. Всякий, кого коснулась война, знал что-то похожее. Он так

и не сумел до конца изжить его в себе и не был уверен, что хочет. Лучше гнев и печаль, чем полная пустота. «Не ее ли ощущал Медоуз? Не пустоту ли?» – спрашивал себя Босх. Не ощущение ли пустоты кидало его от одного занятия к другому, от одной иглы к другой, пока он не оказался окончательно и подчистую истрачен в своем последнем боевом задании? Босх решил, что пойдет на похороны Медоуза, что этот долг он обязан ему отдать.

– Помнишь, ты говорил мне о том человеке, о Кукольнике? – спросила Элиноор.

– И что?

– Ваша служба внутренних расследований... они пытались обвинить тебя в том, что ты его казнил?

– Да, я тебе рассказывал. Они пытались. Но у них не вышло. Все, что им удалось, – это добиться временного отстранения меня от должности за процедурные нарушения.

– Понимаешь, я хотела сказать, что, даже если они фактически были правы, они все равно были не правы по существу. В моем понимании это было восстановлением справедливости. Я бы назвала это правосудием. Ты знал, что будет дальше с таким человеком. Посмотри на Ночного охотника. Его никогда не казнят. Или на это потребуется двадцать лет.

Босх почувствовал себя неудобно. Он задумывался над мотивами своих действий в отношении Кукольника только наедине с собой. Он никогда не рассуждал об этом вслух. Он не понимал, к чему она клонит.

– Я знаю, будь это даже правда, ты все равно бы никогда не признался. Но я думаю, что ты – либо сознательно, либо подсознательно – действительно вынес ему приговор. Ты хотел правосудия для тех женщин, которые стали его жертвами. Быть может, даже для своей матери.

Босх повернулся к ней, пораженный, и уже хотел спросить, откуда ей известно о его матери и почему в своем сознании он должен был связать ее с Кукольником. Потом опять вспомнил о своем досье. Очевидно, в нем это было как-то отражено. Когда он поступал на работу в полицию, ему надо было указать в заявлении, не является ли он или кто-либо из его родственников жертвой преступления. Босх написал, что является сиротой с одиннадцати лет – с того времени, как мать его была найдена задушенной в переулке возле Голливудского бульвара. Ему не потребовалось указывать, чем она зарабатывала на жизнь. Место преступления и его характер говорили сами за себя.

Когда он вновь обрел хладнокровие, то все-таки спросил Элиноор, к чему она клонит.

– Ни к чему, – ответила она. – Просто... я уважаю это. Думаю, на твоём месте мне бы захотелось сделать то же самое. Так мне кажется. Надеюсь, у меня бы хватило смелости.

Он посмотрел на неё. Лица обоих были полностью в тени. Уже совсем стемнело, ни один автомобиль в это время не проезжал мимо, и в машине царил сумрак.

– Давай ты спи первая, а я потом, – сказал он. – Я выпил слишком много кофе.

Элинор не ответила. Он предложил достать из багажника одеяло, но она отказалась.

– Ты когда-нибудь слышал, что сказал Дж. Эдгар Гувер о справедливости? – спросила она.

– Он, наверное, много чего говорил, но навскидку я ничего не припомню.

– Он сказал, что справедливость занимает второстепенное положение по отношению к закону и порядку. Думаю, он был прав.

Больше она ничего не сказала, и через некоторое время он услышал её глубокое и ровное дыхание. Когда мимо проехала случайная машина, он посмотрел на лицо Элинор, выхваченное из тьмы светом фар. Она спала, как ребенок, положив голову на руки. Босх приоткрыл окно и закурил. Он курил и пытался ответить себе на вопрос, не собирается ли он влюбиться в неё и способен ли в неё влюбиться? А она в него? Эта мысль и возбуждала, и тревожила его в одно и то же время.

Часть VII

Суббота, 26 мая

Серый рассвет спустился на город, наполнив пространство гаража слабым светом. Утро также принесло с собой легкий морозящий дождик, асфальт намок, и нижняя половина витрины «Бeverли-Хиллз сейф энд лок» запотела от влаги. Это был первый на памяти Босха хоть какой-то дождь за последние несколько месяцев. Уиш все спала, а он наблюдал за хранилищем: потолочные светильники все так же ярко освещали целевой объект, все так же сверкающий хромированной сталью. Было двадцать минут седьмого, но Босх забыл, что Элино́р должна была в шесть часов позвонить Рурку, и не разбудил ее. По правде сказать, он вообще так и не разбудил ее за всю ночь, чтобы поменяться ролями. Просто он не успел устать. В три тридцать вышел на радиосвязь Хаук – для проформы, убедиться, что кто-то бодрствует. После этого уже никто и ничто не нарушало их покой, как не было никакого движения в помещении хранилища. Остаток ночи Босх думал попеременно об Элино́р Уиш и о хранилище, которое они караулили.

Он потянулся за стоявшим на приборной доске стаканчиком в надежде найти хоть холодный глоток кофе, но стакан был пуст. Он обернулся и бросил пустой стакан за спинку сиденья на пол. При этом в глаза ему бросился лежащий на заднем сиденье пакет из Сент-Луиса. Гарри взял его, вытащил оттуда толстую пачку бумаг и лениво стал просматривать, не забывая каждые несколько секунд бросать взгляд на хранилище.

Материалы из военного досье Медоуза он уже видел. Но очень скоро детектив заметил, что здесь были некоторые документы, которые отсутствовали в подборке ФБР – той, что давала ему Уиш. Этот комплект был более полный. Здесь был фотостат рапорта о призыве на военную службу и медицинского освидетельствования. Были также медицинские заключения из Сайгона. Дважды Медоуза лечили от сифилиса, один раз – от последствий острого психологического стресса.

Листая пачку, он вдруг остановился, когда взгляд упал на копию двухстраничного письма от конгрессмена из Луизианы по имени Нуп. Охваченный любопытством, Босх начал его читать. Письмо было датировано 1973 годом и было адресовано Медоузу, в посольство США в Сайгоне. В письме, скрепленном официальной печатью конгресса, Нуп

благодарил Медоуза за гостеприимство и помощь во время своего недавнего визита с целью установления каких-то фактов. Конгрессмен отмечал, что для него явилось приятной неожиданностью встретить в чужой стране земляка из Новой Иберии. Босх спросил себя, в какой степени этот факт явился случайным совпадением. Судя по всему, Медоузу было поручено обеспечивать безопасность конгрессмена, между ними возникли хорошие отношения, и законодатель вернулся в Вашингтон, составив самое благоприятное мнение о личном составе американских служащих в Юго-Восточной Азии и о состоянии их морального духа. Как известно, совпадений не бывает.

На второй странице письма содержались поздравления Медоуза с прекрасной карьерой и упоминались хорошие отзывы, которые Нуп получил от командира Медоуза. Босх продолжал читать. Упоминалось участие Медоуза в пресечении незаконного вторжения злоумышленников в посольский отель во время пребывания там конгрессмена: некий лейтенант Рурк любезно предоставил подробности героического поведения Медоуза сопровождающим конгрессмена. Босх ощутил внезапный холод под сердцем, точно оттуда отлила вся кровь. Письмо заканчивалось ничего не значащей вежливой болтовней об общей малой родине. В левой нижней части письма имелись размашистая подпись конгрессмена и отпечатанное на машинке примечание:

Машинописные копии:

В отдел архивной документации, Вашингтон, округ Колумбия. Лейтенанту Джону Х. Рурку, посольство США, Сайгон, Вьетнам. В газету «Дейли Иберия», редактору отдела новостей.

Босх долго, как оглушенный, пялился в последнюю страницу, не шевелясь и не дыша. Ему даже показалось, что накатывает дурнота, и он провел рукой по лбу. Он попытался вспомнить, слышал ли он когда-нибудь второе имя Рурка или его начальную букву. Он не смог вспомнить. Но это и не имело значения. Сомнений не было. Совпадений не бывает.

Заверещал пейджер Уиш, заставив обоих подскочить на месте, точно от выстрела. Элинора резко выпрямилась и начала шарить в сумочке, пока не нашла его и не выключила звук.

— О Боже, который час? — проговорила она, все еще находясь в полусне.

Он ответил, что сейчас шесть тридцать, и только тогда вспомнил, что им полагалось полчаса назад позвонить Рурку. Он сунул письмо обратно в пачку и пачку убрал в конверт. Потом бросил конверт на заднее сиденье.

— Мне нужно позвонить, — сказала Уиш.

– Послушай, дай себе пару минут, чтобы проснуться, – поспешно отреагировал Босх. – Я сам позвоню. Мне все равно надо найти где-нибудь туалет и купить кофе и воды.

Он быстро открыл дверь и вылез из машины, прежде чем она успела возразить.

– Гарри, почему ты меня не разбудил?

– Не знаю. Какой у него номер?

– Это мне полагается ему звонить.

– Позволь мне. Скажи номер.

Она дала ему номер, и Босх, завернув за угол, прошел небольшое расстояние до круглосуточной закусочной под названием «Дарлингз». Всю дорогу он пребывал в изумлении, не обращая внимания на попрошайек, выползших с восходом солнца. Он старался уложить в сознании тот факт, что Рурк и был тем самым внутренним шпионом. Что именно он замышлял? Существовала какая-то недостающая деталь во всем этом, которую Босх не мог постичь. Если Рурк был информатором, тогда почему он позволил им установить наблюдение за хранилищем? Он что, хотел, чтобы его людей переловили? Перед рестораном Босх увидел платные таксофоны.

– Вы опоздали, – сказал Рурк, беря трубку на первом же гудке.

– Мы забыли.

– Босх, вы? Где Уиш? Это она должна была позвонить.

– Не беспокойтесь об этом, Рурк. Она наблюдает за хранилищем, как и положено. Что там у вас?

– Я ждал вашего звонка, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги. Вы что, оба спали? Что там?

– Да ничего не происходит. Но вы ведь и так это знаете, не правда ли?

Наступило молчание, во время которого старый нищий подошел к будке и попросил у Босха денег. Босх положил руку на грудь старика и решительно отодвинул его.

– Вы на проводе, Рурк? – произнес он в трубку.

– Что вы хотели этим сказать? Почему я должен знать, что там происходит, когда вы не звоните мне, как было условлено? И эти ваши постоянные инсинуации... Босх, я вас не понимаю.

– Позвольте спросить вас кое о чем. Вы действительно послали отряд к выходам из туннелей, или эта ваша светокопия, и ваша указка, и спецназ – все это чистая мишура?

– Пришлите Уиш к телефону. Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Извините, она не может сейчас подойти.

– Босх, я вас отзываю. Происходит какое-то недоразумение. Вы просидели там на дежурстве всю ночь. Я думаю, вам следует... нет, лучше я пошлю туда двоих человек вам на замену. Я намерен позвонить вашему лейтенанту и...

– Вы знали Медоуза.

– Что?

– То, что я сказал. Вы его знали. У меня его досье, приятель. Его полное досье, а не та урезанная версия, что вы дали Уиш для передачи мне. Вы были его командиром, когда он был прикомандирован к посольству в Сайгоне. Мне это точно известно.

Снова последовало молчание. Затем Босх услышал:

– Я был командиром над многими людьми, Босх. Я не мог их всех знать.

Босх покачал головой:

– Слабовато, лейтенант Рурк. Действительно слабо. Еще хуже, чем если бы вы просто это признали. Я расскажу вам при встрече.

Босх повесил трубку и вошел в «Дарлингз», где заказал два кофе и две бутылки минеральной воды. Он стоял у кассы, ожидая, пока девушка соберет заказ, и смотрел в окно. Он думал только о Рурке.

Девушка подошла к кассе с его заказом в картонном пакете. Гарри заплатил и дал ей на чай, вышел и снова двинулся к телефонной будке.

Он снова набрал номер Рурка, не имея в голове иного намерения, кроме как выяснить, сидит ли тот у телефона или ушел. Он повесил трубку после десяти бесплодных звонков. Затем позвонил в диспетчерский центр полицейского управления Лос-Анджелеса и велел оператору позвонить диспетчеру ФБР и спросить, отправлен ли их спецназ в район Уилшира или куда-либо еще в Беверли-Хиллз и не требуется ли помощь. Ожидая ответа, он попытался вникнуть в рурковский план ограбления. Тем временем откупорил один из стаканчиков с кофе и сделал глоток.

Диспетчерша подтвердила, что ФБР действительно отправило спецназ в район Уилшира. Никакой подмоги им не требовалось. Босх поблагодарил и повесил трубку. Теперь, как ему казалось, он начал понимать замысел Рурка. План этот состоял в том, что никто вовсе не собирался взламывать хранилище. Якобы планируемое ограбление было просто наживкой для отвода глаз. Хранилище играло роль манка, подсадной утки. Босх думал о том, как позволил Трану без помех удалиться своей дорогой после того, как проследовал за ним до самого хранилища. Единственное, чего он добился своими действиями, – согнал преступного капитана с насиженного места вместе с его бриллиантами. Чтобы Рурку было сподручнее до него

добраться. Он просто отдал Трана в его руки.

Когда Босх вернулся к машине, то увидел, что Элинор читает досье Медоуза. Она еще не добралась до письма конгрессмена.

– Что так долго? – добродушно спросила она.

– У Рурка была масса вопросов. – Он забрал у нее бумаги и сказал: – Я хочу, чтобы ты взглянула на одну вещь. Кстати, где ты взяла то досье Медоуза, что давала мне?

– Не знаю. Рурк его где-то взял. А что?

Босх отыскал то самое письмо и, не говоря ни слова, протянул ей.

– Что это? – вскинула она брови. – Семьдесят третий год?

– Прочти. Это то досье Медоуза, которое я попросил скопировать и переслать мне из Сент-Луиса. Этого письма нет в том файле, который дал тебе Рурк для моего ознакомления. Он выхолостил его. Прочти, ты поймешь почему.

Он бросил взгляд на дверь хранилища. Ничего не происходило, да он ничего и не ожидал. Потом опять перевел взгляд на нее, следя, как она читает. Она вздернула бровь, пробежав обе страницы, еще не дойдя до нужного имени.

– Да, судя по этому, выходит, что он был своего рода героем. Я и не...

– Глаза ее расширились, когда она дошла до конца страницы. – Копия отправлена лейтенанту Джону Рурку.

– Угу. Ты еще пропустила первое упоминание. – Он указал на нужное место, где упоминалось, что Рурк был командиром Медоуза. – Внутренний информатор. Что нам теперь делать, как ты думаешь?

– Я не знаю. Ты уверен? Это ничего не доказывает.

– Если это совпадение, то ему следовало сказать, что он знал этого человека, прояснить вопрос раз и навсегда. Как это сделал я. Я пришел и сказал. Он этого не сделал, потому что не хотел, чтобы об этой связи было известно. Я спросил его сейчас, по телефону. Он солгал. Он не хотел, чтобы мы знали об этом.

– Значит, теперь он в курсе, что ты знаешь?

– Да. Не знаю, что именно он понял. Насколько я в курсе. Я повесил трубку раньше, чем он договорил. Вопрос в том, что нам сейчас делать. Вероятно, мы просто попусту теряем время. Никто не собирается грабить это хранилище. Они, вероятно, уже расправились с Траном – после того, как забрали его бриллианты – и спокойно скрылись. Мы выложили им Трана на блюдечке, прямо в руки.

Тут ему пришло в голову, что белый «форд» принадлежит грабителям, а вовсе не Льюису и Кларку. И те проследовали за ними напрямик к Трану.

– Погоди минутку, – сказала Элинора. – Я не понимаю. А почему же тогда всю неделю срабатывала охранная сигнализация? А как быть с пожарным гидрантом и пожаром в бутике? Все должно было произойти, как мы предполагали.

– Я сам не понимаю. Сейчас уже во всем нет никакого смысла. Может, Рурк ведет своих людей в ловушку. Или на кровавую расправу.

Оба уставились вперед, через улицу. Дождь немного ослаб, солнце уже полностью вошло, и под его лучами еще сильнее заиграло ярким светом хранилище. Наконец после продолжительного молчания Элинора заговорила:

– Я думаю, нам нужно привлечь кого-то в помощь. Может, Хэнлона и Хаука, которые сидят с другой стороны? Или спецназ, если только все они не являются частью дьявольского плана Рурка.

Босх сказал, что проверял насчет спецназа и узнал, что бойцы действительно высланы на место.

– Тогда чем сейчас занимается Рурк? – спросила она.

– Нажимает на все кнопки.

Они несколько минут прокручивали дело со всех сторон и решили позвонить Ороско, начальнику полиции Беверли-Хиллз. Прежде всего Элинора связалась с Хэнлоном и Хауком. Босх хотел, чтобы те оставались на месте.

– Вы там как, не спите, ребята? – проговорила она по радиосвязи.

– Сейчас только десять часов четыре минуты. А я уже чувствую себя, как тот парень, зажатый в своей машине на эстакаде после землетрясения в Окленде. А что у вас?

– Ничего, просто проверка. Как там парадная дверь?

– Ни единого шороха за ночь.

Она дала отбой, и какое-то время царила тишина – пока Босх не начал вылезать из машины, чтобы позвонить Ороско. На полпути он остановился и оглянулся на нее:

– А знаешь, он погиб.

– Кто?

– Тот человек, который оказался зажатым на эстакаде.

Именно в этот момент раздался глухой удар, слегка сотрясший машину. Не столько звук, сколько вибрация, немного напоминающая первый толчок при землетрясении. За ним не последовало новых. Но через одну-две секунды зазвонила охранная сигнализация. Звон, громкий и отчетливый, раздавался со стороны компании «Беверли-Хиллз сейф энд лок». Босх, выхватив пистолет, впился глазами в хранилище. Видимых

признаков вторжения не было. Почти тотчас переговорное устройство разразилось голосом Хэнлона:

– У нас звонок. Как будем действовать?

Ни Босх, ни Уиш сразу не ответили на радиовывоз. Они просто сидели, уставившись на хранилище, потрясенные, ошарашенные. Рурк повел своих людей прямо в ловушку! Во всяком случае, так это выглядело.

– Сукин сын! – сказал Босх. – Они там!

* * *

– Вели Хэнлону и Хауку сохранять спокойствие, пока мы не получим распоряжений, – немного погодя распорядился Босх.

– А кто будет их отдавать? – спросила Элинон.

Босх не ответил. Он думал о том, что происходит там, внутри. Зачем было Рурку вести своих людей в западню?

– Очевидно, он не имел возможности их предупредить – сказать, что бриллиантов там нет и что мы их поджидаем, – сказал он. – Ведь еще сутки назад мы ничего не знали о депозитарии и о том, что готовится. Вероятно, когда мы вышли на след, было поздно их предупреждать. Они ушли слишком далеко.

– Значит, они будут действовать по намеченному плану, – сказала Элинон.

– Первым делом воры вскроют ячейку Трана, если они прилежно выучили урок и знают, где она находится. Увидят, что она пуста, – и что станут делать дальше? Бросят все или станут вскрывать другие сейфы, пока не наберут достаточно ценностей, чтобы окупить операцию?

– Я думаю, они все бросят и унесут ноги, – ответила она. – Думаю, что когда они вскроют ячейку Трана и не обнаружат там бриллиантов, то поймут: что-то не так – и уберутся ко всем чертям.

– Тогда у нас не так много времени. Моя догадка состоит в том, что они не станут сверлить сейф, пока мы не перезапустим сигнализацию и не уйдем с места действия. Мы можем немного задержаться с повторным включением, но если переборщим, они что-то учуют и смотают удочки, однако при этом будут готовы во всеоружии встретить наших людей под землей.

Он вышел из машины и оглянулся на Элинон.

– Садись за рацию. Вели своим парням оставаться на месте, а затем передай сообщение спецназовцам. Скажи им: мы считаем, что в хранилище

кто-то есть.

- Они спросят, почему Рурк ничего не говорит.
- Придумай что-нибудь. Скажи, что не знаешь, где Рурк.
- Куда ты идешь?
- Встретить патрульную машину, которая приедет на сигнал охранной системы. Попрошу, чтобы они вызвали сюда Ороско.

Он захлопнул дверь машины и стал спускаться по гаражному пандусу. Элинон передала сообщения.

На подходе к депозитарию Босх вытащил футляр с полицейским значком, раскрыл его и прицепил к нагрудному карману пиджака. Завернул за угол, обогнув стеклянную стену, и взбежал по ступеням парадного входа – как раз в тот момент, когда к дверям, сверкая мигалкой, но без sireны подъехала патрульная машина полиции Беверли-Хиллз. Двое патрульных выскочили из нее, выхватывая дубинки из пластиковых трубчатых держателей на дверцах машины и засовывая их в кольца на своих поясах. Босх представился, объяснил, что он здесь делает, и попросил как можно скорее известить капитана Ороско. Один из копов сказал, что был вызван также управляющий, человек по имени Эвери, чтобы перезапустить сигнализацию, пока полиция будет осматривать помещение. Все как обычно, по стандартной процедуре. Патрульные сказали, что здешняя охранная сигнализация срабатывает уже в третий раз за неделю и они в третий раз приезжают по вызову. Они также сообщили, что получили распоряжение докладывать обо всех вызовах из этого места капитану Ороско прямо домой, в любое время суток.

– Вы хотите сказать, что эти вызовы настоящие? Не просто сбой в системе сигнализации? – спросил один из них, по имени Онага.

– Мы точно не знаем, – ответил Босх. – Но мы хотим действовать так, как если бы это был ложный вызов. Управляющий приезжает, вы вместе с ним выключаете сигнал и перезапускаете систему, затем каждый отправляется своей дорогой. О'кей? Все как всегда.

– Добро, – отозвался другой коп, у которого над карманом на медной пластинке значилось «Джонстон». Не вынимая дубинки из гнезда на поясе, он быстрым шагом направился к полицейскому «лендкрузеру», чтобы позвонить Ороско.

– Вот и наш мистер Эвери, – сказал Онага.

Белый «кадиллак» плавно подкатил к тротуару и остановился позади патрульной машины. Из автомобиля вышел Эвери-третий, одетый в розовую спортивную рубашку и хлопчатобумажные, в полоску, брюки свободного покроя. Он подошел к ним и, узнав Босха, поприветствовал его.

– Что, был взлом?

– Мистер Эвери, мы подозреваем, что здесь, возможно, не все в порядке, пока мы точно не знаем. Нам требуется время, чтобы проверить. Мы бы хотели, чтобы вы открыли офис и произвели обход, как обычно при срабатывании сигнала. Затем перезагрузили систему сигнализации и опять все заперли.

– Только лишь? Вы уверены? Что, если...

– Мистер Эвери, единственное, что от вас требуется, – это сесть в машину и уехать, как вы делали прежде. Сделайте вид, будто едете домой. Но вместо этого я попрошу вас завернуть за угол – там есть кафе под названием «Дарлингз». Зайдите и закажите себе чашку кофе. Я либо сам подойду, чтобы вас проинформировать, либо пошлю за вами. Пожалуйста, расслабьтесь. Мы в состоянии справиться с любыми возможными неприятностями. Другие наши люди сейчас берут ситуацию под контроль, но здесь мы хотим создать впечатление, что производим рутинную проверку по обычному ложному вызову.

– Понимаю, – сказал Эвери, вытаскивая ключ из кармана пальто и подходя к парадной двери. – Кстати, звонит сигнализация не из хранилища. Это внешняя сигнализация, которая возбуждается вибрациями витрины помещения. Я уверенно могу это сказать. Другой тембр звука, понимаете?

Босх понял, что копатели, выводя из строя охранную систему депозитария, не знали, что внешняя сигнализация представляет собой отдельную, самостоятельную систему.

Онага и Эвери вошли внутрь, Босх следовал поодаль. Он остановился на пороге, ища признаки дыма и не обнаруживая их, вынюхивая запах кордита, но тоже ничего не ощущая. Тем временем Джонстон вошел в помещение, и Босх торопливо зажал ему рот, чтобы помешать что-нибудь выкрикнуть, перекрывая вой сирены. Джонстон понимающе кивнул, сложил руки рупором и, приставив к уху Босха, сказал, что Ороско будет здесь самое большее через двадцать минут. Он жил в Долине. Гарри кивнул, про себя надеясь, что это произойдет достаточно быстро.

Сирену выключили, и Эвери с Онагой вышли из кабинета управляющего в вестибюль, где ждали Джонстон и Босх. Онага посмотрел на Босха и покачал головой, показывая, что никаких изменений нет.

– Вы обычно проверяете хранилище? – спросил Босх.

– Только снаружи, – ответил Эвери.

Он подошел к устройству рентгеновского излучения, включил его и пояснил, что потребуются пятьдесят секунд, чтобы аппарат нагрелся. Это время они провели в молчании. Наконец Эвери положил ладонь на

считывающее устройство. Оно сняло показания с его ладони, подтвердило соответствие, и замок на первой двери кабинки-ловушки со щелчком открылся.

– Поскольку внутри стеклянного помещения сейчас не дежурит охранник, мне придется отменить код запорного устройства на второй двери, – сказал Эвери. – Джентльмены, вы не возражаете, если я попрошу вас не смотреть, когда мы войдем?

Все четверо втиснулись в крохотную кабинку, и Эвери набрал комбинацию цифр на электронном замке второй двери. Снова последовал легкий щелчок, дверь отворилась, и они вошли в стеклянное помещение вокруг хранилища. Тут было не на что смотреть – только сталь и стекло. Босх остановился у двери и прислушался, но ничего не услышал. Он подошел к стеклянной стенке и обвел взглядом бульвар Уилшир. Он увидел, что Элинор по-прежнему сидит в машине на втором этаже гаража. Потом переключил внимание на Эвери, который подошел и встал рядом – будто бы затем, чтобы тоже посмотреть в окно, но вместо этого с конспиративным видом придвинулся к нему ближе, желая сказать что-то конфиденциально.

– Вы не забыли: я имею возможность отпереть само хранилище, – едва слышным шепотом произнес он.

Босх посмотрел на него и покачал головой:

– Нет, не стоит. Слишком опасно. Пойдемте отсюда.

У Эвери на лице было написано недоумение, но Босх отошел прочь. Пять минут спустя помещение депозитария было очищено и двери заперты. Оба полицейских вернулись в машину продолжать патрулирование, и Эвери тоже отбыл. Босх пошел обратно в гараж. Улица теперь была оживленнее, начиналась обычная дневная суeta. Гараж наполнялся, и запах выхлопа усилился. Когда он сел в машину, Уиш сообщила, что Хэнлон, Хаук и люди из спецназа находятся на оговоренных позициях. Он сказал ей, что Ороско на подходе.

Босха занимал вопрос, сколько времени потребуется, чтобы люди в туннеле уверились, что все спокойно, и начали сверлить сейфы. До приезда Ороско оставалось еще десять минут. Это было много.

– Итак, что мы должны делать, когда он приедет? – спросила Уиш.

– Это его пригород и его вызов, – ответил он. – Мы просто выложим ему все факты и станем делать, что он прикажет. Сообщим, что наша операция запорота и мы не знаем, кому доверять. Во всяком случае, не тому человеку, который назначен за нее ответственным.

После этого минуту или две они сидели в молчании. Босх курил

сигарету, и Элино́р ничего не сказала по этому поводу. Она казалась полностью погруженной в собственные думы, и на лице ее была озадаченность. Оба примерно каждые полминуты нервно поглядывали на часы.

* * *

Льюис подождал, пока белый «кадиллак», к которому он пристроился, свернул от Уилшира к северу. Как только их машину больше нельзя было заметить от депозитария, сыщик поднял с пола машины синюю полицейскую мигалку и поставил на приборный щиток. Он включил ее, но водитель «кадиллака» уже подъезжал к тротуару перед «Дарлингзом». Льюис вышел из машины и зашагал к «кадиллаку»; на полпути его встретил Эвери.

– В чем дело, офицер? – спросил он.

– Детектив, – поправил Льюис и раскрыл свой футляр со значком. – Служба внутренних расследований управления полиции Лос-Анджелеса. Мне нужно задать вам несколько вопросов, сэр. Мы проводим расследование в отношении одного человека, детектива Гарри Босха, с которым вы только что беседовали в «Бeverли-Хиллз сейф энд лок».

– Что вы имеете в виду, говоря «мы»?

– Я оставил своего напарника на Уилшире, чтобы он мог присмотреть за вашим учреждением. Но мне бы хотелось, чтобы вы на несколько минут присели ко мне в машину, чтобы мы могли побеседовать. Что-то происходит, и мне необходимо знать, что именно.

– Этот детектив Босх... э... откуда мне знать, что вам можно верить?

– А откуда вы знаете, что можно верить ему? Дело в том, сэр, что мы уже в течение недели держим детектива Босха под наблюдением и знаем, что он замешан в действиях, которые являются если не противозаконными, то, по крайней мере, нежелательными для нашего управления. Но мы не знаем точно, в каких именно. Потому и нуждаемся в вашей помощи, сэр. Не будете ли вы так добры пройти в машину?

Эвери неохотно сделал первые несколько шагов, а потом, видимо, решил: «Была не была!» Он быстро подошел к машине и уселся на переднее сиденье. Там Эвери представился как владелец депозитария «Бeverли-Хиллз сейф энд лок» и вкратце поведал Льюису о том, что говорилось в ходе двух его мимолетных бесед с Босхом и Уиш. Льюис слушал, не перебивая, затем открыл дверь машины.

– Подождите здесь, пожалуйста. Я сейчас вернусь.

Он торопливо зашагал к Уилширу; там постоял несколько секунд на углу, очевидно, кого-то высматривая, затем демонстративно посмотрел на свои часы. Потом вернулся к машине и опять скользнул за руль. На бульваре Уилшир дожидался Кларк, стоя в нише у входа в магазин и наблюдая за депозитарием. Он заметил поданный Льюисом знак и небрежной походкой зашагал к машине.

Когда Кларк забрался на заднее сиденье, Льюис сказал:

– Это мистер Эвери. Он говорит, что Босх велел ему ехать в «Дарлингз» и ждать там. Сказал, что, возможно, в хранилище находятся грабители. Якобы проникли снизу, через подземный ход.

– А Босх сказал, что он намерен делать? – спросил Кларк.

– Ни слова, – ответил Эвери.

Все сидели в молчании, размышляя. Льюис не мог уложить все это в голову. Если Босх замешан, то чем он сейчас занимается? Льюис еще немножко подумал над этим и понял, что если Босх замешан в планах ограбления депозитария, то сейчас он находится в идеальном положении для того, чтобы оттягивать внимание от хранилища и концентрировать силы снаружи. Он легко может исказить реальную картину. Он может направить личный состав по ложному следу, а тем временем его люди, забрав ценности, преспокойно скроются в противоположном направлении.

– Они все у него в руках, – проговорил Льюис, обращаясь скорее к самому себе, чем к своим собеседникам.

– У кого, у Босха? – спросил Кларк.

– Он управляет ограблением. Мы ничего не можем сделать, кроме как ждать. Мы не можем войти в хранилище снаружи. Мы не можем проникнуть снизу, не зная дороги. Он уже подстроил так, что фэбээровский спецназ караулит их где-то в районе шоссе. Они ждут грабителей, которые не придут, мать его!

– Погодите, погодите минутку, – сказал Эвери. – Хранилище... у нас есть возможность туда войти.

Льюис наострил уши и, полностью развернувшись на сиденье, уставился на Эвери. Владелец хранилища объяснил им, что федеральные банковские правила не распространяются на «Бeverли-Хиллз сейф энд лок», потому что это учреждение не является банком, а также что он располагает компьютерным кодом, с помощью которого можно открыть хранилище в любое время.

– Вы говорили об этом Босху? – спросил Льюис.

– И вчера, и сегодня.

– А раньше он этого не знал?

– Нет, мне показалось, что он удивился. Он подробно расспрашивал о том, сколько времени потребуется, чтобы отпереть хранилище, что мне для этого требуется сделать, и все в таком роде. Затем сегодня, когда сработала охранная сигнализация, я спросил его, не следует ли нам войти в хранилище и проверить внутри. Он сказал, нет. И велел всем выйти из помещения.

– Проклятие! – воскликнул Льюис. – Я лучше позвоню Ирвингу.

Он выскочил из машины и рысью помчался к платным таксофонам перед кафе. Он набрал домашний номер Ирвинга, но никто не ответил. Ему пришлось переслать Ирвингу сообщение на пейджер, чтобы тот перезвонил на номер этого уличного автомата. Затем подождал минут пять, нервно меря шагами пространство перед телефонной будкой и досадуя, что время уходит. Потом вошел в соседнюю будку и позвонил дежурному офицеру – проверить, получил ли Ирвинг сообщение на пейджер. Выяснилось, что получил. Льюис решил, что он больше не может ждать. Ему придется отреагировать на полученный сигнал самостоятельно, и именно ему доведется стать героем. Он отошел от телефонных будок и двинулся к машине.

– Что он сказал? – спросил Кларк.

– Мы идем в хранилище, – ответил Льюис и завел машину.

* * *

Полицейская рация щелкнула два раза, и из нее послышался голос Хэнлона:

– Бродвей, у нас тут гости, на Первой.

Босх стремительно схватил рацию.

– Первая, что у вас там? На Бродвее ничего не видно.

– Трое белых мужчин входят в офис с нашей стороны. Отпирают дверь ключом. Похоже, один из них – тот самый, что был там с вами раньше. Пожилой. В клетчатых штанах.

Эвери! Босх поднес микрофон ко рту и замешкался, не зная, что сказать.

– Что будем делать? – обратился он к Элинор. Как и Босх, она во все глаза смотрела на улицу, на стеклянное помещение вокруг хранилища, но никаких признаков вторжения там не было. Она ничего не ответила.

– Э... Первая, – произнес Босх в микрофон. – Есть там поблизости

какое-нибудь транспортное средство?

– Ни одного не видно, – снова раздался из переговорного устройства голос Хэнлона. – Они просто вышли из переулка на нашей стороне. Наверное, там и припарковались. Хотите, чтобы мы посмотрели?

– Нет, погодите, не отключайтесь минутку.

– Теперь они уже вошли внутрь, мы их больше не видим. Как нам действовать?

Босх повернулся к Уиш, удивленно подняв брови. Кто бы это мог быть?

– Запроси описание тех двоих, что с Эвери, – посоветовала она.

Он запросил.

– Белые мужчины, – начал Хэнлон. – Костюмы большого размера, поношенные и мятые. Белые рубашки. Обоим лет за тридцать. Один рыжеволосый, коренастый, рост пять футов восемь дюймов, вес сто восемьдесят фунтов. Другой, с темно-русыми волосами, чуть потоньше. Не знаю, но мне кажется, они копы.

– Двое из ларца? – спросила Элинон.

– Льюис и Кларк! Больше некому.

– Что они делают там, внутри?

Босх понятия не имел. Уиш забрала у него рацию.

– Первая?

Рация отозвалась щелчком.

– Есть основания полагать, что два означенных объекта в костюмах – офицеры полиции Лос-Анджелеса. Продолжайте наблюдение, ничего не предпринимайте.

– Вон они, – сказал Босх, когда три фигуры появились за стеклом, в помещении депозитария. Он открыл отделение для перчаток и вытащил бинокль.

– Что они делают? – спросила Уиш, когда он навел резкость.

– Эвери стоит у клавиатуры рядом с дверью хранилища. Кажется, он собирается открыть эту чертову штуку.

В бинокль Босху было видно, как Эвери отошел на шаг от клавишной панели и сделал движение в сторону хромированного штурвального колеса на двери хранилища. Он увидел, как Льюис чуть обернулся и метнул взгляд на улицу в сторону гаража. Не промелькнула ли при этом на его лице тень улыбки? Босху показалось, что он ее заметил. Затем все так же, в бинокль, он увидел, как Льюис вытащил из кобуры под мышкой свой пистолет. Кларк сделал то же самое. А Эвери начал поворачивать штурвал – эдакий капитан, рулящий «Титаником».

– Тупые козлы, они его отпирают!

Босх выпрыгнул из машины и бросился бежать вниз по пандусу. На бегу он выхватил пистолет из кобуры и бежал, держа его наготове. Он окинул взглядом бульвар Уилшир и, заметив просвет в потоке машин, ринулся через улицу. За ним, лишь немного отставая, бежала Уиш.

Босх все еще находился ярдов за двадцать пять до них и понимал, что не успевает. Эвери перестал вращать колесо, и Босх увидел, как он изо всех сил, практически повиснув на двери, тянет дверь на себя. Дверь начала медленно открываться. Босх услышал у себя за спиной голос Элинора.

– Нет! – кричала она. – Эвери, нет!

Но Босх знал, что двойные стекла делают помещение звуконепроницаемым. Эвери не мог ее слышать, а Льюис и Кларк не стали бы останавливаться, даже если бы услышали.

То, что случилось дальше, показалось Босху похожим на кино. Старое кино, когда у телевизора выключен звук. Медленное отползание двери хранилища с медленно открывающимся за ней черным провалом придавало происходящему ощущение бесплотной, неумолимо надвигающейся неотвратимости. Босху показалось, что он находится на эскалаторе, движущемся в обратную сторону, когда бежишь, ничуть не приближаясь. Глаза его были прикованы к двери хранилища. Черный провал расширялся. Затем в луче обзора появилась фигура Льюиса, приближающаяся к зияющей полосе. Почти в тот же миг, отброшенное некоей невидимой силой, тело Льюиса резко, конвульсивно дернулось назад. Его руки взметнулись в воздух, и пистолет, бесшумно выстрелив в потолок, так же беззвучно упал на пол. Одновременно с этим его спина и голова разорвались, и кровь пополам с мозгами разлетелась по стеклу позади него. В тот момент, когда Льюис был волной отброшен от двери, Босх увидел полыхнувшую из темной глубины нутра ружейную вспышку. И в следующий миг паутина трещин рассыпалась по двойному стеклу, в которое бесшумно ударились пули. Льюис сделал еще шаг назад, прямо в стеклянную панель, и с высоты трех футов с грохотом вывалился через пролом на тротуар.

Дверь в хранилище была открыта уже наполовину, и у стрелявшего появился большой обзор. Огневой вал из автоматического оружия обратился теперь против Кларка, который беспомощно стоял на самом виду с разинутым от изумления ртом. На этот раз Босх услышал звуки выстрелов. Он увидел попытку Кларка отскочить в сторону от линии огня. Но напрасно. Его также отбросило назад градом пуль. Его тело ударилось в Эвери, и оба мужчины бесформенной грудой повалились на сияющий

мраморный пол.

Огонь из глубины хранилища прекратился.

Босх прыгнул в образовавшуюся на месте стеклянной стены брешь и пополз, вжимаясь грудью в мрамор и стеклянное крошево. Одновременно он кинул взгляд внутрь хранилища и увидел тень человека, метнувшуюся к отверстию в полу. Это движение произвело в воздухе водоворот из цементной пыли и дыма, наполнявших хранилище. Точно некий чародей, человек попросту растворился в дымной мгле. Затем из темноты в створе дверного проема появился другой. Он шагнул вбок, в сторону дыры, произведя стремительный веерообразный взмах боевой винтовкой «М-16». Босх узнал в нем Арта Франклина, одного из выпускников исправительной колонии «Чарли компани».

Когда черное дуло винтовки уставилось в его сторону, Босх обеими руками навел пистолет, упираясь запястьями в холодный пол, и выстрелил. Франклин выстрелил вместе с ним. Пули бандита прошли выше, и Босх услышал новый звон стекла за спиной. Он выпустил в хранилище еще две пули. Одна со звоном отскочила от стальной двери, другая поразила Франклина в правую верхнюю часть груди, и тот упал на спину. Однако тут же проворно перекатился и вниз головой нырнул в отверстие в полу. Босх держал пистолет нацеленным в дверной проем хранилища, ожидая появления кого-нибудь еще. Но больше там никого не было. Было слышно только, как, задыхаясь, издавали стоны лежащие слева от него Кларк и Эвери. Босх встал, но держал пистолет нацеленным внутрь темной комнаты. Затем снаружи, с «береттой» в руке, к нему вскарабкалась Элинон. Пригибаясь в манере заправских стрелков, Босх и Уиш с двух сторон приблизились к дверному проему. Босх щелкнул выключателем, и внутренность сейфового хранилища наполнилась светом. Он кивнул ей, и Уиш вошла первой, он – за ней. В помещении было пусто.

Босх вышел и поспешил к Кларку и Эвери, которые все еще корчились на полу.

– Господи Боже, Господи Боже! – все повторял Эвери.

Кларк обеими руками зажимал горло, ловя ртом воздух. Лицо его было таким красным, что на какой-то момент Босху почудилось, что тот душит сам себя. Он лежал поверх туловища Эвери, и его кровь густо покрывала обоих.

– Элинон! – крикнул Босх. – Вызови подкрепление и «скорую»! Сообщи людям из спецназа, что бандиты направились к выходу. Их по крайней мере двое. С автоматическим оружием.

Он стащил Кларка с тела Эвери и за плечи пиджака оттащил от линии

огня. Детектив СВР получил пулю в нижнюю часть шеи. Кровь текла у него между пальцами, и в уголках рта были маленькие кровавые пузыри. Кровь попала ему в полость грудной клетки. Его сильно трясло, и он был на грани шока. Он умирал. Гарри снова повернулся к Эвери, у которого была кровь на груди и шее, а также коричневато-желтая губчатая субстанция на щеке. Мозги Льюиса.

– Эвери, вы ранены?

– Да... э... э... кажется... я не знаю, – выдавил тот.

Босх опустился рядом на колени и быстро осмотрел Эвери и его окровавленную одежду. Старик не был ранен, и Гарри сказал ему об этом. Потом подошел туда, где была раньше двухслойная стеклянная витрина, и посмотрел вниз, на лежащего на тротуаре Льюиса. Он лежал навзничь и был мертв. Пули, поразившие его на восходящей дуге, прошли тело снизу вверх. Входные отверстия были в правом бедре, животе, левой части грудной клетки и в левой части лба. Он был мертв еще прежде, чем ударился о стекло. Его открытые глаза смотрели в пустоту.

В это время из вестибюля вернулась Уиш.

– Подмога сейчас будет.

Она покраснела и тяжело дышала, почти так же тяжело, как Эвери. Казалось, она с трудом контролирует движения своих глаз, которые безотчетно метались по комнате с предмета на предмет.

– Когда подоспеет помощь, – сказал Босх, – скажи им, что, если они пойдут в туннель, пусть имеют в виду: там находится полицейский-союзник. Я хочу, чтобы ты сообщила об этом людям из спецназа.

– О чем ты?

– Я иду вниз. Я подстрелил одного, не знаю, насколько серьезно. Франклина. Другой ушел туда раньше. Дельгадо. Но я хочу, чтобы хорошие парни знали, что я тоже там. Скажи им, что я в костюме. Те двое, которых я загнал внутрь, в военной форме.

Он открыл револьвер, вытащил из него три стреляные гильзы и заменил патронами, которые вынул из кармана. Вдалеке завывала сирена. Он услышал резкий и сильный удар и, посмотрев в конец вестибюля, увидел через витрину Хэнлона, который колошматил рукояткой своего пистолета по стеклу парадной двери. С этого ракурса агенту ФБР было не видно, что часть стеклянной стены разнесена вдребезги. Босх махнул ему, чтобы зашел с другой стороны.

– Подожди минуту, – сказала Уиш. – Тебе нельзя этого делать, Гарри. У них автоматические винтовки. Подожди, пока приедет подкрепление, мы тогда набросаем план.

Он двинулся к двери в хранилище, бросив по дороге:

– Те уже и так вырвались вперед, у них выигрыш во времени. Я должен идти. Не забудь сказать своим, что я там.

Босх прошел мимо нее и вошел в хранилище, щелкнув выключателем при входе. В полутьме он осмотрел края проделанной взрывом дыры. Она уходила вглубь. Следующий уровень находился ниже футов на восемь. Там, на дне, валялись обломки бетона и арматуры. Босх заметил кровь на каменной кладке и брошенный фонарик.

Было слишком много света. Если они там, внизу, ждут его, то он окажется живой мишенью. Гарри отпрянул и подошел к двери хранилища. Навалился на нее плечом и начал толкать громадную стальную плиту, чтобы закрыть.

Сейчас Босх слышал вой уже нескольких полицейских сирен. Бросив взгляд в окно, он увидел, как по Уилширу подъезжают карета «скорой помощи» и две полицейские машины. Машина без опознавательных полицейских знаков, визжа тормозами, остановилась перед входом, и из нее вышел Хаук с пистолетом в руках. Дверь в хранилище уже наполовину закрылась и оставшуюся часть пути двигалась уже под действием собственного веса. Босх скользнул в оставшуюся щель, снова оказываясь в хранилище. Он стоял над воронкой в полу, а тем временем дверь медленно закрывалась, и свет почти совсем померк. Он понял, что бывал в такой ситуации множество раз прежде. Именно на краю, у входного отверстия, наступал для него самый будоражащий и самый пугающий момент. Он всегда чувствовал себя наиболее уязвимым именно в ту секунду, когда спрыгивал в дыру. Если Франклин или Дельгадо сейчас поджидают его там, под этим люком, он у них в руках.

– Гарри! – услышал он зов Уиш, хотя не мог понять, как ее голос проникает через теперь уже совсем узкую, в толщину бумажного листа, щель дверного проема. – Гарри, будь осторожен! Их может быть больше двух!

Ее голос эхом отдавался в стальной комнате. Босх заглянул в отверстие и взял себя в руки. Когда услышал, что дверь хранилища, щелкнув, окончательно захлопнулась, и кругом осталась лишь крошечная тьма, он прыгнул.

* * *

Приземлившись на кучу обломков, Босх сразу же пригнулся и

выстрелил из своего «смит-и-вессона» вперед, в темноту, и тут же стремительно бросился плашмя на пол туннеля. Это был еще военный трюк. Выстрелить прежде, чем выстрелят в тебя. Но никто его не дожидался. Ответного огня не последовало. Ни звука, кроме отдаленного топота ног по мраморному полу у него над головой, за стенами хранилища. Он понял, что ему следовало предупредить Элинора, что первый выстрел будет его.

Он отвел в сторону, подальше от тела, руку с зажигалкой и щелкнул. Еще один обманный прием из военных лет. Потом подобрал фонарик, включил его и огляделся. Оказалось, что он выпустил заряд в тупиковую стену. Туннель, который прорыли к хранилищу, уходил в другую сторону. На запад, а не на восток, как они полагали, когда вчера вечером рассматривали синьки. Это означало, что преступники пришли не по сетям ливневой канализации, как предполагал Гирсон. Не со стороны Уилшира, а, возможно, от бульваров Олимпик или Пико, пролегавших южнее здания, или от бульвара Санта-Моника, пролегавшего севернее. Босх понял, что специалист из департамента водо- и электроснабжения и все остальные агенты и копы были мастерски введены в заблуждение Рурком. Все было не так, как они планировали и предполагали. Гарри должен был действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Он сфокусировал луч фонарика на черной глотке туннеля. Подземный ход сначала понижался, потом шел вверх, оставляя ему поле видимости не более тридцати футов. Туннель уходил в западном направлении. А люди из спецназа поджидали преступников с юго-востока. Они дожидались призраков.

Вытянув руку с фонариком вправо, подальше от тела, Босх пополз по проходу. Высота туннеля была не более трех с половиной футов и ширина, вероятно, фута три. Он продвигался медленно, держа пистолет в той же руке, которой отталкивался от земли. В воздухе стоял запах кордита, и в луче фонарика висел синеватый дым. «Пурпурный туман», – подумал Босх. Он почувствовал, что обильно потеет – от жары и страха. Каждые десять футов он останавливался, чтобы утереть пот с глаз рукавом пиджака. Он не стал снимать пиджак, потому что не хотел отличаться от того описания, которое оставил для тех, кто пойдет вслед за ним. Он не хотел погибнуть от дружественного огня.

Туннель на протяжении пятидесяти ярдов попеременно загибался то влево, то вправо, мешая Босху ориентироваться. Он уже не мог точно сказать, в каком направлении движется. В каком-то месте подземный ход нырнул под канализационную трубу. А по временам до Гарри доносился приглушенный рокот уличного движения, что порождало ощущение, будто

туннель дышит. Каждые тридцать футов коридор освещался свечой, воткнутой в прорезь на стене. На песчано-каменистой поверхности днища туннеля Босх выискивал глазами натянутый провод от взрывного устройства, но наткнулся только на кровавый след.

После нескольких минут медленного продвижения он выключил фонарик и откинулся назад, чтобы передохнуть и постараться умерить звук собственного дыхания. Но похоже, не получалось вдохнуть в легкие достаточно воздуха. Гарри закрыл глаза на несколько секунд, а когда снова открыл, то понял, что впереди брезжит слабый свет, исходящий из-за поворота коридора. Свет был слишком ровным, чтобы исходить от пламени свечи. Босх начал медленно двигаться, по-прежнему держа фонарик на отлете. За углом туннель расширялся. Там оказалась комната. Достаточно высокая, чтобы в ней стоять, и достаточно широкая, чтобы жить, пока роешь подкоп.

Свет лился от керосиновой лампы, стоящей на портативном холодильнике в углу подземной комнаты. Еще здесь были две скатки с постельными принадлежностями и походная газовая плитка. А также переносной биотуалет. Он увидел и два противогаза, а также два рюкзака с едой и оборудованием. И еще здесь были пластиковые мешки с мусором. Это была комната-бивуак, подобная той, которая, по рассказу Элинон, была устроена во время подкопа в подвал Уэстлендского банка. Босх посмотрел на все снаряжение и вспомнил о предупреждении Элинон насчет того, что преступников может быть больше двух. Но она ошиблась. Их было всего двое.

Туннель продолжался по другую сторону комнаты-бивуака, где имелась другая дыра в три фута диаметром. Босх выключил керосиновую лампу, чтобы она не подсвечивала его сзади, и вполз в следующий туннель. Здесь на стенах не было свечей. Но фонарь Босх использовал только по временам, включая его для храбрости, и после этого преодолевал короткое расстояние в темноте. Иногда он останавливался и, затаив дыхание, прислушивался. Но шум транспорта как будто отодвинулся дальше. А больше он ничего не слышал. Футов через пятьдесят после комнаты-бивуака коридор заканчивался тупиком, но Босх увидел на полу очертания чего-то округлого. Это был фанерный круг, облицованный слоем земли. Двадцать лет назад он назвал бы это крысиной норой. Детектив, склонившись над кругом, внимательно осмотрел его. Он не увидел никаких признаков того, что это ловушка. По правде говоря, он такого и не ожидал. Если копатели даже и соорудили обманное отверстие, это было для того, чтобы огрادیть себя от вторжения со стороны входа, а не со стороны

хранилища. А в этом случае взрывчатка должна была бы находиться по эту сторону круга. Тем не менее, Гарри вытащил перочинный нож на цепочке с ключами и, осторожно обведя им вокруг фанерного круга, приподнял его на полдюйма. Посветил фонариком в щель и не увидел ни провода, ни иных взрывных приспособлений с нижней стороны фанеры. Затем поддел круг и перевернул. Выстрелов не последовало. Он подполз к краю дыры и увидел внизу другой туннель. Гарри протянул вниз руку с фонарем и включил луч. Он обвел им вокруг и весь внутренне подобрался в ожидании ружейного огня. Но снова ничего не последовало. Он увидел, что нижний коридор идеально круглый, из гладкого бетона, что стены его покрыты черными водорослями, а по вогнутому дну тонкой струйкой сочится вода. Это была водопропускная труба ливневой канализации.

Босх спрыгнул в люк, тут же потерял равновесие, поскользнувшись на иле, и упал на спину. Рывком вскочил и лучом фонарика начал шарить вокруг, по черной слизи, выискивая следы. Крови не было, но на водорослях виднелись процарапанные отметины, которые могли быть оставлены подошвами башмаков человека, пытающегося найти точку опоры. Струйка воды текла в том направлении, куда тянулись царапины. Босх двинулся туда же.

К этому времени он уже полностью утратил ощущение направления, но хотел верить, что держит путь на север. Босх прикрутил свет фонаря и медленно продвинулся футов на двадцать, прежде чем включить его снова. Когда же включил, то увидел, что направление следов подтвердилось. Смазанный кровавый отпечаток ладони виднелся на закругленной стене прохода, примерно посередине между полом и потолком. Через два фута такой же отпечаток повторялся, но уже ниже, почти у пола. Босх понял, что Франклин быстро терял кровь и силы. Здесь он останавливался, чтобы осмотреть рану. Теперь, видимо, до него оставалось совсем немного.

Медленно, стараясь дышать как можно тише, Босх двигался вперед. Труба пахла сырым полотенцем, и воздух был настолько влажен, что на коже оседали капельки воды. Где-то неподалеку звучал рокот уличного движения. Слышались звуки сирен. Гарри чувствовал, что труба, по которой он движется, потихоньку идет под уклон, что и обеспечивало сток воды. Он спускался под землю – где ползком, где скользя. Расцарапанные колени болели и кровоточили.

Пройдя, вероятно, футов сто, Босх опять остановился и включил фонарик, все так же держа его в вытянутой руке, в стороне от тела. В другой руке он держал наготове пистолет. Впереди, на стенках трубы, виднелось все больше крови. Когда он выключил фонарь, то заметил, что

темнота вдали изменилась. В ней появился признак просвета с сероватым оттенком. Он мог почти наверняка сказать, что труба кончалась, или, вернее, соединялась с коридором, из которого исходил тусклый свет. Потом он понял, что слышит шум воды. Воды было много – судя по звуку наверху, у него над головой проходил речной канал.

Он осторожно подвинулся к краю стыка, за которым начиналось более светлое пространство. Труба, в которой он ютился, являлась притоком, соединяющимся с боковой стеной другого туннеля. Поперек пола этого громадного коридора двигался серебристо-черный поток воды. Это был подземный канал. С виду было невозможно определить, составляет глубина потока три дюйма или три фута.

Скрючившись на краю, Босх первым делом прислушался, стараясь выделить иные звуки, помимо плеска воды. Ничего не услышав, он медленно вытянул верхнюю часть туловища вперед, чтобы заглянуть в обе стороны коридора. Вода текла от него влево. Сначала он посмотрел в ту сторону и увидел смутные очертания бетонного прохода, постепенно загибающегося вправо. Из расположенных через определенные интервалы отверстий в потолке сочился сумрачный свет. Босх догадался, что свет исходил из дренажных отверстий, проделанных в канализационных люках тридцатью футами выше. Это была одна из тех магистральных линий, о которых говорил Эд Гирсон. Которая из них – этого Босх не знал, да и не хотел знать. Все равно у него не было при себе светокопии, чтобы сверять направление.

Он обернулся в другую сторону, чтобы взглянуть вверх по течению, – и тут же втянул голову обратно в трубу, словно черепаха в панцирь. На фоне внутренней стены канала виднелись очертания темной фигуры. И еще Босх увидел два оранжевых глаза, светящиеся в темноте и глядящие прямо на него.

На целую минуту Босх замер, не шевелясь и почти не дыша. Едкий пот ручьями лился ему в глаза. Он закрыл их, но ничего не услышал, кроме шума бегущей внизу черной воды. Потом медленно опять придвинулся к краю и опять увидел ту же темную фигуру. Она не двигалась. Два странных оранжевых глаза, напоминающих глаза инопланетянина или глаза человека на неудачно сделанном фотоснимке со вспышкой, смотрели прямо на Босха. Он вытянул руку с фонариком за угол и щелкнул кнопкой. В луче фонаря он увидел Франклина, неуклюже сползшего по стене. Его «М-16» висела на ремне поперек груди, но руки соскользнули с затвора в воду. Конец ствола тоже окунулся в воду. На лице была маска, и Босху потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что к чему. На

Франклине были очки ночного видения.

– Франклин, все кончено, – крикнул Босх. – Я из полиции. Сдавайся.

Ответа не последовало, да Босх его и не ждал. Он еще раз бросил взгляд в обе стороны канала, а затем прыгнул вниз, в воду. Вода едва покрыла ему лодыжки. Он нацеливал на темную фигуру и луч фонаря, и пистолет, но не верил, что ему может понадобиться оружие. Франклин был мертв. Босх видел, как кровь все еще сочится из раны в груди и стекает по черной футболке. Затем смешивается с водой и уносится потоком. Босх пощупал шею мужчины, пытаясь найти пульс, но не обнаружил. Он убрал в кобуру свой пистолет и через голову стянул с груди мертвеца винтовку. Потом стащил с трупа очки ночного видения и надел на себя.

В очках он посмотрел сначала в направлении потока, потом – в обратную сторону. Было похоже, как будто смотришь черно-белое кино. Но только черные и белые цвета имели янтарный оттенок. Босху потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться, однако в любом случае в очках дорогу было видно куда лучше, и он не стал их снимать.

Затем он проверил карманы военных брюк Франклина. Обнаружил насквозь мокрую пачку сигарет и спички. Была еще запасная обойма патронов, которую Босх положил себе в карман, и сложенный листок бумаги, на котором расплывался в крови какой-то рисунок черными чернилами. Осторожно развернув листок, он определил, что это начерченная от руки карта. Никаких названий на ней проставлено не было. Просто размазавшиеся синие линии. Ближе к середине схемы был нарисован квадрат – как понял Босх, обозначающий хранилище. Синие линии обозначали туннели. Гарри повертел листок в руке так и эдак, но картинка не вызвала никаких ассоциаций. Линия, проходившая перед квадратом, была самой жирной и отчетливой. Он сообразил, что это, вероятно, Уилшир, а может, и Олимпик. Линии поперечные проходили, очевидно, под улицами Робертсон, Доэни, Рексфорд и так далее. Имелась также сетка других линий сбоку страницы. Затем – кружок, перечеркнутый крестом: точка входа.

Босх счел карту бесполезной, поскольку все равно не знал, где сейчас находится и в каком направлении идет. Он бросил ее в воду и некоторое время наблюдал, как ее уносит потоком. В этот момент он решил, что тоже пойдет за потоком. Выбор ничем не хуже всякого другого.

Босх шлепал по течению, полагая, что идет на запад. Черный поток завихрялся у стены водоворотами с оранжевым оттенком.

Доходившая до лодыжек вода наполняла башмаки, заставляя двигаться медленно и осторожно.

Он думал о том, как хорошо Рурк все разыграл. Не имело никакого значения, что джип и вездеходы были найдены рядом с автотрассой. Все это было просто приманкой для отвода глаз. Подстава, и ничего больше. Рурк и члены его банды выставили напоказ очевидное, а сами сделали все наоборот. Разрабатывая на вчерашнем совещании план сражения, Рурк всех уболтал, заставив поверить в нужный ему расклад. Поджидающая в засаде спецгруппа никогда никого не дожидется.

Гарри старался обнаружить какие-то признаки следов в подземном коридоре, но ничего не находил. Вода унесла с собой все возможные следы. На стенах имелись нанесенные краской знаки и даже начертанные хулиганами граффити, но чувствовалось, что все эти каракули пребывали здесь уже годами. Он вглядывался в них, но ни в одном не мог распознать ни указания направления, ни иного сигнала. На сей раз Гензель и Гретель не оставляли следов.

Шум транспорта нарастал, и становилось светлее. Босх сдвинул на лоб очки и увидел смутные конусы синеватого света, исходящие от потолка примерно каждые сто метров. Свет лился из канализационных люков и водосточных трапов. Через некоторое время он подошел к подземному перекрестку. Поскольку вода из линии, по которой он шел, с плеском вливалась в поток, движущийся по другому каналу, он прокрался вдоль боковой стены и осторожно заглянул за угол. Он никого не увидел и не услышал. Он не имел представления, в какую сторону идти дальше. Дельгадо мог удалиться в любом из трех направлений. Босх решил свернуть направо, потому что, по его расчету, этот путь выводил дальше от места засады спецназа.

Он прошел по новому туннелю не более трех шагов, когда услышал впереди громкий шепот:

– Арти, ты сможешь дойти? Давай, поднажми, Арти!

Босх прирос к месту. Шепот раздавался с расстояния не более шести ярдов. Но он никого не видел. Он понял, что надетые очки ночного видения помешали ему угодить прямиком в засаду.

Но эта маскировка не может действовать долго. Если он подойдет ближе, Дельгадо поймет, что это не Франклин.

– Арти! – снова позвал хриплый голос. – Ну, давай же!

– Иду, – шепотом отозвался Босх. Он сделал шаг вперед и инстинктом

почуял, что не сумел обмануть Дельгадо. Босх нырнул вперед, одновременно поднимая винтовку.

Он увидел какое-то стремительное вихревое движение впереди слева, затем – ружейную вспышку. Выстрел прозвучал в бетонном туннеле оглушительно. Босх дал ответный залп и держал палец на спусковом крючке, пока в «М-16» не кончились патроны. В ушах у него звенело, но он понял, что Дельгадо, или кто бы там ни был, тоже остановился. Босх услышал, как он щелкает затвором, засаживая новую обойму, потом – быстро удаляющиеся шаги по сухому полу. Дельгадо убегал по другому, еще одному, коридору впереди. Гарри вскочил и бросился вслед, по дороге вытаскивая пустую обойму из своего позаимствованного оружия и заменяя ее на свежую.

Через двадцать пять ярдов коридор вывел к боковой, приточной, трубе. Она была футов пяти в диаметре, и, чтобы войти в нее, Босху пришлось сделать шаг вверх. Днище окаймляла полоска черных водорослей, но вода по трубе не текла. В грязной жиже валялась пустая винтовочная обойма.

Итак, Босх выбрал правильный коридор, но больше уже не слышал шагов Дельгадо. Он начал быстро перемещаться по трубе. В ней имелся легкий уклон, и примерно через полминуты он достиг освещенной комнаты на пересечении каналов, под зарешеченной трубой водостока, видневшегося в тридцати футах выше. По другую сторону от этой комнаты труба продолжалась. У Босха не было иного выбора, кроме как последовать этим путем, причем на сей раз труба имела уклон по ходу его движения, постепенно уходя вниз. Он прошел еще пятьдесят ярдов, и оказалось, что проход, в котором он находится, соединяется с более крупным коридором – то была магистральная линия. Он услышал прямо впереди звук льющейся воды.

Гарри чересчур поздно сообразил, что движется слишком быстро для того, чтобы вовремя остановиться. Когда он, поскользнувшись, потерял равновесие и по скользким водорослям покатился вперед, к устью открывающегося прохода, ему стало ясно, что Дельгадо заманил его в западню. Босх зарывался каблуками в черную слизь в отчаянном усилии затормозить. Вместо этого он, взмахивая руками в поисках равновесия, ногами вперед въехал в открывшийся впереди коридор.

Странно, но сначала он почувствовал, как пуля разрывает его правое плечо, и только потом услышал звук выстрела. Было впечатление, будто некто, размахнувшись откуда-то сверху веревкой с крючком на конце, вонзил этот крючок ему в плечо, а затем дернул, валя наземь.

Босх выпустил из рук пистолет и полетел, как ему показалось, куда-то

на сотню футов вниз. Но конечно, это была всего лишь иллюзия. Пол нового коридора, с его двумя дюймами воды, надвинулся как целая водяная стена, о которую он сильно ударился затылком. Очки слетели, и Гарри – как-то лениво и отстраненно – наблюдал, как вспышки выстрелов образуют дугу над ним и пули отскакивают, ударяясь в стену.

Когда он пришел в себя, то ему показалось, что прошли часы, но очень скоро понял, что всего лишь секунды. Звук очередей еще прокатывался эхом по туннелю. Гарри уловил запах кордита и вновь услышал звук бегущих шагов. Удаляющихся шагов, отметил он. Так, по крайней мере, ему хотелось думать.

Лежа в воде в полной темноте, Босх перекатился и стал шарить руками в поисках винтовки и очков. Через некоторое время он сдался и попытался вытащить свой собственный пистолет. Кобура оказалась пуста. Он сел и привалился спиной к стене. Он чувствовал, что правая рука онемела. Пуля вошла в округлость плеча, и вся рука ныла от тупой боли, которая расходилась от точки удара до кончиков пальцев. Босх ощущал, как кровь течет у него под рубашкой – по груди и по руке. Это воспринималось теплым контрастом по отношению к холодной воде, в которой он сидел и которая, бурля, завихрялась вокруг его вытянутых ног.

Он осознал, что ловит ртом воздух и пытается отрегулировать вдох. Он был на грани шока и понимал это, но ничего не мог с этим поделать.

Затем звук убегающих шагов внезапно смолк. Босх затаил дыхание и прислушался. Почему Дельгадо остановился? Что случилось? Босх передвинул лежащие в воде ноги, все еще пытаясь найти какое-нибудь оружие. Вокруг он ничего не мог нащупать, и было слишком темно, чтобы разглядеть, что куда упало. Фонарик также отлетел куда-то.

Затем послышался какой-то голос, слишком отдаленный и приглушенный, чтобы разобрать слова или вообще что-либо понять. Было только ясно, что кто-то кому-то что-то говорит. А потом возник другой голос. Оба принадлежали мужчинам. Босх попытался разобрать, о чем идет речь, но не смог. Второй голос неожиданно сделался злым и пронзительным, потом послышался выстрел, затем еще один. Слишком уж много времени прошло между выстрелами, подумал Босх. И стреляла не «М-16».

Пока он пытался понять, что все это значит, снова раздался звук шлепающих по воде шагов. Через некоторое время стало возможно определить, что шаги сквозь тьму направляются к нему.

В этих шагах, что с плеском воды приближались к Босху, не было никакой поспешности. Они были медленные, равномерные, методичные – словно шаги невесты, по церковному проходу шествующей к алтарю. Босх бесформенной кучей обмяк, вжимаясь в стену, и снова пошуровал ногами по дну наполненного водой, осклизлого канала в надежде отыскать какое-либо оружие. Но его не было. Он был слаб, изнурен и совершенно незащищен. Ноющая, монотонная боль из руки переместилась чуть выше – туда, где бился на шее пульс. Кисть правой руки была по-прежнему неработоспособна, а левой он зажимал разорванную плоть на плече. Его сильно трясло, и Босх знал, что скоро потеряет сознание и уже не очнется.

Вот стал виден слабый луч фонарика, который приближался к нему по коридору. Как замороженный, застывшим взглядом, Босх смотрел на него, безвольно открыв рот. Мышечный контроль у него частично отсутствовал. Через несколько мгновений шлепающие по воде шаги остановились прямо перед ним, и свет, как внезапно возникшее солнце, ударил ему в лицо. Это был всего лишь свет от маленького, в форме карандаша, фонарика, но все равно он был слишком ярким и немилосердным. Он не давал видеть, что происходит за ним. Но несмотря на это, Босх знал, чье лицо там окажется. Чья рука держит фонарь и как выглядит все остальное.

– Скажи... – проговорил он хриплым шепотом. Он и не предполагал, что у него так пересохло горло. – Эта штука и твоя маленькая указка из одного набора?

Рурк повел лучом фонарика вниз, пока тот не уперся в пол. Босх огляделся и увидел, что «М-16» и его пистолет лежат в воде у противоположной стены. Слишком далеко, чтобы дотянуться. Он заметил, что Рурк, одетый в черный комбинезон, заправленный в резиновые сапоги, держит в руках другую винтовку «М-16», нацеленную на него.

– Ты убил Дельгадо, – сказал Босх. Это было утверждение, а не вопрос.

Рурк ничего не говорил. Он приподнимал в руке оружие, точно прикидывал его вес.

– А теперь ты собираешься убить копа, – в этом твой замысел?

– Это единственный способ, каким я могу выпутаться из этой истории. Будет выглядеть так, будто сначала Дельгадо прикончил тебя вот из этого. – Рурк приподнял винтовку. – Потом я похитился с ним. Выйду из дела героем.

Босх не знал, стоит ли говорить что-нибудь об Уиш. Это могло поставить ее под удар. Но это же могло спасти ему жизнь.

– Можешь на это не рассчитывать, Рурк, – вымолвил он наконец. – Уиш знает. Я сказал ей. В досье Медоуза есть одно письмо. Оно связывает тебя с ним. Она, вероятно, уже рассказала о тебе всем наверху. Давай бросай это дело и помоги мне. Для тебя же будет лучше, если ты вытащишь меня отсюда. Я теряю сознание, приятель.

Босх не мог бы сказать наверняка, но ему показалось, что он увидел легкую перемену в лице Рурка, в его глазах. Они оставались открыты, но было ощущение, будто они перестали видеть. Будто он вглядывался во что-то внутри себя и видел только это. Потом он словно очнулся: в глаза вернулось осмысленное выражение, и они опять уставились на Босха без всякого сочувствия – в них читалось одно лишь презрение. Босх по скользкому илу подвинул друг к дружке свои ноги и попытался рывком, собрав все силы, вытолкнуть себя в стоячее положение. Но он успел подняться всего на несколько дюймов, когда Рурк наклонился и пихнул его обратно.

– Сиди где сидишь, не смей рыпаться. Ты думаешь, я сейчас стану вытаскивать тебя отсюда? По моим подсчетам, ты обошелся нам в пять, может, даже в шесть миллионов – примерно столько Тран хранил в своем сейфе. Должно быть, не меньше. Но я уже никогда не узнаю точных цифр. Ты испортил нам всю малину, загубил идеальное преступление. Ты отсюда не выйдешь.

Голова Босха стала клониться книзу, пока подбородок не уткнулся в грудь. Глаза закатились. Ему страшно хотелось спать, но он сопротивлялся этому желанию. Он застонал и ничего не ответил.

– Ты единственный оказался неучтенным во всем этом проклятом плане. И что же? Один-единственный шанс, что дело сорвется, – и оно срывается! Ты оказался тем самым гребаным законом Мэрфи, мать твою!

Босху удалось заставить себя поднять глаза на Рурка. Это стоило ему невероятных усилий. Затем его здоровая рука, зажимавшая рану в плече, не удержалась и упала. В нем больше не оставалось сил ее удерживать.

– Что? – с трудом сумел он произнести. – Ч-что... ты хочешь сказать?.. Какой шанс?

– Совпадения, серия совпадений – вот что я имею в виду. В твое дежурство поступает звонок насчет Медоуза. Это не входило в наши планы, Босх. Можно ли поверить в такую подлость? Интересно, какова вероятность такого совпадения? Хотел бы я знать... Ты только представь: Медоуза положили в трубу, в которой, как мы знали, ему случилось

ночевать и раньше. Мы рассчитывали, что его не обнаружат дня два, а затем потребуется, пожалуй, дня два-три, чтобы идентифицировать его по отпечаткам пальцев. А к тому времени его уже списали бы со счетов, как умершего от передозировки, его никто не стал бы принимать во внимание. У парня в досье значится, что он наркоман. Все предельно просто. Но что происходит вместо этого? Подвертывается этот чертов юнец и тут же первым делом звонит в полицию. – Он потерянно покачал головой с выражением человека, которого морально подкосили неудачи. – И кто же получает этот сигнал? Хренов коп, который, оказывается, знал долбаного жмурика и буквально через две секунды устанавливает его личность! Бывший хренов кореш по вонючим туннелям долбаного Вьетконга! Да я до сих пор не могу поверить в эту фигню! Ты испортил нам все дело, сорвал все планы, Босх. Даже твоя собственная жалкая жизнь... Эй, ты меня еще слышишь?

Босх почувствовал, как его голова поднимается, подталкиваемая упирающимся в подбородок дулом винтовки.

– Эй, ты еще тут? – повторил Рурк, а потом ткнул Босха стволом в правое плечо. Это вызвало волну сокрушительной боли, глаза заволокло красным неоновым огнем. Вспышка боли прожгла руку и пронзила тело от грудной клетки донизу. Босх простонал и принялся судорожно глотать ртом воздух, а потом медленно потянулся левой рукой к пистолету. Но этого движения оказалось недостаточно. Он не дотянулся, ухватив только пустоту. Детектив подавил приступ рвоты и почувствовал, как капли пота текут между влажных волос.

– А ты не слишком-то хорошо выглядишь, дружище, – заметил Рурк. – Я вот думаю, может, мне в конце концов и не придется с тобой это делать? Может, мой человек Дельгадо вполне справился с одного выстрела?

Боль вырвала Босха из небытия. Рурк продолжал нависать над ним, и Босх, подняв глаза, заметил, как что-то широкое и плоское свободно свисает с пояса комбинезона агента ФБР. Карманы. Он надел комбинезон наизнанку... Что-то знакомое, какое-то воспоминание мелькнуло в мозгу Босха... Он вспомнил, как Шарки сказал, что видел пустой пояс-карман для инструментов на человеке, который втаскивал тело в трубу возле резервуара. Этим человеком был Рурк. В ту ночь он тоже надел комбинезон наизнанку. Потому что на спине комбинезона были буквы «ФБР». Он не хотел подвергать себя риску быть замеченным в этом комбинезоне. Теперь это была уже бесполезная информация, но Босху почему-то было приятно, что он может уложить отсутствовавший кусок головоломки в нужное место.

– Чему ты улыбаешься, мертвец? – спросил Рурк.

– Пошел ты!

Рурк поднял ногу, чтобы пнуть Босха в плечо. Но Босх был к этому готов. Он схватил здоровой рукой каблук и толкнул вверх и в сторону. Рурк не удержался на скользком илистом полу и со всплеском опрокинулся на спину. Но не выронил пистолет, как надеялся Босх. Вот что главное. Вот и весь результат. Босх сделал слабую попытку отобрать оружие, но Рурк с легкостью отодрал его пальцы от ствола и с силой оттолкнул его к стене. Босх наклонился набок, и его стошнило в воду. Он почувствовал, как новая струя крови полилась из плеча и побежала вниз по руке. Все, конец игры. Больше ничего. Все было кончено.

Рурк поднялся из воды. Он подошел вплотную и упер ствол винтовки в лоб Босху.

– Ты знаешь, Медоуз рассказывал мне обо всей этой штуковине насчет черного эха. Обо всей этой муре. Что ж, Гарри, ты приехал. Вот оно, твое эхо.

– Почему его убили? – прошептал Босх. – Медоуза. Почему?

Рурк сделал шаг назад и прежде, чем ответить, обвел взглядом оба конца туннеля.

– Ты и сам знаешь почему. Он был кретин. Он создавал проблемы там, он напортил здесь. Вот поэтому он и умер. – Рурк, видимо, перебирал в голове воспоминания и с отвращением покачал головой. – Все было бы идеально, если бы не он. Он оставил себе браслет с дельфинами. Маленькие нефритовые дельфины, оправленные в золото.

Рурк уставился куда-то в сторону, в темноту туннеля. На его лице было задумчиво-печальное выражение.

– Этого оказалось достаточно, чтобы разрушить весь замысел, – проговорил он. – Понимаешь, для того, чтобы план привел к успеху, он должен основываться на неукоснительном соблюдении правил. В этом случае успех гарантирован. Медоуз – будь он проклят! – не стал их соблюдать.

Он покачал головой, все еще негодуя на покойника, и некоторое время не говорил ничего. Именно в этот момент Босху показалось, что он слышит где-то вдалеке звук шагов. Он не был уверен, действительно ли его слышит или только выдает желаемое за действительное. Он немного пошевелил в воде левой ногой. Недостаточно резко для того, чтобы побудить Рурка нажать на спуск, но достаточно для того, чтобы плеск воды мог заглушить звук этих шагов. Если они там были.

– Он утаил браслет, – повторил Босх. – И это все испортило?

– Этого оказалось достаточно! – злобно ответил Рурк. – Ни одна вещь, взятая из банковских сейфов, не должна была обнаружиться. Разве не понятно? В этом состояла вся красота плана. Ничего не должно было объявиться! Мы должны были избавиться от всего, кроме бриллиантов. А их мы договорились придержать, пока не покончим со вторым делом. Но этот идиот не мог подождать, пока второе дело будет сделано. Он прикарманивает эту дешевую побрякушку и тащит ее в ломбард, потому что ему понадобилось ширнуться! Я увидел браслет в отчетах по ломбардам. Да, после уэстлендского дела мы обратились к управлению полиции Лос-Анджелеса с просьбой отсылать нам копии ежемесячных списков вещей, сданных в ломбард, чтобы мы тоже могли их просматривать. Мы стали получать такие же перечни у себя в Бюро. Единственное, почему я узнал этот браслет, когда ваши парни его пропустили, – это потому, что я специально его искал. Те изучали ломбардные списки в поисках тысячи разных вещей. Меня интересовала только одна. Я знал, что кто-то ее утаил. В заявлениях клиентов того, первого, хранилища фигурировало множество предметов, которые якобы были украдены, но на самом деле не входили в число вещей, которые мы взяли. Они просто хотели смошенничать со страховкой. Но я знал, что браслет с дельфинами существовал на самом деле. Та старуха... которая все плакала. Вся эта сентиментальная мура, связанная с браслетом и с ее мужем... Я сам ее допрашивал. Я знал, что она не жульничает. Поэтому я понял: один из моих парней присвоил браслет.

«Пусть он еще говорит, не давай ему умолкнуть, – сказал себе Босх. – Ему болтать – тебе выживать. Тебе надо выбраться. Выбраться отсюда. Один болтает – другой выживает. Кто-то идет, а рука моя жжет». Он засмеялся над собственным горячечным бредом, и это вызвало у него новый приступ рвоты. Не обращая внимания, Рурк продолжал:

– Я с самого начала поставил на Медоуза. Если уж человек на игле... сам знаешь, чем все кончается. Так что, когда браслет объявился, Медоуз был первым, к кому я пошел.

Тут Рурк чуть подался назад, и Гарри опять поплескал ногами в воде. Сейчас вода казалась ему теплой, и виной тому была кровь, стекавшая по его боку, который, напротив, был холоден.

Рурк сказал:

– А знаешь, Босх, я и впрямь не знаю, целовать мне тебя или убить. Из-за тебя мы потеряли миллионы на этом деле, но, с другой стороны, теперь, когда трое моих людей мертвы, моя доля от первого предприятия, бесспорно, возросла. В конечном счете, вероятно, выходит так на так.

Босх не надеялся, что ему удастся еще долго продержаться. Он чувствовал изнеможение, беспомощность и смирение. Жизненная сила вытекла из него. Даже сейчас, когда он ухитрился поднять здоровую руку и приложить к своему разорванному плечу, он не почувствовал боли. Он не мог ее вернуть. Он отсутствующим взором созерцал воду, неторопливо завихряющуюся вокруг его ног. Она ощущалась одновременно такой теплой и такой холодной. Ему хотелось лечь и накрыться ею, как одеялом. Хотелось в ней уснуть. Но какой-то голос велел ему побороться еще немного. Ему вспомнился Кларк, зажимающий простреленное горло. Зажимающий кровь. Он посмотрел на фонарик в руке у Рурка и сделал еще одну попытку.

– Почему через столько времени? – спросил он голосом не громче шепота. – Через все эти годы... Тран и Бинь... Почему сейчас?

– У меня нет для тебя ответа, Босх. Просто иногда обстоятельства подбираются одно к другому. Как комета Галлея. Она появляется возле Земли каждые семьдесят лет, или сколько там. Разные события сходятся вместе. Я помог им перевезти бриллианты через океан. Все им полностью организовал. Мне хорошо заплатили, и я никогда не помышлял ни о чем ином. А потом однажды семя, брошенное когда-то в землю, взошло, дружок. Богатство лежало, дожидаясь своего часа, и мы, приятель, пришли и его взяли. Я его взял! Вот почему сейчас.

Злобная ухмылка заиграла на лице Рурка. Он снова поднес дуло винтовки к лицу Босха. Все, что оставалось Босху, – это ждать.

– Мое время истекает, Босх. И твое тоже.

Рурк обхватил оружие двумя руками и расставил ноги на ширину плеч. В этот последний момент Босх закрыл глаза. Он освободил голову от всех мыслей, кроме мысли о воде. Такой теплой, как одеяло. Он услышал два выстрела, громовым раскатом прокатившиеся по бетонному туннелю. Он с трудом разлепил веки и увидел, как Рурк с взметнувшимися вверх руками привалился к противоположной стене. В одной была «М-16», в другой – карандаш-фонарик. Винтовка выпала и с грохотом свалилась в воду, за ней упал фонарик. Он заплясал на поверхности, и лампочка все горела. Медленно кружась вместе с потоком, он рисовал танцующий узор на стенах и потолке туннеля.

Рурк не произнес ни слова. Он медленно сполз по стене, уставившись взглядом вправо – откуда, как понял Босх, исходили выстрелы – и оставляя за собой кровавый след. В тусклом свете Босх увидел, что на лице его написано удивление. Затем оно сменилось пониманием. Вскоре он, как и Босх, сидел, прислонившись к стене; ноги ему омывала вода, а мертвые

глаза больше никуда не смотрели.

Потом картинка перед глазами Босха потеряла резкость. Он хотел задать вопрос, но слова не выговаривались. В туннеле оказался еще один свет, и ему почудилось, что он слышит голос, женский голос, твердящий ему, что все хорошо. Потом ему показалось, что перед глазами отчетливо возникло и опять расплылось лицо Элинон Уиш. Затем оно провалилось в чернильную тьму. И тьма в конце концов была единственное, что он видел.

Часть VIII

Воскресенье, 29 мая

Босху снились джунгли. Там были Медоуз и солдаты из его фотоальбома. Все они сгрудились вокруг отверстия на дне прикрытой листьями траншеи. Высоко над их головами висела серая дымка, цепляясь за балдахин джунглей. Воздух был тепел и неподвижен. Босх щелкал своим фотоаппаратом остальных «туннельных крыс». Медоуз сказал, что он пошел вниз. С божьего света в ад крошечный. Он посмотрел через объектив камеры на Босха и сказал:

– Помни обещание, Иероним.

– Рифмуется с «анонимом», – отозвался Босх.

Но прежде, чем он успел его предостеречь, Медоуз проворно нырнул в дыру ногами вниз и исчез под землей. Босх поспешил к краю ямы и заглянул вниз, но ничего не увидел, одну лишь чернильную темень. В фокусе изображения стали возникать лица, а затем уплывать в черноту. Там были Медоуз, и Рурк, и Льюис с Кларком. За спиной он услышал голос, который узнал, но не мог соотнести с лицом:

– Гарри, проснись, парень. Мне нужно поговорить с тобой.

Затем Босх почувствовал боль глубоко в правом плече, пульсирующую от локтя до шеи. Кто-то легонько похлопывал его по левой руке. Он открыл глаза. Это оказался Джерри Эдгар.

– Ну так вот, – сказал он. – У меня маловато времени. Этот парень, что у дверей, говорит, они сейчас подойдут. Вдобавок ему скоро сменяться с дежурства. Я решил попробовать поговорить с тобой раньше начальства. Я бы еще вчера пришел, но тут кишмя кишело крупными шишками. К тому же, я слышал, ты почти все время был в бреду. Без сознания.

Босх молча пялился на него.

– Насчет этого... – продолжал Эдгар. – Я всегда слышал, что самое лучшее говорить, мол, ничего не помню. Пусть себе думают, что хотят. Я в том смысле, что когда человек получает хорошую пулю, то у них нет никакой возможности определить, врет он или нет, когда не может ничего вспомнить. Когда тело получает травматический шок, разум отключается, понимаешь? Я читал об этом.

К этому времени Босх осознал, что находится в больничной палате, и начал осматриваться. Он заметил пять-шесть ваз с цветами, и в комнате

стоял сладковато-гнилостный запах. Он также заметил, что грудь ему стягивают ремни.

– Ты в «МЛК», Гарри. Врачи говорят, что все будет нормально. Правда, они еще должны кое-что проделать с твоей рукой. – Эдгар понизил голос до шепота. – Я пробрался сюда нелегально. Кажется, у медсестер пересменка. А тот коп, что у двери, он из уилширского патруля. Он пропустил меня, потому что сам сейчас продает и, должно быть, прослышал, что я этим занимаюсь. Я сказал, что скину ему процент комиссионных, если он пустит меня на пять минут поболтать.

Босх до сих пор еще ничего не сказал. Он не был уверен, что вообще станет говорить. Он чувствовал себя так, будто плывет на облаке. Ему стоило некоторого труда сосредоточиться на словах Эдгара. Что Джед имел в виду, говоря о процентах? И почему он лежит в Медицинском центре имени Мартина Лютера Кинга, близ Уоттса? Последнее, что Гарри помнил, – это что он был в Беверли-Хиллз. В туннеле. Медицинский центр Лос-Анджелесского калифорнийского университета или «Кедры» были бы гораздо ближе.

– Ну да не важно, – продолжал Эдгар. – Я просто стараюсь по возможности обрисовать тебе обстановку – до того, как нагрянет начальство и попытается тебя околпачить. Рурк погиб. Льюис погиб. Кларк очень плох, подключен к аппарату, и, я слышал, они поддерживают в нем жизнь только для того, чтобы снять показания. Как только кончится очередь из тех, кто хочет с ним поговорить, они сразу же выдернут штепсель из розетки. Как тебе это нравится – вот так по-дурацки закончить жизнь? Ну да ладно, я уже сказал, у тебя-то все будет как надо. В любом случае, с этой своей рукой ты можешь получить свои законные восемьдесят процентов, без всяких вопросов. При исполнении служебного долга... У тебя все схвачено.

Он улыбнулся Босху, который лишь тупо смотрел на него. Горло у Гарри пересохло, и когда он наконец попытался что-то сказать, растрескалось.

– Почему «МЛК»?

Получилось слабовато, но вполне разборчиво. Эдгар налил чашку воды из кувшина, стоявшего на прикроватном столике, и протянул ему. Босх расстегнул пряжки на ремнях, которыми был пристегнут, заставил себя принять сидячее положение и немедленно почувствовал накатившую волну дурноты. Эдгар ничего не заметил.

– У них здесь клуб любителей холодного и огнестрельного оружия, дружище. Патруль свозит сюда пострадавших в потасовках хулиганов из

уличных группировок. В этом округе нет лучшего лечебного заведения для человека с огнестрельным ранением, если только не считать Лос-Анджелесского калифорнийского университета, с тамошними яппи-докторами. Здесь натаскивают военных врачей. Чтобы были готовы к любым ситуациям. Тебя доставили сюда на вертолете.

– Который час?

– Начало восьмого утра. Воскресенье. У тебя пропали сутки.

Тут Босх вспомнил про Элинора. Действительно ли это она оказалась потом в туннеле? Что произошло? Эдгар как будто прочел его мысли. Да, похоже, все этим занимались в последнее время.

– Твоя партнерша молодец. Вы с ней теперь в центре внимания, герои.

Герои. Босх некоторое время осмысливал услышанное. Помолчав, Эдгар сказал:

– Ну, мне вообще-то пора сматываться. Если узнают, что я говорил с тобой раньше всех остальных, меня вышибут в Ньютон.

Босх кивнул. Большинство копов не возражали бы против Ньютонского отделения. «Нон-стоп-экшн» на ньютонском стрельбище!.. Но только не Джерри Эдгар, агент по продаже недвижимости.

– Кто должен прийти?

– Обычная команда, я думаю. Из СВР, из группы разбора инцидентов с применением огнестрельного оружия, из ФБР. Из полиции Беверли-Хиллз. Я думаю, все до сих пор ломают голову, что за хреновина там произошла, под землей. А у них есть только ты да Уиш, чтобы их просветить. Ну, видимо, они хотят удостовериться, что ваши рассказы совпадают. Вот поэтому я и говорю: скажи им, мол, ни черта не помню. Тебя подстрелили, старина. Ты офицер полиции, получивший пулю при исполнении служебного долга. Это твое право – не помнить, что произошло.

– А ты сам что слышал?

– В управлении молчат, как рыбы. Никаких даже слухов не ходит. Когда я услышал, что творится, то поехал на место преступления, и Паундз был уже там. Он увидел меня и отослал обратно. Чертов «шеф-повар» ни хрена не говорит. Поэтому я знаю только то, что есть в СМИ. Обычная болтовня. Телевидение вчера вечером само толком ни шиша не знало. Сегодня утром «Таймс» – тоже не намного больше. В полиции и в Бюро, похоже, спелись и дружно пытаются изобразить всех доблестными бойцами.

– Всех?

– Угу. Рурка, Льюиса с Кларком – все погибли при исполнении служебного долга.

– Это Уиш им наговорила?

– Нет. О ней вообще нет речи. Я имею в виду, что на ее слова никто не ссылается. Я думаю, они будут некоторое время придерживаться ее показания, пока не закончится расследование.

– А официальная версия?

– «Таймс» говорит, со ссылкой на управление полиции, что ты, Льюис и Кларк входили в организованную под началом ФБР группу для наблюдения за хранилищем. Я-то понимаю, что это вранье, потому что ты бы никогда не подпустил этих шутов ни к одной своей операции. Вдобавок они из СВР. При чем они тут? Мне кажется, «Таймс» тоже понимает, что дело нечисто. Знаешь, этот твой приятель, Бреммер, звонил мне вчера, разнюхать, что я знаю. Но я не стал болтать. Как только мое имя появится в газетах в связи с этим делом, меня сошлют куда похуже, чем в Ньютон. Если есть такое место.

– Да, – сказал Босх. Он отвернулся от бывшего напарника, от всего услышанного ему как-то сразу сделалось тошно. Похоже, от этого рука у него разболелась еще сильнее.

– Слушай, Гарри, – проговорил Эдгар через полминуты, – я, пожалуй, пойду. Я не знаю, когда они заявятся, но лучше мне уйти, старина. Береги себя и сделай так, как я тебе сказал. Амнезия. Потом получай свою восьмидесятипроцентную пенсию за инвалидность при исполнении, и пошли бы они все!

Эдгар отсалютовал, подняв палец к виску и кивнув. Гарри рассеянно кивнул в ответ, и тот ушел. Босх разглядел сидящего за дверью полицейского в форме.

Через некоторое время Босх поднял трубку телефона, притороченного к ограждению его койки. Тот молчал, и Гарри нажал кнопку вызова медсестры, и через несколько минут медсестра вошла и сообщила ему, что телефон выключен в соответствии с распоряжением управления полиции Лос-Анджелеса. Он попросил газету, но она отрицательно покачала головой, сославшись на то же распоряжение.

Настроение упало дальше некуда. Босх понимал, что в связи с произошедшими событиями и перед полицией, и перед ФБР встали громадные проблемы в плане общественных связей. Но он не видел реальной возможности скрыть правду. Слишком много учреждений и ведомств замешано. Слишком много людей. Им никак не удастся удержать крышку на этом кипящем котле. Неужели у них хватит глупости попытаться?

Он еще ослабил крепежный ремень на груди и попробовал сесть. Это

вызвало у него головокружение, и рука буквально возопила о том, чтобы ее оставили в покое. Гарри почувствовал, как подступает тошнота, и потянулся к посудине из нержавеющей стали, стоящей на прикроватном столике. Позыв утих. Однако он пробудил воспоминание о вчерашнем эпизоде с Рурком в туннеле. Босх начал припоминать куски из монолога Рурка. Он старался увязать эту новую информацию с той, что уже знал прежде. Потом ему пришла мысль о бриллиантах – о трофее, взятом из тайника Уэстлендского банка, – и о том, отыскались ли они. Если да, то где? Какое бы восхищение ни вызывали в нем разработка и воплощение этого замысла, Босх никак не мог заставить себя восхититься его автором. То есть Рурком.

Гарри почувствовал, как им овладевает смертельная усталость – словно туча надвигается на солнце. Он снова откинулся на подушку. Последнее, о чем он успел подумать, прежде чем впасть в забытие, было нечто сказанное Рурком в туннеле. Те слова насчет возрастания его доли сокровищ после смерти Медоуза, Франклина и Дельгадо. Как раз в тот момент сна, когда Босх вслед за Медоузом нырнул в темную дыру в джунглях, до него дошла важность сказанного Рурком.

* * *

На сидящем в кресле для посетителей человеке был восьмисотдолларовый костюм в тонкую полоску, золотые запонки на манжетах и перстень с розоватым ониксом.

– СВР, да? – зевнув, произнес Босх. – Из мира грез в ночной кошмар.

Человек вздрогнул от неожиданности. Он не заметил, как Босх открыл глаза. Он встал и вышел из больничной палаты, не сказав ни слова. Босх снова зевнул и огляделся в поисках часов. Часов не было. Он опять ослабил нагрудный ремень и попытался сесть прямо. На сей раз он чувствовал себя гораздо лучше. Никакого головокружения. Ни тошноты. Он посмотрел на уставленные букетами подоконник и комод. Ему показалось, что количество цветов возросло, пока он спал. Мысленно он спросил себя, есть ли среди них какие-нибудь от Элинор. Заходила ли она его проведать? Вероятно, ее бы все равно не пустили.

Через минуту Полосатый вернулся, неся магнитофон и ведя за собой процессию еще из четверых, тоже в цивильных костюмах. Одним из них был лейтенант Билл Хейли из полиции – начальник подразделения по расследованию случаев применения полицейскими огнестрельного оружия,

а еще одним – заместитель начальника Ирвин Ирвинг, возглавляющий СВР. Двух других Босх определил как людей из ФБР.

– Знай я, что меня будут дожидаться столько людей в штатском, завел бы будильник, – сказал Босх. – Впрочем, мне не дали ни будильника, ни нормального телефона, ни телевизора, ни газеты.

– Босх, меня вы знаете, – произнес Ирвинг и выбросил руку в сторону остальных. – И также знаете Хейли. А это агенты Стоун и Фолсом из ФБР.

Ирвинг посмотрел на безымянного Полосатого и кивнул в сторону прикроватной тумбочки. Тот прошел вперед и установил на нее магнитофон, потом поставил палец на кнопку записи и вопросительно оглянулся на Ирвинга. Босх посмотрел на него и сказал:

– А вы не хотите представиться?

Полосатый проигнорировал его, так же как и все остальные.

– Босх, я хочу сделать это быстро и без вашего фирменного юмора, – сказал Ирвинг. Он напряг свои челюстные мышцы и кивнул Полосатому. Магнитофон был включен. Ирвинг сухо объявил дату, день недели и время. Оказалось, что сейчас 11.30. Босх поспал всего несколько часов. Но он чувствовал себя гораздо крепче и бодрее, чем когда приходил Джед.

Затем Ирвинг назвал имена присутствующих, на сей раз дав Полосатому имя: Клиффорд Гэлвин-младший. Точно так же – за исключением разве добавки «младший» – звучало имя еще одного заместителя начальника управления. Отпрыска заранее предназначали и целенаправленно готовили к определенной карьере, подумал Босх. Он на верном пути и под крылышком Ирвинга быстро продвинется в нужном направлении.

– Давайте начнем с самого начала, – сказал Ирвинг. – Детектив Босх, вы расскажете обо всем, что произошло, начиная с того момента, как вы спустились под землю.

– А у вас не найдется пары дней?

Ирвинг подошел к магнитофону и ударил по кнопке «пауза».

– Босх, – сказал он, – мы все знаем, какой вы ловкий и хитрый парень, но мы не намерены выслушивать сегодня ваши штучки. Я остановил магнитофон в последний раз. Если мне придется сделать это еще раз, я утром во вторник помещу ваш полицейский значок в стеклянный блок. И то лишь потому, что завтра выходной. И не стройте себе никаких иллюзий насчет пенсии, как пострадавший при исполнении служебного долга. Я позабочусь о том, чтобы вы получили восемьдесят процентов от нуля.

Он намекал на практикуемый в департаменте запрет вышедшему в отставку полицейскому сохранять свой значок. Начальнику полиции и

городскому совету не нравилась мысль о том, что кто-нибудь из бывших копов болтается по городу с полицейским значком, пуская пыль в глаза. Вымогание денег, бесплатные обеды, бесплатный ночлег – это был скандал, которого они боялись, как огня и чуяли за версту. Так что если ты после увольнения хотел носить при себе значок, то, пожалуйста, носи – аккуратно упакованным в стеклянный куб с декоративными часами. Площадью примерно в квадратный фут. Крупновато, чтобы положить в карман.

Ирвинг кивнул, и «младший» снова нажал кнопку. Босх рассказал, как было дело, ничего не выпуская и останавливаясь только тогда, когда «младшему» требовалось перевернуть ленту. Время от времени люди в штатском задавали ему вопросы, но в основном просто не мешали рассказывать. Ирвинг хотел знать, что Босх бросил в воду с пирса Малибу. Детектив едва смог это припомнить. Никто не вел никаких записей. Они просто следили за его рассказом. Наконец, спустя полтора часа, Босх закончил свое повествование. После этого Ирвинг посмотрел на «младшего» и кивнул. «Младший» остановил запись.

Когда у посетителей больше не осталось вопросов, Босх задал свой:

– Что вы обнаружили у Рурка дома?

– Это вас не касается, – отозвался Ирвинг.

– Черта с два. Это входит в следствие по делу об убийстве. Рурк был убийцей. Он сам в этом признался.

– Ваше дело передается другому следователю.

Босх ничего не ответил, чувствуя, как злость перехватывает ему горло. Он оглядел комнату и заметил, что все присутствующие, включая «младшего» Гэлвина, старательно отводят взгляды.

Ирвинг сказал:

– Так вот, прежде чем я скажу хоть слово осуждения в адрес наших соратников из органов правопорядка, погибших при исполнении служебного долга, я должен быть уверен, что мне известны все факты. И я должен быть также уверен, что располагаю надежными свидетельствами, подтверждающими эти факты. Нам не надо, чтобы о хороших людях циркулировали какие-либо слухи.

Босх не смог сдержаться:

– И вы думаете, этот номер у вас пройдет? А как насчет ваших двух тупиц легавых? Как вы это собираетесь объяснить? Сначала они подсовывают мне «жучок» в телефон, потом вламываются без спроса в эту проклятую операцию и позволяют себя угрохать. И после этого вы собираетесь сделать из них героев? Кого вы хотите одурачить?

– Детектив Босх, все уже объяснилось. Это не ваша забота. Как и не

ваше дело опровергать публичные заявления управления полиции и Федерального бюро. Это приказ, детектив. Если вы станете беседовать с прессой, то это деяние окажется последним в вашей полицейской карьере.

Теперь уже Босх не мог заставить себя на них смотреть.

– Тогда к чему магнитофон, заявление и все эти агенты в штатском? – спросил он, уставившись взглядом в цветы на столе. – Какой в этом смысл, если вы не желаете знать правду?

– Мы хотим знать правду, детектив. Не надо смешивать ее с тем, что мы сочтем нужным выложить общественности. Но, оставляя в стороне публичность, я гарантирую, и Федеральное бюро гарантирует, что мы доведем ваше расследование до конца и примем соответствующие меры там, где это требуется.

– Это убого и никчемно.

– Вы этому соответствуете, детектив Босх. Полностью. – Ирвинг наклонился над койкой, настолько приблизив лицо к Босху, что донесся тухлый запах у него изо рта. – Это один из тех редких случаев, когда вы держите свое будущее в своих руках, детектив Босх. Будете делать что положено – и, может быть, даже вернетесь в городскую полицию, в свой отдел убийств и ограблений, откуда вас выдворили. Или можете снять трубку вот этого телефона – да-да, я собираюсь приказать медсестре его включить – и позвонить своим дружкам в ту газетенку, на Спринг-стрит. Но тогда уж заодно и спросите, нет ли у них там какой вакансии для бывшего детектива по расследованию убийств.

Затем все пятеро вышли из палаты, оставив Босха наедине со своей яростью. Он был уже готов, хорошенько размахнувшись, шарахнуть своей здоровой рукой по вазе с ромашками на прикроватном столике, как дверь открылась и в палате снова появился Ирвинг. Один. И без магнитофона.

– Детектив Босх, пара слов не для протокола. Кстати, я сказал остальным, что забыл отдать вам вот это.

Ирвинг вытащил из кармана пиджака поздравительную открытку и стоймя приткнул ее на подоконник. На лицевой стороне красовалась грудастая женщина-полицейский в форменной блузке, расстегнутой до пупа. Она красноречиво сжимала в руке полицейскую дубинку. На выходящем у нее изо рта условном облаке было написано: «Скорее поправляйся, а не то...» Предполагалось, что Босх должен заглянуть внутрь открытки, чтобы узреть кульминацию.

– Но я не забыл. Я просто хотел сказать кое-что без свидетелей. – Заместитель начальника безмолвно стоял в ногах кровати, пока Босх не кивнул. – Ты хорошо знаешь свое дело, детектив Босх. Всем это известно.

Но это не означает, что ты хороший полицейский. Ты отказываешься быть частью семьи. Это нехорошо. А моя задача – защищать этот департамент. Для меня это важнее всего в мире. И один из лучших способов здесь – контролировать общественное мнение. Делать так, чтобы все были довольны и счастливы. И если для этого потребуется выпустить пару пресс-релизов и организовать пару пышных похорон, с мэром, телекамерами и духовым оркестром, то именно так мы и поступим. Лицо ведомства важнее, чем тот факт, что два тупых полицейских совершили глупость. То же самое относится и к Федеральному бюро расследований. Они искрошат тебя прежде, чем согласятся публично высечь самих себя заодно с Рурком. Поэтому – что я пытаюсь тебе втолковать – с этим правилом надо считаться, если хочешь ладить.

– Чушь собачья, и вы сами это знаете.

– Нет, я этого не знаю. И ты в глубине души тоже так не считаешь. Позволь спросить тебя кое о чем. Почему, как ты думаешь, Льюис и Кларк были отстранены от расследования инцидента с убийством Кукольника? Кто, по-твоему, их осадил?

Босх ничего не ответил, и Ирвинг удовлетворенно кивнул.

– Понимаешь, нам пришлось сделать выбор. Что лучше: увидеть, как одного из наших будут трепать в газетах и судить по обвинению в криминале, или же тихо, без лишнего шума понизить его в должности и перевести в другое место? – Ирвинг сделал небольшую паузу, давая возможность смыслу его слов хорошенько проникнуть в сознание собеседника, а затем продолжал: – И еще одно. Льюис и Кларк пришли ко мне на этой неделе и рассказали о том, что ты с ними проделал. Как приковал их к дереву. Это было отвратительно и бесчеловечно. Но они были так счастливы – как два подростка из футбольного фэн-клуба после встречи с любимой командой. Потому что они тебя прищучили и были готовы прямо тут же подать на тебя рапорт. Они...

– Но сначала я прищучил их.

– Нет. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать. Они пришли ко мне с той басней о «жучке» в телефоне, которую ты им наплел. Но фокус в том, что они не ставили в твой телефон никакого «жучка». Я это проверял. Вот о чем я. Ты был полностью у них в руках.

– Тогда кто же... – начал Босх и осекся. Он знал ответ.

– Я велел им повременить несколько дней. Последить, поразнюхать обстановку. Что-то явно затевалось. Эту парочку всегда было трудно обуздать, когда речь шла о тебе. Потому что они и перестарались, когда остановили на улице того человека, Эвери, и попросили повести их к

хранилищу. Они расплатились за это своей жизнью.

– А как насчет ФБР? Что те говорят о «жучке»?

– Не знаю и не спрашиваю. Если бы я спросил, они бы сказали: «Какой „жучок“?» Ты и сам прекрасно знаешь.

Босх кивнул и тут же как-то враз устал от этого человека. Ему пришла мысль, что он не хочет больше видеть никаких визитеров. Он отвернулся от Ирвинга и стал смотреть в окно. Ирвинг еще раз велел ему, прежде чем что-либо предпринимать, подумать о департаменте, а затем вышел. Когда Босх счел, что Ирвинг уже прошел коридор, то, развернувшись, левой рукой с размаху саданул по вазе с ромашками, которая, кувыркаясь, полетела в угол палаты. Ваза оказалась пластиковой и не разбилась. Весь ущерб состоял в пролитой воде и рассыпавшихся по полу цветах. Крысиная морда Гэлвина-младшего немедленно просунулась внутрь комнаты, а потом опять скрылась за дверью. Он ничего не сказал, но Босх уразумел, что человек из СВР выставлен на часах с наружной стороны его палаты. Было ли это в целях его защиты или в целях защиты департамента, Гарри не мог бы сказать наверняка. Он вообще был больше ни в чем не уверен.

* * *

Босх отодвинул поднос, оставив нетронутым традиционный больничный обед в виде куска индейки с мучной подливкой, кукурузой и ямсом^[48], черствой булочки, которой полагалось быть мягкой, и печенья с клубнично-сливочной начинкой.

– Давай ешь, а то так никогда отсюда не выберешься.

Он поднял голову. Это была Элинора. Она стояла в дверях, улыбаясь. Гарри улыбнулся ей в ответ. Ничего не мог с собой поделать.

– Я знаю.

– Как ты себя чувствуешь, Гарри?

– Нормально. Скоро совсем поправлюсь. Может, и не смогу больше задирать подбородок, но я это переживу. Как ты, Элинора?

– Прекрасно, – улыбнулась она, и эта улыбка его просто уничтожила. – Тебя сегодня прогнали через овощерезку?

– О да. Освежеван и нашинкован. Цвет нашего доблестного департамента – кстати, и пара ваших парней тоже – держали меня на дыбе все утро... Вот тут, с этой стороны, есть стул.

Она обогнула койку, но продолжала стоять. Потом огляделась, и легкое облачко набежало на лоб – как если бы она хорошо знала эту палату и

чувствовала, что здесь чего-то не хватает.

– Меня они тоже взяли в оборот. Вчера вечером. А сегодня не пускали к тебе, пока не закончили тебя препарировать. Таковы директивы. Не хотели, чтобы мы с тобой согласовали наши показания. Но, как я понимаю, наши с тобой версии отлично совпали. Во всяком случае, сегодня меня уже больше не стали тягать. Сказали, что все на этом.

– А бриллианты нашли?

– Во всяком случае, я об этом не слышала, но передо мной теперь не слишком распространяются. Над этим делом у нас работают две следственные бригады, и меня туда не включили. Перевели на бумажную работу до тех пор, пока все не уляжется и не закончит работу группа, которая занимается правомерностью применения огнестрельного оружия. Кажется, в квартире Рурка до сих пор идет обыск.

– Что насчет Трана и Биня? Они сотрудничают со следствием?

– Нет. Они не сказали ни слова. Я знаю это от одного приятеля, который присутствовал на допросе. Им ничего не известно о бриллиантах. Вероятно, они сколотили из своих людей свою собственную команду и сами займутся розыском.

– Как ты думаешь, где могут быть спрятаны сокровища?

– Понятия не имею. Вся эта история, Гарри... она как-то выбила меня из колеи... Я уже не понимаю, как мне относиться к тем или иным вещам.

Босх понял, что это подразумевает и ее отношение к нему. Он ничего не сказал, и через некоторое время молчание сделалось неловким.

– Что там было, Элинора? Ирвинг сказал мне, что Льюис и Кларк вмешались и перехватили Эвери. Но это все, что мне известно. Я не понимаю.

– Они наблюдали, как мы ведем слежку за хранилищем. Должно быть, вбили себе в головы, что мы на стреме у грабителей. Если, как они, исходить из предположения, что ты скверный коп, то почему бы не прийти к таким выводам? Поэтому когда они увидели, что ты отправил обратно Эвери и отослал патрульных, то решили, что разгадали твою игру. Они перехватили Эвери в «Дарлингзе», и он рассказал им о твоём визите накануне и о ложных сигналах, а потом ненароком упомянул, что ты не разрешил открывать дверь.

– Ну да, а потом они узнают, что он имеет такую возможность. А в следующий момент уже крадутся со стороны переулка.

– Да. У них возникла мысль стать героями. Разоблачить разом и плохих копов, и грабителей. Славный план, если бы не финал.

– Бедные тупые придурки.

– Бедные тупые придурки, – согласилась Элинон.

В комнате снова начало витать гнетущее молчание, и Элинон не стала дожидаться, пока оно воцарится окончательно.

– Ну что ж, я просто хотела узнать, как у тебя дела.

Он кивнул.

– И... и сказать тебе...

Вот оно, подумал он, – прощальный поцелуй.

– Я решила уволиться. Хочу уйти из Бюро.

– А... как же... Чем ты станешь заниматься?

– Еще не знаю. Но я хочу уехать отсюда, Гарри. У меня скоплены кое-какие деньги, так что я немного постранствую, а там посмотрю, чего мне захочется.

– Элинон, но почему?

– Я... мне трудно объяснить. Но все, что произошло... Все связанное с этой работой обернулось полным дерьмом. И после того, что случилось, думаю, я не смогу вернуться и опять работать в этой оперативной группе.

– Ты вернешься в Лос-Анджелес?

Она опустила глаза, потом опять обвела взглядом комнату.

– Я не знаю, Гарри. Мне очень жаль. Мне казалось, что... я не знаю. Я сейчас в полной растерянности по поводу этого дела.

– По поводу чего?

– Не знаю... По поводу нас. По поводу того, что случилось. По поводу всего.

Молчание вновь наполнило комнату, и Босх надеялся: сейчас медсестра или даже Гэлвин-младший просунет в дверь голову, чтобы проверить, все ли в порядке. Гарри отчаянно хотелось курить. Он поймал себя на мысли, что в первый раз за сегодняшний день вспомнил о курении. Элинон теперь разглядывала свои туфли, а он уставился на свою нетронутую еду. Взял с подноса булочку и принялся подкидывать ее в руке, точно бейсбольный мяч. Через некоторое время глаза Элинон в третий раз обежали палату и, видимо, опять не обнаружили того, чего искали. Босх не мог сообразить, чего именно.

– Тебе не принесли цветы, которые я послала?

– Цветы?

– Да, я послала ромашки. Как те, что растут на склоне под твоим домом. Я их здесь не вижу.

Ромашки. Та ваза, которую он швырнул о стену. «Где же мои проклятые сигареты?» – хотелось ему закричать.

– Наверное, принесут позднее. Они доставляют сюда посылки только

раз в день.

Она нахмурилась.

– Послушай, – сказал Босх. – Если Рурк знал, что мы вышли на депозитарий и наблюдаем за ним, и знал, что Тран забрал оттуда содержимое своего сейфа, зачем же тогда он отправил своих людей на дело? Для чего ему было возиться?

Она медленно покачала головой.

– Я не знаю... Может быть... Ну, у меня были мысли, что, возможно, он так и хотел, чтобы они погибли. Он знал этих парней и, очевидно, понимал, что дело кончится перестрелкой и что без них ему достанутся все бриллианты от первого ограбления.

– Да. Но ты знаешь, я тут весь день пытаюсь припомнить разные подробности. О том, что было там, под землей. Все это понемногу ко мне возвращается, и, по-моему, он не сказал, что хочет один получить все. Он сказал по-другому – вроде того, что теперь, когда Медоуз и те двое мертвы, его доля становится больше. Он употребил именно слово «доля», как если бы оставался еще кто-то, с кем он должен поделиться.

Ее брови удивленно взметнулись.

– Может, это была просто фигура речи, Гарри?

– Может быть.

– Ну, мне пора идти. Ты не знаешь, как долго тебя здесь продержат?

– Мне не говорили, но, думаю, завтра я вытащу себя отсюда. Хочу пойти посмотреть, как будут хоронить Медоуза на кладбище ветеранов.

– Погребение в День памяти павших. По мне, звучит вполне подходяще.

– Хочешь пойти со мной?

– М-м... нет. Думаю, мне уже больше не хочется иметь ничего общего с мистером Медоузом... Но я буду завтра в Бюро. Буду разбирать свой стол и писать должностные отчеты по тем делам, которые мне придется передать другим агентам. Ты мог бы забежать, если захочется. Я бы сварила тебе кофе, как в былые времена. Но только знаешь, Гарри, мне кажется, тебя так скоро не выпишут. С пулевым-то ранением. Тебе нужно отдохнуть и набраться сил.

– Конечно, – сказал Босх. Он понимал, что это она с ним прощается.

– Ну, тогда всего. Может, мы еще увидимся.

Элинор наклонилась к нему и поцеловала на прощание, и он знал, что это прощание со всем, что было между ними. Она почти уже дошла до двери, когда он снова открыл глаза.

– Еще один вопрос, – промолвил он.

Уиш обернулась.

– Как ты нашла меня, Элинон? Там, в туннеле, с Рурком?

Она помедлила, ее брови опять поползли вверх.

– Ну, мы спустились в лаз вместе с Хэнлоном. Но когда выбрались из самодельного туннеля, то разделились. Он пошел по коридору в одну сторону, а я – в другую. Я выбрала правильное направление. Вскоре заметила следы крови. Потом нашла Франклина. Он был мертв. А после этого мне просто немножко повезло. Я услышала выстрелы, а затем – голоса. В основном голос Рурка. Я пошла на этот голос. А почему ты спросил?

– Не знаю. Просто вдруг пришло в голову. Ты спасла мне жизнь.

Они посмотрели друг на друга. Ее рука лежала на дверной ручке, и дверь была приоткрыта – так что Босху было видно плечо сидящего в коридоре на стуле Гэлвина-младшего.

– Все, что я могу сказать, – это спасибо.

Она сказала «ш-ш», отвергая его благодарность.

– Не нужно ничего говорить.

– Не увольняйся.

Он увидел, как щель в двери исчезла, а вместе с ней – и полосатый пиджак. Элинон стояла у двери, ничего не говоря.

– Не уезжай.

– Я должна. Я еще увижусь с тобой, Гарри.

На сей раз дверь открылась во всю ширь.

– Прощай, – сказала она, и вот уже ее не было.

* * *

Босх пролежал неподвижно почти целый час. Он думал о двух людях: об Элинон Уиш и Джоне Рурке. Он на долгое время закрыл глаза и подробно представил себе озадаченное лицо Рурка, когда тот, отлетев к стене, стал оседать и наконец упал в темную воду. «Я бы тоже удивился на его месте», – думал Босх. Но было там и еще что-то – нечто такое, что он не мог до конца определить. Некое осознание, постижение, не связанное с его умиранием. Вроде внезапного разрешения загадки.

Через некоторое время он спустил ноги с кровати и сделал вдоль нее несколько пробных шагов. В теле ощущалась слабость, однако тридцать шесть часов сна поселили в нем беспокойную неусидчивость. Когда он утвердился на ногах, а плечо, хотя и с болью, приспособилось к

гравитации, Гарри принялся вышагивать взад и вперед вдоль кровати. Он был одет в светло-зеленую больничную пижаму – обычную, а не из тех, вроде рабочего комбинезона с открытой спиной, в которых он всегда находил что-то унижительное. Освоившись, Босх зашлепал по комнате босыми ногами, время от времени останавливаясь, чтобы прочесть открытки, прикрепленные к корзинам с цветами. Одну из корзин прислал профсоюз полицейских. Другие поступили от двух знакомых копов – просто знакомых, не друзей; одна была от вдовы бывшего напарника, потом от юриста его профсоюза и еще от одного бывшего партнера, который сейчас жил в Энсеньяде.

Босх отошел от цветов и подошел к двери. Чуть приоткрыв ее, в щелочку увидел, что Гэлвин-младший по-прежнему сидит там, читая каталог полицейского снаряжения. Босх открыл дверь на всю ширину. Голова Гэлвина дернулась вверх, он поспешно захлопнул журнал и сунул его в стоящий у ног атташе-кейс. При этом он не произнес ни слова.

– Итак, Клиффорд, – надеюсь, я могу к тебе так обращаться? – что ты здесь делаешь? Я разве нахожусь в опасности?

Молодой коп ничего не ответил. Босх глянул в обе стороны коридора и увидел, что он пуст до самого пункта дежурной медсестры, футах в пятидесяти. Он поднял взгляд на дверь своей палаты и увидел номер «313».

– Детектив, будьте добры, вернитесь в свою комнату, – процедил наконец Гэлвин. – Я здесь только затем, чтобы не пускать в вашу палату представителей прессы. Заместитель начальника считает, что они могут попытаться проникнуть, чтобы взять у вас интервью, и моя задача – воспрепятствовать этому. Воспрепятствовать тому, чтобы вас беспокоили.

– Что, если они применяют тактическую хитрость? – Босх с притворной опаской повертел головой, якобы удостовериться, что их никто не слышит. – Просто возьмут да и позвонят по телефону?

Гэлвин шумно выдохнул и продолжал, не глядя на Босха:

– Медсестры отслеживают входящие звонки. Разрешается только родственникам, а мне сказали, у вас нет семьи, так что не будет никаких звонков.

– А как прошла мимо вас эта женщина из ФБР?

– Она прошла с одобрения Ирвинга. Будьте добры, вернитесь к себе в палату.

– Разумеется.

Босх сел на кровать, попытался еще раз прокрутить в голове обстоятельства дела. Но чем больше он прокручивал туда и сюда отдельные его куски, тем больше его охватывало тревожное ощущение, что сидеть на

кровати в больничной палате – это потеря времени. Он чувствовал, что находится на пороге чего-то важного – какого-то прорыва, открытия. Работа сыщика состоит в том, чтобы пройти от начала до конца по цепи улик, проанализировать каждое обстоятельство и сделать вывод. Собранный в конце этой цепочки улов позволит выстроить дело – либо его развалить. У Босха ведерко было полно, но он все больше чувствовал, что каких-то кусков не хватает. Что же он проглядел? Что такого в самом конце сказал ему Рурк? Тут дело было не столько в словах, сколько в их подспудном смысле. И еще – в его лице. Удивление... Но по поводу чего? Был ли он изумлен по поводу угодившей в него пули? Или по поводу того, откуда и кем она была послана? Босх решил, что могло присутствовать и то, и другое. Но в любом случае: что еще он имел в виду?

Упоминание Рурка о том, что его доля возрастет за счет убитых сообщников, продолжало мучить Босха. Он постарался поставить себя на место Рурка. Если бы все его подельники оказались мертвы и он вдруг стал единственным владельцем сокровищ, стал бы он говорить: «Моя доля возросла»? Может, просто сказал бы: «Теперь это все мое»? У Босха было ощущение, что по первому варианту он бы высказался, если бы оставались еще какие-то пайщики.

Он решил, что ему необходимо что-то сделать. Он должен выбраться из этой палаты. Он не состоял под домашним арестом, но отлично понимал, что Гэлвин затем и торчит здесь, чтобы в случае чего проследить и доложить Ирвингу. Босх проверил телефон и обнаружил, что его действительно включили, как и обещал Ирвинг. И пусть звонки извне не пропускались, но он имел возможность позвонить наружу.

Гарри встал и провел ревизию стенного шкафа. Его одежда была там – вернее, то, что от нее осталось: туфли, носки и брюки. Брюки оставались стертыми на коленках, но были вычищены и выглажены. Его спортивного покроя пиджак и рубашка, очевидно, были сняты с него с помощью ножниц при оказании первой помощи и либо выброшены, либо лежат в пакете для улики. Босх забрал все вещи и оделся, заправив пижамную куртку в брюки. Вид был довольно дурацкий, но ничего, сойдет, пока он не добудет какую-нибудь одежду, выбравшись отсюда.

Боль в плече уменьшалась, когда он держал руку перед грудью, поэтому Гарри начал было перекидывать брючный ремень через плечи, чтобы использовать в качестве перевязи. Но, решив, что это сделает его чересчур заметным при выходе, вставил ремень обратно в брюки. Он выдвинул ящик ночного столика, увидел бумажник и значок, но не нашел пистолета.

Когда он был полностью готов, то поднял трубку телефона, набрал номер оператора и попросил соединить его с пунктом дежурной медсестры на третьем этаже. Там женский голос сказал «здравствуйте», и Босх назвал заместителем начальника Ирвином Ирвингом.

– Не могли бы вы позвать к телефону моего сотрудника детектива Гэлвина, того, что сидит на стуле у двери? Мне нужно с ним поговорить.

Босх поставил телефон на кровать и, мягко ступая, подошел к двери. Он приоткрыл ее настолько, чтобы видеть сидящего на стуле Гэлвина, опять читающего каталог. Он услышал голос медсестры, подзывающей его к телефону, и увидел, как Гэлвин встал с места. Гарри повременил секунд десять, прежде чем высунуться и оглядеть коридор. Гэлвин направлялся к посту дежурной. Босх ступил в коридор и быстро зашагал в противоположную сторону.

Ярдов через десять коридор пересекался с другим коридором, и Босх свернул налево. Подошел к лифту, над которым значилось «Посторонним вход воспрещен», и нажал кнопку. Когда лифт пришел, оказалось, что внутри он представляет собой кабину из нержавеющей стали и искусственного дерева с еще одними дверями в задней части – достаточно большую, чтобы вкатить в нее по меньшей мере две каталки. Гарри нажал кнопку первого этажа, и двери закрылись. Его лечение от пулевого ранения закончилось.

Лифт привез Босха в приемную первой помощи. Он прошел через нее и вышел в ночь. Таксиста, который вез его к Голливудскому полицейскому участку, он попросил по дороге остановиться у банка, где получил деньги в банкомате, а затем – у аптеки. Там он купил дешевую спортивную рубашку, пачку сигарет, зажигалку – поскольку не мог сейчас управляться со спичками, – а также вату, свежие бинты и медицинскую перевязь для руки. Строма была темно-синего цвета. Идеально для похорон.

Он расплатился с таксистом на Уилкокс-авеню, возле своего полицейского участка, и зашел с парадного входа, где было меньше шансов, что его кто-то узнает или с ним заговорит. За конторкой дежурного сидел незнакомый ему новобранец, под стать тому прыщавому бойскауту, что приносил пиццу для Шарки. Босх показал значок и, не говоря ни слова, прошел мимо. В помещении детективного отдела было темно и пусто, как и вообще в большинство воскресных вечеров в участке, даже в Голливуде. Но над рабочим местом Босха имелась настольная лампа на прищепке. Он включил ее вместо верхнего света, не желая привлекать внимание патрульных, сидящих в дежурке в другом конце коридора. Гарри не чувствовал расположения отвечать на вопросы личного состава, пусть даже доброжелательные.

Первым делом он прошел в глубь комнаты и зарядил кофейник. Затем отправился в одну из комнат для допросов, чтобы переодеться в свой новый костюм. Когда принялся стаскивать больничную рубашку, плечо рассыпалось огненными стрелами, рассылая их по всей грудной клетке и вниз по руке. Он сел на стул и осмотрел повязку – нет ли крови? Крови не было. Осторожно и с гораздо меньшими страданиями облачился в новую рубашку – она была на несколько размеров больше. Впереди, с левой стороны, на ней был маленький рисунок, изображающий гору, солнце и пляж, а также слова «Город Ангелов». Гарри заслонил эту картинку, надев перевязь и приладив ее таким образом, чтобы она удерживала руку плотно прижатой к груди.

Когда он закончил переодеваться, кофе был уже готов. Босх отнес дымящуюся чашку к своему столу, закурил и вытащил из картотечного шкафа журнал регистрации убийств и другие папки по делу Медоуза. Он посмотрел на эту грудку, не зная, с чего начать и что вообще хочет обнаружить. Начал заново перечитывать все, надеясь, что какая-нибудь несообразность бросится в глаза. Его устроила бы любая вещь: новое имя, противоречие в чьих-либо показаниях – все, что ранее ускользнуло от внимания, как несущественное, но теперь предстало бы в ином свете.

Он быстро пробежался по собственным отчетам, потому что большую часть содержащихся там сведений еще помнил. Затем заново прочел военное досье Медоуза. Это была усеченная версия – тот самый выхолощенный вариант из ФБР. Босх не имел представления, какая участь постигла более полную подборку, которую он получил из Сент-Луиса и оставил в машине, бросившись вчера утром в погоню по туннелям. Потом сообразил, что понятия не имеет, где и сама машина.

С военным досье у Босха вышел пустой номер. Потерпев неудачу, он сидел, тупо уставившись в собрание разномастных документов, когда вспыхнул верхний свет и в комнату вошел старый, выдавший виды коп по имени Петерсон. С бланком отчета об аресте он направлялся к столу с пишущими машинками и не заметил Босха, пока не опустился на стул. Почувяв запах сигарет и кофе, он огляделся и увидел детектива с рукой на перевязи.

– Гарри, как дела? Быстро тебя выпустили. Тут прошел слух, что тебе хана.

– Просто царапина. Тебе хуже достается от когтей псевдодевочек, которых ты тягаешь сюда каждую субботу. С пулей, по крайней мере, не надо беспокоиться о СПИДе.

– Ты мне будешь говорить, – пробормотал Петерсон, инстинктивно

потирая шею, где до сих пор виднелись шрамы от царапин, нанесенных ВИЧ-инфицированной транссвестит-шлюхой.

Полицейскому-ветерану пришлось на протяжении двух лет каждые три месяца сдавать анализы, хотя вирус он, слава Богу, не подцепил. Эта история сделалась ходячей страшилкой и, вероятно, единственной причиной того, что наполняемость камер предварительного заключения для транссвеститов и проституток в участке снизилась с тех пор наполовину. Никто больше не желал их задерживать, разве что речь шла об убийстве.

– Ну, как бы там ни было, – продолжал Петерсон, – соболезную, что все обернулось так хреново. Я слышал, второй коп тоже недавно отдал концы. Код семь – свободен от службы. Двое копов и один фэбээровец за одну перестрелку. Не говоря уже о твоей покалеченной руке. Пожалуй, своего рода рекорд для этого городка. Не возражаешь, если я налью чашечку?

Босх молча махнул в сторону кофейника. Он не знал, что Кларк умер. Код семь. Свободен навсегда. Гарри так и не удалось испытать жалость к двоим погибшим копам из службы внутренних расследований, и это обстоятельство заставило его испытать жалость к себе самому. Он чувствовал себя так, будто сердце полностью очерствело. Он уже больше не испытывал ни к кому ни жалости, ни сочувствия – даже к двум бедным идиотам, которые сдуру полезли куда не надо и сами же на этом погорели.

– Здесь у нас ни черта не слышно, начальство молчит, – сказал Петерсон, наливая себе кофе. – Но когда я прочел в газете имена, то думаю: «Ух ты! Да я же знаю этих парней!» Льюис и Кларк. Они же работали в СВР, а совсем не по части банков. Эту парочку сейчас называют крупными сыщиками. Вечно шныряли повсюду, вынюхивали, только и ждали, как бы кого насадить. По-моему, все знают, что это были за птицы, – кроме «Таймс» и телевидения. Но все равно любопытно узнать, что они там делали.

Босх не собирался заглатывать эту наживку. Петерсону и другим копам придется из какого-нибудь другого источника выяснить, что произошло в депозитарии «Беверли-Хиллз сейф энд лок». На самом деле Босх уже начал задаваться вопросом, действительно ли Петерсону понадобилось печатать свой отчет. Или же тот новичок за конторкой дежурного проболтался, что в отделе находится Босх, и тертого копа отрядили его расколоть?

У Петерсона были волосы блее мела, и он считался старым полицейским, но, по сути, был лишь несколькими годами старше Босха. Он совершал ночное патрулирование Бульвара, пешком или на машине, уже двадцать лет, и этого было достаточно, чтобы у человека волосы поседели

раньше времени. Босх с симпатией относился к Петерсону. Тот был кладезем информации о жизни этой улицы. Редкое расследование дела об убийстве в районе Бульвара, проходило без того, чтобы детектив Босх не справлялся у него, что поговаривают на этот счет его информаторы. И почти всегда получал то, что требовалось.

– Да, любопытно, – отозвался Босх. Больше он ничего не сказал.

– Готовишь бумаги по своей перестрелке? – спросил Петерсон, усаживаясь поудобнее за пишущей машинкой. И когда Босх не ответил, прибавил: – У тебя сигаретки не найдется?

Босх встал и отнес Петерсону всю пачку. Он положил сигареты на пишущую машинку перед ветераном и сказал, что они его. Петерсон намек понял. Тут не было ничего личного, но Босх был не намерен толковать о произошедшем, особенно о том, что делали в депозитарии два копа из СВР.

После этого Петерсон принялся за работу, а Босх вернулся к своему журналу регистрации убийств. Он закончил его перечитывать, и при этом ни единый проблеск догадки не вспыхнул у него в голове. В дальней части комнаты щелкала пишущая машинка, а он в мрачной задумчивости сидел за столом, курил и старался придумать, что еще можно сделать.

Он решил позвонить себе домой и проверить автоответчик. Поднял трубку стоящего на столе телефона, но потом решил поступить по-другому и положил трубку обратно. На тот случай, если вдруг его телефон прослушивался, он подошел к другому – на том же столе, но у рабочего места Джерри Эдгара – и стал звонить с него. Дозвонившись до своего автоответчика, набрал нужный код и прослушал с дюжину сообщений. Первые девять были от копов и кое-каких старых товарищей; все желали ему скорейшего выздоровления. Последние три, совсем недавние, были от больничного врача, Ирвинга и Паундза.

– Мистер Босх, это доктор Маккена. Я считаю очень неразумным и опасным с вашей стороны то, что вы покинули госпиталь. Вы рискуете нанести еще больший вред своему организму. Если вы получите это сообщение, будьте добры вернуться в больницу. Пожалуйста. Мы сохраняем за вами койку. Если вы не вернетесь, я официально отказываюсь считать вас своим пациентом. Спасибо.

Ирвинг и Паундз не были столь же обеспокоены состоянием здоровья Босха.

Сообщение Ирвинга звучало так:

– Я не знаю, где вы находитесь и что делаете, но хорошо бы причина была в том, что вам просто не нравится больничная еда. Подумайте о том, что я сказал вам, детектив Босх. Не совершайте ошибки, о которой мы оба

будем жалеть.

Ирвинг не озаботился тем, чтобы назваться, но в этом и не было необходимости. Не сделал этого и Паундз. Его сообщение было последним. Оно звучало в унисон:

– Босх, позвоните мне домой, как только получите это сообщение. Меня информировали, что вы сбежали из больницы, и нам нужно поговорить. Босх, вам запрещается, повторяю: запрещается – всякого рода расследование по делу, связанному со вчерашней перестрелкой. перезвоните мне.

Босх повесил трубку. Он не собирался звонить никому из них. Не сейчас, во всяком случае. Сидя на рабочем месте Эдгара, он заметил на столе блокнот для записок, на котором было нацарапано имя Вероники Нис. Матери Шарки. Там же стоял номер телефона. Должно быть, Эдгар звонил ей, чтобы уведомить о смерти сына. Босх представил, как она берет трубку, ожидая, что это очередной ее безмозглый клиент, а вместо этого слышит известие о смерти сына.

Мысль о мальчике напомнила Гарри о допросе. Он до сих пор еще не транскрибировал магнитофонную запись. Он решил ее послушать и вернулся на место. Достал из ящика стола свой магнитофон. Пленки не было. Босх вспомнил, что отдал ее Элино́р. Он пошел к стенному шкафу, где хранился запас канцелярских и прочих принадлежностей, пытаясь прикинуть, сохранилась ли еще запись на дублирующей ленте. Дублирующая лента автоматически перематывалась, когда достигала конца, а затем начинала записывать поверх старой записи. В зависимости от того, насколько интенсивно использовалась звукозаписывающая аппаратура со вторника – то есть со времени допроса Шарки, – тогдашние вопросы и ответы могли все еще оставаться на дублирующей ленте.

Босх вынул кассету и понес к своему рабочему месту. Вставил ее в свой портативный магнитофон. Надел пару наушников и перемотал ленту до начала. В течение нескольких секунд он выборочно прослушивал ее в поисках своего голоса, голоса Шарки или Элино́р, а затем с помощью скоростной перемотки перематывал вперед секунд на десять. Он повторял эту процедуру в течение нескольких минут, пока наконец на второй половине пленки не отыскал нужную фонограмму.

Как только он ее нашел, то немного отмотал пленку назад – чтобы услышать беседу с самого начала. Он отмотал слишком далеко, и в результате ему пришлось прослушать последние полминуты чужого, предыдущего, допроса. Затем послышался голос Шарки:

– Чего вы на меня таращитесь?

– Не знаю. – Это был голос Элинон. – Я подумала, не узнаешь ли ты меня. Твое лицо кажется мне знакомым. Я не заметила, что таращусь.

– Чего? Почему это я должен вас узнавать? Я не замешан ни в каких федеральных штучках, леди. Я не знаю, с чего...

– Все в порядке, не кипятись. Твое лицо показалось мне знакомым, вот и все. Я подумала, может, ты меня знаешь. Давай подождем детектива Босха.

– Угу, ладно. Я не против.

Потом на пленке наступило молчание. Босх слушал, несколько озадаченный. Потом сообразил, что прослушанный им отрывок был записан до того, как он вошел в комнату для допросов.

Что она делала тем временем? Тишина на пленке закончилась, и Босх услышал свой собственный голос.

– Шарки, мы собираемся записать разговор на пленку, потому что это позволит позднее пройти по нему заново, – сказал Босх. – Как я сказал, ты не подозреваемый, поэтому тебе...

Босх остановил пленку и перемотал до того места, где происходил обмен репликами между мальчиком и Элинон. Он прослушал запись еще раз, а потом еще. Всякий раз это звучало так, словно его ударяли в самое сердце. Его ладони вспотели, и пальцы соскальзывали с кнопок магнитофона. Наконец он стащил с себя наушники и швырнул их на стол.

– Проклятие! – сказал он.

Петерсон перестал стучать на машинке и покосился на Босха.

Часть IX

Понедельник, 28 мая

День Памяти Павших

К тому времени, как Босх добрался до кладбища ветеранов в Вествуде, было чуть за полночь.

Он выписал себе новую машину в гараже полицейского участка на Уилкоккс-авеню, а затем поехал к дому Элинон Уиш. Света в ее окнах не было, и Гарри ощутил себя тинейджером, отслеживающим подружку, которая его бросила. Несмотря на то, что рядом никого не было, он почувствовал смущение. Босх не знал, как бы повел себя, если бы у нее горел свет. После этого направился обратно, в восточную часть, к кладбищу, думая об Элинон и о том, как она предала его – в любви и в работе, и все это в одно и то же время.

Он начал с предположения, что Элинон спросила Шарки, не узнает ли он ее, потому что именно она сидела в джипе, который доставил тело Медоуза на плотину. Она искала признаки того, что мальчик узнал ее и отдает себе отчет в этом. Но тот не узнал. Шарки продолжал – уже после того, как Босх присоединился к допросу – утверждать, что видел двоих, и оба, по его словам, были мужчинами. Он сказал, что тот из них, что поменьше, оставался в машине, на пассажирском сиденье, и совсем не помогал выгружать тело. Босху казалось, что ошибка мальчика должна была бы гарантировать тому жизнь. Но он также понял, что сам вынес Шарки смертный приговор – когда предложил подвергнуть его гипнозу. Элинон передала это Рурку, который знал, что не может рисковать.

Следующим шел вопрос «Зачем?». Самым простым ответом был ответ: «Из-за денег», но у Босха не получалось убедительно приписать Элинон этот мотив. Тут было что-то еще. Другие участники преступления: Медоуз, Франклин, Дельгадо и Рурк – все были так или иначе связаны друг с другом. Связующей нитью было их общее вьетнамское прошлое, а также непосредственное знакомство в те времена с двумя нынешними жертвами – Бинем и Траном. Каким образом во все это вписывалась Элинон? Босх подумал о ее брате, погибшем во Вьетнаме. Не являлся ли он связующим звеном? Детектив помнил, как она называла имя: Майкл, но не говорила, как и когда он погиб. Он сам не дал ей это сделать. Сейчас Босх пожалел о том, что остановил ее, когда ей, очевидно, хотелось о нем поговорить. Она

упомянула мемориал в Вашингтоне и то, как его посещение изменило ее. Что она могла там увидеть, произведшее на нее такое действие? Могла ли стена сообщить ей то, о чем она не знала?

Босх подъехал к кладбищу со стороны бульвара Сепульведа. Большие черные кованые ворота были закрыты, перегораживая посыпанную гравием подъездную дорогу. Босх вышел из машины, но ворота оказались заперты на цепь с висячим замком. Он посмотрел сквозь черные брусья и ярдах в тридцати увидел маленький, сложенный из каменных блоков домик. Из-за занавесок пробивалось бледно-голубое свечение телевизора. Босх вернулся к машине и включил сирену. Он позволил ей завывать до тех пор, пока в окне не зажегся свет. Через несколько секунд из домика вышел кладбищенский сторож и зашагал к воротам с фонарем в руках. Тем временем Босх вынул футляр с полицейским значком и на вытянутой руке просунул между прутьями.

– Вы из полиции? – приблизившись, спросил мужчина. На нем были темные брюки и голубая рубашка с жестяным значком.

Босх испытал побуждение сказать «нет». Вместо этого он ответил:

– Управление полиции Лос-Анджелеса. Не могли бы вы открыть мне ворота?

Служитель посветил фонариком на значок и удостоверение. В свете фонаря Босх разглядел седые виски и учуял слабый запах бурбона пополам с потом.

– А в чем дело, офицер?

– Детектив. Я занимаюсь расследованием дела об убийстве, мистер...

– Кестер. Об убийстве? У нас здесь уйма покойников, но у этих дел вышел срок давности – так, кажется, по-вашему?

– Мистер Кестер, у меня нет времени вдаваться в детали, но мне необходимо осмотреть Мемориал ветеранов Вьетнама – ту копию, которая находится здесь для обозрения в праздничный уик-энд.

– Что с вашей рукой и где ваш напарник? Разве вы ездите не по двое?

– Я получил ранение, мистер Кестер. Мой напарник работает над другой линией расследования. Вы смотрите слишком много гангстерских фильмов в этой своей каморке. Все это киношная чепуха.

Последнюю фразу Босх произнес с улыбкой, но вообще-то ему уже начал докучать этот не в меру бдительный старик. Кестер повернулся и посмотрел на кладбищенский домик, а затем опять на Босха.

– Вы увидели свет от телевизора, да? Я так и подумал. Э... это федеральная собственность, и я не знаю, имею ли право открывать вам без...

– Послушайте, Кестер, я знаю, что вы на госслужбе и оттуда никого не увольняли, вероятно, со времен президента Трумэна. Но если вы сейчас доставите мне неприятности, я устрою неприятности вам. Утром во вторник я подам на вас жалобу за пьянство на рабочем месте. В первую очередь. А теперь давайте по-быстрому провернем это дело. Отоприте ворота, и я не стану вам вредить. Мне всего лишь требуется взглянуть на стену.

Для большей наглядности Босх погромел цепью. Кестер тупо посмотрел на замок, а затем снял с пояса связку ключей и отпер ворота.

– Извините, – сказал Босх.

– Я все равно считаю, что это неправильно, – сердито проворчал Кестер. – Какое вообще отношение может иметь этот черный камень к убийству?

– Возможно, самое прямое, – ответил Босх. Он зашагал обратно к машине, но затем обернулся, вспомнив нечто прочитанное им об этом мемориале. – У вас тут есть специальная книга. Там указаны все имена, выбитые на стене. Можно на нее взглянуть? Она сейчас там?

Кестер озадаченно уставился ему в лицо, и этот взгляд был виден Босху даже в темноте.

– Не знаю ни о какой книге, – сказал сторож. – Все, что мне известно, – это что люди из садово-парковой службы США привезли сюда эту штуковину и установили. Потребовалось бульдозером расчищать площадку на холме. В часы доступа посетителей тут дежурит кто-то из их парней. У него и надо спрашивать. Только не спрашивайте меня, где его найти. Я даже не знаю его имени. Вы долго здесь пробудете, или мне оставить ворота незапертыми?

– Лучше закройте. Я позову вас, когда буду уходить.

Старик открыл ворота, и Босх проехал на территорию, а потом – к посыпанной гравием автостоянке возле холма. Отсюда ему было видно тусклое мраморное сияние темной стены, вкопанной в склон. Фонари не горели, и территория кладбища была пустынна. Детектив взял с сиденья машины фонарик и двинулся вверх по склону.

Сначала он обвел лучом вокруг стены, чтобы получить представление о размерах. Она была около шестидесяти футов в длину, сужающаяся по концам. Затем он подошел достаточно близко, чтобы прочитать имена. На него накатило неожиданное чувство. Благоговейный страх. Он понял, что не хочет видеть все эти имена. Среди них окажется слишком много знакомых. И хуже того, среди них могут оказаться те имена, которые он не ожидал здесь встретить. Босх повел лучом фонарика и увидел деревянный

аналой, верхняя часть которого была скошена в виде уступа для того, чтобы там могла лежать книга – на манер стоящей в церкви подставки для Библии. Но когда он подошел, на подставке было пусто. Должно быть, люди из парковой службы на всякий случай унесли указатель с собой. Босх обернулся и опять посмотрел в дальний конец стены, который, сходя на нет, терялся во мраке. Порылся в поисках сигарет и увидел, что у него почти целая пачка. Он признался самому себе, что подсознательно ожидал, что так оно и будет. Ему придется прочитать на этой стене каждое имя. Он знал это еще прежде, чем приехал сюда. Гарри зажег сигарету и направил луч фонарика на первую панель стены.

Прошло четыре часа, прежде чем он увидел знакомое имя. Это не был Майкл Скарлетти. Это был Дариус Коулман, мальчик, которого Босх знал не понаслышке. Все называли его Кекс. У него на предплечье была вырезанная ножом татуировка в виде надписи «Кекс». И он погиб от огня своих, когда двадцатидвухлетний лейтенант назвал неправильные координаты для бомбардировки в «Железном треугольнике».

Босх дотронулся до стены и провел пальцами по буквам имени. В кино и по телевизору он видел, как люди делали то же самое. Перед его мысленным взором возник Кекс, с заткнутым за ухо косяком, сидящий на своем вещевом мешке и поедающий шоколадный кекс из консервной банки. Он то и дело совершал со всеми какие-то мены ради кекса. Сигарета с марихуаной побуждала его испытывать постоянную тягу к шоколаду.

Гарри перешел к другим именам, останавливаясь только затем, чтобы закурить новую сигарету, пока у него не осталось ни одной. В течение почти четырех последующих часов он наткнулся еще десятка на три имен, принадлежащих солдатам, которых он когда-то знал и знал, что они убиты. Среди них не оказалось имен, которые явились бы для него сюрпризом, и, таким образом, его страх в этом отношении оказался безосновательным. Но отчаяние возникло из другого источника. В тонкую щель между панелями из искусственного мрамора была воткнута маленькая фотография человека в военной форме. Молодой парень улыбался миру широкой, открытой улыбкой. Теперь он был всего лишь фамилией на стене. Босх перевернул фото. На обороте было написано:

«Джордж, нам не хватает твоей улыбки. Шлем тебе всю нашу любовь. Мама и Терри».

Босх аккуратно вставил фотографию обратно в щель, чувствуя себя как человек, вторгшийся во что-то очень личное. Он стал думать о Джордже,

человеке, которого никогда не знал, и загрустил, не в силах объяснить самому себе причины. Через некоторое время он двинулся дальше.

Он просмотрел 58 132 имени, но не нашел в списке Майкла Скарлетти. Босх предполагал такой исход. Он посмотрел на небо. Оно уже начинало окрашиваться на востоке в оттенки оранжевого, и оттуда потянул легкий ветерок. С южной стороны, над кронами окаймлявших кладбище деревьев, точно гигантское надгробие, темнела громада Федерал-билдинг. Босх ощущал себя морально обессиленным. Он не понимал, зачем он здесь и имеет ли то, что он обнаружил, хоть малейшее значение. Как сложить все это в какой-то смысл? Может, Майкл Скарлетти до сих пор жив? Существовал ли он вообще? То, что Элинор рассказывала о своей поездке к мемориалу, звучало так реально и правдоподобно. Как увязать все это между собой? Луч фонарика сделался совсем тонким и был на последнем издыхании. Босх выключил фонарь.

* * *

Босх соснул пару часов в машине, прямо на кладбище. Когда он проснулся, солнце стояло высоко в небе, и он впервые заметил, что кладбищенские лужайки пестрят полощущимися на ветру государственными флагами – каждая могила была отмечена таким маленьким пластиковым флажком на деревянной палочке. Босх завел машину и медленно двинулся вдоль узких кладбищенских дорожек между рядами надгробий, высматривая то место, где должны были похоронить Медоуза.

Это место оказалось нетрудно обнаружить. На обочине одной из дорожек, что, извиваясь, уходила в глубь северо-восточного сектора кладбища, выстроились четыре микроавтобуса с микроволновыми антеннами. Здесь же наблюдалось скопление и других машин. Массмедиа... Босх не ожидал нашествия такого количества телеоператоров и репортеров. Но, едва увидев это скопище, сообразил, что упустил из виду одну вещь: в праздничные дни новости распространяются медленно. И неудавшееся ограбление депозитария через подземный ход – как оно было озвучено средствами массовой информации – все еще являлось горячей темой. Телевидеовампирам еще потребуется свежий материал для вечерних сводок.

Он решил остаться в машине и стал свидетелем того, как краткая церемония у серого гроба Медоуза была заснята на четыре отдельные,

самостоятельные пленки. Заправлял на церемонии слегка взлохмаченный, помятый священник, должно быть, прибывший сюда с одного из мероприятий в центре города. На похоронной церемонии не было скорбящих в подлинном смысле этого слова – если не считать таковыми нескольких профессионалов из организации «Ветераны американских зарубежных войн». Стоял также по стойке «смирно» почетный караул из трех человек. Когда все закончилось, священник нажал ногой педаль вроде тормозной – и гроб медленно опустился в могилу. Телекамеры, приблизившись, подробно запечатлели этот момент. А затем, по окончании, теленовостные бригады рассыпались вокруг могилы – так чтобы каждая могла заснять на месте погребения своего журналиста. Те выстроились у могилы полукругом. При таком ракурсе будет создаваться такое впечатление, как если бы каждый репортер, или репортерша, присутствовал на погребении эксклюзивно. В некоторых Босх узнал тех, что некогда тыкали микрофоном ему в лицо. Затем он заметил, что один человек, которого он поначалу считал профессиональным скорбящим, на самом деле – журналист Бреммер. Журналист из «Таймс» удалялся от могилы, направляясь к одной из машин, припаркованных вдоль подъездной дорожки. Босх подождал, пока Бреммер почти поравнялся с его машиной, а затем опустил стекло и окликнул его.

– Гарри, а я думал, ты в больнице или что-то в этом роде, – отозвался тот.

– Вот решил заскочить по дороге. Только я не ожидал увидеть здесь цирк. Неужели вам, ребята, больше нечем заняться?

– Эй, послушай, я в этой собачьей свадьбе не участвую.

– Как ты сказал?

– Я про телерепортеров. Именно так именуют эту шайку. А ты что тут делаешь? Не думал, что тебя так рано выпустят.

– Я сбежал. Может, сядешь ко мне в машину, проедемся немного? – предложил Босх. Затем прибавил, указывая на телерепортеров: – А то они увидят меня, кинутся и нас затопчут.

Бреммер обошел вокруг и сел в машину. Босх поехал по дорожке, ведущей в западную часть кладбища. Он остановился в тени раскидистого дуба, откуда был виден Мемориал ветеранов Вьетнама. Вокруг стенки кружили какие-то люди, преимущественно мужчины, в основном одинокие. Все они безмолвно пялились на черный камень. Пара человек были в старой солдатской форме с отрезанными рукавами.

– Ты видел газеты или телесобщения по поводу твоего дела? – спросил Бреммер.

- Еще нет. Но я знаю, какую версию должны были обнародовать.
- И что ты на это скажешь?
- Бред сивой кобылы. Большая часть, по крайней мере.
- Можешь мне что-то рассказать?
- Нет, если все это потом ударит по мне же.

Бреммер кивнул. Они достаточно давно знали друг друга. Босху не требовалось выпрашивать обещаний, а Бреммеру не требовалось мысленно повторять различия между частной беседой не для протокола, заявлениями, которые подкреплены фактами, и комментариями без права ссылки на источник. Они испытывали друг к другу доверие, основанное на предшествующем опыте.

– Тебе имеет смысл обратить внимание на три вещи, – сказал Босх. – Никто не поинтересовался Льюисом и Кларком. Они не участвовали вместе со мной в слежке за преступниками и за хранилищем. Они работали на Ирвинга, на СВР. Так что, как только ты это установишь, нагони страху на должностных лиц, пусть объяснят, что те двое там делали.

– И что же они там делали?

– Это тебе придется выяснить у кого-то еще. Я знаю, у тебя есть и другие источники в нашей конторе.

Бреммер заносил информацию в длинный блокнот на пружинках, из тех, что всегда выдают репортера. Записывая, он то и дело кивал.

– Во-вторых, выясни насчет погребения Рурка. Оно, вероятно, состоится где-нибудь за пределами штата. В каком-нибудь месте, достаточно удаленном, чтобы здешние массмедиа не озаботились кого-нибудь посылать для освещения этого события. Но ты все равно кого-нибудь пошли. Кого-нибудь с фотоаппаратом. Этот твой человек, вероятно, окажется там в гордом одиночестве. Это должно навести тебя на кое-какие мысли.

Бреммер поднял взгляд от блокнота:

– Ты имеешь в виду, что это будет обставлено без всякой помпы? Не как похороны героя? Ты хочешь сказать, Рурк являлся соучастником преступления либо так сильно облажался при проведении операции? Господи, да ведь ФБР и мы все делаем из этого парня нового Джона Уэйна^[49].

– Что ж, вы даровали ему бессмертие, вы же, полагаю, можете и забрать его обратно.

Тут Босх бросил на Бреммера непродолжительный взгляд, мысленно прикидывая, как много и что именно можно ему раскрыть с точки зрения собственной безопасности. На какой-то миг его разобрало такое

негодование, что захотелось рассказать Бреммеру все, что он знает, – и плевать на последствия и на то, что говорил Ирвинг! Но рассудительность взяла верх, он сдержался.

– А третье, на что следует обратить внимание? – спросил Бреммер.

– Подними военные послужные списки Медоуза, Франклина и Дельгадо. Это поможет тебе связать все воедино. Они были во Вьетнаме в одно и то же время, в одном и том же подразделении. Вот откуда вся эта история берет начало. Когда будешь на этой стадии, позвони мне – я постараюсь восполнить пробелы.

После этого Босх вдруг как-то сразу устал от всей этой шарады, срежиссированной ФБР и его собственным департаментом. Его все никак не оставляла мысль о мальчике. Перед глазами вновь и вновь возникала картина: Шарки – лежащий на спине в луже крови, с головой, повернутой под этим жутким, противоестественным углом. Они хотят отместить это прочь, отделаться, как от чего-то абсолютно несущественного.

– Есть и четвертое, – сказал он. – Был один паренек...

Когда рассказ о Шарки подошел к концу, Босх завел мотор и отвез Бреммера к его машине, припаркованной на той же дорожке, только подальше. Телерепортеры уже убрались с кладбища, и теперь человек на маленьком бульдозере нагребал землю на могилу Медоуза. Еще один стоял рядом, опершись на лопату, и смотрел.

– Возможно, мне потребуется новая работа после того, как твоя история увидит свет, – обронил Босх, рассеянно наблюдая за могильщиками.

– Ты не будешь в ней фигурировать в качестве источника. К тому же, когда я добуду военные досье, они скажут сами за себя. Я сумею исподволь спровоцировать лиц, отвечающих за связи с общественностью, подтвердить часть информации – так чтобы выглядело, будто она целиком исходит от них. А потом, ближе к концу статьи, скажу: детектив Босх отказался от комментариев. Как тебе такое?

– Возможно, мне придется искать новую работу, – повторил Босх.

Собеседник лишь посмотрел на детектива долгим взглядом.

– Ты будешь подходить к могиле?

– Пожалуй. После того, как ты оставишь меня одного.

– Уже ухожу. – Журналист открыл дверь и вылез, затем наклонился и просунул голову обратно. – Спасибо, Гарри. Это получится хороший материал. Головы полетят только так.

Босх посмотрел на журналиста и печально покачал головой:

– Нет, не полетят.

Бреммер неловко повел плечами, не зная, что ответить, и Босх махнул ему, веля уходить. Журналист захлопнул дверь его машины и зашагал к своей. Босх не строил иллюзий насчет Бреммера. Газетчик руководствовался не каким-либо искренним чувством, вроде справедливого общественного негодования, и его вдохновляла не роль сторожевого пса общественных идеалов. Единственное, что ему было нужно, – это хороший материал, которого нет больше ни у одного репортера. Бреммер думал о сенсационной газетной публикации и, быть может, о книге, которая подоспеет следом, и о телефильме, и о деньгах, и о популярности, подпитывающей его эго. Именно это служило ему стимулом, а не праведное возмущение, побудившее Босха рассказать ему правду. Босх знал это и принимал. Так уж работал этот механизм.

– Головы никогда не летят, – повторил он самому себе.

Он дождался, пока могильщики закончили свою работу. Через некоторое время вышел и подошел к могиле. Рядом с флажком на мягкой рыжей земле лежал только один маленький букетик. Цветы были от «Ветеранов американских зарубежных войн». Босх взирал на эту картину и не понимал, что должен испытывать. Быть может, какое-то сентиментальное чувство общности или угрызения совести? Он не испытывал ничего. Через некоторое время, оторвав взгляд от могилы, он перевел его на Федерал-билдинг. И двинулся в ту сторону. Он чувствовал себя призраком, восставшим из могилы ради справедливости. А может, просто ради отмщения.

* * *

Если Элино́р Уиш и удивилась, что кнопку переговорного устройства нажал именно Босх, то не показала этого. Босх козырнул полицейским значком перед носом охранника, и тот кивнул ему в сторону лифта. В праздничный день в приемной не было дежурного, поэтому он нажал кнопку ночного вызова. Дверь открыла сама Элино́р. На ней были блеклые джинсы и белая блузка. Пистолет на ремне отсутствовал.

– Я подозревала, что ты придешь, Гарри. Ты был на погребении?

Он кивнул, но не сделал попытки войти в дверь, которую она держала. Некоторое время она смотрела на него, изогнув брови, с тем самым свойственным ей прелестным вопросительным выражением.

– Так ты собираешься входить или будешь стоять здесь целый день?

– Я думал, мы могли бы выйти прогуляться. Поговорить без помех.

– Тогда мне нужно взять свой электронный пропуск, чтобы потом я могла вернуться. – Она двинулась было в глубь помещения, потом остановилась. – Вряд ли ты слышал об этом – информацию не обнародовали, – но бриллианты нашлись.

– Что?

– Да. Следствием установлено, что Рурк был клиентом одного общедоступного муниципального депозитария в Хантингтон-Бич. У него дома нашлись квитанции. Сегодня утром наши получили судебный ордер и открыли сейф – я слышала по громкой связи. Говорят, там сотни бриллиантов. Им придется привлечь оценщика. Мы были правы, Гарри. Ты был прав. Бриллианты. Кроме того, обнаружили и остальные украденные ценности – во втором сейфе. Рурк не стал от них избавляться. Ограбленные владельцы получают свое имущество обратно. Намечается пресс-конференция, но я сомневаюсь, что на ней скажут, кто арендовал эти ячейки.

Он молча кивнул, и она скрылась за дверью. В ожидании Гарри медленно подошел к лифту и нажал кнопку. Когда Элинон вышла, в руке у нее была сумочка. От этого Босх явственно почувствовал, что он без оружия. И тут же устыдился, что хотя бы на миг счел это причиной для беспокойства. Пока ехали вниз, не говорили ни слова, до тех самых пор, пока не вышли из здания и не свернули на боковую улочку, ведущую к Уилширу. Босх все это время взвешивал то, что намеревался сказать, спрашивая себя, меняет ли что-либо в этом свете обнаружение бриллиантов. Похоже, Элинон ждала, пока он заговорит первым, но при этом чувствовала себя неуютно от этого затянувшегося молчания.

– Мне нравится твоя синяя перевязь, – вымолвила она наконец. – Кстати, как ты себя чувствуешь? Я удивилась, что тебя так быстро выпустили.

– Я просто взял и ушел. Чувствую себя прекрасно.

Он остановился, чтобы сунуть в рот сигарету – купил пачку в автомате в вестибюле здания. Одной рукой с помощью зажигалки закурил.

– А знаешь, – сказала она, – сейчас как раз был бы подходящий момент бросить. Начать новую жизнь.

Он проигнорировал это предложение и глубоко затянулся.

– Элинон, расскажи мне о своем брате.

– О моем брате? Я тебе рассказывала.

– Знаю. Хочу послушать еще раз. О том, что с ним произошло и что произошло с тобой, когда ты посетила Мемориал памяти в Вашингтоне. Ты сказала, что этот визит многое переменял в твоей жизни. Почему он так

много для тебя значил?

Они были уже на Уилшире. Босх указал рукой на другую сторону улицы, и они, перейдя дорогу, двинулись к кладбищу.

– Я оставил машину там. Я потом отвезу тебя обратно.

– Не люблю кладбищ. Я же тебе говорила.

– А кто любит?

Они вошли в ограду, и шум уличного движения стал тише. Перед ними расстиралось широкое пространство: лужайка, белые камни и флажки.

– Моя история похожа на тысячи других, – сказала она. – Мой брат ушел туда и не вернулся. Вот и все. А потом... ну, понимаешь, мое посещение мемориала... оно наполнило меня множеством разных чувств.

– Гневом?

– Да, и гневом тоже.

– Негодованием? Ощущением поруганности?

– Да, вероятно... Не знаю... Это было что-то очень личное. А в чем дело, Гарри? Какое это имеет отношение к... к чему-либо?

Они шли по гравийной подъездной дорожке, бежавшей вдоль рядов белых надгробий. Босх вел спутницу к копии мемориальной стены.

– Ты сказала, твой отец был профессиональным военным. Ты через него не пыталась выяснить, как погиб твой брат?

– Да, был. Но они с матерью ничего мне тогда не рассказали. Я имею в виду, никаких подробностей. Сначала просто сказали, что он возвращается. А потом, видишь ли, примерно через неделю сообщили, что он погиб. Одним словом, так и не добрался до дома. Гарри, ты заставляешь меня заново переживать... Чего ты добиваешься? Я не понимаю.

– Конечно, понимаешь, Элинора.

Она остановилась и уставилась взглядом в землю. Босх увидел, как бледный цвет ее лица сделался еще бледнее. И в нем появилось выражение неизбежности, свидетельствующее о том, что она сдается. Едва заметное, но оно присутствовало. Как на лицах тех матерей и жен, которых ему доводилось извещать о смерти их близких. И тогда уже не было надобности сообщать им, что у них кто-то умер. Они открывали тебе дверь – и уже знали, что следует дальше. И вот сейчас по лицу Элинора стало видно: она знает, что Босху известна ее тайна. Она подняла глаза и тут же отвела их в сторону. Ее взгляд остановился на сверкающем в лучах солнца черном камне мемориала, у вершины холма.

– Все дело ведь в этой стене, не так ли? Ты привел меня сюда посмотреть на нее?

– Пожалуй, я мог бы попросить тебя показать на ней имя твоего брата.

Но мы оба знаем, что его там нет.

– Да... его там нет.

Она была так подавлена при виде мемориала – точно пригвождена к месту. Босх видел, как жесткая скорлупа сопротивления будто спадает с ее лица. Ее тайна рвалась наружу.

– Ну так расскажи мне о нем, – сказал он.

– Да, у меня действительно был брат, и он действительно погиб. Я не солгала тебе, Гарри. Я ведь не говорила, что он погиб на войне. Я только сказала, что он так и не вернулся с войны, и он действительно не вернулся, это правда. Но он умер здесь, в Лос-Анджелесе. По дороге домой. Это было в 1973 году.

На какой-то момент она словно унеслась куда-то в своих воспоминаниях – мыслями она была далеко. Потом вернулась обратно.

– Это поразительно. Я имею в виду – выжить на войне, а потом не дойти до дома. Это не укладывается в голове. У него была двухдневная остановка здесь, в Лос-Анджелесе, на пути в Вашингтон, где мы готовились встречать его, как героя. Его ждала славная, непыльная работа в Пентагоне, которую выхлопотал ему отец. Но вместо всего этого его нашли в голливудском борделе. С торчащей в руке иглой. Героин...

Она подняла лицо к Босху, а затем отвернулась.

– Так все выглядело внешне, но это было неправдой. Официальной версией стала смерть от передозировки, но на самом деле его убили. С ним поступили точно так же, как много лет спустя поступили с Медоузом. Только в отличие от дела Медоуза эта инсценировка сработала, и моего брата преспокойно списали со счетов.

Босху показалось, что она сейчас заплачет. Ему необходимо было не дать ей отвлечься, заставить продолжать.

– Что же случилось на самом деле, Элинора? Как связано с этим дело Медоуза?

– Никак, – сказала она и тут же отвернулась, стала смотреть на дорожку, по которой они только что пришли.

Вот сейчас она лгала. Он знал, что какая-то связь есть. У него было отвратительное сосущее ощущение в животе, что вся эта история вертелась именно вокруг нее. Он подумал о ромашках, которые она прислала ему в больницу. О той милой сердцу обоим музыке, которую они слушали у нее дома. О том, как она отыскала его в туннеле. Слишком много совпадений.

– Напрямую, – возразил он. – Все недавние события были частью твоего замысла.

– Нет, Гарри.

– Элино́р, как ты узнала, что на горе у меня под верандой растут ромашки?

– Я видела их, когда...

– Ты приходила ко мне вечером. Вспомни. Ты не могла ничего там видеть. – Он дал ей время подумать. – Ты бывала там и до этого, Элино́р. Когда я отвозил в приют Шарки. А этот второй визит, тем же вечером, был и не визит вовсе. Это была проверка. Как и тот телефонный звонок, после которого повесили трубку. Звонила тоже ты. Потому что именно ты поставила «жучок» в мой телефон. Вся эта штука была... Почему бы тебе не рассказать мне все?

Она кивнула, глядя в сторону. Он внимательно смотрел на нее. Она взяла себя в руки и начала свой рассказ:

– Ты никогда не замечал, что у каждого живет внутри, в самой глубине существа, какая-то одна вещь, которая составляет главное зерно его существования? Каждый человек хранит у себя в душе какую-то важнейшую непреложную правду. Для меня такой первоосновой стал мой брат. Мой брат и его жертва. Именно так я приучила себя относиться к его смерти – как к закланию. В моем сознании он и его смерть стали превыше всего, превыше самой жизни. Я создала из него героя. Это было то зернышко, которое я взращивала и лелеяла. Я выстроила вокруг него твердый защитный панцирь, поливала и питала своим обожанием. И когда оно выросло, то сделалось большей частью меня. Оно стало большим деревом, в тени которого текла моя жизнь. Затем внезапно, в один день, все переменялось. Правда оказалась ложью. Дерево оказалось срубленным, Гарри. Оно больше не давало тени. Осталось одно только слепящее солнце.

Она замолчала, вцепившись ладонью в локоть другой руки, кулак которой прижала к губам. Босх напряженно и неотрывно смотрел на нее. Сейчас она казалась такой хрупкой, что ему захотелось поскорее усадить ее куда-нибудь, пока она не подломилась. До него, наконец, дошло, о чем она толкует.

– Так, значит... ты до этого не знала? – спросил Босх. – Твои родители... никто не сказал тебе правды? Так?

Она кивнула.

– Я выросла, будучи уверенной, что брат был тем героем, каким его описывали отец и мать. Они меня оберегали. Они лгали мне. Но как они могли знать, что однажды соорудят монумент, на котором напишут все имена?!. Все, кроме имени моего брата.

Она опять замолчала, но на сей раз он дождался, когда она сама продолжит.

– Однажды, несколько лет назад, я отправилась к тому мемориалу. Сначала я решила, что это какая-то ошибка, – там была книга с указанием всех имен, и я стала в ней искать, но его имени в списке не было. Майкла Скарлетти в ней не было. Я стала кричать на служащих мемориала: «Как вы могли пропустить, не внести в книгу хоть одно имя?» И тогда остаток дня я потратила, читая имена на стене. Я читала все имена подряд. Я хотела доказать им, какую непростительную ошибку они совершили. Но... на стене его имени тоже не было. Я просто не могла... Ты понимаешь, что это такое: почти пятнадцать лет жизни верить во что-то, выстроить свои представления вокруг одного-единственного ослепительного факта и получить... и обнаружить, что эта вера была чем-то вроде разрастающейся внутри раковой опухоли?

Босх неловко стер рукой слезы с ее щек. Потом приблизил лицо к ее лицу.

– Так что же ты сделала, Элино́р?

Ее прижатый к губам кулак сжался сильнее – так, что побелевшие костяшки пальцев сделались совсем бескровными, как у трупа. Босх заметил чуть поодаль скамью и, взяв Элино́р за плечо, повел туда.

– Вся эта нынешняя история... – заговорил он после того, как они сели. – Я не понимаю, Элино́р. История с ограблением... Ты стремилась... Ты хотела отмщения, жаждала отомстить тем, кто...

– Не мести, не отмщения. Восстановления справедливости.

– А есть ли разница?

Она не ответила.

– Расскажи мне, что ты сделала.

– Я бросилась к родителям. И они, наконец, рассказали мне о Лос-Анджелесе. Я просмотрела все вещи, которые остались у меня от брата, и нашла письмо, его последнее письмо. Оно так и лежало среди моих вещей в родительском доме, но тогда я о нем забыла. Вот оно.

Она открыла сумочку и вытащила бумажник. Босх заметил в сумке рукоятку пистолета. Из бумажника Элино́р вынула сложенный вдвое разлинованный тетрадный листок. Бережно развернула его и поднесла к лицу Босха, чтобы он мог прочесть. Тот не стал касаться листка руками.

"Элли,

я так быстро приближаюсь к родным местам, что уже заранее ощущаю вкус крабов с мягким панцирем.^[50] Буду дома недели через две. Сначала я должен заехать в Лос-Анджелес, немного подкалымить. Ха-ха! У меня тут есть один план (только

не говори Ст.). Мне поручено закинуть в Лос-Анджелес некий «дипломатический» багаж. Но может подвернуться возможность распорядиться этим получше. Когда вернусь, может, нам удастся еще раз отправиться на Поконос, ^[51] прежде чем я приступлю к работе на «военную машину». Знаю, что ты думаешь по поводу моего будущего ремесла, но не могу отказать Ст. Посмотрим, как пойдет дело. Одно совершенно точно: я рад, что покидаю здешние места. Я провел полтора месяца в дикой местности, прежде чем получил небольшой отпуск в Сайгон для отдыха и восстановления сил. Чтобы не возвращаться обратно, заставляю их лечить меня от дизентерии. (Спроси у Ст., что это такое! Ха-ха!) Все, что мне для этого потребовалось, – поест в сайгонской забегаловке и получить соответствующие симптомы. Ну да ладно, пока все на этом. Я жив и невредим и скоро буду дома. Так что можешь заранее вытащить наши крабовые силки из сарая.

Любящий тебя Майкл".

Она аккуратно сложила письмо и убрала.

– Кто такой Ст.? – спросил Босх.

– Старикан.

– Ну разумеется.

Самообладание возвращалось к Элиноর. Лицо вновь стало приобретать то жесткое, непроницаемое выражение, которое Босх наблюдал в первый день их знакомства. Она перевела взгляд с его лица на грудь и синюю перевязь.

– На мне нет подслушивающего устройства, Элинор, – сказал он, перехватывая ее взгляд. – Я здесь по собственной инициативе. Это нужно знать мне самому.

– Я не это имела в виду, – поспешно отозвалась она. – Я знаю, что на тебе нет подслушивающего устройства. Я подумала о твоей руке... Гарри, если ты еще способен мне в чем-то верить, то поверь: никто не должен был пострадать физически. Да, не отрицаю: все должны были остаться с носом – но и только. После того дня у мемориала я стала думать и искать ответ и выяснила, что произошло с моим братом. Я обращалась к Эрнсту из госдепартамента, я задействовала связи своего отца в Пентагоне, я использовала все, что только можно, и я добилась правды о своем брате.

Она искала глазами его глаза, но он постарался избежать этого, не желая обнаруживать перед ней, что творится у него в голове.

– И?..

– И все оказалось именно так, как описал нам Эрнст. Ближе к концу войны те самые известные нам три полицейских капитана, составлявшие триаду, активно занимались переброской в Штаты героина. Одним из каналов транспортировки был прикомандированный к посольству сотрудник военной полиции Рурк со своей группой. В эту группу входили Медоуз, Дельгадо и Франклин. Они находили в сайгонских барах уволенных в кратковременный отпуск солдат и предлагали им преступную сделку: предлагали заработать несколько тысяч долларов за провоз через таможенную запечатанную дипломатическую посылку. Вполне безобидная вещь, не сопряженная ни с каким риском. Они имели возможность устроить так, что этот человек получал временный статус курьера, сажали его в самолет, и кто-то в Лос-Анджелесе должен был принять эту посылку. В числе прочих на это предложение купился и мой брат. Но у Майкла был свой план. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в этих посылках. И вероятно, он решил, что сможет по прилете найти здесь другого покупателя, на более выгодных условиях. Не знаю, насколько далеко он зашел в своих планах и что именно осуществил. Но это уже не имело значения. Они нашли его и убили.

– Они – это кто?

– Я не знаю. Люди, работавшие на капитанов. На Рурка. Это было идеальное преступление. Он был убит таким образом, чтобы и армейское начальство, и его семья – да фактически все стремились бы сохранить эту смерть в тайне. Поэтому все было аккуратно прибрано и подчищено, и дело поскорее закрыто.

Элинора принялась рассказывать дальше и уже не останавливалась до самого конца повествования. Босх слушал не перебивая, пока вся эта мучительная история не вышла из нее, как бес.

Она сказала, что первый, кого она нашла, был Рурк. К ее изумлению, он тоже оказался сотрудником Бюро. Она забрала документы и перевелась из Вашингтона в Лос-Анджелес, к нему в группу. У нее была другая фамилия, отличная от фамилии брата, и Рурк ничего не заподозрил. После этого Медоуз, Франклин и Дельгадо довольно легко были обнаружены в различных исправительных учреждениях. Никуда дальше этого они не пошли.

– Рурк был ключевой фигурой в моем замысле, – сказала она. – И я взялась его обрабатывать. Можно сказать, что я обольстила его и подвигла на этот план.

Босх почувствовал, как что-то окончательно оборвалось у него внутри, какой-то остаток чувства к ней.

– Я довольно прозрачно намекнула ему, что хочу погреть руки – проверить какое-нибудь выгодное дельце и заработать хорошие деньги. Я знала, что смогу подбить его на это, потому что он уже много лет был развращен и коррумпирован. А главное, он был алчен. Как-то ночью в одну из встреч он рассказал мне о бриллиантах: о том, как помог двоим людям из Сайгона переправить в Штаты коробки, полные бриллиантов. Этих двоих звали Тран и Бинь. С этого пункта было уже легко планировать все дело. Рурк мобилизовал троих своих бывших подручных – не раскрывая своего имени, нажал на какие-то тайные пружины, чтобы добиться их досрочного освобождения и перевода в «Чарли компании». Это был идеальный план, и, главное, Рурк считал его целиком своим. Вот что делало план таким удачным. А в конце я собиралась улизнуть, прихватив сокровища. Бинь и Тран лишались своего богатства, которое копили и сколачивали всю жизнь, а остальные четверо ощутили бы на губах вкус самого крупного за всю их жизнь преступного куша, но его увели бы у них из-под носа. Это был бы способ наказать их больнее всего. Но... жизнь распоряжается по-своему...

– Медоуз присвоил браслет.

– Да, Медоуз присвоил браслет. Я увидела украшение в списке сданного в ломбарды, который нам прислали из управления полиции Лос-Анджелеса. Такие списки поступают в каждое подразделение по борьбе с грабежами в стране. Обычная практика, но я запаниковала. Я подумала: вдруг кто-то обратит внимание на браслет – Медоуза привлекут, и все выплывет наружу. Я рассказала Рурку. Он тоже занервничал. Он выждал, когда они выполнили большую часть второго подкопа, а потом вместе с двумя другими устроил Медоузу очную ставку. Меня там не было.

Ее глаза были уставлены куда-то вдаль, в одну точку. В голосе больше не было эмоций. Просто бесстрастное изложение фактов. Босху уже не нужно было ее подстегивать. Финал высказался сам собой.

– Меня там не было, – повторила она. – Рурк позвонил мне и сказал: так и так, Медоуз умер, не отдав ломбардной квитанции. Сказал, что сделал, чтобы его смерть выглядела, как смерть от передозировки. Ублюдок даже проговорился, что знал людей, которые когда-то проделывали такие вещи, и это сходило им с рук. Понимаешь? Он говорил о моем брате. Когда он это сказал, я поняла, что поступаю правильно... Потом они обыскали квартиру Медоуза, но не смогли найти корешка квитанции. Это означало, что Франклину и Дельгадо предстояло проникнуть в ломбард и забрать браслет. Но, в любом случае, Рурку все равно требовалась моя помощь – с Медоузом. Чтобы избавиться от трупа. Он не знал, что с ним делать.

Она рассказала, что из криминальной биографии Медоуза знала: его частенько забирали за подозрительное бродяжничество на плотине, возле резервуара. Ей было нетрудно убедить Рурка, что это подходящее место для того, чтобы спрятать там тело.

– Но я также знала, что водоем относится к сфере действия Голливудского полицейского отделения. И что даже если бы звонок по поводу трупа пришелся не на твоё дежурство, ты все равно узнал бы об этой находке, а после того, как личность Медоуза была бы установлена, вероятно, заинтересовался бы этим делом. Понимаешь, я уже знала о том, что вы с Медоузом вместе воевали. И я видела, что Рурк выходит из-под контроля. Ты стал бы предохранительным клапаном на тот случай, если бы не удалось избежать огласки и началось бы расследование. С твоей помощью я бы разделалась с Рурком. Я уже не могла позволять ему уходить от возмездия.

Она пробежалась взглядом по могилам и, бессильно подняв руку, снова уронила на колени – маленький жест смирения и капитуляции.

– После того, как мы положили его тело в джип и накрыли одеялом, Рурк вернулся в квартиру окинуть все последним взглядом. Я осталась внизу. Сзади, в багажной части, лежал железный «башмак» под колеса. Я взяла его и ударила Медоуза по пальцам. Так, чтобы кто-нибудь понял, что это убийство. Я очень хорошо помню этот звук. Треск кости. Так громко, что я даже подумала: Рурк услышал...

– Что насчет Шарки? – спросил Босх.

– Шарки... – задумчиво и даже с некоторым усилием проговорила она, точно выговаривала это имя впервые. – После допроса я сказала Рурку, что Шарки не видел наших лиц там, на плотине. И даже решил, что в джипе сидел мужчина. Но я совершила ошибку. Я рассказала, как мы обсуждали, не следует ли подвергнуть его гипнозу. Хотя я и удержала тебя и была уверена, что ты не станешь это делать без моего ведома, Рурк все равно тебе не доверял. Поэтому он сделал с Шарки то, что сделал. После того, как нас с тобой вызвали на место преступления и я увидела его там, я...

Она умолкла, но Босх хотел знать все.

– Что ты?..

– Через некоторое время я пошла к Рурку и потребовала ответа, сказала, что предам все дело гласности, потому что он стал неуправляем, коль скоро убивает невинных людей. Он ответил, что теперь уже нет пути назад, что механизм запущен и остановить его невозможно. Что Франклин и Дельгадо уже в туннеле и вне досягаемости. Они отключили рацию, когда закладывали взрывчатку. Иначе это было бы слишком опасно.

Он сказал, что операцию уже невозможно остановить так, чтобы не пролилась новая кровь. Потом, на следующий вечер, нас с тобой едва не сшибла машина. Я уверена, что это был Рурк.

Она сказала, что после этого они с Рурком пустились в молчаливую игру взаимного недоверия и подозрений. Операция ограбления депозитария «Беве́рли-Хиллз сейф энд лок» продолжалась, как было запланировано, и Рурк ловко отговорил Босха и всех остальных от спуска в систему коммуникаций, чтобы те не воспрепятствовали ее проведению. Ему пришлось позволить Франклину и Дельгадо пройти весь путь до конца, пускай даже в сейфовой ячейке Трана уже больше не было бриллиантов. Рурк также не мог позволить себе риск спуститься к ним под землю, чтобы предупредить.

В конце концов Элино́р подвела итог: последовала за Босхом в туннель и выстрелила в Рурка. Это и был тот момент, когда он медленно сполз по стене в черную воду, ошеломленно уставившись на свою сообщницу.

– Вот и вся история, – тихо промолвила она.

Помолчав, они встали со скамейки.

– Моя машина стоит вон там, – сказал Босх. – Я отвезу тебя обратно.

Они отыскиали на подъездной аллее его автомобиль, и, когда она садилась, Босх заметил, что глаза ее прикованы к свежему холмику на могиле Медоуза. Он спросил себя, наблюдала ли она из окна Федерал-билдинг за тем, как гроб опускали в землю. Подъехав к выходу, Гарри сказал:

– Почему ты не могла оставить все как есть, не ворошить прошлое? То, что случилось с твоим братом, было в другое время, в другом месте. Почему ты не оставила все, как есть?

– Ты не знаешь, сколько раз я спрашивала себя об этом и не знала ответа. Я и сейчас не знаю.

Они стояли у светофора на бульваре Уилшир, и Босх спрашивал себя, что же дальше. И вновь, в который раз, она прочла его мысли, уловила его колебания.

– Ты собираешься доставить меня в участок, Гарри? Знаешь, тебе, вероятно, нелегко будет доказать свою правоту. Все погибли, никого не осталось. Может сложиться впечатление, что ты и сам тоже был сообщником. Хочешь рискнуть, подставить себя под удар?

Он ничего не ответил. Включился зеленый, он поехал к Федерал-билдинг, подрулил к тротуару рядом с утыканной флагами площадкой.

– Если для тебя это имеет какое-то значение... – промолвила она, – то, что было между нами, не являлось частью моего плана. Я знаю, это

невозможно проверить, но я хотела сказать...

– Не надо, – оборвал он. – Ничего не говори об этом.

На несколько секунд между ними повисло тяжелое молчание.

– Ты просто так меня здесь отпустишь?

– Я думаю, для тебя было бы лучше всего, Элинора, если бы ты явилась с повинной. Иди найми себе адвоката, а потом приходи с повинной. Скажешь им, что не имеешь отношения к убийствам. Расскажешь о своем брате. Они разумные люди и предпочтут занять сдержанную позицию, избежать скандала. Федеральный атторней^[52], вероятно, разрешит тебе подать судебное ходатайство о том, чтобы тебя по упрощенной процедуре судили за менее тяжкое преступление, чем убийство. ФБР поддержит.

– А что, если я не приду с повинной? Ты меня им выдашь?

– Нет. Как ты сама только что сказала, я слишком сильно в этом замешан. Их симпатии не будут на моей стороне.

Он надолго умолк. То, что он намеревался сказать в следующий момент, ему не хотелось говорить, не будучи полностью уверенным в словах. А также в том, что он способен это сделать и сделает.

– Нет, я не стану им тебя выдавать... Но если через несколько дней не услышу, что ты явилась с повинной, я обо всем расскажу Биню. А также Трану. Мне не понадобится ничего им доказывать. Я просто расскажу им эту историю, сопроводив достаточным количеством фактов – так, чтобы они не усомнились в ее правдивости. И тогда знаешь, что они сделают? Они притворятся, будто не понимают, кой черт я им толкую, и велят мне убираться вон. А потом они придут по твою душу, стремясь к той же самой справедливости, какой жаждала ты ради своего брата.

– Неужели ты это сделаешь, Гарри?

– Я сказал, что сделаю. Я даю тебе два дня. Потом иду к ним.

Она посмотрела на него, и выражение боли на ее лице вопрошало: «Почему?»

– Кто-то должен ответить за смерть Шарки, – сказал Гарри.

Она отвернулась, положила руку на ручку двери и стала смотреть в окно машины – на флаги, весело полощущиеся на ветру из Санта-Аны. Не оглядываясь, медленно произнесла:

– Значит, я ошиблась в отношении тебя.

– Если ты имеешь в виду дело Кукольника, то ответ будет – «да». Ты ошиблась.

Она открыла дверь и обернулась к нему с кривой улыбкой. Потом быстро наклонилась и поцеловала в щеку.

– Прощай, Гарри Босх, – сказала она.

Потом, выйдя из машины, некоторое время, словно медля в нерешительности, стояла на ветру у открытой двери, глядя на него. Затем захлопнула дверь. Отъехав, Гарри бросил взгляд в зеркальце и увидел, что она так и стоит на краю тротуара. Она стояла, глядя себе под ноги, как человек, уронивший что-то в водосток. После этого он уже больше не оглядывался.

Эпилог

Наутро после Дня памяти павших Гарри Босх вернулся в больницу имени Мартина Лютера Кинга, где был сурово отчитан своим лечащим врачом, который – по крайней мере так показалось Гарри – испытал извращенное наслаждение, сдирая с его плеча самодельную повязку, а затем промывая рану жгучим соевым раствором. Босху дали два дня на то, чтобы отдохнуть и прийти в себя, а потом на каталке отвезли в операционную – для восстановления целостности мышечных тканей, оторванных пулей от кости.

На второй день после операции медсестра, уходя, оставила ему на несколько часов экземпляр «Лос-Анджелес таймс» за предыдущее число. На первой странице красовался материал Бреммера, сопровождаемый фотоснимком священника, стоящего возле одинокого гроба на кладбище города Сиракузы, штат Нью-Йорк. Это был гроб специального агента ФБР Джона Рурка. Судя по фото, Босх понял, что скорбящих – если не считать журналистов – было больше даже на похоронах Медоуза. Но, пробежав глазами несколько первых абзацев и поняв, что там нет ничего об Элиноре, Босх нетерпеливо откинул первую страницу и стал читать спортивный раздел.

На следующий день у него был посетитель. Лейтенант Харви Паундз уведомил Босха, что по выздоровлении тот будет откомандирован в секцию убийств Голливудского полицейского отделения. Приказ поступил с шестого этажа здания на Паркер-центр. Больше лейтенант, в сущности, не имел ничего сказать. Он также вовсе не упомянул о газетной статье. Гарри воспринял новость с улыбкой и согласным кивком, не желая даже намеком выдавать то, что думал и чувствовал в действительности.

– Разумеется, трудно предсказать заранее, сможете ли вы успешно пройти ведомственную медкомиссию, когда выйдете из-под опеки здешних врачей, – добавил Паундз.

– Разумеется, – кивнул Босх.

– Знаете, Босх, некоторые полицейские были бы рады выйти на пенсию по инвалидности, с восьмидесятипроцентной оплатой. Вы могли бы получить работу в частном секторе и жить припеваючи. Вы вполне этого достойны.

А, подумал Гарри, вот она, истинная причина его визита.

– Это именно то, чего хочет от меня наше ведомство, лейтенант? –

спросил он. – Вы явились ко мне в роли их глашатая?

– Конечно же, нет. Голливудское отделение хочет, чтобы вы поступили, как сочтете нужным, Гарри. Я просто смотрю на преимущества, которые сулит ваша ситуация, – так, знаете ли, информация к размышлению. Как я понимаю, спрос на частный сыск в девяностых годах сильно возрос. Общий кризис доверия, знаете ли. В наши дни, знаете ли, люди втайне собирают всеобъемлющую информацию о тех, с кем хотят вступить в брак. Касательно состояния здоровья, финансовых дел, романтических связей – настоящие досье, можно сказать.

– Это не совсем мой профиль, знаете ли.

– Значит, вы собираетесь опять занять место в секции убийств?

– Как только пройду медкомиссию.

В этот день у него был еще один визитер. На сей раз именно тот, которого он ждал. Занявшая стул для посетителей женщина по фамилии Чавес являлась прокурором из ведомства федерального атторнея и интересовалась событиями той ночи, когда был убит Шарки. Значит, Элинора Уиш все-таки явилась с повинной, подумал Босх.

Он сообщил прокурору, что провел ту ночь с Элинорой, – подтверждая тем самым ее алиби. Чавес сказала, что ей важно было получить подтверждение, прежде чем начинать переговоры о судебной сделке. Она задала еще несколько вопросов, касающихся данного уголовного дела, затем поднялась, собираясь уходить.

– Что с ней будет? – спросил Босх.

– Я не могу это обсуждать, детектив.

– Не для протокола.

– Не для протокола – она, очевидно, некоторое время будет отсутствовать, но, скорее всего, недолго. Общественный климат сейчас благоприятствует тому, чтобы судебный процесс был проведен без излишнего шума, не привлекая ненужного внимания общественности. Подсудимая явилась с повинной, наняла компетентного адвоката и, как представляется, не была непосредственно замешана в случившихся смертях. Если хотите знать мое мнение – она отделается очень легко. Она обратится с ходатайством о снисхождении и проведет, вероятно, самое большее месяцев тридцать в «Текачапи».

Босх кивнул, и Чавес покинула палату.

Гарри тоже покинул палату на следующий день и был отправлен домой долечиваться. Он получил шестинедельный отпуск по болезни – перед тем, как отпрапортовать о своем возвращении в полицейский участок в Уилкоксе. По возвращении в дом на сваях на улице Вудро-Вильсон-драйв

Босх обнаружил в почтовом ящике желтый листок. Он отнес его на почту и обменял там на широкий плоский пакет в плотной оберточной бумаге. Он не стал вскрывать его, пока не вернулся домой. Пакет был от Элино́р Уиш, хотя на нем это не значилось. Гарри знал, что в этой посылке. После того, как он сорвал бумагу и пластиковую внутреннюю прокладку, его глазам предстала вставленная в раму репродукция хопперовских «Полуночников». Это была та самая картина, которую он увидел над кушеткой в ее гостиной в ту первую ночь, когда был с ней.

Босх повесил репродукцию в прихожей, рядом с входной дверью, и время от времени, приходя домой, останавливался и долго смотрел на нее, особенно после утомительного дня или ночи. Эта картина никогда не уставала волновать его воображение – как и возбуждать воспоминания об Элино́р Уиш. Мрачный, темный тон. Кромешное одиночество. Одинокó сидящий человек. Его лицо, обращенное в тень.

«Этот человек я», – всякий раз глядя на картину, неизменно думал Гарри Босх.

---

notes

Примечания

1

Лос-анджелесская бейсбольная команда.

Последний понедельник мая.

Коронер – следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти.

4

Небольшой калифорнийский город, пригород Лос-Анджелеса.

Герой одноименной новеллы В. Ирвинга, «спящий красавец», прославивший Войну за независимость и образование Американской республики.

Сан-Фернандо.

Пригород Лос-Анджелеса.

Правительственная организация, занимающаяся делами бывших военнослужащих: их здравоохранением, образованием, пенсиями.

Meadow – луг, field – поле (англ.).

Город близ Сайгона, ныне пригород Хошимина, ставший ареной тяжелых боев, бомбежек и разрушений во время войны с США. Подземные тоннели строились с 1940 г. и впоследствии были переделаны в военные базы партизан.

Здание полицейской администрации в Лос-Анджелесе.

Автоматизированная сеть управления отслеживанием информации по убийствам.

Наемный убийца.

14

Первый понедельник сентября.

Экстремистская группа с радикальной левацкой идеологией. В 1973—1975 гг. обвинялась в совершении убийств, банковских ограблений и актов насилия.

Пригороды Лос-Анджелеса.

Бутандиоевая кислота, педикулоцидное средство.

Здание в крупном городе штата, где располагаются официальные учреждения федерального значения.

Малокалиберный пистолет.

Мелвин Пурвис (1903—1960) – агент чикагского отделения ФБР, знаменитый тем, что сумел изловить и отдать в руки правосудия ряд крупнейших гангстеров, в том числе Диллинджера, Флойда и др.

Район Лос-Анджелеса.

Пригород Лос-Анджелеса.

Иероним Босх (ок. 1460—1516) – нидерландский живописец.

Крупнейшая нефтяная компания в США.

Мужской костюм из рубахи и брюк одного цвета, обычно из полиэстра; распространен среди пожилых людей. Считается старомодным и является предметом шуток.

Профсоюз полицейских.

Сокрушительный удар.

Твердость, выдержка.

Акула.

Район Лос-Анджелеса.

Район Лос-Анджелеса.

Чарльз Мэнсон (1934 —?) — американец, имевший группу приверженцев, которую называл своей «семьей». Они почитали Мэнсона, как религиозного вождя и под его влиянием в 1969 г. зверски убили в Лос-Анджелесе семь человек, в том числе актрису Шэрон Тейт.

Сеть магазинов; они меньше супермаркета и обычно несколько дороже. Удобны, поскольку расположены в многолюдных районах и почти всегда открыты.

Пригород Лос-Анджелеса.

Пригород Лос-Анджелеса.

Медаль, вручаемая в американской армии, как знак отличия солдатам, раненым в бою.

Рыба семейства люциановых, водится в южных частях Тихого и Атлантического океанов.

РСР, фенилциклидин – наркотик, обладает галлюциногенным действием, нарушает координацию движений и мысли.

Питейное заведение, в котором постоянным клиентам подают выкупленные ранее спиртные напитки уже после официального часа закрытия.

Прозвище американского солдата (сленг).

Мера длины, – 0,9144 м.

Поправка к конституции, регламентирующая обыск и арест имущества.

Бывший Сайгон.

Возбуждающее лекарство.

Эта административная единица примыкает к Лос-Анджелесу, но не является его частью.

Фешенебельный район Лос-Анджелеса.

Район ожесточенных боевых действий в 25 милях к северо-западу от Сайгона.

Сладкий картофель.

Голливудский актер (1907—1979); герой вестернов, без страха и упрека, символический носитель типично американских ценностей.

Крабы в период линьки; в США их ловля запрещена.

Горы в штате Пенсильвания, часть Аппалачей, – популярное место отдыха.

Министр юстиции.